ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Савенков Роман Васильевич

ПУБЛИЧНОЕ ОСПАРИВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор
А.В. Глухова

Воронеж – 2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ……...3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСПАРИВАНИЯ……...32

§ 1. Политическое оспаривание: концептуальные основания категоризации32

§ 2. Публичное оспаривание в системе политологических категорий и концептуальных подходов……...57

ГЛАВА 2. МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСПАРИВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА……..88

§ 1. Влияние структурных и институциональных факторов на механизмы и технологии политического оспаривания……89

§ 2. Основные участники, предмет, формы и сферы политического оспаривания……119

§ 3. Возможности и ограничения цифровых технологий в публичном оспаривании……154

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПУБЛИЧНОГО ОСПАРИВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ……....182

§ 1. Структурные факторы в публичной политике и протестной активности граждан……183

§ 2. Правовые возможности и ограничения публичного оспаривания……..211

§ 3. Практики публичного оспаривания политических проектов: возможности, ограничения, результаты……236

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……292

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ……....300

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Сложносоставная динамика современного мира, обусловленная столкновением разнородных интересов многочисленных политических акторов и интенсивной трансформацией технических средств организации массового дискурса, ставит перед государством весьма нетривиальные задачи по поддержанию баланса сил и управлению конкурентными потоками в сфере публичной власти. При этом современное государство в фокусе исследований политической науки не рассматривается исключительно как публичная форма институциональной организации социального порядка на определенной территории. Смысловое расширение концепта государства стремится к объяснению увеличивающегося многообразия его специфических граней и функций в условиях глобализации. Государство включает в себя властные институты, управленческие сети и других субъектов, находящихся в различных позициях относительно центра власти (включая элитные и неэлитные группы, властвующих и подвластных, правящие структуры и гражданское население), обеспечивающих удовлетворение частных и групповых запросов граждан в материальных и духовных ресурсах.

Современное общество и государство трактуются исследователями как новый социетальный тип, характеризующийся новыми центрами власти, новыми формами господства, новыми способами инвестиций и новой культурной моделью «саморефлексии»[1]. Реальность предъявляет государству набор внутренних и внешних вызовов, требующих адекватного теоретического и практического ответа. Актуальными вызовами стали: нарастание конкуренции за прерогативы высшей власти, расширяющиеся форматы гражданского активизма и усиливающиеся публичные механизмы отправления власти. Всё более значимыми становятся новые возможности для публичной политики в виде социальных сетей, Интернет-платформ, ИКТ-технологий, т.е. вовлечение в публичную политику граждан («интернавтов», по определению М. Кастельса) вне партийных и иных традиционных форматов. Вследствие развития информационных технологий в современном мире наблюдается смена формата оппонирования, обозначаемая как

[1] См.: *Коэн Д., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. С. 662.

замена партийности на партисипативность, переход к массированно-индивидуализированным действиям людей «в личном качестве», но солидарно[2].

На нынешней стадии политического развития общество демонстрирует определенный потенциал в лице новых информационно-коммуникационных технологий, сетевых структур организации, солидных мобилизационных возможностей, оригинальных инструментов и технологий «борьбы за дискурс»[3]. Государства реагируют на этот вызов по-разному: от попыток справиться с ним при помощи более ответственной коммуникации до жесткого административного прессинга и идейно-символических манипуляций. Сетевая среда подрывает иерархии как отношения прямого господства/подчинения; на место монолога приходит полисубъектный конкурентный диалог. Унифицированные нарративы уступают место разнообразным соперничающим онтологиям. «Автономизация и расслоение компонентов системы может привести к фрагментации и хаотизации общей организации, но возможно и замещение утраченного равновесия за счет динамической устойчивости сложносбалансированного ансамбля»[4].

Складывающиеся тенденции в отношениях власти и общества сформировали относительно целостный гражданский сектор в системе государственного управления, позволяющий описывать процессы встраивания гражданских структур в принятие государственных решений. Речь идет об институализации участия нестатусных общественных фигур и движений в процессе фактического распределения общественных благ, сопровождающейся сопротивлением правящих элит, не желающих ослабления своего доминирующего положения. Одновременно в сфере принятия решений происходит усиление исполнительских структур, теневых элитных сетей, неформальных и непубличных образований, контролирующих ресурсную базу власти. Все более очевидной становится слабость традиционных институтов политического представительства, проявляющаяся в кризисе партийной системы и парламентаризма. Это усложняет конфигурацию акторов,

---

[2] *Неклесса А.И.* Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 24 – 39.

[3] «И власть, и контрвласть в значительной мере зависят от исхода схватки за власть над умами людей, разворачивающейся в пространстве мультимодальных коммуникационных сетей». См.: *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 35.

[4] См.*: Неклесса А.И.* Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты постмодерна // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 39 – 55.

конкурирующих за доступ к властным позициям, позволяющим влиять на перераспределение разнообразных ресурсов[5]. Грани «исторического конфликта» (А.И. Соловьев) между государством и гражданским обществом обретают новые формы и новые нюансы, а сам он наполняется новой энергетикой, соответствующей особенностям цифровой эпохи и цивилизационного транзита. Актуальной задачей общественно-политических наук становится выбор адекватной оптики изучения этих новых практик, их тестирование с привлечением эмпирических данных. Структурирование многообразных конкурентных взаимодействий в сфере политики и государственного управления настоятельно нуждается в новых концептуальных подходах, и одним из них может стать *концепт публичного оспаривания политических проектов.* Расширение доказательного фокуса позволит выйти на решение конкретных прикладных задач, актуальных для современной российской практики.

Степень научной разработанности не является достаточной и равновесной: широко известны многочисленные зарубежные теоретические и практические работы по политической оппозиции, социальным движениям и протестам. Отечественные исследователи, двигаясь в русле западной политической мысли, продолжили сложившиеся концептуальные традиции, почти не пользуясь категорией «оспаривание».

В зарубежных исследованиях понятие «публичное оспаривание» (public contestation) используется в рамках двух традиций. Первая традиция заложена в работах Б. Жувеналя и Р. Даля[6], рассматривающих оспаривание как возможность граждан и профессиональных политиков *артикулировать* в публичном пространстве несогласие, одна из форм конвенционального *политического участия* в конкурентных политических режимах как одно из измерений демократического политического режима. В современных исследованиях в рамках этой традиции анализируются легальные, конвенциональные формы

[5] Подробнее см. Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. С. 5-9., *Он же.* Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. 2016. №2. С. 94.

[6] *Jouvenel B.* The means of Contestation // Government and Opposition. 1966. No 1 Jan., *Жувенель Б. де.* Власть: Естественная история её возрастания. М: ИРИСЭН, Мысль, 2011., *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.

политического участия при демократическом режиме и многопартийной системе[7]. Вторая традиция сформировалась при анализе неконкурентных политических режимов, в которых отсутствует институт партийно-политической оппозиции. Под оспариванием Г. Ионеску понимает антисистемные практики, *полулегальные и нелегальные действия* «несогласных», основанные на фундаментальных идеологических различиях[8].

В современной зарубежной научной литературе оспаривание (contestation) не приобрело однозначной трактовки: оно рассматривается как элемент социальных конфликтов, изучаемых антропологией, политологией, религиоведением в самых разных сферах (расово-этнической и образовательной политике, прав меньшинств и урбанистике и т.п.). Во-первых, оспаривание рассматривается как инакомыслие, критика, обсуждение политических проектов, столкновение интерпретаций политических событий – другими словами, *конкурентный дискурс* правительственной повестки и критиков правительства в пространстве массовой коммуникации[9]. Дискурсивное столкновение политических парадигм позволяет политикам точнее артикулировать актуальные проблемы, расширяет арсенал альтернативных решений, так же как этому способствовало разделение партийно-идеологического поля Европы на «левых»

---

[7] *Spoon J.J., West K.J.* Small versus Statewide Parties: How Subnational Contestation and Decentralisation Influence Presidential Elections in Europe and Latin America // Political Studies Review. 2020. Vol. 18. No.1. pp. 145-159., Cultural Contestation. Heritage, Identity and Role of Government. Editors J. Rodenberg, P. Wagenaar. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. 342 p., *Hooghe L., Marks G.* Europe's Crises and Political Contestation // Theory Meets Crisis," Robert Schuman Centre. Drafts of conference. 2016. 31 p., *Trantidis A.* Is Government Contestability an Integral Part of the Definition of Democracy? // Politics. 2016. Volume 37., Democracy, Participation and Contestation: Civil society, governance and the future of liberal democracy / Eds. Emmanuelle Avril, Johann N. Neem. Routledge, 2015. 301 p., *Maleki A., Hendriks F.* Contestation and Participation: Operationalizing and Mapping Democratic Models for 80 Electoral Democracies 1990-2009 // Acta Politica. 2015. No 51(2). pp. 237-272., *Jeffrey C.* Elections, Contestation, and Democracy // American Political Science Association. 2013. Vol. 11. No. 3. pp. 711-716.

[8] *Ionescu G.* Control and Contestation in Some One-Party States // Government and Opposition. 1966. No 1 Jan. P. 240-250. Также см. *Putten J.Van.* Political Contestation and Political Protest // Il Politico. 1970. Vol. 35, No. 4. pp. 785-798.

[9] *Guitar J.* Dissent, Discourse, and Democracy. Whisteblowers as Sites of Political Contestation. Lexington Books, 2021. 220 p., *Frame A., Brachotte G.* Tweeting back: Innovative Political Contestation in Viral Posts on Twitter during the 2017 French Presidential Elections // Politics Reinvented. When innovations reshape representative democracy. Routledge, 2020. pp. 153-167., *Karapin R.* Contested Frames // Polity. 2019. Vol. 51. No. 4. pp. 629-630., *Trenz H.J.* The political contestation of Europe: from integration to disintegration // Culture, Practice& Europeanization. 2018. Vol. 3. No. 2. pp. 59-73., *Fuller C., West K.* The Possibilities and Limits of Political Contestation in Times of "Urban Austerity" // Urban Studies. 2017. Vol. 54. No. 9. pp. 2087-2106.б *Gerring J., Palmer M., Teorell J., Zarecki D.* Select Demography and Democracy: A Global, District-level Analysis of Electoral Contestation // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. Issue 3. pp. 574-591., *Machin M.* Rethinking Political Contestation over Climate Change // The Netherlands Scientific Council for Government Policy. 2015. Working Paper 10. 37 p.

и «правых»[10]. Во-вторых, оспаривание описывается как *форма политического действия граждан* по выражению своего несогласия, как сфера конструирования новых субъектов действия, новых форм активности, продвижения общественных интересов и политической повестки. Оспаривание широко рассматривается как способ создания публичной сферы, доступной каждому гражданину при разнообразных политических режимах, в любых культурно-ценностных условиях. В упомянутых исследованиях не предпринимается попыток дать специфическое концептуальное понимание феномену «оспаривание», которое характеризуется как открытая или латентная политическая борьба, разнообразные форматы политических действий субъектов политического процесса[11].

---

[10] *Alons G.* The advantage of paradigmatic contestation in shaping and selling public policies // Journal of Public Policy. 2020. Vol. 40. Issue 4. pp. 651-671., *Marks G., Steenbergen M.* Understanding Political Contestation in the European Union // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. No. 8. pp. 879-892., о соперничестве политологических парадигм см. например, *Landman T.* Paradigmatic Contestation and the Persistence of Perennial Dualities // Political Studies Review. 2008. Vol. 6. Issue 2. pp. 178-185.

[11] *Loon A.* Political contestation and domestic politics in EU financial regulation // Democratic Citizenship in Flux. Edited by Markus Bayer, Oliver Schwarz and Toralf Stark. Transcript Vergal, 2021. pp. 63-81., *Kelly C.L.* Party Proliferation and Political Contestation in Africa: Senegal in Comparative Perspective. Palgrave Macmillan, 2020. 268 p., *Balasco L., Bauer K.* Political contestation within the human security paradigm: the state and indigenous rights in Peru and Chile // Canadian Journal of Development Studies. 2020. Vol. 41. Issue 4. pp. 561-579., *Moschella M., Pinto L., Diodati N.M.* Let's speak more? How the ECB responds to public contestation // Journal of European Public Policy. 2020. Vol. 27. No. 3. pp. 400-418., *Kreps S., Kriner D.* Model uncertainty, political contestation, and public trust in science: Evidence from the COVID-19 pandemic // Science Advances. 2020. Vol. 6. Issue 43., *Takdir M.* Contestation and the Roles of Islam in The Public Sphere: A Sociological Analysis of Religious Secularization in Indonesia and the West // Afkaruna: Indonesian Interdisciplinary Journal of Islamic Studies. 2020. Vol. 16. No.2. pp. 154-174., *Datar A.V.* Political Representation In India. Ideas and Contestations, 1908-1951. Bloomsbury Publishing, 2019. 256 p., *Kaardo J., Cantir C.* Domestic Role Contestation and Foreign Policy // Oxford Research Encyclopedia of Politics. Oxford University Press, 2017. 20 p., *Hilbrandt H.* Insurgent Participation: Consensus and Contestation in Planning the Redevelopment of Berlin-Tempelhof Airport // Urban Geography. 2017. Vol. 38. Issue 4. pp. 537-556., *Massie J.* Public Contestation and Policy Resistance: Canada's Oversized Military Commitment to Afghanistan // Foreign Policy Analysis. 2016. Volume 12. Issue 1. pp. 47-65., Media and Political Contestation in the Contemporary Arab World. A Decade of Change / Ed. Jayyusi L., Roald A.S. Palgrave Macmillan US, 2016. 327 p., *Strange M.* Political contestation and the emergence of new actors, but who governs? // Global Discourse. 2016. Volume 6. No. 3. pp. 370-373., *Mattbeis A.* Political Contestation and Discursive Argumentation: Revising Minnesota's School Integration Revenue Statute // Education Policy Analysis Archives. 2016. Vol. 24. No. 107. 26 p., *Hörhager E.* Political implications of natural disasters: regime consolidation and political contestation // Disaster Management and Human Health Risk. 2015. Vol. 150. pp. 271-281., *Mietzner M.* Reinventing Asian Populism: Jokowi's Rise, Democracy, and Political Contestation in Indonesia. East-West Center Policy Studies. East-West Center (EWC), 2015. Vol. 72. 91 p., *Sternberg G.* The Struggle for EU Legitimacy. Public Contestation, 1950-2005. Palgrave Macmillan, 2013. 290 p., *Beinin J., Frédéric V.* Social Movements, Mobilization, and Contestation in the Middle East and North Africa. - Stanford University Press, 2013. 352 p., *Ahmed N. and others.* Public and private control and contestation of public space amid violent conflict in Karachi. Working Paper. 2015. No. 11. 40 p., *Burke A.* Historical Injustice, Rawlsian Egalitarianism, and Political Contestation // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 2014. Vol. XXVII, No. 1. pp. 73-98., *Meyer N.* Political Contestation in the Shadow of Hierarchy // LEQS Paper. 2012. No. 42. 34 p., *Adela F., Tamrin A., Arifin A.* Youth Political Strategy in Political Contestation in 2014 Legislative Election // Politeia: Jurnal Ilmu Politik. 2019. No. 11. pp. 21-29., *Bahtiar. S.* Clan Masdar in Local Political Contestation (Social-Political Capital Role in Political Marketing) // Journal of Governance And Public Policy. 2019. Vol. 6. No. 3. pp. 252-269., *Flock R.* Panhandling and the Contestation of Public Space in Guangzhou // China Perspectives. Contested Urban Spaces. 2014. No. 2. pp. 37-44., *Qodir. Z.* Public sphere contestation: configuration of political Islam in contemporary Indonesia // Indonesian Journal of Islam and Muslim Societies 2011. Vol. 1. No. 1. pp. 123-149., *Katsaura O.* Community Governance in Urban South Africa: Spaces of Political Contestation and Coalition // Urban Forum. 2012. No. 23(3), P. 319-342.,

Понятие «оспаривание» (contestation) также используется специалистами по международным отношениям и межгосударственным переговорам[12]. К примеру, А. Винер предприняла попытку придать понятию концептуальную точность, рассматривая его одновременно как: 1) социальные действия опубличивания своего несогласия с нормами международных взаимодействий; 2) возможность пересмотреть существующую систему господства, добиться большей эмансипации граждан и общества. По замыслу А. Винер, концепт «оспаривания» в международных отношениях должен стать связующим звеном между эмпирически наблюдаемыми политическими практиками и возможными (идеальными) нормами взаимодействия[13]. Предложенная концепция вызвала дискуссию среди специалистов-международников в научной периодике[14].

В работах Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. МакАдама[15] сформировано собственное понимание феномена «оспаривание» (contention), в котором политическое участие и действие включены в концепцию «состязательной (конфликтной) политики» (contentious politics). «Конфликтная политика» реализуется по единым

Jayasuriya K., Rodan G. Beyond Hybrid Regimes: More Participation, Less Contestation in Southeast Asia. // Democratization. 2007. No. 14(5). pp.773-794.

[12] *Mende J.* The contestation and construction of global governance authorities: A study from the global business and human rights regime // Global Constitutionalism. 2021. No. 5. pp. 1-23., *Jutersonke O., Kobayashi K., Krause K., Yuan X.* Norm Contestation and Normative Transformation in Global Peacebuilding Order(s): The Cases of China, Japan, and Russia // International Studies Quarterly. 2021. https://academic.oup.com/isq/advance-article-abstract/doi/10.1093/isq/sqab060/6330833?redirectedFrom=fulltext, *Rapp K.* Law and contestation in international negotiations // Review of International Studies. 2020. Vol. 46. Issue 5. pp. 672-690., *Zurn M.* A Theory of Global Governance: Authority, legitimacy, and contestation in global governance. Oxford: Oxford University Press, 2018. 336 p., *Jose B.* Norm Contestation Insights into Non-Conformity with Armed Conflict Norms. Berlin: Springer, 2018., *Pearlman W.* Spoiling Inside and Out: Internal Political Contestation and the Middle East Peace Process // International Security. 2008. Vol. 33. No. 3. pp. 79-109.

[13] *Wiener A.* Contestation and Constitution of Norms in Global International Relations. Cambridge University Press, 2020. 278 p., *Wiener A.* A Theory of Contestation – A Concise Summary of Its Argument and Concepts // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 109-125, *Wiener A.* A Reply to My Critics // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 165-184, *Wiener A.* Theory of Contestation. Berlin, 2014. 95 p.

[14] *Bueger C.* Practices, Norms, and the Theory of Contestation // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 126-131., *Niemann H., Schillinger H.* Contestation “all the way down”? The grammar of contestation in norm research // Review of International Studies. 2017. Vol. 43. Issue 1. pp. 29-49., *Steele B.* Broadening the Contestation of Norms in International Relations // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 132-138., *Sundaram S.* Norm Contestation and Global Governance: Taking Actor Configurations and Practical Reasoning Seriously // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 139-148. *Zimmermann L.* “Inter-National” Habermas: Contestation and Understanding under Conditions of Diversity // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 149-157.

[15] *Tilly C., Tarrow S.* Contentious Politics. Oxford University Press, 2015. 270 p., *Tarrow S.* Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics. Cambridge University Press, 2011. 328 p., *Tilly C.* Rhetoric, Social History, and Contentious Politics: Reply to Critics // International Review of Social History. 2004. Vol. 49. Issue 1. pp. 132-141., *McAdam D., Tarrow S., Tilly C.* Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2001. 412 p., *Tarrow S.* The People's Two Rhythms: Charles Tilly and the Study of Contentious Politics. A Review Article // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. No. 3. pp. 586-600.

механизмам, наблюдается тогда, когда обычные граждане предъявляют эпизодические требования к власти, проводят публичные акции, применяя известные формы коллективного действия и применяя новые, комбинируя институциональные и неинституциональные способы выдвижения своих требований. К публичному оспариванию относят такие нерутинизированные виды политической борьбы как революции, социальные и националистические движения, индустриальные конфликты, войны, действия групп интересов[16]. Ч. Тилли подчеркивает конфликтный характер таких действий, считая преодоление сопротивления правящей группы и борьбу масс полезными, способствующими развитию демократии[17]. Авторы концепции «состязательной политики» предложили универсальные механизмы анализа вовлечения граждан в политическую борьбу в разных странах и эпохах, которыми воспользовались исследователи конкретных протестные кейсов[18].

Таким образом, политическое оспаривание в зарубежных исследованиях рассматривается в двух форматах: как критика/дискурс (по поводу содержания проекта, правил переговоров, права на доминирующие позиции и т.п.) и как конфликтное социально-политическое действие. И дискурс, и действие реализуются в институционализированных и неинституционализированных формах, которые отчасти получили концептуальное обобщение в теориях политической оппозиции, социальных движений и протеста.

Изучение публичного оспаривания в институционализированной форме началось с исследования феномена политической оппозиции в размышлениях Ф. Гизо (XIX в.), работах М. Дюверже, О. Киркхаймера, Р. Даля, Д. Сартори, Л. Шапиро, Г. Ионеску, И. де Мадарик в 1950-70-е гг.[19] В первых попытках

---

[16] *Tilly C., Tarrow S.* Contentious Politics. Oxford University Press, 2015. pp. 8-10.

[17] *Тилли Ч.* Борьба и демократия в Европе, 1650-2000 гг. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 9, 11. См. *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: ИД «ВШЭ», 2019., *Тилли Ч.* Режимы и оспаривание // Логос. 2008. №6., *Тилли Ч.* Демократия. М.: «Институт общественного проектирования», 2007.

[18] *Bloom J.M.* Political Opportunity Structure, Contentious Social Movements, and State-Based Organizations: The Fight against Solidarity inside the Polish United Workers Party // Social Science History. 2014. Vol. 38. pp. 359–388., *Dilip S.* A Unified Field Theory for Contention // International Review of Social History. 2004. Vol. 49. Issue 1. pp. 115-121., *Лобанова О.Ю.* Протестные движения и «политика оспаривания»: концептуальные рамки // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. №4. С. 163-167.

[19] *Гизо Ф.* О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм: Сборник / Пер. с фр. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 263-506., *Дюверже М.*

концептуализации политической оппозиции она представала как сопутствующий объект при изучении феномена власти, правительства, парламента, партий и социальных движений. Современные исследования политической оппозиции концентрировались в основном на анализе действий профессиональных политиков, парламентских и непарламентских партий в их борьбе за властные позиции в конкретных странах[20]. Редкими были попытки концептуального обобщения действий оппозиции как политического института[21].

Анализ современных российских исследований по проблеме политической оппозиции позволяет выделить три основных концептуальных подхода к её изучению: институциональный (структурный), поведенческий (социологический) и конфликтно-дискурсивный. Традицию рассмотрения оппозиции как укорененного в праве и в практике *института* политической системы развивали российские политологи[22]. *Поведенческий* (социологический)

Политические партии. М.: Академический Проект, 2007. 544 с., *Kirchheirmer O.* The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes // Social Research. 1957. Vol. 24. No. 2. pp. 127-156., Political Oppositions in Western Democracies. Edited by Robert A. Dahl, Yale University Press, 1966. 484 p., *Sartori G.* Opposition and Control: Problems and Prospects // Government and Opposition. 1966. № 1/2., *Brack N., Weinblum S.* «Political Opposition»: Towards a Renewed Research Agenda // Interdisciplinary Political Studies. 2011.Vol. 1. №1. pp. 69-79.

[20] Например, *Ufen A.* Opposition in transition: pre-electoral coalitions and the 2018 electoral breakthrough in Malaysia // Democratization. 2020. Vol. 27. Issue 2. pp.167-184., *Armstrong D., Reuter O., Robertson G.* Getting the opposition together: protest coordination in authoritarian regimes // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36. Issue 1. pp. 1-19., *Bedford S., Vinatier L.* Resisting the Irresistible: "Failed Opposition" in Azerbaijan and Belarus Revisited// Government and Opposition. 2019. Vol. 54. Issue 4. pp. 686-714., *Zulianello M.* Anti-System Parties Revisited: Concept Formation and Guidelines for Empirical Research // Government and Opposition. 2018. Vol. 53. Issue 4. pp. 653-681., *Norton P.* Making Sense of Opposition // The Journal of Legislative Studies. 2008. Vol. 14. Issue 1-2. pp. 236-250., *Holzhacker R.* The power of opposition parliamentary party groups in European scrutiny // The Journal of Legislative Studies. 2005. Vol. 11. Issue 3-4. pp. 428-445.

[21] *Helms L.* Introduction: The nature of political opposition in contemporary electoral democracies and autocracies // European Political Science. 2021. Vol. 20, Issue 1., *Blondel J.* Political Opposition in the Contemporary World // Government and Opposition. Volume 32. Issue 4. October 1997. pp. 462-486., *Maguire D.* Opposition movements and opposition parties: Equal partners or dependent relations in the struggle for power and reform? // The politics of social protest. Comparative perspectives on states and social movements, ed. J.C. Jenkins and B. Klandermans. Minnesota,1995. pp. 99–112.

[22] *Цыганков А.П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995., *Калинин Б.Ю.* Российская оппозиция в период трансформации политической системы: структурно-функциональный анализ (1993-2004 гг.) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Нижний Новгород, 2005., *Володина С.* Институциональные факторы влияния на политическую конкуренцию: основные подходы к изучению и современная российская практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. №4. С. 27-36., *Гаврилов Г.А.* Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. Екатеринбург, 2003., *Васильева С.В.* Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М.: Институт права и публичной политики, 2010. 234 с., *Трощкая А.А.* Парламентская оппозиция в системе разделения властей: организационные гарантии и доступные инструменты контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. №1 (80)., *Бигазиева С.С.* Особенности парламентской оппозиции в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Саратов, 2013., *Пономарев К.Н.* Политическая оппозиция как атрибут демократии : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. Казань, 2001., *Макеев Д.А.* Политическая оппозиция как институт современного российского общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2004. 24 с., *Мусина Л.М.* Политическая оппозиция в постсоветской России: этапы и особенности

подход в работах российских политологов сосредотачивается на анализе особенностей субъекта оппозиционного действия, поведения социальных групп, оценке влияния ценностей и внутренних установок на выбор стратегии оппозиционного действия[23]. На основе исследований западных политологов В. Гельман предложил собственную концептуальную карту анализа политической оппозиции в гибридном режиме, позволившую определить её различные виды. Соединяя институциональный и поведенческий подходы, исследователем были взяты во внимание два основных проблемных измерения – цели и средства оппозиции[24]. Общей чертой представленных исследований рубежа XX-XXI веков является рассмотрение оппозиции в рамках классических концептуальных подходов как публичных действий граждан, организаций, профессиональных политиков, оспаривающих политические цели оппонентов и претендующие на доминирующие позиции во властных структурах государства.

Наиболее успешно применила *конфликтно-дискурсный* метод к анализу политической оппозиции Л. Тимофеева. При анализе политики как сферы коммуникации используется теория дискурса, которая рассматривает политическую реальность как сложное коммуникативное явление, включающее в

становления : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Уфа, 2005., *Малугин С.Б.* Политическое позиционирование коммунистической оппозиции в России в электоральных циклах 1999-2008 годов. Автореф. дис. ..канд. полит. наук. 23.00.02. М., 2009.

[23] *Зеркин Д.П.* Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. 1998. №5. С. 89-108., *Гельман В.Я.* Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. Политические исследования. 2004. №4. С. 52-70., *Он же.* Трудное возрождение российской оппозиции // Pro et Contra. 2014. Январь-апрель., *Скакунов Э.И.* Политическая оппозиция в период модернизации в России // Социологические исследования. 1999. №8., *Борисенко А.В.* Становление и развитие политической оппозиции в современной России: общефедеральные черты и региональные особенности. Дис. ..канд. полит. наук.. 23.00.02. Ставрополь, 2008., *Курбанов А.Р.* Оппозиция как субъект политического процесса (на примере России) : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2009., *Сергеев С.А.* Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 125-137., *Чернокозова М.О.* Социально-психологические особенности опозиционарности в российском обществе : дис. … канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2003., *Танова А.Г.* Легальная оппозиция в политическом процессе современного российского общества : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. СПб., 2003. 24 с., *Воскресенский А.Е.* Политическая оппозиция в современном российском обществе: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2005., *Кислицын С.А.* Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М., 2011., *Пешков В.П.* Политическая оппозиция как социальный институт реформируемого российского общества: эволюция восприятия массовым сознанием: дис. д-ра социол. наук: 22.00.04. М., 2000., *Дерябина Е.С.* Становление и развитие политической оппозиции в переходный период отечественной истории (1985-1993 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Пермь, 1998., *Шакирова Э.В.* Политическая оппозиция в постсоветской России: динамика конкурентного потенциала : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Уфа, 2013.

[24] *Гельман В.Я.* Авторитарная Россия. Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М.: Говард-Ворк, 2021. 359 с. *Он же.* Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. Политические исследования. 2004. №4. С. 52-70., *Он же.* Трудное возрождение российской оппозиции // Pro et Contra. 2014. Январь-апрель.

себя не только характеристики участников коммуникации, но и тот социальный контекст, в который они вписаны, а также процессы производства и восприятия сообщения. Классические и современные подходы к коммуникации между властью и обществом, анализу политического дискурса обобщены в работах отечественных исследователей.[25].

Отдельной субдисциплиной политических наук стало исследование социальных движений и коллективных протестных действий, сочетающих институциональные и неинституциональные практики. Традиционно выделяют три основных теоретических подхода: парадигма коллективного поведения, парадигма мобилизации ресурсов и парадигма Новых общественных движений. Общеизвестными исследованиями массового сознания и поведения в рамках первой группы теорий конца XIX – начала XX-го вв. стали работы Г. Лебона, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Хоффера, Н. Смелзера, Т. Гарра[26], объясняющие конфликтную протестную активность как структурными факторами, так и психологическими особенностями активистов. В современных исследованиях влияние экономического неравенства, депривации на политическое участие, протест как маргинальных групп, так и среднего класса, остается в повестке дня зарубежного научного сообщества. В ряде исследований интерпретация теории депривации связывает уровень экономического неравенства с типом политического режима, способом перераспределения властных ресурсов внутри

---

[25] *Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсный анализ (теория, история, методология) : автореф. дис. … д-ра полит. наук : 23.00.01. М., 2005., *Лассуэлл Г.* Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН РАН, 2021. 237 с., *Ньюман Л.* Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119-129., *Марианне В. Й., Луиза Д.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд.-во «Гуманитарный Центр»., *Ионова А.О.* Современные подходы к анализу политического дискурса // Политическая наука. 2016. №3. С. 236-259., Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика (ред. Л.Н. Тимофеева). М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН), Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012., *Яковлева Л.И.* Дискурс-анализ как один из срезов социально-философского, культурологического и лингвистического исследования // Философские опыты. Глобализация, коммуникация, идентификация: Сб. науч. тр. 2011. Вып. 4. С. 22-66., *Татаркова Д.Ю.* Формирование политической оппозиции в России (2011-2012 гг.): конфликтный дискурс: дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2014., *Москалев А.Е.* Оппозиционные молодежные общественные объединения в политическом процессе современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2011., *Михайленко О.М., Щенина О.Е.* Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия // Власть. 2015. №7.

[26] *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. 316 с., Ортега-и-Гассет Х. Избранные произведения. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. 704 с., *Хоффер Э.* Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Паблишер, 2019. 200 с., *Смелзер Н.* Социология. М.: «Феникс», 1998. С. 576-609., *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.

государства[27]. Депривация измеряется в данном случае через уровень экономического неравенства и безработицы, а политические режимы типологизируются по способу перераспределения властных ресурсов, ответственности перед гражданами, уровню политической конкуренции, либерализации и т.д. Изучение этого подхода позволило выделить структурные факторы публичного оспаривания.

Сторонники концепции мобилизации ресурсов отказались от ориентации на чувство недовольства индивида как основного мотива протеста и сосредоточились на «рациональном акторе». Одним из первых рациональную логику участников коллективного действия в рамках организации описал М. Олсон, а использование социальными движениями профессиональной организации - Д. МакКарти и М. Зальд. Сторонники *теорий «мобилизации ресурсов»* уверены, что протест возникает только при формировании экономических, политических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства. Новые возможности для протестного действия «материализуются» в ресурсы общественного движения. Новым ресурсом для протестного действия стали социальные сети и Интернет[28]. *Концепция политических возможностей* объясняет успех или неудачу общественных движений политическими возможностями и ограничениями для коллективного действия[29]. Концептуальное наследие этого подхода позволило

---

[27] *Bryn R.* Reevaluating the Middle-Class Protest Paradigm: A Case-Control Study of Democratic Protest Coalitions in Russia // American Political Science Review. Volume 111. Issue 4. November 2017. pp. 637-652., *Peterson A.* Wahlström M., Wennerhag M. European anti-austerity protests: Beyond “old” and “new” social movements? // Acta Sociologica. 2015. № 58. Issue 4. pp. 293–310., *Anderson Ch., Beramendi P.* Left Parties, Poor Voters, and Electoral Participation in Advanced Industrial Societies // Comparative Political Studies. 2012. 45(6). P. 714-746. doi.org/10.1177/0010414011427880, *Griffin J. D., Jonge, C. K.* Income Inequality, Citizen Polarization and Political Protest // University of Colorado Boulder. URL: https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/07d61890-8908-4c40-b7d2-21c36232d29c.pdf (дата обращения – 12.04.2018)., *Norris P.* Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. Cambridge University Press, 2011. 350 p., *Boix C.* Democracy and Redistribution. Cambridge University Press, 2003.

[28] *Hollyer J. R., Rosendorff B. P., Vreeland J. R.* Transparency, Protest, and Autocratic Instability // American Political Science Review. 2015. Volume 109. Issue 4. pp. 764-784., *Casper B. A., Scott A. T.* Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d’état. // Journal of Politics 2014. №. 76. Issue 2. pp. 548–564., *Meyer D. S.* Protest and political opportunities // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. pp. 125-145., *McCarthy J.D., Zald M.N.* Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American
Journal of Sociology. 1977. Vol. 82. No. 6., *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995.

[29] *Tarrow S.* Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics, Third Edition. - Cambridge University Press, 2011. P 154-157.

выделить структуру мобилизационных ресурсов, политических возможностей и ограничений публичного оспаривания.

Теоретические постулаты А. Турена позволили сформировать самостоятельную концепцию *Новых социальных движений*. Французский социолог объясняет переход от коллективного поведения к общественному движению формированием у группы собственной идентичности, направленной на оспаривание несправедливостей общественно-политического порядка. Важным элементом общественного движения является отождествление действующего лица конфликта с некими культурными ценностями, лежащими в основе солидарности субъекта коллективного действия. Оригинальное современное использование этих идей предложил Ф. Фукуяма, доказывая, что движущей силой современных политических процессов является требование к элите признания и уважения достоинства граждан и их идентичности[30].

В российских научных периодических изданиях представлены обзоры основных теоретических подходов к анализу протестного поведения и действия, накоплен опыт анализа концепций социальных (общественных) движений[31]. В целом, сложившиеся методологические традиции анализа протеста позволяют исследовать его всесторонне: определять субъектов и их мотивацию, фиксировать разнообразные аспекты и факторы динамики протестных действий. В то же время продолжают появляться все новые способы критики и протеста, увеличивается скорость распространения информации, генерируются технологии формирования

---

[30] *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019., *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.

[31] См. *Ахременко А.С., Беленков В.Е., Петров А.П.* Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно) // Полис. Политические исследования. 2021. №3. С. 147-165., *Артюхина В.А.* Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. №11. С. 30-34., *Дементьева И.Н.* Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения. 2013. №4. С. 3-12., *Кинсбурский А.В., Топалов М.Н.* Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. 2016. №1. С. 20-33., *Костюшев В.В.* Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. №4. С. 144-157., *Ушкин С.Г.* На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №3. С. 33-47., *Сабитов М.Р.* Политический протест: теоретические проблемы дефиниции и типология // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №9., *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: «Наука», 1993. 172 с., *Она же.* Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. №7. С. 88-94.

символических ценностей, что дало толчок пересмотру эвристической значимости классических теоретических традиций изучения протестного поведения и социальных движений, создало условия для использования концепта «публичное оспаривание».

Составными элементами авторского понимания концепта публичное оспаривание являются категории «государство», «публичная сфера», «коммуникация», «делиберация». Широкое понимание современного государства «как полиморфного ансамбля институтов» заимствовано из исследований Б. Джессопа[32]. В работах А.И. Соловьева сформирована оригинальная исследовательская оптика анализа современного государства, процессов принятия политических решений, позволяющая систематизировать факторы, влияющие на динамику политико-правовых возможностей и ограничений политической конкуренции; выявлен относительно консолидированный «гражданский сектор» в государственном управлении[33]. Фундамент нашего понимания публичной сферы заложен размышлениями Х. Арендт, Ю. Хабермаса и доработан в публикациях российских исследователей под руководством Л.В. Сморгунова[34]. Универсальные правила публичной политической коммуникации, ведения конструктивного диалога (делибирации) сформулированы в работах Ю. Хабермаса, в дальнейшем развиты в работах Д. Друзека, его интерпретаторов и оппонентов[35]. Идеи делиберации развивали

---

[32] Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 38.

[33] Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография / А.И. Соловьев. М.: «Аспект Пресс», 2021., 366 с., *Соловьев А.И.* Фронтирные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. №3. С. 183-204., *Он же.* Власть и политика. Полемические заметки о «проклятых вопросах» политической науки// Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 135-147., *Он же.* Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. №4., Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 440 с., *Он же.* Государство как политический институт: проблема теоретической идентификации // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. №4. С. 124-129.

[34] *Арендт Х.* Vita Activia, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с., *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. 344 с., Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. 349 с., Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований: монография / под ред. Л.В. Сморгунова, Е.В. Морозовой, А.И. Кольбы. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. 260 с., Сетевой анализ публичной политики: учебник / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РГ-Пресс, 2013. 320 с.

[35] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: «Наука», 2001. 380 с., Он же. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. СПб.: «Наука», 2001. 417 с., *Parvin P.* Democracy Without Participation: A New Politics for a Disengaged Era // Res Publica. 2018. Vol. 24. pp. 31-52., *Dryzek J.* Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations. Oxford University Press, 2000. 196 p., *Коэн Д., Арато Э.*

российские исследователи Н.А. Баранов, С.В. Патрушев и др. в том числе в онлайн-пространстве[36].

Анализ структурных и институциональных факторов, определяющих характеристики публичного оспаривания, проводился на основе классических и современных концептуальных исследований, заложенных в работах М. Липсета, Р. Даля, Д. Асемоглу, Д. Робинсона (экономический фактор), Г. Алмонда, С. Вербы, С. Хантингтона, Р. Инглхарта, К. Вельцеля, Ф. Фукуямы (социо-культурный фактор), Р. Даля, Х. Линца, А. Лейпхарта, С. Хантингтона, Д. Хелда, С. Левицки, Л. Вэй (институциональный и режимный факторы)[37]. Влияние социально-экономических и политических институтов на возможности политической оппозиции и публичного оспаривания зафиксировано в современных зарубежных исследованиях[38].

Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. 784 с., Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / пер. с нем. К.Г. Тимофевой. СПб.: Алетейя, 2011. 840 с., *Кин. Дж.* Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с., *Калдер Г.* Демократия и слушание // Логос. 2015. Том 25. №6. С. 227-242.

[36] Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2018, Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. 375 с., Публичная сфера: теория методология, кейс стади: коллектив. монограф. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романовой. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. 360 с., Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013., Баранов Н.А. Делиберативная политика в условиях кризиса представительной демократии // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 6. Вып. 4. С. 127-133., *Назарчук А.В.* Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. Политические исследования. 2011. №5. С. 99-103., *Шкурихин И.А.* Делиберация как норма парламентской коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. №2. С. 55-63., *Ковальчук С.К.* Делиберативные онлайн-форумы в пространстве современной политической коммуникации: проблемы и перспективы : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. 201 с.

[37] *Levitsky S., Ziblatt D.* How democracies die. New York: Crown Publishing, 2018. 320 p., *Levitsky S., Way L.* The New Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. January 2020. Volume 31. No. 1., *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge University Press, 2010., *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016., *Асемоглу Д., Робинсон Дж.* Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015., *Алмонд Г. Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014., *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004., *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018., *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011., *Вельцель К.* Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ», 2018., *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019., *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с., *Линц Х.* Крушение демократических режимов. Кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. №39-40. Вашингтон, 1993., *Линц Х.* Опасности президентства. // Пределы власти (Приложение к журналу «Век XX и мир»). 1994 Вып. 2-3. Режим доступа: http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm, *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997., *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX-го века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003., *Хелд Д.* Модели демократии. Третье издание. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2014.

[38] *Van Dusky-Allen J.* Winners, losers, and protest behavior in parliamentary systems // The Social Science Journal. 2017. № 54. Issue 2. pp. 30-38., *Özler Ş. İ.* Political institutions and protest: a comparative analysis // Representation. Journal of Representative Democracy. 2013. №49. pp. 135-154., Узкий коридор / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. М.:

Методологические основания влияния новых медиа и Интернет на политические процессы сформированы в работах М. Кастельса, Дж. Кина, С. Коулмана, С. Фуллера, С.В. Володенкова, С.П. Перегудова, Р.В. Пырмы, А.В. Глуховой, А.А. Мовчана, Р.В. Евстифеева и др.[39]. Влияние новых медиа на коммуникативные практики граждан и власти в неконкурентных режимах изучены в работах зарубежных исследователей[40]. Цифровые практики критического дискурса, протеста и партийной деятельности представлены в работах А.С. Ахременко, Е.В. Бродовской, Д.С. Мартьянова и др.[41] Российские

Издательство АСТ, 2021., *Van der Brug W., Eijk C., Franklin M.* The Economy and the Vote. Economic Conditions and Elections in Fifteen Countries. Cambridge University Press, 2007. 244 p., *Kitschelt H.* Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // British Journal of Political Research. 1986. №16. pp. 57-85., *Helms L.* Five Ways of Institutionalizing Political Opposition: Lessons from the Advanced Democracies // Government and Opposition. 2004. Volume 39. Issue 1., Почему одни страны богатые, а другие бедные / Аджемоглу Д., Робинсон Д. М.: Издательство АСТ, 2017. 693 с.

[39] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. 591 с., *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. М.: Изд дом. Высшей школы экономики, 2015. 312 с., *Коулман С.* Может ли Интернет укрепить демократию? СПб.: Алетейя, 2018. 150 с., *Володенков С.В.* Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №2. С. 6-24., *Он же.* Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5. С. 341-364., *Перегудов С.П.* Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. Политические исследования. 2011. № С. 55-67., *Пырма Р.В.* Социальные сети и электоральное участие: возможности активации голосования // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. №3. С. 9-32., *Он же.* Концепция гражданского активизима в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. №2. С. 74-81., *Глухова А.В.* Демократия одного «клика»: возможности и проблемы управления в цифровую эпоху // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 1. 2017. С. 252-267., *Фуллер С.* Постправда. Знание как борьба за власть. М.: Высшая школа экономики, 2021. 386 с., *Чугров С.В.* POST-TRUTH: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. №2. С. 42-59., *Мовчан А.* Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума. М.: «Альпина Паблиш», 2019. 598 с., *Грачев М.Н., Евстифеев Р.В.* Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №2. С. 229-248.

[40] *Hess S.* Sources of Authoritarian Resilience in Regional Protest Waves: The Post-Communist Colour Revolutions and Arab Uprisings // Government and Opposition. 2016. Vol. 51. No. 1. Pp. 1-29., *Stepan A., Linz J.* Democratization Theory and the "Arab Spring" // Journal of Democracy. April 2013. Volume 24. №2. pp. 15-30., *Steinert-Threlkeld Z. C., Mocanu D., Vespignan A.i, Fowler J.* Online social networks and offline protest // Data Science. 2015. №9. URL: https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-015-0056-y (дата обращения – 12.04.2018)., *Casper B. A., Scott A. T.* Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d'état. // Journal of Politics 2014. №. 76. Issue 2. pp. 548–564., *Hollyer J. R., Rosendorff B. P., Vreeland J. R.* Transparency, Protest, and Autocratic Instability // American Political Science Review. 2015. Volume 109. Issue 4. pp. 764-784.

[41] *Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. №2. С. 73-91., *Балашов А.Н.* Интернет-технологии как фактор повышения эффективности деятельности политических партий // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. №49. С. 121-137., *Он же*. Сетевые политические партии: особенности и перспективы в российском политическом процессе // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №1. С. 47-55., *Бродовская Е.В.* Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа // Власть. 2020. Т. 28. №6. С. 81-88., *Бродовская Е.В., Ежов Д.А., Огнев А.С*. Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулометрического анализа сетевого контента // Политическая наука. 2021. №.3. С. 112-141., *Гаджиев Х.А*. Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. №3. С. 147-171., *Бронников И.А.* Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №2. С. 269-285., Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / под ред. Д.С.

исследователи Л.В. Сморгунов, И.А. Быков, И.В. Мирошниченко и др. успешно применяют количественные методы для выявления новых качеств дискуссии на цифровых платформах Интернет. В исследованиях Ю.А. Кабанова, А.Ю. Сунгурова и др. проведен анализ состояния современного электронного участия граждан, на слабое развитие которого влияют как некомпетентность и недоверие бюрократии к гражданам, так и недоверие граждан к процедурам, электронным платформам, общей институциональной ограниченностью реального общественного влияния на принятие решений[42].

Анализ российского кейса опирается на результаты исследований политического участия и действий граждан, проведенных С.В. Патрушевым, А.В. Глуховой, Л.Н. Тимофеевой, И.И. Кузнецовым, Е.Б. Шестопал,

Мартьянова. СПб.: ЭлекСис, 2019. 312 с., *Виловатых А.В.* Фактор цифровых технологий в развитии протестных движений // Проблемы национальной стратегии. 2020. №2 (59). С. 174-185., *Ушкин С.Г.* Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе : автореф. дис. ...канд. социолог. наук : 22.00.04. Саранск, 2015., *Козлов С.Е.* Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 79. С. 154-169., *Радина Н.К., Крупная Д.А.* Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. №6. С. 113-127., *Барсуков Н.С.* «Эхо-камеры» в Интернете: иллюстрация «эффекта эха» на примере Брексита // Государство и граждане в электронной среде. 2018. Выпуск 2. С. 75-79., *Чижов Д.В.* Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. №2/3. С. 159-175.

[42] *Сморгунов Л.В.* Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 88-99. *Он же.* Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. №4., *Он же.* «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. 2010. №4., *Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А., Быков И.А., Кондратенко К.С., Барышкин А.Г.* Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти: формирование суждений на цифровых платформах // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. №2. С. 156-172., Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: (РОССПЭН), 2021. 310 с., *Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А.* Поляризация дискурсивного пространства (на примере хэштега #RUSSIA в социальной сети Twitter // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. №1. (58)., *Сунгуров А.Ю., Аркатов Д.А.* Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике // Политическая наука. 2021. №3. С. 54-71., Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России: коллективная монография / под ред. А.В. Чугунова, О.Г. Филатовой. СПб.: Алетейя, 2020. 254 с., *Кабанов Ю.А., Панфилов Г.О., Чугунов А.В.* Мониторинг ресурсов электронного участия в России: методика и результаты // Государство и граждане в электронной среде. 2020. №4. С. 572-573., *Кабанов Ю.А.* Что скрывается за «фасадом»? Исследовательская программа электронного участия в недемократических странах // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. №3. С. 50-66.

О.В. Поповой, О.Н. Яницким, А.В. Соколовым, В.В. Петуховым, А.И. Кольбой и др.[43], в том числе новые форматы протестных действий[44].

[43] Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / ред. С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 319 с., Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 262 с., Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 286 с., Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с., *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 280 с., Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России: монография / под ред. А.В. Глуховой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. 300 с., *Тимофеева Л.Н.* Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе // Политическая наука. 2020. №3., С. 114-146., *Она же*. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности // Конфликтология. 2012. №3. С. 53-72., *Кузнецов И.И.* Политическое сознание российского студенчества: общественная солидарность, доверие, взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. №59. С. 237-252., *Бахарев А.А., Кузнецов И.И.* Взаимодействие президента, правительства и парламента в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции // Политическая наука. 2019. №4. С. 105-126., Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: Монография / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 420 с., *Попова О.В.* Факторы расширения партийного поля в современной России // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2014. №2. С. 77-85., *Баскакова Ю.М.* Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016-2018 гг. и перспективы политического транзита. М.: «ВЦИОМ», 2018. 440 с., *Кольба А.И., Кольба Н.В*. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. – 2019. - №2. – С. 160-179., *Клеман К.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России / К. Клеман, О. Мирясова, А. Демидов. М.: Три квадрата, 2010. 688 с., *Шкель С. Сабитов М.* Массовый политический протест в современной России: динамика и специфика развития // Право и политика. 2012. №10. С. 1669-1675., *Подъячев К.В.* Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник Института социологии. 2012. №5. С. 146-163., *Волков Д.* «ОккупайАбай» уличный протестный лагерь в Москве в мае 2012 года глазами его участников // Вестник общественного мнения. 2014. №1-2. 155-197., *Он же.* Протестные митинги в России конца 2011- начала 2012 годов: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения.2012. №2. С. 73-86., *Латов Ю.В.* Протестные настроения в протестные действия россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2017. №1. С. 49-69., *Очкина А.* Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4. С. 69-75., *Яницкий О.Н.* Протестное движение 2011-2012 гг.: некоторые итоги: Обустройство России: вызовы и риски // Власть. 2013. №2. С. 14-19., *Он же.* Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России // Общественные науки и современность. 2012. №3. С. 58-68., *Соколов А.В.* Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. №1., *Он же.* Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти // Южно-Российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. №2. С. 45-59., *Смекалин И.* Факторы массовой протестной активности в России: между ценностями и возможностями // Вестник общественного мнения. 2021. №1-2. С. 89-94., *Фролов А.А., Палагичева А.В., Барский Я.В.* Протесты в России: СМИ и реакция властей // PolitBook. 2018. №1. С. 104-114., *Петухов Р.В.* Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. №6. С. 103-118., *Петухов В.В., Петухов Р.В.* Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 119-133., *Петухов В.В.* Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. №11. С. 86-96., *Он же.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. №9. С. 11-19., *Мамонов М.В.* Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения. 2012. №1. С. 5-22., *Калашников К.Н.* Трудовые протесты в современной России: предпосылки и формы реализации // Социальное пространство. 2017. №2. С. 1-12., *Домбровская А.Ю., Синяков А.В.* Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. 2021. №3. С. 142-160., *Михайлова Е.В., Скогорев А.П.* Протесты как форма гражданской активности в современной России // Власть. 2017. №1. С. 54-59., *Ушкин С.Г.* Протесты и протестующие провинциального города: как к ним относится население? // Власть. 2017. №11. С. 123-129., *Скобелина Н.А.* Политические возможности общественных движений: от теории к российской практике // ПОЛИТЭКС. 2015. Том 11. №4. С. 166-180.

[44] *Шомова С.А.* «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5., *Она же.* От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2016. 168 с., «Мы не

Оценка потенциала российских политических партий дана на основе работ Б.И. Макаренко, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, А.В. Кынева, Г.В. Голосова, В.Я. Гельмана, О.В. Поповой[45]. Способность политических партий, политической элиты предлагать альтернативные идеи, привлекательный образ будущего проанализирована в работах В.С. Комаровского, О.Ю. Малиновой, О.А. Толпыгиной[46]. Влияние экспертных сообществ и интеллектуалов на практики публичного оспаривания анализируется на основе наблюдений М. Уолцера, исследований А.Ю. Сунгурова, Л.В. Сморгунова, О.Ю. Малиновой, С.Г. Туронка[47].

немы!»: Антропология протеста в России 2011-2012 годов / сост. А. Архипова, М.: Алексеевский. Тарту, 2014. 336 с.

[45] Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко и др. М., 2015. 303 с., *Коргунюк Ю.Г.* Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. 2019. №6. С. 95-112., Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева. М.: «Товарищество научных изданий «КМК», 2015., Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М. : «КМК», 2010., *Коргунюк Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007., *Он же.* Организационное устройство «Единой России» и партии коммунистов Республики Молдова: взгляд изнутри // ПолитЭкс. 2010. №1. http://www.politex.info/ (дата обращения: 09.04.2019)., *Любарев А.Е.* Российская партийная система после реформы 2012 года // Electoral Politics. Международный журнал о выборах. 2020. №2 (4). http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy-2012-goda/, *Кынев А.В., Любарев А.Е.* Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М. : Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2011., *Кынев А.В.* Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. 372 с., Он же. Российский выборы – 2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2018. 514 с., Он же. Региональные и местные выборы в России осени 2018 года: электоральные перемены на фоне социальных реформ. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2019. 554 с., *Голосов Г.В.* Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 108-119., *Голосов Г.В.* Демократия в России: инструкция по сборке. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 208 с., Саква Р. Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией // Политическая наука: научн. журн. . М., 2015. №1. С. 60-72., *Он же.* Дилеммы развития российской партийной системы // Политическая наука. 2010. №4. С. 167 – 190., *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 76-95., *Гайворонский Ю.О.* Факторы национализации партийной системы современной России // Полис. Политические исследования. 2018. №1. С. 45-61.

[46] *Комаровский В.С.* Образ будущего России глазами молодежи. Москва: Аспект-Пресс, 2021. 224 с., *Он же.* Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. №1. С. 45-50., *Малинова О.Ю.* Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993-2020 // Полис. Политические исследования. 2021. №3. С. 17-37., *Она же.* Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2007. №1. С. 6-21., *Толпыгина О.А.* Политические партии в «поисках смысла»: специфика идеологического взаимодействия партий с избирателями // Политическая наука. 2017. №1., *Она же.* Трансформация идеологической функции политических партий в современной России // Политическая наука. 2015. №1., *Она же.* Идейно-политические контуры партийного ландшафта современной России. М.: РАН, ИНИОН, 2014. 174 с.

[47] *Уолцер М.* Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 360 с., *Сунгуров А.Ю. Шамшура К.А.* Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России // Политическая наука. 2020. №1. С. 64-86., *Сунгуров А.Ю.* Общественная и гражданская экспертизы: современные российские дискуссии // Общественные науки и современность. 2019. №4. С. 87-98., *Он же.* Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. 2018. №4. С. 130-142., *Он же.* Экспертные семинары как

Таким образом, зарубежными политологами разработаны концептуальные основания исследования политической оппозиции, протеста и социальных движений. Исследуются новые формы протеста, новые возможности для политической коммуникации, созданные цифровыми технологиями. Понятие «оспаривание» (contestation) используется учеными в качестве синонима политической борьбы, протекающей как в публичной, так и в латентной сферах. Подавляющее большинство исследователей рассматривают влияние критического заявления или оппозиционного действия на устойчивость и легитимность политической системы, оценивают в конкретных кейсах появление альтернативных идей, конструктивный или деструктивный характер действий. Привычные теоретические категории «протест», «оппозиция» не улавливают всего многообразия современных оспаривающих действий граждан и элитных групп внутри государственных структур. В то же время расширяющиеся возможности власти контролировать политический дискурс, ограничивать публичное оппозиционное действие повышают востребованность концептуального анализа условий для конструктивных по содержанию и мирных по форме способов оспаривания. Публичное оспаривание в современных условиях дает возможность гражданам, политическим организациям, элитным группам результативно выражать несогласие с органами государственной власти по поводу политических решений (или их проектов) и действий, критиковать их в интересах всего общества.

Наше исследование сосредоточено на определении условий и факторов, способствующих конструктивному публичному оспариванию: действиях субъектов публичной политики, не связанных с нанесением физического ущерба или устранением своего политического противника, создающих возможности для коммуникации всех заинтересованных сторон, определения их позиций и

коммуникативные площадки //Полития. 2018. №4. С. 180-194., *Он же.* Роль и функции экспертов в процессе принятия властных решений // Управленческое консультирование. 2017. №6. С. 8-14., *Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е.* Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2017. №3. С. 144-159., *Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб.: Алетейя, 2016. 240 с. *Сморгунов Л.В.* Интеллектуал в политике и необходимость политической философии // Политическая наука. 2009. №4. С. 25-42., *Туронок С.* Гражданский контроль и экспертиза //Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. С. 185-206, 293-308.

нахождения компромисса. Современные возможности для артикуляции альтернативных предложений, переговоров и достижения компромисса могут быть использованы как простыми гражданами путем дискуссий (в очном и цифровом форматах), мирных протестов и перфомансов, так и политиками в ходе выборов, парламентской работы и привлечения профессиональных экспертов.

Объект исследования – публичные и латентные формы политической конкуренции в пространстве современного государства.

Предмет исследования – механизмы и технологии оспаривания проектов, планов и иных целеполагающих конструкций, характеризующих направленность и содержание политических замыслов элитарных и неэлитарных слоев.

Цель работы – разработка теоретико-прикладной модели, раскрывающей возможности, ограничения и содержание применения механизмов и технологий политического оспаривания в публичном пространстве современного государства.

Задачи исследования:

1. Систематизировать теоретико-методологические идеи и подходы для концептуализации и релевантного описания политического оспаривания в контексте эволюции современной публичной политики и различных форм организации политической власти в национальном государстве.

2. Типологизировать основных политических акторов, артикулирующих в современном государстве альтернативные идеи и подходы для решения общественно значимых проблем современных политий и использующих особые механизмы и технологии публичного оспаривания политических проектов своих оппонентов на различных аренах и площадках.

3. Выявить роль и характер влияния цифровых технологий на возможности и перспективы применения механизмов и технологий публичного оспаривания в политическом и гражданском пространствах современного государства.

4. Раскрыть особенности публичного оспаривания как источника, инструмента и специфической формы политической конкуренции;

охарактеризовать проблемы и перспективы публичного оспаривания в контексте политического развития РФ в 2000-2020 гг.

5. Проанализировать политико-административные, структурные и основные процессуальные факторы, обусловливающие возможности и ограничения публичного оспаривания политических проектов и целей в политическом пространстве современного государства и в гражданской сфере общества, раскрыть их специфику для современной России.

6. Определить особенности восприятия и реакции на правительственные планы и действия со стороны гражданского сектора современного государства, критерии и факторы эффективности и результативности публичного оспаривания политических проектов и целей правящей элиты в политической сфере российского общества.

Гипотеза исследования

Характерное для современного государства обострение конкуренции за прерогативы высшей политической власти, а также расширение ресурсной оснащенности и повышение уровня политических навыков и компетенций гражданского населения неизбежно усиливают тенденции к оспариванию правительственных проектов, увеличению гражданской и протестной активности населения. В рамках этого мейнстрима в российском обществе различные формы гражданского участия и оспаривания обусловливают усиление политико-административного и силового контроля режима над политической конкуренцией в публичной сфере, что, в свою очередь, порождает риски авторитарного правления. В кратко- и среднесрочной перспективе ни активизация гражданской активности, ни новые (предоставляемые цифровизацией) возможности публичного оспаривания правительственных или конкурирующих идей не способны изменить сложившуюся ситуацию, повысив роль партийно-парламентских, экспертных и общественных структур в разработке правительственной повестки или в трансформации сложившегося формата политических взаимоотношений власти и населения. В то же время увеличение ресурсной оснащенности общества и повышение уровня политических

компетенций гражданских структур будут неизбежно расширять предпосылки усиления роли демократических институтов, укреплять тенденцию к публичному оспариванию правительственных проектов и планов на различных аренах и площадках. Игнорирование властями этих интенций в эволюции российского общества неизбежно усилит внутреннюю напряженность и конфликтный характер политических коммуникаций с населением, создаст риски девальвации существующих институтов политического представительства, породит угрозы дестабилизации и целостности общества. Более того, в этом случае усиливаются риски дестабилизации управленческой системы государства, выражающиеся в потере режимом способности адекватно реагировать на протестный дискурс и действия граждан, и обострении внутриэлитного соперничества. В то же время конструктивному использованию потенциала гражданских инициатив и протестов может способствовать укрепление делиберативных и дискурсивных форм публичного оспаривания, связанных с цифровизацией государственного управления и расширением практик процедурной справедливости.

Теоретико-методологические основания исследования

Применяемые в работе методы релевантны объекту и предмету, целям и задачам исследования. Наибольшее значение придается *нормативному подходу*, позволяющему сопоставлять реальные и декларируемые культурные ценности общества, правила, обязанности, и *структурному подходу*, ориентирующему на правовые и административные институты, неформальные группы, политико-административные и гражданские сети. Контекстом практик оспаривания выступает политический режим – функциональная составляющая структур и институтов политической системы. В целях объяснения политических отношений в работе используется *концепт коммуникации*, в котором определяющее значение придается акту коммуникации и анализу его субъектов. *Парадигма конструктивизма* ориентирует исследователя на необходимость социального конструирования условий для коммуникации, диалога сторонников разных политических идей и проектов с целью поиска и нахождения компромисса.

Эмпирические методы сбора и анализа данных для интерпретации результатов связаны с выбранными подходами и концептами. Структуры политической системы (ветви власти, избирательная система, политические партии) проанализированы с использованием правовых методов. Функциональные особенности взаимодействия структур рассматриваются через призму *неоинституционального подхода* и характеристики политического режима. Кроме того, проведен содержательный анализ нормативных актов, который включал правовую и политическую компоненты. Правовая компонента – это оценка соответствия решений и действий органов власти и их должностных лиц нормам, закреплённым в законодательстве. Политическая компонента состоит в анализе направленности решений и действий органов власти (либо на решение общественных проблем, либо для защиты собственных интересов, сохранения режима и status quo и т.д.).

Темпоральный принцип был использован при анализе политического компонента модели коммуникации, связанной с практиками публичного оспаривания. Реализация этого принципа в *ивент-анализе* позволила оценить политическую направленность решений органов власти, зафиксированных в нормативно-правовых актах (далее – НПА). Политические события, их причины и следствия были сгруппированы в хронологическом порядке. К таким событиям были отнесены артикуляция в публичном пространстве проектов Президента РФ и Правительства РФ, объявление результатов выборов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, массовые публичные акции протеста, яркие индивидуальные художественные и протестные действия, заявления лидеров релевантных политических партий и т.п.

Конструктивистская парадигма коммуникации, исходя из идей первичности смыслового конструкта, формируемого различными субъектами коммуникации, предполагает использование исследовательских *приемов дискурс-анализа*. Предметом дискурс-анализа при изучении практик оспаривания стало содержание повесток оспаривания в зависимости от его субъектов и площадок (программы и заявления лидеров политических партий, лиц, принимающих решения и т.п.).

Эмпирической базой исследования являются следующие группы источников:

- нормативно-правовые акты РФ, регламентирующие гражданскую и политическую активность: создание и функционирование некоммерческих организаций, политических партий, иных гражданских ассоциаций; организацию и проведение публичных мероприятий, участие в выборах; дискурсивную активность граждан в сети Интернет;

- стенограммы открытых заседаний рабочих групп ряда органов государственной и муниципальной власти по подготовке проектов решений, корректировке нормативно-правовых актов;

- материалы масс-медиа, публикующих оперативную информацию об акциях публичного оспаривания граждан, заявления политических и государственных деятелей;

- материалы социологических исследований, анализирующих различные аспекты отношения граждан к политическим событиям и институтам, участвующим в публичном оспаривании (ВЦИОМ, Левада-Центр[48], Институт социологии РАН).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Оспаривание включает в себя весь спектр дискурсивных форм и инструментов политической конкуренции, направленных на критику, опровержение и противодействие реализуемому правительством проекту или цели. Доминирующее значение для развития современной государственности сохраняют конвенциональные, конструктивные по содержанию и мирные по форме технологии публичного оспаривания, направленные на консолидацию общества, повышение институционального доверия и легитимности государственных структур, налаживание постоянной и конструктивной коммуникации между обществом и властью.

2. Результативность публичного оспаривания зависит от его акторов, объема и качества ресурсов, структурных и институциональных факторов, позволяющих эффективно конкурировать в публичном пространстве. Субъекты публичного оспаривания ориентированы на расширение поддержки своего проекта (целей, ценностей) со стороны массовых и элитных групп.

[48] Включен Минюстом РФ в список организаций, выполняющих функции иностранного агента.

3. Основными политико-административными технологиями субъектов публичного оспаривания в лице граждан и общественных структур являются опубличивание проблемы и аргументов участников, стремление к масштабной мобилизации, апелляция к международным институтам и т.д. Правящие элиты и контрэлитные группы применяют технологии игнорирования, помощи (кооптация) и репрессий.

4. Особенности механизмов публичного оспаривания проявляются на пяти площадках: дискурсивной, протестной, электоральной, партийно-парламентской и экспертной. На этих аренах легальные возможности политических и государственных институтов сочетаются с влиянием сетевых сообществ и гражданских ассоциаций. Названные площадки формируют публичное поле, на котором повестка, продвигаемая органами власти и ее латентными акторами, сталкивается с общественным мнением и влиянием СМИ. Дискурсивная площадка позволяет собрать всю палитру мнений; протестная – продемонстрировать масштаб общественной поддержки, оказать давление; электоральная – оформить идеи в политические проекты; партийно-парламентская – трансформировать политический проект в нормативно-правовые акты, государственные программы; экспертная – выявить наиболее конструктивные альтернативы, спрогнозировать последствия реализации проекта.

5. Цифровые технологии стали не только фундаментом для новых форм публичного оспаривания, но и механизмом повышения эффективности его традиционных форм. Использование Интернет стало мощным инструментом конкуренции, применяемым как в публичной, так и в латентной сферах, позволяющим проинформировать и мобилизовать большее количество граждан, оказать информационное давление на представителей правящей элиты.

6. В современной России наблюдается слабое влияние публичных дискуссий и консультаций на итоговое содержание принимаемых решений. Результаты функционирования дискурсивной площадки демонстрируют возрастание имитационной роли этих структур. Недостатком протестной

площадки является повышение уровня радикализма со стороны субъектов предъявления требований и агрессивности со стороны правоохранительных органов, объясняющих это необходимостью обеспечения безопасности проведения публичного мероприятия. На электоральной и партийно-парламентской площадках наблюдается деконструкция политического рынка, снижение роли оппозиционных партий. Последние утратили стратегическую возможность производства новых идей в силу серьезных ограничений на политическую и идеологическую деятельность. Вместо свободной критики, артикуляции и агрегирования актуальных потребностей и интересов граждан системные партии стали мобилизационным инструментом голосования и легитимизации процедуры выборов. Научная и общественная экспертиза слабо включены в контур принятия решений, практически не востребованы властными органами, разрабатывающими политические проекты.

7. Основными препятствиями к повышению конструктивности публичного оспаривания являются институциональный (режимный) и коммуникационный факторы. Основные институты оспаривания носят декоративно-имитационный характер, противники официального политического курса подвергаются дискредитации и стигматизации как иностранные агенты и антипатриоты. В таких условиях власть теряет навыки переговоров и компромиссов с обществом, с гражданскими структурами. Отказ от полноценной коммуникации с активной частью гражданского общества, сокращение возможностей конструктивного публичного оспаривания способны порождать непримиримость оппозиции, общую радикализацию политической ситуации в стране и выдавливание из общественного дискурса конструктивных альтернатив общественного развития.

8. Исследование практик публичного оспаривания в современной России позволило зафиксировать слабые связи между площадками, низкую конвертацию оппонирующего потенциала одних площадок в мобилизационный потенциал других. Оспаривание на дискурсивной и протестной площадках повышает внимание властей к манифестируемым проблемам, однако

предложенные в гражданской сфере альтернативы, как правило, лишь принимаются к сведению в процессе принятия политических решений. Неудовлетворенность качеством институтов представительства граждан в системе власти приводит к ускоренной политизации публичного оспаривания в гражданской сфере, к формированию сферы публичной политики как арены и конфликтных, и договорных взаимодействий институционализированных центров власти, гражданских и коммерческих структур. Условием эффективности публичного оспаривания является транспарентность площадок, возможность обогащения дискуссий результирующими продуктами их функционирования, способность субъектов оспаривания воспринимать аргументы друг друга. Благоприятным фактором для взаимодействия площадок становится многообразие участников оспаривания и конкуренция между ними.

9. В настоящее время наблюдается тенденция перетекания практик оспаривания в онлайн-пространство. В этих условиях становится возможной кооперация политических и гражданских акторов, усиливающая совокупный потенциал политико-гражданского активизма. Всеобщей тенденцией становится борьба политических субъектов за продвижение собственного дискурса в новые медиа, за его доминирование («борьба за дискурс»), навязывание собственной идеологии, собственной «картины мира». Субъекты власти расширяют нормативную регламентацию дискурсивной Интернет-активности; оппозиционные акторы апробируют новые технические и технологические возможности трансляции своего контента и информационного взаимодействия со своими сторонниками.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. В рамках концептуального подхода к публичному оспариванию политических проектов и целей выявлено и описано разнообразие его оснований и проявлений в сфере политической конкуренции, стимулирующих политическую активность элитарных и неэлитарных слоев в публичной сфере и влияющих на позиционирование этих акторов в пространстве государственной власти.

2. В рамках авторского подхода обосновано преимущественное понимание публичного оспаривания как формы политической активности, направленной на критику, опровержение и противодействие реализуемому проекту или цели, демонстрирующего в рамках повседневного контекста роль конструктивных по содержанию и мирных по форме действий участников политического процесса, не ставящих целью нанесение ущерба или устранение своих политических оппонентов. Это позволяет обозначить соответствующие возможности и ограничения этого типа активности в контексте конкурентной динамики завоевания и использования государственной (политической) власти.

3. Выделены, классифицированы и теоретически описаны основные механизмы и технологии политического оспаривания оглашаемых и реализуемых проектов, порождающие выдвижение и обоснование альтернативных целевых конструкций применительно к рассматриваемым вопросам.

4. Выделены и обоснованы факторы, обуславливающие характер и доминантную стратегию правящего режима по формированию политико-правовых, дискурсивных, информационных и цифровых возможностей и ограничений публичного оспаривания политических проектов в современном государстве.

5. Выявлены и охарактеризованы особенности пяти основных площадок публичного оспаривания политических проектов в современной России: дискурсивной, протестной, электоральной, партийно-парламентской, экспертной. Показаны особенности их влияния и взаимосвязи, демонстрирующие специфику дискурсивных практик и применяемых инструментов продвижения альтернативных позиций, каждая из которых обладает различным потенциалом влияния на политических оппонентов и реализуемые ими проекты.

Научно-теоретическая значимость результатов исследования заключается в концептуализации феномена «публичное оспаривание» как широкого спектра действий граждан и их ассоциаций, противопоставляемых правительственным или иным политическим целям и ценностям. Такой подход позволяет в будущих исследованиях фиксировать и прогнозировать появление новых форм гражданской активности или протестного действия, не получивших регламентации в нормативно-

правовых актах или актуализацию известных практик публичного оспаривания в условиях трансформации политико-правовых возможностей и ограничений.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что материалы и выводы исследования будут полезны:

- общественным объединениям и гражданским активистам, демонстрируя преимущества конструктивных и легальных видов публичного оспаривания, необходимость обучения граждан навыкам проведения эффективной дискуссии с учетом интересов и ценностей оппонента;

- органам власти для корректировки правовых возможностей публичного оспаривания с целью снижения социальной напряженности и включения граждан в процесс принятия решений;

- преподавателям для обновления читаемых курсов «Политический анализ и прогнозирование», «Становление политических партий», «Политический протест в современном мире» и других дисциплин по подготовке политологов (бакалавров и магистров).

Результаты исследования прошли апробацию в ходе 46 международных и всероссийских конференций, семинаров, круглых столов, в том числе - на конгрессах Российской ассоциации политической науки, съездах Российского общества политологов, конгрессах Международной Ассоциации политической науки (2016, 2021 гг.). Общее число публикаций автора по заявленной теме – 63, в том числе: статей в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ – 18, статей в журналах, входящих в Перечень изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России – 5; монографий, учебников, учебных пособий – 5, публикаций в иных изданиях – 4. Общий объем публикаций автора составляет 53 печатных листа. В работах, опубликованных в соавторстве, вклад соискателя не менее ½.

Структура диссертации включает в себя введение, три главы, восемь параграфов, заключение и список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСПАРИВАНИЯ

§ 1. Политическое оспаривание: концептуальные основания категоризации

Большинство проблем в организации социальной жизни произрастает из отношений государства и общества, которые чаще склоняются к конфликтным коммуникациям. Сама «природа власти порождает структурный конфликт государства и общества, изменяющий лишь свои исторические формы и признающий временным победителем либо гражданскую, либо государственную сторону»[49]. Способ разрешения конфликта «основатели» политической науки в разные эпохи видели в установлении правильной формы правления. По мнению Аристотеля, «…целью государства является благая жизнь… само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодавлеющего существования, которое как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни»[50]. Н. Макиавелли на опыте средневековой Флоренции сформулировал универсальный закон: «… мы никогда не могли обрести подходящего для нас порядка и оказались неспособными ни договориться друг с другом об основах свободной жизни, ни примириться с рабской долей. До того склонны мы ко всяким раздорам...»[51]. Через сто с лишним лет Т. Гоббс утверждал, что предотвратить соперничество людей возможно только посредством заключения перемирия под давлением более могущественного соперника – централизованной власти. Напротив, Д. Локк был убежден, что людьми можно управлять посредством общественного договора, а не принуждения.

Классики политической науки считают конкуренцию, взаимное предъявление требований, конфликты имманентной чертой сообщества. Урегулирование споров и совместная деятельность возможны только путем

---

[49] *Соловьев А.И.* Государство и общество: новые грани исторического конфликта // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. №4. С. 6, 9.
[50] *Аристотель.* Политика. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 108. (1281а 5).
[51] *Макиавелли Н.* История Флоренции // Государь: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 320.

договора, принуждающей к его соблюдению государственной власти, социальных мифов и новых технических средств, т.к. человек не обладает врожденным инстинктом сотрудничества с большими массами чужаков[52]. Сферой столкновения и согласования конфликтных интересов, конструирования воображаемых сообществ и артикуляции общих целей является политическая сфера.

Одну из трактовок политики на основе её собственных категорий и критериев дал Карл Шмитт: политика формируется обществом, способным к политическому различению друга и врага. «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации»[53]. Суть политического врага состоит в том, что он, именно иной, чужой, эвентуально от него исходит угроза, с ним возможны конфликты. Политический враг – «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, ибо всё, что соотнесено с такой совокупностью людей, в особенности, с целым народом, становится поэтому публичным»[54]. Не случайно все политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл, предполагают конкретную противоположность и привязаны к конкретной ситуации.

Субъектность группы или народа в политике формируется определением своего возможного (эвентуального) оппонента и последующим публичным предъявлением ему своих претензий: «Пока народ существует в сфере политического, он должен … определять различение друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности или воли к этому различению, он прекращает политически существовать»[55]. Таким образом, политику в целом К. Шмитт сводит к перманентному конфликту, в котором формируются субъекты политики.

---

[52] *Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синбад, 2019. С. 128.
[53] *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 301-302.
[54] Там же. С. 304.
[55] Там же. С. 326.

Иное понимание политики предлагает соотечественник К. Шмитта Юрген Хабермас. Политика рассматривается как сфера естественно существующих солидарных общностей, которые «осознают свою обусловленность друг с другом в качестве граждан государства, по своей воле и сознательно развивают заранее обнаруживаемые отношения взаимного признания, образуя ассоциацию свободных и равных носителей прав»[56]. Политика предстает как коммуникация, как искусство компромисса и примирения разнородного в результате общественного диалога, только через осуществление которого граждане могут стать «политически ответственными субъектами сообщества свободных и равных»[57]. Таким образом, политическое существование предполагает способность определять свои интересы/позицию, определять своего оппонента, признавая его непохожесть, и участие в диалоге по поиску компромиссного решения.

В современных исследованиях политической коммуникации заметно влияние двух названных традиций понимания политического. По наблюдениям автора коммуникационной теории власти, М. Кастельса, общества представляют собой противоречивые социальные структуры, не объединенные общими ценностями и интересами, что провоцирует никогда не затухающие конфликты[58]. Используя биологические аналогии, Г. Рейнгольд доказывал природную предрасположенность человека к кооперации и организованному совместному действию «умных толп» благодаря появлению общественного разума. Развитие современных коммуникационных технологий существенно расширили возможности для кооперации и взаимодействия граждан: умные толпы в компьютеризированных средах могут менять образ мысли людей. «Умные толпы состоят из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга. Люди, составляющие умные толпы, сотрудничают невиданным прежде образом

[56] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: «Наука», 2001. С. 382.
[57] Там же. С. 384.
[58] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 59.

благодаря имеющимся у них устройствам, которые обеспечивают связь и вычисления»[59].

Таким образом, органической чертой политического процесса является противоречие, проявляющееся в конкуренции и конфликтной активности акторов, использующих для достижения своих политических целей имеющиеся институты как ресурсы, а также создающие новые ресурсы благодаря открывающимся возможностям. Достоверность политических суждений должна быть проверена столкновением идей и позиций, опубличивающих иные точки зрения. Выработка консенсусных политических решений осуществляется исключительно на основе обязательного конкурентного обсуждения альтернативных суждений на публичных площадках, т.к. «спор мнений, вынесенных на политическую арену, обладает легитимирующей силой не только в смысле предоставления доступа к властным позициям; скорее, последовательно проводимый политический дискурс обладает обязательной силой также в отношении способа существования политического господства»[60]. Оспаривание включает в себя весь спектр дискурсивных форм и инструментов политической конкуренции, направленных на критику, опровержение и противодействие реализуемому проекту или цели.

Естественно, что в процессе коммуникации граждан между собой и органами власти в публичном пространстве, между элитными группами проявляются отличающиеся позиции, провоцирующие столкновение и конфликты. Концепт коммуникации является связующим звеном между конфликтом и консенсусом, т.к. подчеркивает информационную природу политических явлений, ключевую роль информации, которая имеет такой же онтологический статус, как энергия, время и пространство. При этом информация способна конвертироваться в самые разнообразные ресурсы, обеспечивая достижение множественных целей[61]. Взаимоотношения между политическими

---

[59] *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 8., 253, 292.
[60] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: «Наука», 2001. С. 389.
[61] Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 262-263.

акторами в ходе их борьбы за завоевание, удержание и использование власти, независимо от того, какой бы характер они ни принимали – конкурентный или консенсусно-договорный, содержащий в себе определенные властно-управленческие моменты или же «нейтральный», не приводящий ни к конфронтации, ни к сотрудничеству, – эти взаимоотношения не могут проявляться иначе как в форме информационного обмена, то есть коммуникации, предполагающей передачу от актора к актору тех или иных смысловых значений посредством речи, изображений, жестов, выражений лица и других символьных форм, воспринимаемых различными органами чувств[62].

Наряду с обменом информацией, субстанциональной чертой политики является конфликт. Согласно одной из многих дефиниций, конфликт представляет собой «борьбу за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников»[63]. По мнению А. Глуховой, политический конфликт – это «теоретическая и практическая борьба субъектов политики: доверенных лиц больших социальных групп, мобилизованных посредством номинации, за власть с целью модифицировать, трансформировать или сохранить социальный порядок»[64]. В первом системном изложении теории политического конфликта в отечественной политологии автор справедливо обращает внимание не только на практические, но и на теоретические, дискурсивные формы борьбы, характерные для политики оспаривания. Традиционной стратегией сторон политического конфликта является дезавуирование соперника, «обесценивание» его в политическом поле через компрометацию его позиции и личного образа. Оспаривание в публичной сфере предполагает манифестацию своего несогласия, противодействие предлагаемому варианту решения проблемы, предложение

[62] Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н. Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 79.
[63] *Козер Л.* Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 32.
[64] *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 24.

альтернативы в первую очередь *дискурсивными средствами*. В то же время, практики оспаривания реализуется и в латентной сфере.

Демонстративное несогласие предполагает публичный характер взаимодействия сторон. Х. Арендт доказывала, что политические процессы являются частью публичной сферы общества, которая проявляется в двух аспектах: максимальная открытость (видимость) и гласность взаимодействий, а также коллективность, отделение публичного мира от всего, что принадлежит человеку приватно[65]. Ю. Хабермас проследил генезис публичной сферы буржуазного европейского общества XVII-XIX вв. Уникальным фундаментом буржуазной публичности стало развитие капиталистических отношений и новых политических практик: информирование о работе палаты представителей английского парламента. Читающая публика группировалась вокруг газет, кофеен, клубов – мест презентации мнений и позиций представителей обеспеченных сословий[66]. Немецкий философ описал постепенное увеличение значимости частных мнений и убеждений, формирование общественного мнения. Публичная сфера дискурсивна, она создается в ходе чтения, интерпретации или комментирования, в ходе открытого выражения мнения, оспаривания и согласования ценностей, действия, идентичностей[67]. Носителем публичного критического мнения является публика. Иногда публичность предстает в виде сферы общественного мнения, которая противостоит частным интересам и официальной власти. По мнению Ю. Хабермаса, современная публичная сфера охватывает различные площадки для более или менее дискурсивного спора, выражения и столкновения мнений и различных групп[68].

Публичная политика, по наблюдениям Ч. Тилли, охватывает все внешне видимые взаимодействия политических деятелей, обладающих именем и положением внутри режима, а также выдвижение к ним коллективных

---

[65] *Арендт Х.* Vita Activia, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000. С. 66, 69.

[66] *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 49-148.

[67] Публичная сфера: теория, методология, кейс стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 8,11.

[68] *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. С. 18, 49-50.

требований. По мнению исследователя, большую часть всех политических взаимодействий составляет рутинная неконфликтная политика: сбор налогов, распространение политической информации и государственных благ, организационная деятельность входящих в режим агентов. «Поскольку конфликтная и неконфликтная политика накладываются друг на друга, отношения между гражданами и агентами власти охватывают все взаимодействия между подданными определенного государства и его официальными агентами»[69].

М. Кастельс рассматривает публичное пространство через акторов социальных изменений – социальные движения. Социальные изменения являются результатом интеракции культурных и политических изменений. Современные социальные движения формируются в публичном пространстве специфической структурой коммуникации конкретного общества. Публичное пространство – «это пространство социетальной, целенаправленной интеракции, где идеи и ценности формируются, передаются, поддерживаются и отвергаются; пространство, которое в конечном счете становится полигоном для действий и противодействий… Без оспаривания образов, созданных и вброшенных в публичное пространство… общества оказываются в ловушке бесконечного процесса культурного воспроизводства, огражденного от инноваций, альтернативных проектов и, в конечном счете, от социальных изменений»[70].

Дискурсивную традицию в рассмотрении публичной сферы продолжает Л. Тимофеева, характеризуя её как сферу жизни, где обсуждение общественно значимых вопросов ведет к формированию информационного общественного мнения, осуществляется публичная критика. Публичная критика представляется как деятельность по совершенствованию государственно-общественных отношений и общественного контроля[71]. Формирование свободного общества возможно только через противопоставление его государству: это постоянная борьба и сотрудничество двух этих сил. «Это сотрудничество дает государству

---

[69] *Тилли Ч.* Борьба и демократия в Европе, 1650-2000 гг. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 24.
[70] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 362.
[71] *Тимофеева Л.Н.* Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе // Политическая наука. 2020. №3. С. 124.

больше возможностей для того, чтобы предоставить обществу то, в чем последнее нуждается, а у общества появляется больше возможностей для контроля над государством»[72]. Другими словами публичная сфера «…подчеркивает возможность совместных действий властей и гражданских структур… (которые – Р.С.)… складываются в силу поддержания взаимно открытых (гласных) коммуникаций управляющих и управляемых, апеллирующих к правовым основаниям общественного порядка»[73], является тем социальным пространством, где сосуществуют гибридные социальные конструкции, различные типы социальной активности человека, местом свободного действия разнокачественных и разнонаправленных антропотоков и социопотоков[74].

Итак, рассмотрение феномена «политическое оспаривание» возможно посредством понятия «конкуренция», с опорой на две политико-философские традиции понимания политики, ассоциирующихся соответственно с К. Шмиттом и Ю. Хабермасом. Согласно первой традиции, имманентной чертой политики является конфликт, определение оппонентов, «врагов», через которое возможно появление политического субъекта. Диалог политических противников создает условия для урегулирования и разрешения политического конфликта. Институционализация диалога и протекание конфликта в границах политических институтов не только не несет угроз стабильности политической системы, напротив, способствует её устойчивости.

Согласно второй традиции, политика представляет собой искусство компромисса и примирения разнородных позиций в результате общественного диалога, а политическая субъектность определяется способностью к такому поведению. Все формы взаимоотношений участников политического процесса (и конфликтные, и согласительные) проявляются в форме информационного обмена, то есть коммуникации, предполагающей передачу от актора к актору тех или иных смысловых значений посредством речи, изображений, жестов, выражений лица и других форм, воспринимаемых различными органами чувств.

---

[72] Узкий коридор / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. М.: Издательство АСТ, 2021. С. 13.
[73] *Соловьев А.И.* Фронтирные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. №3. С. 185.
[74] *Соловьев А.И.* Государство и общество: новые грани исторического конфликта. С. 8.

Полноценный дискурсивный обмен возможен в публичном пространстве граждан, их объединений (публик), способных к свободному выражению своей позиции и коллективному, согласованному действию.

Впервые понятие *«оспаривание»* (англ. contestation) использовал Б. Жувенель, подразумевая постоянную возможность артикулировать в публичном пространстве возражения против политики, проводимой законной властью. Оспаривание осуществляется в демократическом политическом режиме, т.е. в системе, чувствительной к критике, способной к публичному обсуждению недостатков и альтернатив политического курса. К оспариванию Б. Жувенель относит только аргументированное и обоснованное несогласие. Субъектом оспаривания являются обычные граждане, «… те стихийно формирующиеся в обществе объединения людей соответственно интересам и склонностям, которые стремятся разрушить авторитарный инстинкт»[75] власти, которая при любом политическом режиме стремится к увеличению своих полномочий и расширению сферы влияния.

Институционализированная политическая оппозиция в виде конкурирующей партии является одним из инструментов оспаривания в руках граждан, т.к. её наличие дает возможность гражданину «пугать» правящую партию перспективой потери голосов на выборах в случае реализации определенной политики и передачи предпочтений её соперникам. Однако партийно-выборного механизма для влияния на решения правительства недостаточно: современные возможности граждан для оппонирования гораздо шире и не предполагают только замену у власти правящей партии или группы. По мнению Б. Жувенеля, участие в выборах и ротация правящих элит недостаточны для «достойного правления», т.к. выборы проходят с периодичностью один раз в четыре или пять лет, а политический курс правительства ежедневно дает гражданам основания для несогласия (или согласия). У гражданина должны существовать дополнительные институциональные возможности для

[75] *Жувенель Б. де.* Власть: Естественная история её возрастания. М: ИРИСЭН, Мысль, 2011. С. 385.

обсуждения, критики, и предотвращения властных решений и действий[76]. Французский философ предъявляет слишком высокие требования к гражданам, ожидая от большинства обычных граждан способности возражать аргументированно и обоснованно по всем политическим вопросам.

Более четкие границы понятие «оспаривание» приобретает в рассуждениях Г. Ионеску при использовании данной дефиниции применительно к анализу неконкурентных политических режимов, в которых отсутствует институт партийно-политической оппозиции. Под оспариванием Г. Ионеску понимает антисистемные практики, полулегальные и нелегальные действия «несогласных», основанные на фундаментальных идеологических различиях. Альтернативные (оппозиционные) группы лишь критикуют существующую власть, т.к. лишены возможности победить на нечестных выборах и стать оппозицией в классическом понимании либеральной демократии[77]. В этом же ключе Г. Лавау и Л. ван дер Ланд политическое оспаривание описывают как силовые протестные действия граждан, отказавшихся от использования институциональных каналов коммуникации в политической системе. Спецификой таких протестных коллективных действий является стремление субъектов оспаривание не сколько решить одну проблему, сколько осуществить масштабные социальные преобразования усилить эмансипацию человека в ограничивающим его социальном бытие[78]. В дальнейшем практики оспаривания в неконкурентных режимах рассматривались исследователями как механизм протестной мобилизации[79], как способ расширения участия граждан в конфликтных

[76] *Jouvenel B.* The means of Contestation // Government and Opposition. 1966. No 1 Jan. P. 156-159, 164.
[77] *Ionescu G.* Control and Contestation in Some One-Party States // Government and Opposition. 1966. No 1 Jan. P. 240-250.
[78] См. *Putten J.Van.* Political Contestation and Political Protest // Il Politico. 1970. Vol. 35, No. 4. pp. 785-798.
[79] *Beinin J., Frédéric V.* Social Movements, Mobilization, and Contestation in the Middle East and North Africa. - Stanford University Press, 2013. 352 p.

политических процессах[80], в процессах трансформации электоральных институтов[81] и принятия решений[82].

Широкую трактовку понятию «публичное оспаривание» (public contestation) дал Р. Даль, рассматривая его как один из параметров демократичности политического режима. «Публичное оспаривание», по мнению Р. Даля, означает «опровергать, делать нечто предметом диспута, спора, тяжбы»[83]. Субстанциональным свойством демократии является «непрерывная способность правительства реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные»[84]. Для обеспечения этого свойства граждане должны иметь возможность формулировать свои предпочтения, выражать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных и коллективных действий. Публичное оспаривание в трактовке Р. Даля раскрывает все многообразие дискурсивных действий граждан, профессиональных политиков, политической оппозиции по публичному представлению своего несогласия с готовящимися или принятыми решениями, действиями власти.

Публичное оспаривание в трактовке Р. Даля предъявляет высокие требования к дискурсивным способностям граждан и институтов политической оппозиции: «Каждый гражданин должен иметь адекватную и равную возможность для определения и обоснования такого своего предпочтения по вопросу, подлежащему решению, которое наилучшим образом отвечало бы интересам данного гражданина… люди должны иметь шансы на достижение понимания этих проблем»[85]. Оппозиционные политики должны быть в состоянии предложить более или менее ясные толкования и варианты решения

---

[80] *Jayasuriya K., Rodan G.* Beyond Hybrid Regimes: More Participation, Less Contestation in Southeast Asia. // Democratization. 2007. No. 14(5). P.773-794.
[81] *Jeffrey C.* Elections, Contestation, and Democracy // American Political Science Association. 2013. Vol. 11. No. 3. pp. 711-716.
[82] *Katsaura O.* Community Governance in Urban South Africa: Spaces of Political Contestation and Coalition // Urban Forum. No. 23(3), P. 319-342, *Harriss J.* "Participation" and Contestation in the Governance of Indian Cities// Simons Papers in Security and Development. 2010. No. 3.
[83] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 15.
[84] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. С. 6, 7, 16.
[85] *Даль Р.* Демократия и её критики. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 168.

общественных проблем и донести их нужной аудитории. Политические программы конкурирующих партий формируют спектр альтернатив, в рамках которого граждане могут делать свой выбор.

В развитие традиции Р. Даля А. Трантидис считает «оспариваемость необходимым элементом демократического политического режима, который позволяет гражданам оказывать политическое влияние и защищать себя от политического доминирования»[86]. Исследование истории становления демократии в США и Великобритании позволили рассматривать «оспаривание» как одну из форм легального политического участия[87]. Конкретный пример «оспаривания в рамках участия» («contestation within participation») на субнациональном уровне описан на примере практик оспаривания проектов городского развития, а также самих процедур их обсуждения. Так называемое «повстанческое участие» не предполагает тотального протеста: граждане принимают условия участия, однако проводят небольшие акции, демонстрируя своё несогласие как с предлагаемыми вариантами, так и с правилами дискуссии[88]. Другой пример публичного оспаривания приводит О. Катсаура, описавший «пространства участия» (participatory spaces) на локальном уровне в ЮАР. Участники дискурсивной площадки (общественные организации, государственные структуры) вступают в состязательно-коалиционные отношения в ходе обсуждения реализации местных проектов[89]. Как спор, конфликт в сфере культурного наследия с участием органов государственной власти рассматривают «contestation» авторы междисциплинарного сборника Я. Родерберг и П. Вагенар[90].

---

[86] *Trantidis A.* Is government contestability an integral part of the definition of democracy? // Politics. 2016 Volume: 37. P. 78.

[87] Democracy, Participation and Contestation: Civil society, governance and the future of liberal democracy / Eds. Emmanuelle Avril, Johann N. Neem. Routledge, 2015. 301 p.

[88] *Hilbrandt H.* Insurgent participation: consensus and contestation in planning the redevelopment of Berlin-Tempelhof airport // Urban Geography. 2017. Vol. 38. Issue 4. P. 537-556., *Fuller C., West K.* The Possibilities and Limits of Political Contestation in Times of "Urban Austerity" // Urban Studies. 2017. Vol. 54. No. 9. pp. 2087-2106.

[89] *Katsaura O.* Community Governance in Urban South Africa: Spaces of Political Contestation and Coalition // Urban Forum. No. 23(3), P. 319-342.

[90] Cultural Contestation. Heritage, Identity and Role of Government. Editors J. Rodenberg, P. Wagenaar. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. 342 p.

Предложенная Р. Далем характеристика «оспаривания» как критерия измерения степени демократичности политического режима была операционализирована А. Малеки и Ф. Хендриксом на материале 80 электоральных демократий в период с 1990 по 2009 гг. Исследователи предлагают анализировать оспаривание через два аспекта: конституционно закрепленные права на критику и несогласие и фактические возможности оспаривания в политической практике конкретного режима (т.е. оспаривание де-юре и де-факто). Авторы анализируют только конвенциональные формы политического участия: электоральное участие, участие в референдумах и неэлекторальное участие. Неэлекторальные формы оспаривания включают подписание петиций, участие в бойкотах, присутствие на согласованных с властями демонстрациях[91].

Понятие «оспаривание» (contestation) также используется специалистами по международным отношениям[92]. А. Винер включает как сам принцип «оспаривания», так и реальные социальные практики, благодаря которым формируются основы легитимного управления, вырабатываются и корректируются нормы взаимодействия субъектов международных отношений. Критический подход к правилам, нормативной стороне процесса управления играет конструктивную роль, т.к. создает условия для адекватного ответа на современные вызовы, а развитие нормативной системы происходит на основе диалога[93]. В международном масштабе практика оспаривания реализуется через политическое оппонирование, запросы, протесты, деятельность социальных движений, а также согласительные процедуры и арбитраж. Пытаясь избежать излишней понятийной размытости, А. Винер уточняет, что в международных отношениях оспаривание включает в себя социальную активность, имеющую правовые последствия. Однако, в выделенные им способы оспаривания включен более широкий перечень практик:

---

[91] *Maleki A., Hendriks F.* Contestation and Participation: Operationalizing and mapping democratic models for 80 electoral democracies 1990-2009 // Acta Politica. 2015. No 51(2). P. 237-272.
[92] *Jose B.* Norm Contestation Insights into Non-Conformity with Armed Conflict Norms. Berlin: Springer, 2018.
[93] *Wiener A.* Contestation and Constitution of Norms in Global International Relations. Cambridge, 2018

- *арбитраж* – правовой способ оспаривания, предполагающий рассмотрение и оценивание судебными органами проблемной ситуации на основании формальных норм;
- *обсуждение* – политический способ оспаривания норм и правил в соответствии с полуформальными «мягкими» процедурами и кодексами;
- *оправдание* – моральный способ оспаривания оценивает ситуацию на основе принципов справедливости в соответствии с морально-этическими нормами;
- *спор* – социетальный способ оспаривания в неформальной среде, в ходе которого осуществляется критика правил и процедур[94].

В работах Ч. Тилли, С. Тэрроу и Д. МакАдама сформировано собственное понимание феномена «оспаривание» (contention), в которой политическое участие и действие включены в концепцию «состязательной (конфликтной) политики» (contentious politics). «Конфликтная политика» наблюдается тогда, когда обычные граждане предъявляют требования к власти, проводят публичные акции, применяя известные формы коллективного действия и придумывая новые, формируя альянсы с влиятельными политическими акторами, опираясь на существующие возможности политико-правового режима и создавая новые, комбинируя институциональные и неинституциональные способы выдвижения своих требований. Конфликтная политика наблюдается в точке переплетения трех сфер социальной жизни: конкуренция, коллективное действие и политика[95]. Ч. Тилли подчеркивает конфликтный характер таких действий, преодоление сопротивления власть предержащих, борьбу масс – всё это способствует развитию демократии[96].

К публичному оспариванию относят такие нерутинизированные виды политической борьбы, как революции, социальные и националистические движения, индустриальные конфликты, войны, действия групп интересов. В категорию «состязательная политика» не входят рутинизированные

---

[94] *Wiener A.* Theory of Contestation. Berlin, 2014. P. vii.
[95] *Tilly C., Tarrow S.* Contentious Politics. Oxford University Press, 2015. P. 8-10.
[96] *Тилли Ч.* Борьба и демократия в Европе, 1650-2000 гг. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 9, 11.

политические действия: избирательные кампании, заседания парламента, принятие законов, административный процесс и т.п., хотя эти события могут стать её ускорителем[97]. Триггером «конфликтной политики» выступает изменение политических возможностей и ограничений, позволяющих общественным группам, лишенным доступа к институтам представительной демократии, создавать новые ресурсы для своего действия или по-новому использовать доступные. Новыми ресурсами для действия могут быть организация, идея, технические средства координации коллективных действий. Созданная концепция политики стала концептуальным фундаментом для исследования конкретных кейсов[98].

В современной зарубежной научной литературе оспаривание (contestation) не приобрело однозначного понимания: оно рассматривается как элемент социальных конфликтов, изучаемых антропологией, политологией, религиоведением в самых разных сферах (расово-этнической и образовательной политике, прав меньшинств и урбанистике и т.п.). Во-первых, оспаривание рассматривается как инакомыслие, критика, обсуждение политических проектов, столкновение интерпретаций политических событий - другими словами, *конкурентный дискурс* правительственной повестки и критиков правительства в пространстве массовой коммуникации[99]. Дискурсивное столкновение политических парадигм так позволяет политикам точнее артикулировать актуальные проблемы, расширяет арсенал альтернативных решений, как в XX-м веке этому способствовало разделение партийно-идеологического поля Европы

[97] *McAdam D., Tarrow S., Tilly C.* Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2004. P.6.

[98] *Bloom J.M.* Political Opportunity Structure, Contentious Social Movements, and State-Based Organizations: The Fight against Solidarity inside the Polish United Workers Party // Social Science History. 2014. Vol. 38. pp. 359–388.

[99] *Guitar J.* Dissent, Discourse, and Democracy. Whisteblowers as Sites of Political Contestation. Lexington Books, 2021. 220 p., *Frame A., Brachotte G.* Tweeting back: Innovative Political Contestation in Viral Posts on Twitter during the 2017 French Presidential Elections // Politics Reinvented. When innovations reshape representative democracy. Routledge, 2020. pp. 153-167., *Karapin R.* Contested Frames // Polity. 2019. Vol. 51. No. 4. pp. 629-630., *Trenz H.J.* The political contestation of Europe: from integration to disintegration // Culture, Practice& Europeanization. 2018. Vol. 3. No. 2. pp. 59-73., *Fuller C., West K.* The Possibilities and Limits of Political Contestation in Times of “Urban Austerity” // Urban Studies. 2017. Vol. 54. No. 9. pp. 2087-2106.б *Gerring J., Palmer M., Teorell J., Zarecki D.* Select Demography and Democracy: A Global, District-level Analysis of Electoral Contestation // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. Issue 3. pp. 574-591., *Machin M*. Rethinking Political Contestation over Climate Change // The Netherlands Scientific Council for Government Policy. 2015. Working Paper 10. 37 p.

на «левых» и «правых»[100]. Во-вторых, оспаривание описывается как *форма политического действия граждан* по выражению своего несогласия, как сфера конструирования новых субъектов действия, новых форм активности, продвижения общественных интересов и политической повестки. Оспаривание широко рассматривается как способ создания публичной сферы, доступной каждому гражданину при разнообразных политических режимах, в любых культурно-ценностных условиях. В упомянутых исследованиях не предпринимается попыток дать специфическое концептуальное понимание феномену «оспаривание», которое характеризуется как открытая или латентная политическая борьба, разнообразные форматы политических действий субъектов политического процесса[101].

---

[100] *Alons G.* The advantage of paradigmatic contestation in shaping and selling public policies // Journal of Public Policy. 2020. Vol. 40. Issue 4. pp. 651-671., *Marks G., Steenbergen M.* Understanding Political Contestation in the European Union // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. No. 8. pp. 879-892., о соперничестве политологических парадигм см. например, *Landman T.* Paradigmatic Contestation and the Persistence of Perennial Dualities // Political Studies Review. 2008. Vol. 6. Issue 2. pp. 178-185.

[101] *Loon A.* Political contestation and domestic politics in EU financial regulation // Democratic Citizenship in Flux. Edited by Markus Bayer, Oliver Schwarz and Toralf Stark. Transcript Vergal, 2021. pp. 63-81., *Kelly C.L.* Party Proliferation and Political Contestation in Africa: Senegal in Comparative Perspective. Palgrave Macmillan, 2020. 268 p., *Balasco L., Bauer K.* Political contestation within the human security paradigm: the state and indigenous rights in Peru and Chile // Canadian Journal of Development Studies. 2020. Vol. 41. Issue 4. pp. 561-579., *Moschella M., Pinto L., Diodati N.M.* Let's speak more? How the ECB responds to public contestation // Journal of European Public Policy. 2020. Vol. 27. No. 3. pp. 400-418., *Kreps S., Kriner D.* Model uncertainty, political contestation, and public trust in science: Evidence from the COVID-19 pandemic // Science Advances. 2020. Vol. 6. Issue 43., *Takdir M.* Contestation and the Roles of Islam in The Public Sphere: A Sociological Analysis of Religious Secularization in Indonesia and the West // Afkaruna: Indonesian Interdisciplinary Journal of Islamic Studies. 2020. Vol. 16. No.2. pp. 154-174., *Datar A.V.* Political Representation In India. Ideas and Contestations, 1908-1951. Bloomsbury Publishing, 2019. 256 p., *Kaardo J., Cantir C.* Domestic Role Contestation and Foreign Policy // Oxford Research Encyclopedia of Politics. Oxford University Press, 2017. 20 p., *Hilbrandt H.* Insurgent Participation: Consensus and Contestation in Planning the Redevelopment of Berlin-Tempelhof Airport // Urban Geography. 2017. Vol. 38. Issue 4. pp. 537-556., *Massie J.* Public Contestation and Policy Resistance: Canada's Oversized Military Commitment to Afghanistan // Foreign Policy Analysis. 2016. Volume 12. Issue 1. pp. 47-65., Media and Political Contestation in the Contemporary Arab World. A Decade of Change / Ed. Jayyusi L., Roald A.S. Palgrave Macmillan US, 2016. 327 p., *Strange M.* Political contestation and the emergence of new actors, but who governs? // Global Discourse. 2016. Volume 6. No. 3. pp. 370-373., *Mattbeis A.* Political Contestation and Discursive Argumentation: Revising Minnesota's School Integration Revenue Statute // Education Policy Analysis Archives. 2016. Vol. 24. No. 107. 26 p., *Hörhager E.* Political implications of natural disasters: regime consolidation and political contestation // Disaster Management and Human Health Risk. 2015. Vol. 150. pp. 271-281., *Mietzner M.* Reinventing Asian Populism: Jokowi's Rise, Democracy, and Political Contestation in Indonesia. East-West Center Policy Studies. East-West Center (EWC), 2015. Vol. 72. 91 p., *Sternberg G.* The Struggle for EU Legitimacy. Public Contestation, 1950-2005. Palgrave Macmillan, 2013. 290 p., *Beinin J., Frédéric V.* Social Movements, Mobilization, and Contestation in the Middle East and North Africa. - Stanford University Press, 2013. 352 p., *Ahmed N. and others.* Public and private control and contestation of public space amid violent conflict in Karachi. Working Paper. 2015. No. 11. 40 p., *Burke A.* Historical Injustice, Rawlsian Egalitarianism, and Political Contestation // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 2014. Vol. XXVII, No. 1. pp. 73-98., *Meyer N.* Political Contestation in the Shadow of Hierarchy // LEQS Paper. 2012. No. 42. 34 p., *Adela F., Tamrin A., Arifin A.* Youth Political Strategy in Political Contestation in 2014 Legislative Election // Politeia: Jurnal Ilmu Politik. 2019. No. 11. pp. 21-29., *Bahtiar. S.* Clan Masdar in Local Political Contestation (Social-Political Capital Role in Political Marketing) // Journal of Governance And Public Policy. 2019. Vol. 6. No. 3. pp. 252-269., *Flock R.* Panhandling and the Contestation of Public Space in Guangzhou // China Perspectives. Contested Urban Spaces. 2014. No. 2. pp. 37-44., *Qodir. Z.* Public sphere contestation: configuration of political Islam in contemporary Indonesia //

В представленных работах оспаривание представляет собой инструментом политической конкуренции в виде индивидуальной или коллективной активности. П. Штомпка выделяет три вида коллективной активности: массовые действия, коллективное поведение и коллективные действия. *Массовые действия* предполагают сходные действия индивидов независимо друг от друга, вне личных контактов, на основе собственных личных целей. Участие большого количества людей приводит к масштабным социальным последствиям. *Коллективное поведение* людей предполагает сходные действия индивидов, находящихся в одном пространстве, действующих под влиянием одной и той же ситуации, но не согласующих свою активность. *Коллективные действия* индивидов предполагают скоординированную активность, направленную на достижение общих целей. Сформировавшиеся долговременные организации на основе коллективного действия называют социальными движениями[102]. Выделенные три типа коллективной активности отличаются между собой степенью координации действий и масштабами солидарности, отличающимися мотивами и ценностями индивидов. Все три вида коллективной активности могут быть эффективным средством публичного оспаривания. Наиболее конструктивным видом, с точки зрения формы и содержания (артикуляции альтернативы), считается коллективное действие – социальное движение.

В политической теории сложилась традиция разграничения понятий «политическая активность», «политическое участие» и «политическое действие». «*Политическая активность* граждан понимается как разнообразные формы деятельности, целью которых является либо поддержка существующего политического порядка либо стремление к его изменению, посредством используемых гражданами форм давления в политической сфере»[103]. *Политическое участие* предполагает использование гражданами существующих

Indonesian Journal of Islam and Muslim Societies 2011. Vol. 1. No. 1. pp. 123-149., *Katsaura O.* Community Governance in Urban South Africa: Spaces of Political Contestation and Coalition // Urban Forum. 2012. No. 23(3), P. 319-342., *Jayasuriya K., Rodan G.* Beyond Hybrid Regimes: More Participation, Less Contestation in Southeast Asia. // Democratization. 2007. No. 14(5). pp.773-794.

[102] *Sztompka P.* Socjologia. Analiza społeczeństwa. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2012. S. 201-229.

[103] *Pająk-Patkowska B.* Przesłanki aktywności politycznej jednostki i jej konsekwencje // Uwarunkowania i mechanizmy partycypacji politycznej / pod red. M. Rachwała. Poznań Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM, 2017. S. 22.

институтов, регламентированных практик поведения, применение которых, как правило, укрепляет общую стабильность политической системы. Политическое участие «играло центральную роль в процессе усвоения населением демократических норм и ценностей, в формировании доверия к политическим институтам, а также продвижении свободной и конкурентной политической среды»[104]. Широкое конвенциональное политическое участие дает важные сигналы правительству о том, в чём нуждаются граждане, каковы их требования, и является признаком частичной лояльности.

Политическое действие создает новые формы оспаривания, трансформирует существующие, вовлекает в оспаривание социальные группы, ранее отличавшиеся пассивностью. Политическое действие может быть направлено на изменение некоторых институтов или трансформацию всей политической системы, а при определенных условиях, может привести к её дестабилизации[105]. По наблюдению Ч. Тилли, участие в политической жизни заключается в голосовании, партийной работе, занятии должностей и переговорах с законодателями. Люди, чьи проблемы эти процедуры не решали, имели тенденцию к уходу из политической системы и действию за её пределами[106]. Феномен «публичного оспаривания» проявляет черты массового действия, коллективного поведения и действия, используя для оспаривания как институциональные (легальные), так и неинституциональные (но конвенциональные с точки зрения граждан) формы политической активности. Субстанциональной чертой оспаривания является публичное предъявление требований, демонстрация несогласия, при сохранении диалоговых форм взаимодействия с оппонентами (частичная лояльность и умеренная нелояльность), в том числе во внутриэлитных конкурентных взаимодействиях.

Оспаривание необходимо рассматривать в единстве четырех модусов. Во-первых, оно является *источником конкуренции*, отражающим потребность в

---

[104] Демократизация: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 326.
[105] Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В. Патрушева. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 75.
[106] См. *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: ИД «ВШЭ», 2019. С. 87.

артикуляции собственных интересов в соотнесении с интересами оппонентов. Вход на поле политики требует презентации политической позиции, идеи, которая, как правило, облекается в форму проекта, программы или цели. Элитные группы зачастую маскируют посредством общественно полезного проекта свои узкогрупповые интересы и замыслы. Во-вторых, оспаривание является *инструментом конкуренции*, посредством которого группы интересов, элитные группы развенчивают идеи и цели своих оппонентов в публичной и латентной сферах. В-третьих, оспаривание представляет собой разнообразные *формы конкуренции*, располагающиеся в широком диапазоне действий - от революций до презентации своих аргументов и контраргументов в виде аналитических текстов, политических нарративов, художественных высказываний и т.д. В-четвертых, оспаривание представляет собой *инструмент диагностики,* тестирования правящих кругов на адекватность и готовность к коммуницированию с гражданским обществом.

Все модусы оспаривания зависят от характера политических игроков и их интересов, возможностей политической системы и содержательного контекста. В латентной сфере субъектами оспаривания могут выступать представители сетевых коалиций правящей элиты, оказывающих давление на государственные институты, включая риски их перепрофилирования и отказ государства от роли гражданского антрепренера. Их конкуренция нередко выплескивается в публичное пространство, стимулируя переструктурирование последнего по оси лояльности/нелояльности действующей власти. Сфера публичного оспаривания в целом является пространством открытого объявления несогласия, поскольку включает артикуляцию и агрегирование мнений общественности, механизмы и технологии воздействия на власть, практики критического анализа, гражданского активизма и т.д. В основании нашего понимания феномена «публичного оспаривания» лежит широкая трактовка Р. Даля. *Публичное оспаривание – это формы индивидуальной или коллективной политической активности, направленные на критику, опровержение и противодействие реализуемому проекту или цели политических субъектов, в том числе путем внесения*

дополнений или альтернативных проектов. К публичному оспариванию мы относим конвенциональные, нацеленные на конструктивное использование потенциала конкуренции действия участников политического процесса, не связанные с устранением своего политического противника. К публичному оспариванию мы относим конвенциональные, нацеленные на конструктивное использование потенциала конкуренции действия участников политического процесса, не ориентированные на устранение своего политического противника за рамки политического поля, и готовые к диалогу с ним. В категорию «публичное оспаривание» не включаются агрессивные неконвенциональные формы сопротивления и протеста – деструктивные действия, блокирующие коммуникацию и мирную конкуренцию, ведущую к урегулированию конфликта. Наряду с традиционными видами публичного оспаривания (пикеты, митинги, голосование за оппозицию, петиции и т.п.) появились новые (флешмоб, «мирный захват» городского пространства, уличное искусство, активность в сети Интернет и т.п.), формирующие широкий спектр возможностей для коммуникации всех заинтересованных сторон, определения их позиций и нахождение компромисса.

Продолжая традицию Ю. Хабермаса, мы рассматриваем публичную политику как «дискурс» — конкуренцию различных точек зрения, создание условий для выработки общих позиций перед принятием решений. В категорию «публичное оспаривание» не включаются агрессивные неконвенциональные формы сопротивления и протеста – деструктивные действия, блокирующие коммуникацию и мирное разрешение конфликта. В то же время полный цикл оспаривающих действий может включать в себя отдельные практики неконвенциональных действий по привлечению общественного внимания к проблеме, вынуждающие стороны к последующему диалогу. Публичное оспаривание рассматривается как форма конфликтной коммуникации, выполняющей в политической системе позитивные функции. По мнению Р. Дарендорфа социальный конфликт имеет широкие границы и может реализоваться в форме парламентской дискуссии и гражданской войны, мирных

тарифных переговоров либо забастовок[107]. В работах Ю. Хабермаса предложены правила разрешения конфликта через организованный дискурс, главное из которых состоит в том, что никто из желающих внести вклад в обсуждение не может быть исключен из числа его участников.

Практики публичного оспаривания, с одной стороны, создают условия для учета мнения не представленных в официальном дискурсе сторон при принятии конкретного решения, а с другой – формируют конструктивную систему отношений между властью и обществом, механизмы укрепления демократических практик. Публичное оспаривание в широком смысле приводит к расширению политической сферы взаимодействия активных граждан со стейкхолдерами. Многообразие практик и эффективность публичного оспаривания зависят от типа политического режима, политико-правовых возможностей и сложившихся социокультурных традиций форм диалога между властью и обществом. В то же время доминирующие практики публичного оспаривания позволяют судить о типе политического режима: неконкурентные политические режимы склонны ограничивать политико-правовые возможности оспаривания альтернативных политических проектов и решений.

Таким образом, политическое оспаривание в зарубежных политологических исследованиях рассматривается в двух формах: как форма критики/дискурса (по поводу содержания проекта, правил переговоров, права на доминирующие позиции и т.п.) и как вид конфликтного социально-политического действия. *Первая традиция* заложена автором термина Б. де Жувенелем и концептуализирована в работах Р. Даля. Публичное оспаривание (public contestation) в исследованиях американского политолога включает всё многообразие дискурсивной активности граждан, профессиональных политиков, политической оппозиции по публичному представлению своего несогласия с готовящимися или принятыми решениями, действиями власти. Уровень активности граждан в системе публичного

[107] *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. С. 371.

оспаривания становится базисным аспектом процесса демократизации, показателем типа политического режима. Расширение практик и масштабов включенности в публичное оспаривание является фактором движения политического режима от олигархии и гегемонии к полиархии.

Вторая традиция заложена исследованиями Ч. Тилли, Д. МакАдама, С. Тэрроу. Оспаривание (contention) включает конфликтную коллективную активность обычных граждан, объединение ресурсов которых позволяет им предъявлять требования к элитам, власти и другим своим оппонентам как в институциональных, так и внеинституциональных формах. Среди российских исследователей концепция состязательной политики и понятие «оспаривание» не получили широкого применения, т.к. трактовка оспаривания Ч. Тилли предстает как синоним протеста, революции и других форм нерутинизированных способов политического действия. Другими словами, «contention» получило парадигмальное описание в концепциях политического конфликта и социологии социальных движений. Обе формы оспаривания (дискурс и действие) реализуются в институционализированных и неинституционализированных формах, в публичной и латентной сферах.

Для более ясного представления феномена «публичное оспаривание» обозначим границы его действия и опишем противоположный феномен, т.е. явления, противоположные публичному оспариванию.

Публичное оспаривание предполагает несогласие субъектов публичной политики с конкретным решением власти, реализуемым политическим курсом или всей политической системой. Другими словами, антонимом оспаривания являются некоторые типы лояльного поведения. Границы между «оспариванием» и «лояльностью» не являются четкими: конструктивное, институциональное оспаривание предполагает согласие несогласных действовать в соответствии с существующими правилами и процедурами ведения дискуссии, публичного выражения своего несогласия. Правила ведения дискуссии в стабильной политической системе определяются правящей группой от имени государственной власти. Как правило, правящая группа в неконкурентном

политическом режиме ограничивает политико-правовые возможности публичного оспаривания, выражения общественного несогласия, тем самым снижая свою «чувствительность» к их легальным формам. В этом случае субъекты оспаривания радикализируются, тестируют неконвенциональные и незаконные способы действий, отдаляясь от лояльных моделей поведения.

В самом общем виде политическая лояльность определяется как приверженность индивида или группы целям, нормам, ценностям, идеологиям, предлагаемым социуму политическими институтами, элитой и лидерами общественного мнения. Эта характеристика массового политического сознания может быть подлинной, а может быть формальной, внешней, связанной только с публичным выражением поддержки. «Лояльность» рассматривается как универсальное историческое качество административно-политических отношений, закрепленное в социальном мифе, воплощенное в нормотворческих, культурных, экономических и политических практиках элит и общества и в силу этого способное быть предметом рационального политологического анализа[108].

В теории принято отличать политическую лояльность от законопослушности (проявление подчинения личного поведения правовым нормам) и от конформизма (способность индивида приспосабливаться, адаптироваться к изменяющимся условиям жизни). Политическая лояльность предполагает внутреннее согласие с официальными нормами, политическим курсом, готовность без принуждения публично оказывать им поддержку. В основе лояльности в силу ограниченности у многих людей информации о целях и реальных последствиях реализации тех или иных политических программ, нежелания или неспособности разбираться в этих вопросах лежит доверие, основанное на вере индивидов в совпадение системы ценностей рядовых граждан и политической элиты. Д. Юм в середине XVIII в. подчеркивал нравственную

[108] *Шестов Н.И.* Рациональное в политическом мифе «лояльности» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2008. №2. С. 82.

ценность лояльности, необходимость подчинения правительству для достижения свободы, справедливости и стабильности права собственности[109].

Политическая лояльность включает как *целерациональный* (осознанное приятие/неприятие действий властей на основе учета экономических и политических последствий), так и *эмоциональный* (эмпатия, симпатия/антипатия, чувство преданности/отчуждение) компоненты. Фундаментом лояльности является признание правомерности и справедливости существующей политической власти[110]. Лояльность удовлетворяет эмоциональную потребность индивида в идентификации, чувстве принадлежности[111]. О. Попова выделяет пять типов проявления лояльности/нелояльности, часть из которых не отрицает оспаривания:

1) почти полное принятие действий политического класса, его поддержка и готовность участвовать в его проектах;

2) частичная лояльность, когда при критических оценках отдельных аспектов политического курса большинство населения в целом настроено достаточно позитивно;

3) равнодушие, индифферентность по поводу ситуации в стране и действий политиков, когда население концентрируется на решении своих проблем или наивно полагает, что их жизнь не зависит от политики;

4) умеренная нелояльность, отражающая недовольство существующим режимом, действиями властей, политической элитой определенных социальных слоев, которая ограничивается в основном негативными высказываниями онлайн и офлайн по поводу политического курса, репостами и лайками критических материалов в интернет-пространстве, отказом от участия в голосовании или голосованием по протестной модели, поддержкой отдельных акций системной

---

[109] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам// Сочинения. М.: Мысль, 1996. Т. 1. С. 584-585.

[110] *Лазарев М.В.* Политическая лояльность ка фактор стабильности государства : автореф. дис. ...д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 2004. С. 28.

[111] *Санина А.Г.* Лояльность как социально-философская и практическая проблема // Вопросы философии. 2012. №10. С. 23.

или несистемной оппозиции; при этом недовольные граждане чаще всего остаются в рамках правового поля, не нарушая действующее законодательство;

5) проявленная политическая нелояльность вследствие серьезного недовольства населения ситуацией, когда могут возникнуть риски дестабилизации политического режима и даже его смены[112].

Очевидно, что частичная лояльность и умеренная нелояльность создают благоприятные субъективные условия для конструктивного политического оспаривания. Эмпирическими показателями уровня политической лояльности могут быть: признание права определенной политической группы на власть (политическая легитимность), уровень доверия различным созданным властью институтам и действующим политикам, уровень проявления (публичности) лояльности, осознание лояльности самими гражданами, готовность граждан поддерживать проекты власти. По мнению О. Поповой, достаточно точными, минимально необходимыми индикаторами степени политической лояльности/нелояльности являются показатели доверия социальным и политическим институтам, а также спектр потенциальных и реальных политических практик социальных групп[113].

Таким образом, в настоящее время множатся новые виды политического оспаривания (перфомансы, флешмобы, цифровые протесты и т.п.). Отныне высказывание носит не только вербальный характер (заявление, обращение, меморандум и т.п.), но и приобретает форму художественного высказывания (фильм, книга, выставка, песня и т.п.). Другими словами, современное политическое оспаривание обретает формы, не артикулируемые прежними (классическими) понятиями и концепциями. Политическое оспаривание одновременно является источником, инструментом и формой конкуренции, включает в себя действия граждан и профессиональных политиков по манифестации своего несогласия с политическими решениями/действиями (проектами) правящей группы. Политическое оспаривание реализуются в

---

[112] *Попова О.В. Лагутин О.В.* Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Vol. 21. №4. С. 600.

[113] Там же. С. 601.

публичных и латентных сферах, в мирных и насильственных действиях, в форме дискурса и борьбы. К практикам публичного оспаривания относятся конструктивные по содержанию и мирные по форме действия. Конструктивное содержание предполагает реалистичность предъявленных требований и предложение альтернативного проекта. Ненасильственная форма предполагает конвенциональный и законный способ действия предъявителей требований, сохраняющий возможность для диалога и поиска согласия. Оценка формы оспаривания гражданами и властью различаются: конвенциональные, с точки зрения граждан, действия, могут интерпретироваться властью как незаконные (например, эпатажное уличное искусство, одновременное присутствие граждан в одном месте и т.п.). Противоположным феноменом публичного оспаривания является полная лояльность. В то же время без взаимного признания правил ведения переговоров, лояльности к процедурам урегулирования конфликтов невозможно движение к компромиссу и согласию.

§ 2. Публичное оспаривание в системе политологических категорий и концептуальных подходов

В политическом процессе политическое оспаривание реализуется как в публичной, так и в латентной сферах в самых разных видах, которые давно стали предметом анализа политической науки: протестные действия граждан и социальных движений, действия профессиональной парламентской и непарламентской политической оппозиции, внутриэлитные конфликтные взаимодействия. Публичное оспаривание предполагает диалог и конвенциональное взаимодействие всех вовлеченных сторон и может быть реализовано в двух форматах:

– *легитимные институционализированные* действия, воспроизводящие существующие институты, ценности, нормы (оппозиционная политическая партия, общественное движение, публичное мероприятие, голосование, протестное голосование, официальные обращения в органы власти);

– *конвенциональные неинституционализированные* действия, не имеющая правовой регламентации активность, оцениваемая гражданами как приемлемая (некоторые виды коллективного поведения (флешмоб), критика в онлайн-пространстве, «дизлайки», несогласованные пикеты или шествия и т.п.).

Неконвенциональные неинституционализированные действия, такие как экстравагантные артперфомансы, террористические акты, экстремизм, не являются конструктивными по форме и содержанию действиями, блокируют диалог и поиск альтернатив.

По нашим наблюдениям, основными современными видами публичного конвенционального оспаривания, позволяющим запустить процессы конструктивного взаимодействия являются:

– публичная дискуссия граждан, политиков, экспертов: публикация критических текстов, аналитических материалов и изображений (в том числе, в сети Интернет);

– пассивное сопротивление (гражданское неповиновение);

– перфоманс, уличное протестное искусство;

– поддержка публичных петиций, направление обращений в органы власти;

– публичное мероприятие (пикеты, демонстрации, шествия, митинги, одновременное присутствие в одном месте и т.п.), участие в общественно-политических кампаниях, социальных движениях;

– протестное голосование;

– политическая оппозиция (участие в деятельности политической организации: партии или политизированной НКО).

Публичная дискуссия (спор) – форма диалога, в котором участники отстаивают свое мнение. Для возникновения спора необходимы формулировка и всеобщее признание важности проблемы, а также предложение хотя бы одного решения, критическое суждение о решении или действии власти. Недовольство и критика власти – постоянные атрибуты в оценках граждан, позволяющих подвергать сомнению их политику и практику. С середины XIX в. пресса стала местом выражения различных мнений и условием формирования

конкурирующих публичных сфер. Как указывает Ю. Хабермас, публичная сфера, с одной стороны, выполняет критические функции самоуправляемых, а с другой – это функции влияния на потребителей, избирателей и клиентов со стороны организаций, которые вторгаются в публичную медийную сферу, чтобы мобилизовать покупательскую способность, лояльность или пристойное поведение людей[114]. Классическим форматом публичной дискуссии были очные дебаты, обмен полемическими текстами в печатных и телевизионных СМИ, презентация экспертных докладов и мнений. Особым типом дискуссии является «спор для слушателей», при котором слушатели (а не оппонент) являются главными получателями аргументов и доводов спорных тезисов[115].

Отчасти синонимом публичной дискуссии является понятие «делиберация», получившее комплексное теоретическое обоснование. Выделяют четыре аспекта делиберации: информационный – сталкивает людей с новыми фактами и их интерпретациями, позволяет критически рассмотреть ранние представления; аргументативный – заостряет внимание участников на существенных аргументах, позволяет сделать раскрыть скрытые условия; рефлексивный – стимулирует участников дискуссии рефлексировать собственные предпочтения; социальный – создает ситуацию социального взаимодействия, когда люди не только имеют возможность беспрепятственно высказаться, но и быть услышанным другими. В работах Ю. Хабермаса понятие делиберации доказывает работоспособность принципа «силы лучшего аргумента», найти который возможно только в идеальной коммуникативной ситуации открытого обсуждения без манипуляций и временных ограничений[116]. По мнению Л. Тимофеевой, «… в политическом споре главное не победить, а приблизиться с двух сторон к истине, используя приемы, помогающие её раскрыть, а не затуманить»[117]. Эффективная делиберация включает в себя не

---

[114] *Хабермас Х.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 13, 25.
[115] *Поварнин С.И.* Спор. О теории и практике спора. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 19.
[116] *Dryzek J.* Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations. Oxford University Press, 2000. P. 48-56.
[117] Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: (РОССПЭН), 2021. С. 97.

только способность участников системно излагать свои аргументы, но и слушать своего оппонента. Как заметил Г. Калдер, «… слушание — необходимая составляющая дебатов, дискуссий, переговоров и иных проявлений демократической активности, … явление, необходимое демократии для ее развития, в качестве добродетели демократической практики в полном смысле этого слова. Добродетели, которая имеет вес не только для отдельных граждан, но и для институций»[118].

Интернет произвел своеобразную коммуникативную революцию, создав новые возможности для коммуникации власти и общества. Цифровизация породила новую цифровую реальность, включающую сдвиг от коммуникации к самокоммуникации, ресурсы и технологии Big Data, искусственный интеллект и нейросетевые алгоритмы работы с цифровыми данными, технологии наблюдения и распознавания визуальных образов, модели профилирования граждан на основе их персональных цифровых следов – всё это придает принципиально новое качество современному политическому процессу. Формируются новые коммуникационные модели взаимодействия между субъектами политических процессов, смещается оценка приоритетности ресурсов и их общественной важности. По наблюдениям С. Володенкова, многие актуальные вопросы политики, вытесненные из публичного офлайн-дискурса, дебатируются в онлайн-сообществах, которые становятся продвинутой альтернативой парламентской и партийной работе для политически активных и зачастую оппозиционных по отношению к власти групп граждан[119].

Простота и скорость поиска единомышленников, мобилизационные возможности интернета и мобильных технологий — всё это способствует масштабному переносу разнообразных гражданских и политических практик в виртуальное пространство[120], в том числе публичной дискуссии. М. Кастельс уверен, что новые формы коммуникации существенно изменяют

---

[118] *Калдер Г.* Демократия и слушание // Логос. 2015. Том 25. №6. С. 234-235.

[119] *Володенков С.В.* Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №2. С. 7-8.

[120] *Бродовская Е.В., Хуанг Т.* Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5. С. 7.

взаимодействие власти и контрвласти, новые технологии увеличивают шансы на появление и осуществление альтернативных проектов, возникающих в обществе[121]. Новые технологические возможности для массовой коммуникации существенно расширили возможности по осуществлению дискуссии в виртуальном пространстве. С одной стороны, использование новых коммуникационных площадок увеличивает число участников, позволяет вести дискуссию аргументированно. С другой - виртуальное пространство может искажать и негативно влиять на политический дискурс, на принимаемые решения, на восприятие этих решений обществом[122].

Условно конвенциональным видом политического действия считается *«сопротивление»* (resistance), предполагающее, как эмоциональную, так и рациональную активность. В науке различают три вида сопротивления: *непубличное сопротивление* (отказ от соблюдения законов или распоряжений власти); *гражданское неповиновение*; *активное сопротивление* (противозаконные действия и применение насилия по отношению к носителям государственной власти – подрывная деятельность, экстремизм и терроризм)[123]. К публичному оспариванию относится *гражданское неповиновение* (civil disobedience), т.к. такой вид политического действия не предполагает нанесение вреда своему оппоненту, включает публичную защиту собственного проекта, даже если проект предполагает возврат к существующему ранее состоянию. Гражданское неповиновение рассматривается как одно из средств влияния рядовых граждан на лиц принимающих решения и «предполагает совершение незаконных акций, обычно коллективных, публичных, принципиальных и символических по своему характеру, использующих преимущественно ненасильственные методы протеста и обращенных к разуму и чувству справедливости населения»[124]. Общеизвестны трагические индивидуальные акты неповиновения, получившие огромное символическое значение: самосожжение

---

[121] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 14.
[122] *Ковальчук С.К.* Делиберативные онлайн-форумы в пространстве современной политической коммуникации: проблемы и перспективы : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2019. С. 3-4.
[123] Гражданский сектор государственного управления / под ред. А.И. Соловьева. С. 314.
[124] *Коэн Д., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. С. 749.

Я. Палаха в Праге (1969 г.), М. Буазизи в Тунисе (2010 г.), И. Славиной в Нижним Новгороде (2020 г.).

Формой политического и социального протеста стало публичное *политическое представление* (performance), а также акции уличного протестного искусства (street art, protest art, public art). Политический перфоманс – это особая форма искусства действия, состоящая в исполнении определенных, заранее спланированных действий перед собравшейся публикой, попытка «перевести» политическое действие на язык метафор и символов, перенести его в пространство художественной коммуникации, наполнить дополнительными культурными кодами и смыслами[125]. Артивизм использует художественные приемы для выражения политической позиции. Особенностью этих видов оспаривания является «игровой, шутливый», более эмоционально насыщенный характер претензий, что повышает внимание аудитории и СМИ. Художественные акции реализуются в формах, не имеющих квалификации в законодательстве, а произведения уличного искусства (самое распространенное – граффити) анонимны, что делает такие формы оспаривания более безопасными для участников и авторов в репрессивных режимах[126].

В России сложились традиции публичного оспаривания общественных пороков и политической системы писателями и публицистами, которые традиционно шли в авангарде общественного мнения, становились защитниками гражданского общества. Голос писателей слышали и общественность, и власть – достаточно вспомнить А. Радищева, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Л. Толстого. К примеру, В. Белинский прямо связывал литературный процесс с общественно-политической жизнью[127]. Современными литературными примерами оспаривания в России стали

---

[125] *Шомова С.А.* От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2016. С. 78-81.

[126] *Усманова А.* От художественного акционизма к перфомативной политике: искусство и публичная сфера // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади: коллектив. монограф. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 126.

[127] *Кислицын С.А.* Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России / С.А. Кислицын. М.: КРАСАНД, 2011. С. 301.

художественные произведения Б. Акунина (Г. Чхартишвили), А. Иванова, Д. Быкова[128], З. Прилепина[129], А. Проханова.

Следующие виды публичного оспаривания по политическим темам могут быть реализованы в легальной форме, а, следовательно, относятся к гражданскому и политическому участию (процессам, при помощи которых граждане влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы): поддержка публичных петиций, направление обращений в органы власти; участие в публичном мероприятии; голосование (в том числе протестное); политическая оппозиция. Названные виды публичного оспаривания раскрывают разные аспекты публичной политики: оспаривание конкретных управленческих решений властей посредством индивидуальных и коллективных обращений относится к курсу, стратегии исполнительной власти (public policy), а политическая оппозиция, некоторые протестные акции – к сфере борьбы за доминирующие властные позиции (politics).

Обращение в органы власти рассматривается как одно из гарантированных прав граждан на индивидуальное или коллективное участие в управлении делами государства. Предмет оспаривания понятен большинству граждан, а форма участия не предполагает долговременных подготовительных согласований, отличается низким уровнем внимания СМИ. В целом, власть заинтересована в организации рутинизорованного взаимодействия с гражданами, так удается снизить эмоциональность и вероятность открытого столкновения. Публичные акции, ставящие под сомнение легитимность власти, участие в выборах политической оппозиции реализуется в иных политико-правовых условиях, в меньшей степени интересны и понятны обывателям. Традиционные виды оспаривания в политической сфере (politics) реализовывались посредством общественного протеста, деятельности оппозиционной политической партии,

[128] Одним из самых известных остается совместный проект Д. Быкова, А. Васильева, М. Ефремова «Гражданин поэт».
[129] Например, *Прилепин З.* Письмо товарищу Сталину. URL: https://zaharprilepin.ru/ru/columnistika/svobodnaja-pressa/pismo-tovarishhu-stalinu.html (дата обращения: 25.12.2021), *Прилепин З.* Почему я не либерал https://zaharprilepin.ru/ru/columnistika/12/pochemu-ja-ne-liberal.html (дата обращения: 25.12.2021).

вследствие чего в политических науках проведена достаточная концептуализация этих феноменов.

Прямой перевод термина *«протест»* с латинского языка означает «изъявлять, открыто заявлять», что предполагает относительно открытую реакцию на ситуацию в обществе. Для большинства исследователей протест – это форма участия населения в политической жизни общества, выражающаяся в различных акциях, направленных на оспаривание и конфронтацию[130]. Как указывает А. Соколов, «социальный протест – это специфическая форма социального действия субъектов общественной жизни, направленная на изменение процессов, явлений и отношений, которые оцениваются ими как неприемлемые»[131]. Протестное поведение рассматривается как реакция граждан на различные формы нарушения их социальных прав, является симптомом несовершенства социально-экономической политики, недовольства государственной политикой[132].

Политический протест – это «определенная форма выражения несогласия, сопротивления, неприятия реализуемого политического курса, т.е. то, что чаще всего *выражается определенной акцией,* действием, поступком протестного характера»[133]. Политический протест – это негативная публичная реакция индивидов и групп на решения и действия власти, однозначно сигнализирующая об их несогласии и оспаривании. Наиболее полное определение понятию «политический протест» дал М. Сабитов, который рассматривает его как «совокупность активных или пассивных политических практик индивидуальных или коллективных субъектов в форме конвенциональной или неконвенциональной сигнализации недовольства по отношению к политической системе или отдельным аспектам существующего политического порядка в

---

[130] Массовая политика: институциональные основания. С. 84.
[131] *Соколов А.В.* Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти // Южно-Российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. №2. С. 46.
[132] См. *Очкина А.* Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4. С. 69.
[133] *Поздняков С.В.* Политический протест : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2002. С. 30.

обществе»[134]. Протест предполагает восприятие ситуации гражданами и властью как конфликтной и фиксирует её манифестацией – наблюдаемыми публичными действиями граждан. Право публично выражать свое мнение, несогласие закреплено в нормативно-правовых актах большинства демократических стран мира.

Новой формой протестного действия стал *сетевой политический протест*, который рассматривается как «форма коллективного действия, ориентированного на оспаривание социальных норм, устранение сформировавшихся дисбалансов в общественно-политических отношениях посредством различных инструментов мобилизации ресурсов на основе сетевого взаимодействия»[135]. Сетевое взаимодействие базируется на горизонтальных организационных структурах, создание которых стало возможным благодаря распространению Интернета. Протестное действие предполагает рациональное обоснование действия, наличие организационных структур, целенаправленной мобилизации ресурсов, т.е., в типологии П. Штомпки, это коллективное действие.

Функции политического протеста в условиях демократического политического режима могут выполнять не только публичные мероприятия, но и иные формы законной политической активности. Разновидностью протестного поведения и одновременно формой политического участия является *электоральный протест.* Данный феномен может проявиться в виде голосования за оппозиционные политические силы, осознанного электорального абсентеизма или электорального нигилизма (голосование «против всех» или намеренная порча избирательных бюллетеней)[136]. Отличие протестного голосования от осознанной поддержки оппозиционной партии или кандидата заключается в стремлении избирателя таким поведением продемонстрировать своё индивидуальное несогласие с предложенными политическими альтернативами

---

[134] *Сабитов М.Р.* Современные детерминанты массовой протестной активности в России : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. Саратов, 2013. С. 15.

[135] Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 320, *Соколов А.В.* Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии : автореф. дис. … д-ра. полит. наук: 23.00.02. М., 2018.

[136] *Аль-Дайни М.А.* Электоральный протест: теоретические проблемы и возможности региональных исследований // Социально-гуманитарные знания. 2017. №2. С. 271.

(зарегистрированными партиями или кандидатами) и общей сложившейся политической ситуацией. Выявление протестной составляющей как отдельной формы электорального поведения остается существенной теоретической и методологической проблемой[137].

Протестное голосование мы относим к массовому действию, когда большое количество людей действуют одинаково, но по отдельности, каждый руководствуется своими собственными, индивидуальными мотивами и намерениями[138]. Абсентезим представляет собой протестную позицию. Данные виды оспаривания характеризуется отсутствием предварительного согласования действий между участниками оспаривания, непубличной манифестацией несогласия, неартикулированностью собственной альтернативной позиции по проблемному вопросу.

Слово *«оппозиция»* означает сопротивление, противодействие хорошо организованных субъектов с конкретными политическими требованиями к проектам власти[139]; это «все формы и методы выражения организованного несогласия с политикой правительства или отдельными её аспектами, в большей или меньшей мере институционализированные»[140]. *Политическая оппозиция* – это наиболее организованный, институционализированный вид публичного оспаривания с наибольшими шансами для конструктивного изменения структурных и функциональных недостатков политической системы. Субъекты политической оппозиции, кроме внесения собственных предложений по разрешению противоречий, стремятся к получению властных статусов и позиций. Занятие властных позиций по итогам выборов даёт им возможность для изменения принятых правящей группой решений и реализации своего альтернативного проекта[141].

---

[137] *Ахременко А.С., Мелешкина Е.Ю.* Голосование «против всех» как форма политического протеста: проблемы изучения // Политическая наука. 2002. №1. С. 26.
[138] *Sztompka P.* Socjologia. Analiza społeczeństwa. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2012. S. 212.
[139] Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. С. 309.
[140] Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 129.
[141] См.: *Krawczyk T.* Stosunki między rządem a opozycją w wyboranych państwach Europy. Wydawnictwo Adam Marszalek, 2005. S. 116.

В донаучный период в философии доминировало негативное отношение к партиям и оппозиции, как факторам дестабилизации политической системы. Первым позитивный смысл политической оппозиции придал Ф. Гизо в 1821 году, рассматривая её как «правление той части публики, которая осуждает правительственную систему и стремится изменить её; правда, это правление чисто моральное, не обладающее никакими принудительными средствами в отношении своих противников или своих сторонников, способное действовать лишь путем влияния, но которому достоинство и осознание всех своих прав от этого не менее необходимы»[142]. Важным ресурсом оппозиции является моральное превосходство, осознание своей важной роли в артикуляции подлинных общественных интересов. Демократическая власть заинтересована в существовании оппозиции, т.к. она помогает власти избегать ошибок и заблуждений, ограничивает её, но не разрушает.

Из всех видов публичного оспаривания категория «политическая оппозиция» наиболее разработана в политической науке[143]. В соответствии со сложившейся в западной политологии традицией, об оппозиции говорят в узком и широком смыслах[144]. Как поясняет С. Сергеев, в *узком смысле* – это политическая партия, коалиция или движение, являющееся парламентским меньшинством, способное прийти к власти по итогам следующих выборов. Узкое понимание оппозиции чаще всего относится к институализированным субъектам политического процесса (политическим партиям), входящим в парламент, но не участвующим в формировании правительства[145].

В *широком смысле* понятие «оппозиция» сосредотачивается на деятельностном аспекте участников политического процесса, считая оппозицией всех, кто публично объявляет о противоположной позиции, выступает против мнения большинства, либо господствующего мнения, а также состояние

---

[142] *Гизо Ф.* О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм: Сборник / Пер. с фр. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С.447-448.
[143] *Савенков Р.В.* Современные исследования политической оппозиции // Политическая экспертиза (ПолитЭкс). 2019. Том 15. №2. С. 275-290.
[144] См. *Kubat M.* Teoria opozycji politycznej. Kraków, 2010. S. 18-19.
[145] *Сергеев С.А.* Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 125.

противопоставления или оспаривания чему-либо. Такая трактовка оппозиции предполагает многообразие субъектов воздействия на правительство – это могут быть партии, социальные движения, группы интересов, СМИ, внутриэлитные кланы и группы давления, обладающие достаточными ресурсами для ограничения действий правительства Анализируя протестные и оппозиционные действия в современной Польше, польский политолог Г. Форыс приводит веские аргументы в пользу необходимости расширительной трактовки понятия «оппозиция», анализ протестных движений как оппозиционных[146]. На наш взгляд, широкая трактовка понятия «оппозиция» включает в себя протестные практики и в гражданском обществе, и в политической сфере. По нашему мнению, нельзя смешивать эти понятия: протест означает негативное отношение к действиям власти и, как правило, не предполагает наличия позитивной программы, альтернативного варианта разрешения проблемы. Оппозиция – более сложный вид публичного оспаривания, предполагающий кроме собственных предложений по разрешению противоречий, ещё и осознанное стремление субъектов оспаривания к получению властных статусов и позиций. Протест практикуется как гражданами, выражающими несогласие с конкретным решением власти, так и оппозицией - для мобилизации противников власти, расширения своей поддержки, оказания давления на власть. Очевидным недостатком широкой трактовки категории «оппозиция» является размывание границ понятия, потеря четкости и уникальности содержания.

Попыткой устранения терминологической путаницы, излишнего смыслового наполнения понятия «оппозиция», стало введение в научный дискурс феномена «оппозиционности». В понятие «оппозиционность» С. Сергеев включает «широкий спектр проявлений эмоций, установок, ценностей и взглядов, в большей или меньшей степени отрицающих эмоции, установки, ценности и взгляды, предлагаемые и культивируемые властью»[147]. Оппозиционность – это широкие формы социального инакомыслия, массового

[146] *Foryś G*. Ruchy społeczne. Pomiędzy oporem i opozycją // Polityka i Społeczeństwo. 2016. №1. SS. 4-55.
[147] *Сергеев С.А*. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 131.

недовольства, формы вербального несогласия с действиями власти. Вместо понятия «оппозиционность» социологи используют понятия «социальная напряженность», «социальное недовольство», для которых проведена операционализация и накоплен опыт измерения[148].

Использование концепта «публичное оспаривание» позволяет не только избежать расширительной трактовки оппозиции, но и включить в фокус политологического анализа новые виды политических действий. Сам автор термина «оспаривание» Б. Жувенель предлагал разграничивать понятие «Оппозиция» и «оппозиции». «Оппозиция» (с большой буквы) – это постоянно действующий, институционализированный инструмент «проверки действий правительства», созданный двухпартийной конкуренцией, в то время как действия «оппозиции» (с маленькой буквы) предполагают все разнообразные средства оппонирования власти[149].

Большинство российских обществоведов рассматривают политическую оппозицию в широком смысле слова, включая в свой анализ всех субъектов, противостоящих власти, неформальные организации, которые в той или иной степени отражают общественное мнение в соответствующих лозунгах и проектах[150]. Такая установка приводит к тройственному взгляду на определение оппозиции: во-первых, это некая сумма *отношений* между субъектом, обладающим политической властью, и его оппонентом; во-вторых, – это *институт* демократии[151], и, в-третьих, – это *субъект* политической жизни[152].

Анализ российских исследований политической оппозиции позволил выявить перечень её атрибутивных черт:

- инакомыслие;

---

[148] Например, *Кинсбурский А.В., Топалов М.Н.* Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. 2016. №1. С. 20-33., *Баранова Г.В.* Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. №10. С. 143-152., *Баранова Г.В., Фролов В.А.* Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. №3. С. 50-65.

[149] *Jouvenel B.* The means of Contestation // Government and Opposition. 1966. No 1 Jan. P. 158-161.

[150] Например, *Кислицын С.* Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М., 2011. С. 13.

[151] *Пономарев К.Н.* Политическая оппозиция как атрибут демократии : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. Казань, 2001. С. 54.

[152] *Гаврилов Г.А.* Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. Екатеринбург, 2003. С. 19.

- критика;
- наличие и предложение собственного альтернативного проекта общественного развития, проектов решения конкретных проблем;
- представительство общественных групп;
- обеспечение функционирования «контура обратной связи»;
- протестные действия, противодействие власти;
- организованность;
- способность субъекта устанавливать собственную повестку и формат коммуникации и, таким образом, заставлять своих контрагентов считаться с ними, как со значимым фактором;
- контроль над деятельностью власти;
- диспозиция политических акторов, не занимающих властно-управленческих позиций;
- борьба за доминирующие позиции в органах власти;
- стремление к институциональному оформлению в партию или движение;
- рекрутирование и продвижение контрэлиты.

Сформулированные атрибутивные черты политической оппозиции носят универсальный характер, т.е. в разной степени проявляются в разных типах режимов. Режимные характеристики оказывают существенное влияние на цели оппозиции и средства их достижения. Принято считать, что в конкурентных политических режимах предполагается непостоянство статуса оппозиции, потенциальная возможность обретения представителями оппозиции властного статуса. Напротив, в неконкурентных режимах смена правящей группы редко происходит по итогам честных и свободных выборов, т.к. политическая конкуренция существенно ограничена, а публичное оспаривание затруднено.

Широкое распространение гибридных форм политических режимов (сочетающих в себе формальные демократические институты и авторитарные практики) создает теоретическое затруднение, касающееся обязательности наличия у политической оппозиции всех перечисленных черт. Другими словами, можем ли мы считать политической оппозицией субъектов, которые не обладают

всеми названными атрибутами? Н. Гришин обратил внимание, что в гибридных режимах политическая оппозиция не является равным оппонентом власти, т.к. деформированный институт выборов не дает возможности оппозиции победить. В таких политико-правовых условиях согласованные (системные) оппоненты власти не прикладывают реальных усилий для занятия доминирующих властных позиций, а оппозиционное состояние перестает быть относительным состоянием, каким оно считается в зрелой демократии. Статус оппозиции в неконкурентных режимах становится самостоятельной нишей политической реальности, как постоянного оппонента действий правящей группы[153]. Существование оппозиции в таких неблагоприятных режимных условиях привело к формированию феномена *псевдооппозиции* - субъектов политического процесса, которые имитируют публичное оспаривание, но не отвечают базовым критериям оппозиции (не выполняют базовых функций).

Для выполнения конструктивных функций в политической системе политическая оппозиция вынуждена не только указывать на недостатки реализуемого курса правящей группировкой, но и артикулировать альтернативные мнения, предлагать альтернативные варианты решения актуальных проблем общества. Самым главным ресурсом оппозиции А. Глухова считает способность и возможность выдвигать реальную, сильную альтернативную повестку и самой выглядеть реальной и весомой альтернативой. «В условиях, когда общество страдает дефицитом гражданственности и солидарности, такая задача становится ключевой в осуществлении общественной мобилизации в защиту конституционных прав и свобод»[154]. Идеальная модель оппозиции включает в себя последовательное, организованное и легальное оппонирование политическому режиму, заинтересованное освещение в парламенте и СМИ реальной практики осуществления правительством своего

[153] *Гришин Н.В.* Региональная оппозиция в России: чужеродный элемент в системе гибридного политического режима // ПолитЭкс. 2014. Том 10. №4. С. 9-10.
[154] Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России: монография / под ред. А.В. Глуховой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. С. 144.

политического курса и, самое главное, обеспечение прихода к власти в ходе перевыборов парламента и президента новых лиц[155].

Политологи заметили, что не всегда оппозиция обладает собственной оригинальной политической программой, отличающейся от правительственной. Оппозиция может оспаривать конкретные стороны правительственного курса, отдельных политических деятелей из правящего лагеря, но не ставить под сомнение стратегическую линию правящей группы. В современной Европе партии популистского толка используют одну-две проблемные точки, вызывающие наибольшее недовольство населения (например, проблему мигрантов и контроль институтов ЕС над внутриполитическим процессом), оспаривают справедливость и эффективность институтов представительной демократии. В то же время, популистские партии остаются оппозицией, т.к. агрегируют недовольство групп граждан, конкурируют с системными партиями за позиции в органах власти.

Итак, коллективный протест и политическая оппозиция остаются наиболее изученными видами публичного оспаривания[156]. Наличие профессиональной организации и институционализация партий в большинстве политических систем дают возможность субъектам публичного оспаривания ставить под сомнение, опровергать как публичные, так и латентные решения, и действия власти. Политическая оппозиция в конкурентных режимах выступает институционализированной формой политического оспаривания: она образуется профессиональными политиками и приобретает легальные организационные формы. Субстанциональными чертами оппозиции, отличающими её от протестного действия, являются наличие организации и альтернативного проекта оспариваемому решению, а также публичное стремление к занятию доминирующих позиций в структурах государственной власти. Выделенный нами набор черт политической оппозиции позволяет отличать её от

---

[155] См. *Кислицын С.А.* Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России / С.А. Кислицын. М.: КРАСАНД, 2011. С. 7.

[156] *Савенков Р.В., Щеглова Д.В.* Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 4. С. 555-563.

псевдооппозиции, имитирующей в гибридных режимах субъектов публичного оспаривания.

Понятие «публичное оспаривание» позволяет комплексно рассмотреть многообразие индивидуальных и коллективных действий конструктивного предъявления требований субъектов разного типа и уровня: граждан, общественных и политических организаций, контрэлиты и внутриэлитных сетевых сообществ и т.п. Введение понятия «публичное оспаривание» поможет обнаружить способы установления баланса между участием общественности (как правило, краткосрочным) и формированием долгосрочной политики, достижением значимых результатов.

Анализ применения понятия «публичное оспаривание» позволяет сформировать две традиции его использования: 1) как институт политической мобилизации, результат становления гражданского общества и публичной сферы; 2) как характеристика конкурентной политической системы, обладающей механизмами артикуляции и учета альтернативных политических позиций. В соответствии с традицией, заложенной Р. Далем, предлагаем использовать понятия «публичное оспаривание» применительно ко всем типам политических режимов, в которых наблюдаются публичное несогласие и предъявление требований к «правительству». Оценивая масштабы и виды публичного оспаривания, мы можем судить о характере и тенденциях развития политического режима.

Наиболее изученными видами публичного оспаривания остаются протестные действия, социальные движения и политическая оппозиция. Рассмотрим используемые в нашем исследовании классические концептуальные основания их изучения. Российский обществовед Е. Здравомыслова выделила три основных теоретических подхода к исследованию социальных движений: *парадигма коллективного поведения*, *парадигма мобилизации ресурсов* и *парадигма Новых общественных движений*. Все названные подходы находились в состоянии соперничества, преувеличивая недостатки и отвергая тезисы своих оппонентов, подпитываясь и от

структуралистской, и от интеракционисткой парадигм. Со второй половины 1980-х гг. предпринимались попытки создать интегральную модель, построенную на принципах взаимодополнительности разных подходов[157].

В нашем исследовании используются постулаты парадигмы мобилизации ресурсов. Ученые данного направления отказались от ориентации на чувство недовольства индивида, как основного мотива протеста и сосредоточились на «рациональном акторе». Двигаясь по следам исследователей микроэкономики, сторонники теории рационального выбора анализировали коллективное действие через объяснение экономического интереса индивида и рациональное выделение лидера группы[158]. Одним из первых рациональную логику участников коллективного действия в рамках организации описал М. Олсон: «… группы действуют во имя собственных интересов… сущность организации – в обеспечении неделимой, общей выгоды. Отсюда следует, что обеспечение общественного блага - фундаментальная функция любой организации вообще»[159].

Д. МакКарти и М. Зальд зафиксировали появление у общественных движений 1960-х годов новых ресурсов, важнейшим из которых стала профессиональная организация движений[160]. Внутри движения происходит приобретение, а затем распределение ресурсов в соответствии с поставленными целями. Выделяются пять основных видов ресурсов: (1) материальные (деньги и физический капитал); (2) идеологические (солидарность, поддержка целей движения); (3) социально-организационные (организационные стратегии, рекрутинг участников); (4) человеческие (добровольцы, сотрудники, руководители); (5) культурные (опыт участия в коллективных действиях)[161]. Сторонники *теорий «мобилизации ресурсов»* уверены, что протест возникает только при формировании экономических, политических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства. Новые

---

[157] *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: «Наука», 1993. С. 4-5.
[158] *Tarrow S.* Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics. Cambridge University Press, 2011. p. 23.
[159] *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995. С. 1, 14.
[160] *Tarrow S.* Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics. p. 24.
[161] *Ушкин С.Г.* На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? // Мониторинг общественного мнения. 2016. №4. С. 39.

возможности для протестного действия «материализуются» в ресурсы общественного движения[162].

Концепция политических возможностей успех или неудачу общественных движений объясняет политическими возможностями и ограничениями для коллективного действия. С. Тэрроу предложил включать в структуру политических возможностей только те характеристики политического режима, которые реально могут использоваться общественными движениями для достижения целей и мобилизации поддержки. Американский социолог выделяет четыре группы показателей структуры политических возможностей: 1) степень открытости политической системы для новых акторов, претендентов на властные позиции; 2) конфронтация правящей элиты, свидетельства переструктурирования правящих сил; 3) наличие союзников движения в рамках политической системы и политической элиты; 4) появляющиеся расколы внутри элиты[163]. С. Ушкин дополняет пятый элемент политических возможностей – степень подавления государством инакомыслия[164]. Сторонниками концепции была сформирована конкретная модель структуры политических возможностей, которая позволяет оценить шансы мобилизации коллективного недовольства и оценить характер общественного движения.

Современные сторонники теорий «мобилизации ресурсов» акцентируют своё внимание на типе политического режима, включающего в себя оценку партийной и избирательной систем, анализ политических возможностей для протестного действия. В фокус внимания исследователей протеста попали новые медиа-структуры и социальные сети в Интернет, часто являющиеся ключевым ресурсом организаторов протестных действий в конкурентных и неконкурентных режимах[165]. Доступ к информации о деятельности правительства/властей оказывает негативное влияние на стабильность режима, так как у активной части

---

[162] *Meyer D. S.* Protest and political opportunities // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. pp. 125-145.
[163] *Tarrow S.* Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics, Third Edition. - Cambridge University Press, 2011. P 154-157.
[164] *Ушкин С.Г.* На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? С. 40.
[165] *Casper B. A., Scott A. T.* Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d'état. // Journal of Politics 2014. №. 76. Issue 2. pp. 548–564.

населения оказывается информация, которая зачастую противоречит официальной трактовке в СМИ и политической повестке дня[166].

В концепции политических возможностей учитываются политические факторы взаимодействия государственных, властных и общественных институтов, стратегии протеста: раскол властных групп, открытость или закрытость власти, функциональность институтов, радикализм политических решений и коллективного действия; политическая инфраструктура принципиальна для понимания поля политики[167]. А. Касович подтверждает необходимость рассмотрения протеста как феномена политических отношений, а не результата социально-экономических проблем[168].

В рамках концепции политических возможностей работали авторы подхода «конфликтной политики» (contentious politics) Ч. Тилли и С. Тэрроу. Как указывает О. Лобанова, концепция «конфликтной политики» остается авторитетной теорией, изучающей генезис общественно-протестных движений, представляет собой научно-исследовательскую констелляцию разнообразных направлений и теоретических подходов. Общая рамка «конфликтной политики» подразумевает, что мобилизация протестующих основывается на разделяемых фреймах, мобилизационных структурах (социальные движения, политические партии и другие организации), которые ограничены «сверху» правительством, создающим систему стимулов и угроз для коллективных действий[169].

Теоретические постулаты французского социолога А. Турена позволили сформировать самостоятельную *концепцию новых социальных движений*. Модифицируя постулаты классической социологии, французский ученый вводит ряд эвристически полезных терминов. *Коллективным поведением* он называет «те из конфликтных действий, которые могут быть поняты как усилие защиты,

---

[166] *Hollyer J. R., Rosendorff B. P., Vreeland J. R.* Transparency, Protest, and Autocratic Instability // American Political Science Review. 2015. Volume 109. Issue 4. pp. 764-784.

[167] *Костюшев В.В.* Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. №4. С. 145.

[168] *Касович А.А.* Технологические аспекты управления политическим протестом в современной России : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02.Саратов, 2015. С. 28.

[169] *Лобанова О.Ю.* Протестные движения и «политика оспаривания: концептуальные рамки // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. №4. С. 164.

реконструкции или адаптации некоего больного элемента социальной системы, идет ли речь о ценности, норме, властном отношении или самом обществе»[170]. Примером такого защитного коллективного поведения являются деятельность профсоюзов, стремление к возрождению традиционных или националистически-религиозных ценностей. В случае, когда конфликты анализируются как механизмы модификации решений, а значит, как факторы изменения, как политические силы в самом широком смысле слова – речь идет о *борьбе*. Целью борьбы является получение доступа к власти для принятия решений.

Когда же «конфликтные действия стремятся изменить отношения социального господства, затрагивающие характер использования главных культурных ресурсов – производства, знания, этических правил… конфликтное действие, с помощью которого культурные ориентации, поле историчности трансформируются в формы общественной организации, определенные одновременно общими культурными нормами и отношениями социального господства»[171] – А. Турен использует выражение *общественные движения*. Это действия, направленные против социального господства, никогда не сводятся к стратегии в отношении политической власти.

Подобными категориями пользуется современный исследователь М. Кастельс: *социальными движениями* он называет социальных акторов, стремящихся к культурным изменениям, изменениям ценностей, а процесс политических (институциональных) изменений – повстанческой политикой. Социальные движения и повстанческая политика исходят из утверждения культурного или политического проекта. К созданию нового политического проекта могут привести акты сопротивления политическим институтам, если действия данных институтов воспринимаются как несправедливые, аморальные и нелегитимные. «Только с появлением подобных проектов может произойти структурное преобразование»[172].

---

[170] *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 83.
[171] *Турен А.* Указ. соч. С. 83, 87.
[172] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 361.

Интегрируя разные концепции В. Костюшев, предлагает проводить анализ социального протеста в рамках триады: 1) «потенциал протеста» (состояние и практика эмоционального и морального недовольства граждан – эмотивная компонента); 2) «дискурс протеста» (состояние и практика интеллектуального и идеологического несогласия – когнитивная компонента); 3) «репертуар протеста» (состояние и практика коллективного действия – конативная компонента)[173]. Такой взгляд на протест позволяет объединить два формата активности: дискурс и действие.

Теоретическая концептуализация политической оппозиции не была популярным направлением социально-политических исследований ни в зарубежной, ни в российской политологии. Широкие формы проявления оппозиционного действия в разных политических режимах не позволили сформировать единый универсальный концептуальный подход. Большинство исследователей объясняют характер политической оппозиции посредством структурных факторов (тип политического режима и политической культуры).

Начало исследованиям феномена современной политической оппозиции в западной политологии положила статья О. Киркхаймера «Ослабление оппозиции в парламентских режимах», опубликованная в 1957 году. Следуя структуралистской традиции, политолог указал на увеличение институциональных ограничений оппозиции со стороны правительств в сравнении с их возможностями в XIX-начале XX-го века[174]. Кроме того, О. Киркхаймер обратил внимание на снижение уровня оппозиционности в большинстве западных демократий и указал на сближение позиций основных политических партий, формирование консенсуса по основным социально-политическим вопросам.

Идеи О. Киркхаймера подтолкнули ряд ведущих западных исследователей во главе с Р. Далем опубликовать в 1966 г. масштабное компаративистское

---

[173] *Костюшев В.В.* Социальный протест в поле политики. С. 147-148.
[174] *Kirchheirmer O.* The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes // Social Research. 1957. Vol. 24. No. 2. pp. 127-156.

аналитическое описание моделей оппозиции в западных странах[175]. Вторая половина 1960-х - начало 1970-х гг. были отмечены повышением внимания к различным проявлениям феномена политической оппозиции (Л. Шапиро, Г. Ионеску и И. де Мадарик). Однако исследования в этот период проводились без теоретической концептуализации, оппозиция выступала как сопутствующий объект при изучении феномена власти, правительства, парламента, партий и социальных движений[176]. Изучение оппозиции в 1970-е годы шло преимущественно за счет расширения круга стран, попавших в поле зрения исследователей, используя концептуальные подходы исследовательской традиции Р. Даля.

Как отмечает Ж. Блондель, с рубежа 1980-1990-х гг. изменился статус политической оппозиции в Восточной Европе, странах Азии, Африки и Латинской Америки. Трансформация политических систем, новые политические течения были настолько значительными и интенсивными, что стало невозможным создать какую-либо общую теоретическую конструкцию для изучения оппозиции. Практически отсутствовали исследования, посвященные анализу общих и специфических черт оппозиции в разных политических системах[177]. Многообразие типов политических партий и национальных моделей партийных систем стало препятствием и для формирования общей теории политических партий[178].

В начале 2000-х российские политологи фиксировали сохраняющийся низкий исследовательский интерес к проблемам политической оппозиции[179], также не позволяющий выйти на уровень качественных теоретических

---

[175] Political Oppositions in Western Democracies. Edited by Robert A. Dahl, Yale University Press, 1966. 484 p.

[176] *Brack N., Weinblum S.* «Political Opposition»: Towards a Renewed Research Agenda // Interdisciplinary Political Studies. 2011.Vol. 1. №1. P. 69.

[177] *Blondel J.* Political Opposition in the Contemporary World // Government and Opposition. 1997. Volume 32. Issue 4. pp. 462-464.

[178] См. *Джанда К.* Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997. С. 135-139.

[179] *Гаврилов Г.А.* Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02.. Екатеринбург, 2003. С. 6, Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной России (Федеральный и региональный аспекты): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Казань, 2005. С. 8.

обобщений[180]. Большинство российских исследований, по наблюдениям Д. Татарковой, было посвящено функционированию российской политической оппозиции как института: анализировалось функционирование оппозиции на федеральном и региональном уровне, участие оппозиции в избирательных кампаниях, способы влияния оппозиционных партий на электорат и т.п. Непарламентская оппозиция, как правило, оставалась за пределами исследовательского интереса. Кроме того, фиксируется разрыв между количеством трудов, полностью посвященных проблеме оппозиции, и многочисленными работами, затрагивающими лишь некоторые аспекты функционирования политической оппозиции. Наименее изученными остаются вопросы о понятии и видах политической оппозиции, в том числе её непарламентские формы существования и функционирования. Слабо разработана проблема формирования политической оппозиции в России на современном этапе, её неинституционализированные типы[181].

Анализ исследовательских работ по проблеме политической оппозиции позволяет выделить три основных концептуальных подхода к её изучению: *институциональный* (структурный), *поведенческий* (в некоторых источниках - социологический или процессуальный[182]) и *конфликтно-дискурсивный.*

Основы *институционального подхода* к анализу оппозиции заложил Р. Даль. Исследуя признаки демократического режима (полиархии), американский политолог сформулировал основные институты, функционирование которых гарантирует существование конкурентного режима с легальной политической оппозицией[183]. На основе двух критериев (возможность публичного оспаривания и масштабы включенности в публичное оспаривание) были описаны четыре состояния политической системы: конкурентная олигархия, закрытая и открытая гегемония, полиархия. Созданная на этой основе

---

[180] *Курбанов А.Р.* Оппозиция как субъект политического процесса (на примере России) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2009. С. 11.
[181] *Татаркова Д.Ю.* Формирование политической оппозиции в России (2011-2012 гг.): конфликтный дискурс : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2014. С. 8.
[182] *Воробьев А.А.* Основные тенденции формирования оппозиционности в современном российском политическом процессе : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Саратов, 2013. С. 8.
[183] *Даль Р.* О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 85-86.

шкала позволяет сравнивать различные политические режимы по двум критериям: 1) пределы, в которых может действовать оппозиция, границы публичного оспаривания или политической конкуренции; 2) включенность, степень, масштабы участия в системе публичного оспаривания. Р. Даль первым описал базовые условия, при которых системы публичного оспаривания имеют возможность существовать и развиваться в конкретной политической системе. К таким условиям ученый отнес исторический опыт существования конкурентных режимов, степень концентрации/рассредоточения экономических ресурсов, уровень экономического развития сообщества, степень равенства доходов и доступа к политическим ресурсам, острота культурных расколов в обществе, эффективность действий правительства, ценностные убеждения политических активистов и масштаб международного влияния[184].

Х. Линц в своем анализе «неудавшихся» демократий в 1979 г. расширяет институциональный подход, рекомендуя дополнять анализ оппозиции экономическими и культурными факторами, акцентируя внимание на политических переменных, а также социальном базисе, роли лидеров и сильных личностей[185]. Продолжая исследовательскую традицию Р. Даля и Х. Линца, Ж. Блондель в 1990-х гг. адаптировал концепт полиархий к методу сравнительного анализа. Французский политолог, вслед за Р. Далем, выделяет семь факторов (пять основных и два вмешивающихся), определяющих тип политической оппозиции. К основным отнесены: конституционный строй и электоральная система; предпосылки, складывающиеся под воздействием массовой (разделяемой большинством) политической культуры; субкультуры; уровень недовольства (претензий) к правительству; социально-экономическая дифференциация. Два вмешивающихся фактора: специфика социальных кливажей общества и ценностного консенсуса, обуславливающих уровень конфликтности; степень общественной поляризации. Таким образом, Ж. Блондель, выделил группы факторов, влияющие на цели,

[184] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. 288 с.
[185] *Линц Х.* Крушение демократических режимов. Кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. №39-40. Вашингтон, 1993. С. 12.

стратегии и действия оппозиции, к которым помимо институциональных, были дополнительно отнесены *социокультурные и социоэкономические факторы*. Такое обогащение концепта было призвано дать операциональные определения политической оппозиции для дальнейшей формализации и проведения сравнительного анализа[186].

Л. Хельмс анализирует конституционное устройство «старых» демократий с целью поиска типовой институциональной модели взаимодействия оппозиции и официальных властей, на которую можно было бы ориентироваться новым демократиям[187]. Выявленные модели отношений, закрепленных «конституционно», определяют политические, экономические и социокультурные «паттерны» политической оппозиции. Эта спецификация возвращает нас к дискурсу Р. Даля, который описывал институциональные компоненты как наиболее значимые условия для существования политический оппозиции.

Традицию рассмотрения политической оппозиции как института политической системы продолжили российские политологи. Б. Калинин определяет институт оппозиции как специфическую форму политического воздействия на органы государственной власти со стороны различных социальных и политических групп с целью законодательного обеспечения своих интересов. Роль оппозиции зависит от типа конституционализма, в условиях которого развиваются политические действия[188]. С. Володина рассматривает основные подходы зарубежных исследователей к анализу институциональных факторов, влияющих на уровень партийно-политической конкуренции и степень её прозрачности[189].

---

[186] *Blondel J.* Political Opposition in the Contemporary World. PP. 462-486.

[187] *Helms L.* Five Ways of Institutionalizing Political Opposition: Lessons from the Advanced Democracies // Government and Opposition. 2004. Volume 39. Issue 1. pp. 24-25.

[188] *Калинин Б.Ю.* Российская оппозиция в период трансформации политической системы: структурно-функциональный анализ (1993-2004 гг.) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Нижний Новгород, 2005. С. 16.

[189] *Володина С.* Институциональные факторы влияния на политическую конкуренцию: основные подходы к изучению и современная российская практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. №4. С. 27-36.

Российский политолог Г. Гаврилов применяет *структурно-функциональный подход* к анализу политической оппозиции, рассматривая её как элемент политической системы. Субъектом оппозиции могут выступать как политические партии, так и различные элитные группировки, отдельные институты государственной власти, корпоративные структуры. Развивая базовые условия публичного оспаривания Р. Даля через призму структурно-функционального подхода, Г. Гаврилов предложил учитывать при моделировании взаимодействий власти и общества глубину социокультурных кливажей. По его наблюдениям, ключевым фактором определения модели оппозиции является тип общества: гомогенный, обладающий общей культурой, или гетерогенный, наполненный разнородными субкультурными группами[190].

Перспективным становится *конфликтологический* подход к анализу политической оппозиции, обогащенный коммуникационными теориями. Наиболее успешно применила конфликтно-дискурсный метод к анализу политической оппозиции Л. Тимофеева. При анализе политики как сферы коммуникации, используется теория дискурса, которая рассматривает политическую реальность как сложное коммуникативное явление, включающее в себя не только характеристики участников коммуникации, но и тот социальный контекст, в который они вписаны, а также процессы производства и восприятия сообщения. Политическая оппозиция при данном подходе рассматривается как «альтернативная власть со своим набором смысловых политических кодов, выбранных в данный момент меньшинством в обществе, чьи интересы представлены или не представлены в парламенте»[191]. Под понятием «политический код» понимается совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых политическая информация может

---

[190] *Гаврилов Г.А.* Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Екатеринбург, 2003. С. 12-14.

[191] *Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсный анализ (теория, история, методология) : автореф. дис. … д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 2005. С. 4, 22.

быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения[192].

Таким образом, в социально-политических науках накоплен концептуальный багаж, позволяющий успешно анализировать некоторые виды публично оспаривания (протесты и оппозицию). В то же время современное оспаривание обретает новые формы, не артикулируемые прежними (классическими) понятиями и концепциями.

Выводы к главе I. В современной научной литературе политическое оспаривание (contestation) не приобрело однозначного понимания. Во-первых, оспаривание рассматривается как инакомыслие, критика, обсуждение политических проектов, столкновение интерпретаций политических событий - другими словами, *конкурентный дискурс* правительственной повестки и критиков правительства в пространстве массовой коммуникации. Во-вторых, оспаривание описывается как *форма политического действия* граждан по выражению своего несогласия, как сфера конструирования новых субъектов действия, новых форм активности, продвижения общественных интересов и политической повестки. Широкий подход трактует о*спаривание* как сферу публичной активности граждан при разнообразных политических режимах, в любых политико-культурных условиях. В упомянутых исследованиях не предпринимается попыток дать специфическое концептуальное понимание феномену «оспаривание», которое характеризуется как открытая или латентная политическая борьба, разнообразные форматы политических действий субъектов политического процесса.

Публичное оспаривание включает в себя действия граждан и профессиональных политиков по манифестации своего несогласия с политическими решениями/действиями (проектами) правящей элиты. *Публичное оспаривание – это формы индивидуальной или коллективной политической активности, направленные на критику, опровержение и противодействие реализуемому проекту или цели, в том числе путем внесения дополнений или*

[192] *Татаркова Д.Ю.* Формирование политической оппозиции в России (2011-2012 гг.): конфликтный дискурс : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2014. С. 25.

альтернативных проектов. К публичному оспариванию мы относим конвенциональные, нацеленные на конструктивное использование потенциала конкуренции действия участников политического процесса, не связанные с устранением своего политического противника за рамки политического поля, и готовых к диалогу с ним. Конструктивное содержание предполагает выполнимость предъявленных требований, предложение альтернативного проекта, способного к удовлетворительному разрешению противоречия для всех заинтересованных сторон. Мирная форма предполагает конвенциональный и законный способ действия предъявителей требований, сохраняющий возможность для диалога и поиска согласия. Феноменом, противоположным публичному оспариванию, является полная лояльность. В то же время без взаимного признания правил ведения переговоров, лояльности к процедурам урегулирования конфликтов невозможно движение к компромиссу и согласию.

Практики публичного оспаривания, с одной стороны, создают условия для учета мнения не представленных в официальном дискурсе сторон при принятии конкретного решения, а с другой - формируют конструктивную систему отношений между властью и обществом, внутри властных групп и, в целом, механизмы укрепления демократических практик. Публичное оспаривание в широком смысле приводит к формированию политической сферы взаимодействия активных граждан со стейкхолдерами, а стейкхолдерам позволяет обеспечивать массовую поддержку своим проектам в ходе внутриэлитной конкуренции. Эффективность публичного оспаривания зависят от типа политического режима, политико-правовых возможностей и сложившихся социокультурных традиций форм диалога между властью и обществом. Использование категории «публичное оспаривание» предполагает рассмотрение политики как пространства дискурса, поля публичной конкуренции политических проектов. В то же время доминирующие практики публичного оспаривания позволяют судить о типе политического режима: неконкурентные политические режимы склонны ограничивать политико-правовые возможности оспаривания политических проектов и решений.

Исследование социального протеста – одного из видов публичного оспаривания - осуществлялось в рамках социологии общественных движений, методологическим фундаментом которой стали парадигма коллективного поведения, парадигма «мобилизации ресурсов» («коллективного действия») и парадигма Новых общественных движений («парадигма идентичности»). Своеобразным вызовом для классических теорий стало опровержение гипотезы о том, что экономико-социальная стабилизация общества должна объективно сокращать мотивацию протеста, снижая внимание к самосознанию и самоидентификации протестующих. Волны мирового экономического кризиса сделали объектом внимания исследователей не только новые коммуникационные технологии, новые медиа и социальные сети, но сетевые формы публичного оспаривания, что сохраняет необходимость учитывать влияние экономического фактора на рост недовольства и коллективной мобилизации.

Не сложилась единая концепция и в анализе политической оппозиции: большинство ученых отмечают многозначность данного термина и многогранность проявления оппозиции. В зарубежных и отечественных исследованиях понятие «политическая оппозиция» чаще всего использовалось для описания конкретных политических кейсов, как одного из институтов демократического политического режима. Для современных российских исследователей наличие легальной политической оппозиции рассматривается как индикатор зрелости политического сообщества. Политологи стремятся к оценке политической оппозиции как комплексного феномена, выявлению его функций и особенностей, а также построению моделей взаимодействия с властью. Объективная сложность феномена приводит к преобладанию исследований описательного характера, концентрирующихся на видимых действиях оппозиции в конкретных политических системах. Слабо изученной остается межэлитная конкуренция, проходящая как в публичной, так и в латентной сферах.

Большинство исследователей объясняют характер политической оппозиции посредством структурной (тип политического режима и политической культуры) и поведенческой концептуальной традиции (действия конкретных лидеров и их

последователей). Использование концепта «публичное оспаривание» должно компенсировать недостаток существующих концептуальных оснований анализа протеста и политической оппозиции, не отражающих множество конвенциональных поведенческих практик выражения публичного несогласия и критики. Базовым условием конструктивного и результативного публичного оспаривания, как коммуникативного акта, создающего условия для диалога, является актуализация альтернатив и готовность к консенсусу. Основанием нашего исследования публичного оспаривания по этой причине являются структурный и конфликтно-дискурсивный подходы.

ГЛАВА 2. МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСПАРИВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Каждая историческая эпоха демонстрирует специфический тип взаимодействия власти и общества. Современные макросоциальные и макроэкономические процессы вызвали глубокие общественные трансформации, затронувшие структурные (институциональные и социокультурные) основания мира. Индустриальная эпоха закрепила статус граждан как участников процессов выработки политических решений, а демократические институты стали механизмами использования гражданского потенциала в управлении. Современное общество и государство рассматривается исследователями как новый социетальный тип, характеризующийся новыми центрами власти и новыми формами господства. Интернет стал самой крупной кибернетической сетью в мире с принципиально новыми возможностями коммуникации, благодаря которым происходит расширение публичного пространства, т.к. Интернет включает в себя не только сервисные функции информирования и коммуникации, но и социальное окружение, самостоятельно участвующее в потреблении, производстве и распространении контента. Сетевизация современного общества становится глобальным явлением, создает новых субъектов действия и актуализирует потребность в публичной демонстрации своих взглядов, идей, ценностей, самоидентификации. В то же время очевидно, что не все граждане политической системы одинаково вовлечены в процессы взаимодействия с властью, одинаково используют цифровые технологии, далеко не все подвергают своё политическое поведение саморефлексии (Д. Коэн), мотивируются ценностями самоактуализации (Р. Инглхарт). Учитывать неравномерность вовлечения граждан в процессы оспаривания, неравномерность использования возможностей цифровых технологий помогает концепция сетевого фронтира – динамичная эластичная проницаемая граница пространства контактирования, взаимовлияния социокультурных практик сетевого общества и предшествующих цивилизационных социокультурных

практик[193]. В сетевом фронтире на смену властному доминированию централизованных правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными способностями[194].

Данная глава посвящена разработке теоретико-прикладной модели политического оспаривания в пространстве современного государства с выделением субъектов, форм, сфер, а также факторов его определяющего.

§ 1. Влияние структурных и институциональных факторов на механизмы и технологии политического оспаривания

Масштабные трансформации современного государства расширяют диапазон механизмов и технологий политического оспаривания, требующие концептуализации. В политической науке уже сформирован ряд теоретических подходов, позволяющих сгруппировать базовые факторы, определяющие возможности, ограничения и содержание оспаривания.

Исследователи демократических транзитов 1980-1990-х гг. попытались выделить факторы, создающие благоприятные и ограничивающие возможности движения к конкурентному политическому режиму с развитыми практиками политического оспаривания. В. Меркель выделяет четыре больших теоретических направления: системное, структуралистское, культуралистское и теории акторов. Эти подходы различаются тем, что ищут причины успехов и неудач демократизации в различных социальных подсистемах: системно-ориентированные теоретики – в экономике и обществе, структуралисты – в государстве и социальных классах, «культуралисты» - в религии, культуре и

---

[193] *Морозова Е. Мирошниченко И., Рябченко Н.* Фронтир сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. №2. С. 86.

[194] Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия. Монография. М.Т. Гандалоева, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, Н.В. Плотичкина, Н.А. Рябченко, М.В. Терешина, К.В. Ячменник. Краснодар: Перспективы образования, 2017. С. 25.

возникающих из них типах социальных взаимодействий, а последователи теории акторов – в политической сфере[195].

Многообразие факторов, влияющих на процессы демократизации, А. Мельвиль предложил сгруппировать в структурные и процедурно-агентские. К *структурным* относятся социально-экономические и культурно-ценностные условия демократизации, а к *процедурно-агентским* – последовательность конкретных решений политических акторов[196]. В большинстве исследований политических протестов и оппозиции заложена та же концептуальная традиция. Российские исследователи политической оппозиции предложили к структурным факторам относить характеристики политического режима, параметры которого могут расширить или, напротив, сократить возможности для наращивания ресурсов оппозиции. В свою очередь на динамику режимных изменений оказывают влияние степень национальной консолидации, характер национальной идентичности, доминирующий тип политической культуры социума, эффективность государства, макроэкономические параметры политической системы, а также распространение цифровых технологий и использование их в политических процессах. К процедурно-агентским факторам отнесены изменяемые «правила игры», а также констелляция элит и распределение ресурсов между ними[197]. В итоге сила оппозиции складывается как сумма благоприятных для неё структурных факторов, которые можно обозначить как структурные возможности, политико-режимных стимулов и ресурсных достижений[198].

В 1959 г. С. Липсет предпринял попытку доказать четкую взаимосвязь между степенью социально-экономического развития и способностью общества к демократии. По его наблюдениям «… демократия соотносится с состоянием

---

[195] *Меркель В.* Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т.1. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 56.

[196] *Мельвиль А.Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования. 1998. №2. С. 6-38.

[197] *Гельман В.Я.* Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. Политические исследования. 2004. №4. С. 54.

[198] *Шкель С.Н., Шакирова Э.В.* Политическая оппозиция в гибридном режиме: опыт постсоветской России // Вестник Пермского университета. Политология. №1. 2014. С. 5.

экономического развития. Чем зажиточнее страна, чем выше её благосостояние, тем больше шансов, что в ней будет поддерживаться демократия»[199]. Многочисленные последующие исследования ясно показывают, что уровень экономического развития (измеренный по ВВП на душу населения) должен рассматриваться как важнейшая переменная для объяснения степени демократизации определенной страны[200]. Р. Даль находит подтверждения и обратной взаимосвязи: чем более конкурентным является политический режим, тем больше вероятность того, что уровень социально-экономического развития страны будет относительно высоким[201]. Американский политолог делает несколько предположений, относительно причин такой взаимосвязи. Во-первых, социально-экономические факторы обеспечивают приемлемый уровень образования и средства коммуникации; во-вторых, создают плюралистическое общественное устройство, препятствуя закреплению централизованного монопольного господства и, в-третьих, предупреждают появление крайних форм неравенства среди политически значимых слоев населения.

Развитая экономика создает потребность в квалифицированной рабочей силе и средствах связи, что способствует распределению политических ресурсов и развитию навыков среди граждан, групп и организаций. К таким ресурсам и навыкам граждан относятся знания, доход, статус, уважение определенных групп, организационные и коммуникационные навыки, доступ к организациям, экспертам, элитам. В ситуации конфликта «доступ к политическим ресурсам помогает индивидам и группам предотвращать его насильственное урегулирование, вступая вместо этого на путь переговоров и соглашений»[202]. Происходит узаконивание переговоров и соглашений, взаимной поддержки и услуг, достижение согласия как способа противодействовать односторонней власти и/или насилию. По наблюдениям Ч. Тилли «равенство и выравнивание оказывают большее влияние на характер политики оспаривания»[203].

---

[199] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016. С. 55.
[200] *Меркель В.* Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? С. 59.
[201] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. С. 77.
[202] Там же. С. 90-93.
[203] *Тилли Ч.* Режимы и оспаривание // Логос. 2008. №6. С. 112.

Противоречивое влияние оказывает экономическая глобализация: с одной стороны, большая мобильность капитала делает демократию менее угрожающей для элит и может вести к созданию консолидированной демократии, с другой – высокая мобильность капитала препятствует удовлетворению пожеланий большинства граждан. В таких обстоятельствах набирающая силу глобализация может уменьшить способность демократии улучшить благосостояние большинства[204]. В целом, развитие экономики и рост благосостояния создают условия для закрепления плюралистического общественного устройства, на основе которого формируется потребность в конкурентной политической системе, а также формируются стимулы для конструктивного политического оспаривания.

Значимым структурным фактором политического оспаривания является политическая культура. Глубоко укоренившиеся религиозно-культурные традиции имеют особое значение для анализа предпосылок и препятствий успешной демократизации, а значит и практик политического оспаривания. На основе общепринятых норм определяется отношение граждан к протестному политическому действию, спектр тем, с которыми допустимо публично выступать, легитимные и нелегитимные протестные практики, возможности кооперации институциональных политических акторов с протестующими. Очевидно, что и политические конфликты, формой которых является политическое оспаривание, определяются средой, структурным контекстом, тем или иным типом общества. А. Глухова предлагает использовать в качестве критерия уровень и характер развития социальных отношений обществ, которые либо допускают публичное соперничество и политическую борьбу, либо не признают их. Автор использует предложенную К. Поппером дихотомию открытых и закрытых обществ содержательно более богатую, чем режимные характеристики «демократия/авторитаризм»[205]. Культуралистская гипотеза

---

[204] *Асемоглу Д., Робинсон Дж.* Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 446.

[205] *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 55.

предполагает, что для демократии и её практик подходит не только западная культура, но и некоторые другие религиозные культуры, в то время как другие противостоят и препятствуют ей[206].

В своём знаменитом исследовании политической культуры Г. Алмонд и С. Верба сфокусировались на политических ориентациях – «установках по отношению к политической системе и различным её частям, а также к установкам по отношению к роли собственного «я» в политической системе… (которая определяется как – Р.С.) совокупность ориентаций по отношению к особой совокупности социальных объектов и процессов». Говоря о политической культуре общества, Г. Алмонд подразумевает политическую систему, «как она интернализируется (процесс, в ходе которого индивид познает и принимает в качестве обязательных социальные ценности и нормы поведения, характерные для его социальной группы) в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках тех, кто его составляет»[207]. Другими словами, политические убеждения и ценности являются отражением политического порядка конкретного общества, раскрывают понимание индивидом своей способности влиять на процессы принятия политических решений, добровольно вовлекаться в коллективные действия.

Важную роль в закреплении характера политического оспаривания играют общественные ценности, социальные традиции и исторический опыт кооперации. Ценности конструктивного диалога с оппонентом, с властью должны быть приняты обществом, распространены и исторически накоплены как социальный капитал, доверие в результате долгосрочной гражданско-общественной вовлеченности. Очевидно, что чем сильнее общественное доверие, тем больше вероятность социальной кооперации, тем выше рост доверия среди тех, кто в ней участвует. Эти общественные институты усиливают политические институты

---

[206] *Меркель В.* Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? С. 70.
[207] *Алмонд Г. Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М., 2014. С. 28-29.

демократии, институционализируют практики конструктивного политического оспаривания[208].

Существующие практики политического оспаривания и правила будут эффективными при их конгруэнтности с доминирующими общественными ценностями. Теория конгруэнтности предполагает большую стабильность политических режимов при совпадении паттернов власти, характеризующих политическую систему страны, с господствующими среди населения убеждениями относительно власти[209]. Предлагаемые способы критики проектов власти должны восприниматься обществом как конвенциональные и справедливые: «политические институты должны находиться в соответствии с ценностными ориентациями граждан, в противном случае им будет не хватать легитимности, и они не будут стабильными. Чем больше несоответствия между массовыми ценностями и политическими институтами, тем более нестабильным будет режим»[210].

Влияние конгруэнтности политических институтов и массовых ценностей/убеждений на политическую стабильность описал С. Хантингтон ещё в 1968 г. Современное общество отличается высокой неоднородностью, конфликтностью, провоцирующий дестабилизацию политических систем. Политическое протестное действие, активность политической оппозиции выполняют свои позитивные функции только в политических системах с устойчивыми и работоспособными политическими институтами. «В обществе любой сложности, - размышляет С. Хантингтон, - сравнительное могущество каждой из групп осуществляется через посредство политических институтов, которые умеряют это могущество и изменяют его направленность таким образом, чтобы сделать доминирование одной группы совместимым с согласием многих»[211]. Политические институты, в том числе институт политической оппозиции, возникают из необходимости разрешения разногласий между

---

[208] *Меркель В.* Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? С. 74-75.
[209] Демократизация: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 244.
[210] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. С. 180.
[211] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 29.

общественными группами, их функционирование создает возможность для определения общественных интересов[212]. Таким образом, практики политического оспаривания не угрожают стабильности политической системы при функциональной эффективности институтов критики и артикуляции альтернатив, а также института политической оппозиции.

Для оценки стабильности всей политической системы и перспектив появления оппозиции, Р. Даль отмечал необходимость анализа состояния общества, определения глубины социальных расколов и доминантных ценностей. Как правило, поляризация населения на антагонистические лагеря приводит к поляризации партийной системы и формированию слабой и неэффективной исполнительной власти. Для своего самосохранения недееспособное правительство может пойти по пути ограничения возможностей для конкуренции и оспаривания, что создает условия для дрейфа к гегемонистской модели политического режима[213]. Другими словами, краткосрочная стабильность политической системы может обеспечиваться путем снижения ценности дискуссии и полезности альтернативных мнений. Институциональные преобразования режима по сужению его открытости и конкурентности неизбежно вступят в противоречие с его эффективностью и современным растущим общественным запросом на ценности самовыражения. Как заметил М. Липсет, «стабильная демократия требует манифестировать конфликт или раскол таким образом, чтобы шла борьба за ведущие позиции, чтобы кто-то бросал вызов партиям, стоящим у власти, и ставил под сомнение правомерность их пребывания там, чтобы происходили смены правящих партий»[214].

Как указывает Р. Инглхарт, резкий рост экономической и физической безопасности после Второй мировой войны привел к «глубоким межпоколенческим культурным изменениям, трансформировавшим ценности и мировоззрение людей: произошел знаменитый сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, от ценностей выживания к ценностям

---

[212] *Там же.* С. 31, 42.
[213] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. С. 125, 144-145.
[214] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016. С. 23.

самовыражения»[215]. Современные исследования фиксируют относительно сильное воздействие ценности самовыражения на институты политической системы, появление и распространение которых вызывается, в первую очередь, социально-экономическим развитием[216]. На основе лонгитюдных социологических замеров К. Вельцель фиксирует глобальное стремление обывателей к свободе: «… желание обрести свободу ещё никогда не высказывалось так мощно, так часто и в столь многочисленных местах, как сегодня, причем как в демократических странах, так и за их пределами»[217].

Усиление ценностей самовыражения, как в конкурентных, так и неконкурентных режимах, вынуждают власти более «отзывчиво» реагировать на предпочтения масс, а политика становится всё меньше похожа на «игры» элит, которые вспоминают о народе только в период выборов[218]. По мере усиления эмансипативных ценностей активизируются движения за равные права, которые продвигают антидискриминационные нормы, формируют из них базовые стандарты оценки действий власти. Публичное давление общественных движений на бюрократический аппарат ограничивает власть чиновников над людьми. Несмотря на существенное мировое неравенство, увеличение власти простых людей является общей чертой всех сообществ. В глобальном масштабе расширяются требования к власти публично уважать чувство достоинства и идентичности самых разных групп[219].

Ценности самоактуализации, большая вовлеченность в политические дискуссии вызвали масштабные разоблачения коррупционной деятельности правящего класса, усиленные доминированием медиаполитики и политики скандала в управлении государственными делами. В результате действия этих факторов большинство граждан в мире теряют доверие к своим правительствам и своим парламентам, к политикам, уверены, что правительства не представляют

---

[215] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации … С. 20.
[216] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 229.
[217] *Вельцель К.* Рождение свободы. М.: АО «ВЦИОМ», 2018. С. 32.
[218] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия… С. 40, 43.
[219] *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 33.

волю народа[220]. В то же время, по авторитетному мнению, М. Кастельса, нарастание недовольства по отношению к политическим партиям и политическим институтам не меняет субстанциональной ценности демократии, не приводит к категоричному отказу от представительной политической системы[221]. Другими словами, существующие институты политического представительства и манифестации своего недовольства остаются конвенциональными (приемлемыми для граждан) средствами политического оспаривания

Под воздействием внешних факторов С. Пинкер наблюдает общую мировоззренческую тенденцию снижения насилия во всех сторонах жизни: «Жестокость идет на убыль одновременно со снижением терпимости к насилию и к его воспеванию, и часто именно смена мировоззрения становится ведущей силой изменений»[222]. Революционно-насильственный способ преобразования общества и изменения власти, характерный для XIX – XX вв., в наши дни перестает быть популярным. По данным исследователей, во второй половине XX в. – в сравнении с первой его половиной – роль революций как способа продвижения мирового исторического процесса (т.е. в мир-системе как целом, а не в каждом отдельном обществе) начала снижаться. «Это стало позитивным трендом, так как в результате развитие мира пошло менее драматично и с меньшими жертвами, цели прогресса стали достигаться с использованием менее разрушительных средств»[223]. Данное наблюдение подтверждает исследователь третьей волны демократизации С. Хантингтон: в последней четверти XX-го века переговоры, компромиссы и соглашения стали доминантной стратегией политической контрэлиты, реализующих демократические преобразования[224]. В то же время специалисты фиксируют распространение войн между негосударственными организациями[225], сохранение угрозы применения военного

[220] *Рейбрук Д.в* Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 13.
[221] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 346-349, 353.
[222] *Пинкер С.* Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 17-18.
[223] *Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Революции XX века: теоретический и количественный анализ//Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 143-144.
[224] *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX-го века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 179.
[225] *Кревельд М.* Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 12.

и гибридного насилия в международных отношениях, проявления «новых войн»[226]. Кроме того, есть признаки готовности политической элиты неконкурентных режимов применять насилие в подавлении политических протестов в начале XXI в. (протесты в Сирии и Египте в 2011 г., в Беларуси в 2020 г.).

Наравне с мировым снижением бытового насилия и стремлением к свободе, значимым социокультурным сдвигом в современном обществе стали упадок традиционных общественных форм (семьи, работы, пространства и т.п.) и масштабная индивидуализация[227]. З. Бауман определял общество рубежа XX-XXI вв. как «индивидуализированное», для которого характерны разрыв прежде устойчивых социальных связей, замкнутость человека на самом себе, безразличие к другому, стремление к непродолжительным и поверхностным межличностным отношениям, недолговечность любого союза, эпизодичность и кратковременность социальных взаимодействий. Это обусловлено разочарованием современного индивида в возможности достижения собственных целей коллективными действиями[228].

К примеру, польское общество, создавшее в 1980-х одну из самых крупных независимых профсоюзных организаций, сохранившая её в период военного положения и подпольного состояния, подтолкнувшее элиты к переговорным процедурам перехода к либеральной демократии («круглый стол» 1989 г.)[229], в настоящее время переживает дефицит гражданственности и политического участия[230]. Индекс «демократичности» политической культуры формируется на основе ответов респондентов об уровне общественного согласия, уровне сплочённости и способности к мобилизации, поддержке сильного лидера, неподконтрольного парламенту и институту выборов, возможности правления военных, поддержке участия в правительстве экспертов и технократов, согласия

---

[226] *Мюнклер Г.* Осколки войны: Эволюция насилия в XX-XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. С. 192-196.
[227] *Бек У.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
[228] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 73.
[229] Подробнее см. *Савенков Р.В.* Структурный генезис и эволюционная специфика польского политикума-XXI // Мировая экономика и международные отношения. 2017. - №4. С. 111-118.
[230] *Jasiecki K.* Problemy partycypacji społecznej w Polsce i ich wpływ na politykę publiczną // Studia z Polityki Publicznej. 2015. Nr. 3. S. 105.

с тезисом о неспособности демократии поддерживать публичный порядок, положительной оценке влияния демократии на развитие экономики, уровне поддержки демократии и степени отделения государства от церкви. По данному показателю Польша занимает предпоследнее – двадцать шестое место – из всех стран-членов ЕС на протяжении 2006-2012 гг. Большое значение для участия имеет уровень межличностного доверия, уверенности в том, что окружающие имеют в отношении нас добрые или враждебные намерения. «В Польше уровень межличностного доверия очень низкий, что, по мнению исследователей, становится барьером для общественной и политической активности»[231]. Другими словами, установки по отношению к политической системе являются структурными, долговременными факторами, в то время как установки на солидарное действие, готовность предъявлять требования к власти посредством политических институтов подвергаются трансформации[232].

Итак, результаты социологических опросов показывают возрастающий интерес граждан к политической жизни, желание влиять на властные решения, добиваться справедливости и уважения собственного достоинства. Одновременно расширяется разочарование в демократических институтах, увеличивается недоверие к представительным учреждениям, растет атомизация общества и снижается готовность к солидарному действию граждан. Граждане отличающихся политических систем в разной степени осуществили переход от материалистических к постматериалистическим ценностям, в разной степени стремятся к самоактуализации. Необходимым условием распространения современных ценностей является развитая экономика и удовлетворение базовых потребностей граждан. Как заметил Р. Инглхарт, «эффективная демократия более вероятная в условиях относительно развитой инфраструктуры, которая включает в себя не только экономическое процветание, но и укорененную привычку участвовать в политической жизни, а также высокую значимость свободного

---

[231] *Pająk-Patkowska B*. Przesłanki aktywności politycznej jednostki i jej konsekwencje // Uwarunkowania i mechanizmy partycypacji politycznej / pod red. M. Rachwała. Poznań Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM, 2017. S. 17.

[232] *Савенков Р.В.* Левые партии сегодня: потенциал оппозиции в современной Польше // Свободная мысль. 2019. №4. С. 168-181.

выбора для населения»[233]. Практики политического оспаривания способствуют диалогу между властью и обществом и учету мнения граждан в благоприятных институциональных условиях и соответствия доминирующим в обществе ценностям. Институциональные условия политического оспаривания раскрываются через глубоко разработанные понятия в политической науке – «государство», «политическая система» и «политический режим», «гражданский сектор в государственном управлении».

К структурным институциональным факторам относят традиционное различение между парламентскими и президентскими системами. По наблюдениям Х. Линца, «парламентаризм придает политическому процессу определенную гибкость, тогда как системе президентского правления присуща жесткость»[234], что является важным качеством в условиях постоянно меняющейся ситуации. При парламентской форме в политическом взаимодействии и оспаривании участвует множество публичных конкурирующих участников: политических партий, общественных лидеров, рядовых законодателей. Большинство исследователей уверено, что парламентские системы характеризуются более высокими уровнями политического участия, чем президентские системы, особенно при сочетании парламентаризма и пропорциональной избирательной системы[235]. В отсутствие поддержки абсолютного и сплоченного большинства парламентская система обладает свойствами, которые узакониваются в виде так называемой «консоциональной демократии», благодаря которым создается больше возможностей для появления сильных и независимо мыслящих членов правительства. Парламентские системы способствуют утверждению коалиционных и корпоративных стратегий «торга» оппозиции с правящими группами[236]. Президентская система оставляет намного меньше места для достижения консенсуса, молчаливо разделяемого всеми,

---

[233] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция…С. 169.
[234] *Линц Х.* Опасности президентства. // Пределы власти (Приложение к журналу «Век XX и мир»). 1994 Вып. 2-3. Режим доступа: http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm
[235] Демократизация: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 338.
[236] *Гельман В.* Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. Политические исследования. 2004. №4. С. 55.

изменения коалиций и заключения компромиссов, которые, какими бы дальновидными они ни представлялись, трудно оправдать в глазах общественности[237].

В тоже время есть сторонники совершенно иной позиции. К примеру, М. Шугарт и Д. Кэри поставили под сомнение способность парламентских систем обеспечивать эффективную коммуникацию между ветвями власти, между правящей группой и оппозицией, а также поддерживать устойчивость политической системы[238]. В России, а также в ряде европейских и постсоветских стран сформировалась смешанная модель, комбинирующая элементы президентской и парламентской форм правления, получившая название «полупрезиденциализм». Специалисты фиксируют два направления динамики полупрезиденстких государств: парламентаризация (Армения, Грузия, Кыргызстан, Украина) и президентаризация (Россия, Беларусь, Казахстан). В Западной Европе обозначилась тенденция к усилению автономии исполнительной власти от парламентов, в то время как в Центральной и Восточной Европе доминирует тенденция к парламентаризации[239].

Другими словами, тип политической системы (президентский, парламентский, смешанный) определяет место парламентской арены политического оспаривания, на которой результаты дискуссий принимают форму обязательных решений.

Большое значение для активности политической оппозиции имеют правила публичного оспаривания в законодательных палатах, их внутренних регламентов. К примеру, парламентская оппозиция в парламентской системе современной Польши обладает закрепленными в праве возможностями влияния на действия основных органов власти: Сейма, Сената, Правительства и Президента Польши. На правительство оппозиция имеет возможность влиять путем принятия вотума

---

[237] *Линц Х.* Опасности президентства // Пределы власти (Приложение к журналу «Век XX и мир»). - 1994 Вып. 2-3. URL: http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm

[238] *Кузнецов И.И.* Политические механизмы разделения властей в современной России / под ред. проф. А.А. Вилкова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 130-132.

[239] *Зазнаев О.И.* Индексный анализ полупрезиденстких государств Европы и постсоветского пространства // Полис. Политические исследования. 2007. №2. С. 146, 160., *Кузнецов И.И.* Политические механизмы разделения властей в современной России / под ред. проф. А.А. Вилкова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 41-49.

недоверия, внесения конструктивного вотума недоверия, недоверия к конкретному министру, принятие отчета правительства о расходовании бюджета. Однако правовые гарантии существования оппозиции не дают им системных гарантий эффективного функционирования в палатах парламента. Правовые возможности представлять свои инициативы определяются расстановкой сил в палатах парламента и способностью парламентариев создавать временные коалиции. Высшие органы государственной власти, в свою очередь, обладают правовыми инструментами обратного влияния на оппозиционные партии. Председатель палаты (маршалек) – как правило, представитель партии большинства – обладает разнообразными инструментами, способными блокировать инициативы парламентской оппозиции[240].

Институциональный дизайн политических систем прямо определяет возможности и ограничения публичного оспаривания на электоральной площадке. М. Дюверже зафиксировал влияние электоральной формулы на количество партий в парламентах: пропорциональная система толкает к большей множественности партий и политических групп[241]. Конкретные исследования зафиксировали корреляцию между уровнем фрагментации партийной системы, типом политической системы (президентская или парламентская) и возможностью гражданских протестов[242]. Согласно исследованию С.И. Озлера, в парламентских системах большое количество политических партий в легислатуре снижает уровень гражданского протеста. Напротив, в президентских системах высокий уровень фрагментированности легислатуры повышает уровень протестной активности[243]. Большее влияние оказывает тип избирательной системы, особенности институциализации партийной системы, а также

---

[240] *Pastuszko G.* Wpływ opozycji parlamentarnej na funkcjonowanie naczelnych organów władzy państwowej-analiza problemu w świetle Konstytucji RP z 1997 roku. Toruń, Wydawnictwo Adama Marszałek, 2018. S. 183-189.
[241] *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический Проект, 2007. С. 256-257.
[242] *Van Dusky-Allen J.* Winners, losers, and protest behavior in parliamentary systems // The Social Science Journal. 2017. № 54. Issue 2. pp. 30-38.
[243] *Özler Ş. İ.* Political institutions and protest: a comparative analysis // Representation. Journal of Representative Democracy. 2013. №49. pp. 135-154.

открытость национальной экономики[244]. Влияние институциональной структуры на стратегию и успешность протестных движений анализировал Г. Китчелт[245].

Л. Хельмс провел поиск типовой институциональной модели взаимодействия оппозиции и официальных властей, на которую можно было бы ориентироваться новым демократиям в два этапа. На первом этапе исследователем было проведено *различение наборов конституционных средств (законодательно закрепленных правил игры), облегчающих доступ политический оппозиции к управлению*. По убеждению Л. Хельмса, конституционные средства определяют политические, экономические и социокультурные «паттерны» политической оппозиции.

Вторая составляющая работы Л. Хельмса — это представление пяти ключевых моделей институционализации политической оппозиции на конституционном уровне. Пяти этим моделям соответствуют пять стран, которые иллюстрируют их максимально полно.

1. Концентрация оппозиции в парламенте с отсутствием права вето и с возможностью соуправления для партий парламентского меньшинства (Великобритания).

2. Парламентская оппозиция с правом вето и с возможностью соуправления для партий парламентского меньшинства (Германия).

3. Парламентско-президентская модель политической оппозиции (Пятая республика во Франции).

4. Модель оппозиции в разделении властей (США).

5. Модель прямой демократии (Швейцария)[246].

Выводы Л. Хельмса подтверждают наблюдения Х. Линца: наиболее подходящей для новых демократий моделью институционализации оппозиции является модель парламентской (parliament-centered) оппозиции в Германии. Эта

---

[244] *Van der Brug W., Eijk C., Franklin M.* The Economy and the Vote. Economic Conditions and Elections in Fifteen Countries. Cambridge University Press, 2007. 244 p.

[245] *Kitschelt H.* Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // British Journal of Political Research. 1986. №16. pp. 57-85.

[246] *Helms L.* Five Ways of Institutionalizing Political Opposition: Lessons from the Advanced Democracies // Government and Opposition. 2004. Volume 39. Issue 1. pp. 24-25.

модель показала наибольшую гибкость и конкурентные преимущества относительно остальных, учитывая дифференциацию партийной системы и стратегии оппозиционных партий. Ключевое средство в немецкой модели – это «конструктивный вотум недоверия» (constructive vote of no confidence[247]), который позволяет блокировать негативные эффекты крайних идеологий и популистских лидеров. Таким образом, Л. Хельмс предлагает конкретные институциональные инструменты, формирующие наиболее конструктивную модель взаимодействия власти и оппозиции. Негативным эффектом модели в условиях экономической стабильности стало снижение принципиальности лидеров оппозиции, стремление к сговору друг с другом ради снижения издержек.

Политический режим, в отличие от понятия «политическая система», отражает динамические характеристики политического процесса, фиксирует реальное функционирование политических институтов. Демократический режим, в понимании Х. Линца, предполагает «законное право формулировать и *отстаивать политические альтернативы*, которым сопутствует право на свободу объединений, свободу слова и другие главные политические права личности; свободное и ненасильственное соревнование лидеров общества с периодической оценкой их претензий на управление обществом; включение в демократический процесс всех эффективных политических институтов; обеспечение условия политической активности для всех членов политического сообщества независимо от их политических предпочтений. Практически это означает право создавать политические партии и регулярно проводить свободные и честные выборы, не лишая какой-либо политический институт прямо или косвенно электоральной значимости [248]. В понятие режима включают как институциональные, так и неинституциональные практики политического взаимодействия: «…совокупность формальных и неформальных правил,

[247] Конструктивный вотум недоверия – это вариант вотума недоверия, когда парламентские партии могут объявить вотум недоверия главе правительства (который является, как правило, главой партии большинства) в том случае, если партии согласовали фигуру «преемника». Этот принцип был впервые применён в Германии и существует в парламентах Испании, Венгрии, Израиле, Польше, Бельгии.

[248] *Линц Х.* Крушение демократических режимов. Кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. №39-40. Вашингтон, 1993. С. 13.

регулирующих каналы доступа к властным позициям и формирующих модели осуществления государственного управления»[249]. Таким образом, субстанциональным публичным институтом в современных политических системах являются выборы.

В соответствии с институциональной традицией Р. Даля, политические режимы различаются между собой по тому, какая часть населения участвует в контроле и оспаривании действий правительства, какие возможности есть для организации институциональной оппозиции. Другими словами, степень участия граждан и политической оппозиции в системе публичного оспаривания становится базисным аспектом процесса демократизации и одновременно индикатором типа политического режима. Р. Даль классифицировал политические режимы по двум измерениям: 1) пределы, в рамках которых может действовать оппозиция, т.е. границы публичного оспаривания (или политическая конкуренция); 2) количество населения, допущенного к относительно равному участию в контроле и оспаривании действий правительства (степень участия в системе публичного оспаривания). Это частично независимые друг от друга переменные: увеличение масштабов публичного оспаривания подразумевает либерализацию режима, увеличение его конкурентности; высокое участие граждан в процессах управления сигнализирует о больших масштабах вовлечения масс. Однако о подлинной демократизации может идти речь только тогда, когда наблюдается положительная динамика по обоим данным параметрам. Созданная на этой основе шкала позволяет сравнивать различные политические режимы и масштабы публичного оспаривания (Таблица 1).

Таблица 1.

Политические режимы в концепции Р. Даля[250]

Публичное оспаривание (либерализация)	Высокое	Конкурентная олигархия	Полиархия
	Низкое	Закрытая гегемония	Открытая гегемония
		Низкое	Высокое
		Участие (открытость)	

[249] *Шкель С.* Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. С. 10.
[250] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. С. 9-13.

Важнейшим аспектом демократии (полиархии), в трактовке Р. Даля, является существование оппозиции, состязательности между правительством и оппонентами, что заставляет правительство непрерывно реагировать на предпочтения своих граждан[251]. Оценка состояния публичного оспаривания позволяет судить о типе политического режима, доминировании демократических или авторитарных признаков.

Выделенные Р. Далем параметры политического режима легли в основу последующих подходов к анализу политической оппозиции и позволили сформулировать ясные зависимости между стратегиями власти и оппозиции и объемом доступных им ресурсов. Исследователь негативно относился к силовому подавлению оппозиции, т.к. такая стратегия приводит к разрушению системы взаимной безопасности. Для влияния на оппозицию правительство может использовать ресурсы двух типов: силовые методы принуждения (военные и полиция) и несиловые методы убеждения и поощрения (социально-экономические санкции). По наблюдениям современных политологов, политика, применяемые механизмы и инструменты управления по-прежнему осуществляются в соответствии с интересами правящего режима и его стратегиями[252].

Рассматривая оспаривание в рамках своей концепции «конфликтной политики» Ч. Тилли, напротив, не видит связей между сменой режима и политикой оспаривания. Как указывает американский политолог, «… у нас нет никакого общепринятого и опытно доказанного объяснения того, как преобладающие формы народной борьбы варьируются и меняются от режима к режиму, а также откуда берутся такие вариации и изменения… у нас нет никакой общепринятой карты различий в формах и динамике политики оспаривания, которые имеют место при различных типах режимов правления»[253]. Слабость

---

[251] Там же. С. 6.
[252] Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография / А.И. Соловьев. М.: «Аспект Пресс», 2021. С. 46.
[253] *Тилли Ч.* Режимы и оспаривание // Логос. 2008. №6. С. 94, 102.

позиции Р. Даля видится в том, что под оспариванием понимается институциональное право на оппозицию, а не характер или частота действительного оспаривания[254].

Итак, в классическом исследовании Р. Даля 1971 г. масштабы публичного оспаривания профессиональной оппозицией и гражданами подталкивают политический режим к большей ненасильственной конкурентности, а, значит, расширяют доступ к властным позициям, позволяют отстаивать политические альтернативы. Базовым требованием к конструктивному оспариванию являются политическая активность граждан и элит, свободные и честные выборы в органы власти. Однако результативность публичного оспаривания зависит от используемых правительством методов влияния на оппозицию, спектр которых в гибридных режимах расширился.

Высокое значение сознательной публичной активности граждан актуализирует постулаты классического республиканизма, ядром которого являются публика, публичная жизнь и публичная политика:

- у человека должна быть реальная возможность участвовать в политически значимых обсуждениях и влиять на их исход;
- его вклад в политику признается в оценке его заслуг перед значимым для него сообществом;
- гражданин понимает, что его голос будет услышан и учтен при формировании политики, а не только в день выборов[255].

Изначально термин «res» означал «оспариваемое дело», республика «существует в процессе постоянного оспаривания, который лишь укрепляет её форму и тем самым претензии на реальность»[256]. Центральными факторами формирования «республики» («общего дела») становятся структурные: возможность участвовать и оспаривать, система общественной оценки

[254] Там же. С. 100.
[255] *Хархордин О.* Республика, или Дело публики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 12.
[256] Там же. С. 35.

политического участия, формирование т.н. «демократического мифа» (Г. Алмонд) – уверенность гражданина в своей потенциальной влиятельности.

Дефицит республиканских элементов в конкурентных политических режимах стал основанием для их концептуальной критики. Недостаток современной демократии Н. Луман видит в *слабой коммуникации и недостаточной готовности к компромиссу* между центрами власти и общественной периферией. Естественная артикуляция интересов невозможна, если граждане не имеют знаний и навыков публичной жизни. Современные СМИ удовлетворяют информационный дефицит, но скорее мешают формированию полноценной картины мира, тормозят развитие навыков конструктивного участия «во власти», нежели проясняют и развивают их. В республиканской традиции Б. Барбер выделяет «слабую» и «сильную» демократию не по качеству политических институтов, а по масштабу участия общества в гражданской жизни. В «слабой» демократии распространен индивидуализм и пассивность масс, участвующих лишь в выборах. В «сильной» демократии граждане участвуют в публичной жизни своего социума, влияют на принятие решений, которые определяются по итогам дискуссии. Базовой идеей демократии является необходимость свободного обсуждения альтернатив перед принятием любых общественных решений[257].

Влиятельной концепцией, предполагающей совместное производство публичной политики властными институтами государства, элитными группами и общественными структурами в целях обеспечения единства общества, становится концепция сообщественной демократии. Проект сообщественной модели предполагает институциональное закрепление участия и влияния на процессы принятия решений представителей всех сегментов гетерогенного общества. Условием реализации данной модели демократии является сотрудничество элит[258].

---

[257] *Hess A.* Społeczni uczestnicy medialnego dyskursu politycznego w Polsce. Mediatyzacja i strategie komunikacyjne organizacji pozarządowych. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013. S. 46.

[258] *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 36.

Рассматривая модели демократии, Д. Хелд считает необходимым улучшение природы и формы политического участия в сторону «совещательной демократии». «Совещательная» модель демократии предъявляет повышенные требования к гражданам и политической элите, главными чертами которых являются «компетентность в полемике, использование интеллекта общественности в государственных делах и непредвзятость в обретении истины»[259]. Другими словами, политический режим в рассмотренных концепциях предстает в виде эквилибриума граждан и элиты. Конструктивное участие граждан создает благоприятные условия для активности оппозиции и подталкивает элиты к демократическим формам режима. Объект внимания смещается с институтов в сторону рассмотрения разнообразных контекстов гражданского общества, некоторые из которых препятствуют, а некоторые – способствуют свободному обсуждению и дебатам[260].

С начала XXI века исследователи фиксируют глобальную дисфункциональность демократических режимов – «неспособность демократии служить справедливости, содействовать облегчению положения низов и их защите от экономической эксплуатации, социальной дискриминации и политического угнетения, снижению уровня неравенства в обществе, облегчению доступа к благам культуры и образования и т.п.»[261]. Современный капиталистический общественный порядок обеспечивает политические интересы привилегированного меньшинства, оставляя без защиты рядовых граждан. Государство лишь имитирует нейтральность и классовую независимость[262]. Концентрация власти и богатства в многонациональных корпорациях сохраняет демократическую институциональную инфраструктуру, однако позволяет

---

[259] *Хелд Д.* Модели демократии. Третье издание. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2014. С. 383.
[260] *Савенков Р.В.* «Публичное оспаривание» в современных условиях: понятие, виды и формы // Ценности и смыслы. 2020. №2. С. 36-51.
[261] *Капустин Б.* Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир // Русский журнал. URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat (дата обращения: 20.12.2021).
[262] *Паренти М.* Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх в США. М.: «Поколение», 2006. С. 10, 398.

меньшинству оказывать политическое влияние, не прибегая к участию в демократических процессах, и манипулировать общественным мнением[263].

Победа Д. Трампа на выборах президента США в 2016 г. спровоцировала среди политологов дискуссию о кризисе демократии в западных странах[264]. Наблюдаемое отклонение от классических республиканских традиций гражданского участия в пользу выборов как основного механизма демократии вызвал у граждан разочарование в представительной модели демократии: снижается участие в выборах всех уровней, падает участие в деятельности политических партий[265]. Политические партии втягиваются в орбиту влияния элит, теряют свои представительские способности и не могут выражать интересы, предпочтения и ценности граждан и транслировать их в реальный политический курс[266]. В свою очередь, Д. Рансимен с оптимизмом обращает внимание на способность консолидированных демократий успешно отвечать на разнообразные вызовы благодаря способности совершенствовать политическое устройство общества. Гибкость демократических режимов позволяет минимизировать негативные последствия лидерского правления, склонного к авторитарности и произволу[267]. Такую способность ещё не сформировали «новые демократии»[268].

В авторитарных режимах у гражданских структур существует меньше возможностей для критики власти, меньше точек блокирования решений «верхов», в руках которых концентрируется власть и полномочия[269]. Более того, в отношении каналов доступа к властным позициям автократы создают совокупность формальных и неформальных правил, согласно которым конкурентные выборы либо отсутствуют, либо не являются ключевым

---

[263] *Крауч К.* Постдемократия. М.: ИД ВШЭ, 2010. 19.
[264] *Levitsky S., Ziblatt D.* How democracies die. New York: Crown Publishing, 2018. 320 p.
[265] *Plattner M.* Liberal Democracy's Fading Allure // Journal of Democracy. October 2017. Volume 28. No. 4. P. 5-14.
[266] *Коулман С.* Может ли Интернет укрепить демократию? СПб.: «Алетейя», 2018. С. 72-74.
[267] *Рансимен Д.* Ловушка уверенности. История кризиса демократии от Первой мировой войны до наших дней. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2019. 400 с.
[268] *Кузнецов И.И.* Политические кризисы как вызовы демократии: получится ли снова избежать «ловушки уверенности»? // ПОЛИТЭКС. 2021. Том 17. №1. С. 103-111.
[269] *Соловьев А.И.* Принятие и исполнение государственных решений: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 168.

механизмом ротации элит[270]. Современным типом авторитарного режима является его гибридная форма, сочетающая декоративные демократические институты (выборы, оппозиция) с имитацией публичного оспаривания и несменяемостью власти[271].

Одна из вариаций гибридного режима получила в работах С. Левитски и Л. Вэй название «конкурентный авторитаризм». Последний обладает рядом демократических институтов, реализует некоторые демократические практики, однако остается авторитарным, т.к. инкумбент злоупотребляет своими должностными преимуществами в ходе выборов, что делает этот ключевой демократический институт несправедливым[272]. Действия современных автократов стали более утонченными: например, лидеры современных Венгрии и Польши не демонстрируют публичного и масштабного попирания либеральных ценностей, не подавляют и не арестовывают своих оппонентов. Однако они провели своих сторонников в центральные судебные органы, национальную избирательную комиссию и на ключевые руководящие посты основных СМИ. В результате избирательное законодательство было трансформировано в интересах инкумбента, а формат публичной политики все больше стал приобретать свойства имитации, «управляемого представительства»[273]. При наличии экономических возможностей, «диктаторы» стремятся к «подкупу» институционализированной партийно-парламентской оппозиции путем предоставления им материальных и организационных преференций. Напротив, неинституционализированная оппозиция проявляет б*о*льшую принципиальность и не становится объектом преференций со стороны власти[274].

---

[270] *Шкель С.Н.* Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. С. 11.
[271] *Шульман Е.* Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. М.: АСТ, 2018. С. 13.
[272] *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge University Press, 2010. P. 5.
[273] *Levitsky S., Way L.* The New Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. January 2020. Volume 31. No. 1. P. 57-60.
[274] *Conrad R.* Constrained Concessions: Beneficent Dictatorial Responses to the Domestic Political Opposition // International Studies Quarterly. Volume 55. Issue 4. December 2011. pp. 1167-1187., *Савенков Р.В.* Тенденции изменений форм публичного оспаривания граждан в условиях постдемократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. №1. С. 134-143.

Рассматривая механизмы конструктивного публичного оспаривания, Р. Даль выявил закономерности трансформации его политико-правовых возможностей. Правительство выступает инициатором изменений правил публичного оспаривания, как правило, в сторону ограничения возможностей оппозиции. По его наблюдениям, наделение оппонентов правительства б*о*льшими полномочиями для реализации своих целей в политике, проводимой государством, не только увеличивает перспективу их конфликтов друг с другом, но и раскачивает социальную базу правящего класса, отвергая интересы групп, которые оно представляет. Как пишет Р. Даль «… чем серьезнее конфликт правительства и оппозиции, тем более вероятно, что каждая сторона будет пытаться ограничить возможности другой стороны для эффективного участия в формировании политического курса»[275].

Р. Даль отметил, что стратегию действий власти в отношении оппозиции можно прогнозировать на основе оценок взаимных издержек. Терпимое отношение правительства к оппозиции возрастает в той мере, в которой ожидаемые издержки такой терпимости снижаются, а издержки её подавления возрастают. Объем властных ресурсов (и ресурсов оппозиции) определяет характер их взаимодействий и динамику трансформации режима. Терпимое отношение правительства к оппозиции неизбежно будет возрастать, если объем ресурсов правительства, его способности использовать насилие или социально-экономические санкции сокращаются в сравнении с ресурсами оппозиции[276]. Другими словами, для результативного публичного оспаривания необходимо не только наличие у оппозиции возможностей (ресурсов) принуждать власть учитывать их позицию, готовность их применять, но и способность доказать правительству полезность терпимого отношения к существующей оппозиции и критике с её стороны.

Развивая идеи К. Маркса о структурных причинах конфликтов и оспаривания, Ч. Тилли сосредоточился на значимости действий государственных

[275] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. С. 21.
[276] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. С. 22, 59-60.

структур (правительства), реализующих в отношении субъектов публичного оспаривания комбинацию трех базовых стратегий: применение репрессий, оказание помощи в организации действия, игнорирование оспаривающего действия. *Репрессии* – это любое действие власти или иной группы, которое повышает издержки коллективного действия соперника; помощь – действия по понижению издержек коллективного действия. Репрессии могут быть двух видов: повышающие издержки мобилизации коллективного оспаривания или повышающие издержки коллективного действия. Ч. Тилли убедительно доказывает, что предварительные действия по затруднению подготовки коллективного мероприятия и мобилизации его потенциальных участников более приемлемые для власти, чем ограничение уже развернувшегося публичного действия. «Повышение издержек коллективного действия изменяет структуру эффективного спроса со стороны мобилизованных групп, в то время как повышение стоимости мобилизации сокращает спрос повсеместно»[277].

Среди исследователей сложился консенсус относительно действия «закона насильственного ответа», согласно которому государство склонно отвечать репрессиями на протест, если воспринимает его как угрозу. При этом репрессии понимаются как использование государственными структурами насилия для подавления протестных акций[278]. Репрессии увеличивают стоимость участия в оспаривании, снижают шансы на его успех, чем снижают интенсивность протеста. С другой стороны, сохранение противоречия, восприятие государственного насилия как чрезмерного, несправедливого или нелегитимного усиливают депривацию и протестное движение. Согласно концепции «состязательной политики», репрессивные действия со стороны государства увеличивают неопределенность и могут быть одним из этапов, приводящих к поляризации: как показывает политическая история, репрессии зачастую ведут к

[277] *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: ИД «ВШЭ», 2019. С. 142-143.
[278] *Ахременко А.С., Филиппов И.Б.* Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., 2019. №5. С. 202-203.

снижению числа «умеренных», в результате чего наступает дальнейшая радикализация и, как итог, к увеличению масштабов сопротивления[279].

Изучая воздействие государственных репрессий, Д. Делла Порта выявил следующие тенденции:

- усиление репрессий ужесточает избираемые формы и средства при протестных действиях;
- избирательность применения силы и политика изоляции радикальных протестных групп усиливает влияние умеренных участников протеста;
- дополнительные возможности сил правопорядка противодействовать протесту способны увеличивать толерантность к его умеренным формам[280].

Помощь – любые действия, которые понижают издержки коллективного действия группы. Помощь также может реализовываться двумя путями: промобилизационная активность (придание группе публичности, легализация членства в ней или прямое её финансирование) и деятельность, непосредственно снижающая издержки группы на коллективное действие (передача информации или стратегического опыта, удержание врагов группы от действия, помощь в действии). Осуществляется такая помощь двумя путями: а) уменьшением трудностей при проведении определенных разновидностей мобилизации и коллективного действия; б) создавая позитивные стимулы для определенных разновидностей мобилизации и коллективного действия. Толерантность представляет собой пространство между репрессией и помощью, когда некоторые виды коллективного действия не замечаются властью[281].

В современных условиях государству принадлежит ведущая роль в формировании политико-правовых возможностей и ограничений публичного оспаривания. Во-первых, возможности правового регулирования позволяют государству поощрять/блокировать определенные виды гражданской и политической активности, регламентировать процедуру выборов, порядок создания НКО и партий; во-вторых, организацию государством

[279] Там же. С. 204.
[280] Гражданское и политическое в российских общественных практиках… С. 510.
[281] *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: ИД «ВШЭ», 2019. С. 152.

институциональных площадок, создающих условия для его непосредственного влияния на процессы формирования гражданских инициатив; в-третьих, государственное финансирование избранных гражданских проектов и релевантных политических партий; в-четвертых, в развитие информационных ресурсов, открывающих возможности для выгодной государству упорядоченности гражданской и политической активности в онлайн пространстве[282]. Государство остается главным носителем механизмов контроля медиаполитики: пропаганды и контроля. Пропаганда, по мнению М. Кастельса, предполагает распространение искажающих факты сообщений, дезинформацию с целью продвижения государственных интересов. Контроль представляет собой цензуру любого сообщения, которое может быть квалифицировано как подрывающее эти интересы путем криминализации свободной коммуникации и уголовного преследования распространителей[283].

По наблюдению Ч. Тилли, правовые нормы могут выполнять функции репрессии или поддержки субъектам оспаривания. Как пишет американский политолог, «… законы оговаривают издержки и выгоды, которые правительства готовы (или по крайне мере уполномочены) применить к той или иной форме действия… (однако) суждение о репрессивности на основе одного лишь законодательства ошибочно»[284]. Ч. Тилли объединил действующие правовые факторы в четыре группы: 1) законодательство; 2) интерпретация законодательства; 3) применение законодательства; 4) ограничения, накладываемые на действие этого законодательства другим имеющимся правом. В то же время власти обладают широким арсеналом иных воздействий (репрессий или помощи) на субъектов публичного оспаривания, не указанных в нормативно-правовых актах.

Базовым фактором, побуждающим органы власти трансформировать политико-правовые возможности публичного оспаривания, является увеличение влияния на общественные настроения и поведение, на политический процесс

---

[282] Гражданский сектор государственного управления / под ред. А.И. Соловьева. С. 40.
[283] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 323-324.
[284] *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: ИД «ВШЭ», 2019. С. 145-146.

нелояльных субъектов посредством использования конкретных видов оспаривания. По версии Ч. Тилли, обладатели властных ресурсов определяются с применением репрессий или поддержкой коллективных действий, исходя из типа акторов и способа действий (вида оспаривания). «Правительства селективны по отношению к разным видам групп и разным видам действий… повышая издержки одного рода коллективного действия для одних групп, они понижают издержки для другого рода коллективного действия для других групп»[285].

Спектр технологий политического оспаривания для граждан и общественных групп включает различные способы опубличивания проблемы и аргументов участников, стремление к масштабной мобилизации, апелляция к международным институтам.

Таким образом, слабая зависимость власти от населения является современной структурной особенностью государственной власти при республиканском правлении самых разных политических режимов. Причины этого лежат в «недостаточной эффективности представительных механизмов, наличии множественных институциональных пустот, дефицита административно-правового контроля, а также многочисленных организационных изъянов, позволяющих от имени государства обслуживать далекие от общественных нужд групповые и личные интересы. Активность влиятельных сетевых игроков совмещается с активностью локальных акторов и порождает многоуровневые зависимости в публичном пространстве, качественно снижающие ответственность власти перед обществом[286].

Тип политического режима и его институциональный дизайн определяют механизмы и технологии публичного оспаривания. Наиболее благоприятные условия для такого взаимодействия создаются демократическими структурами, в которых «…политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищенными и взаимообязывающими процедурами обсуждения. Демократизация означает общие подвижки в сторону

---

[285] *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: ИД «ВШЭ», 2019. С. 152.
[286] *Соловьев А.И.* Фронтирные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. №3. С. 187.

более широкого по охвату, более равноправного по сути, более защищенного и более обязательного к исполнению согласования по поводу назначений на политические посты и принятия государственных решений»[287]. В демократических (конкурентных) режимах политической оппозиции доступны институциональные (в первую очередь, электоральные, партийно-парламентские) и неинституциональные конвенциональные (разнообразные перфомансы, массовая мобилизация в Интернет и т.п.) формы конкуренции. В авторитарных режимах инкумбент ограничивает возможности институционального оспаривания (на электоральной и партийно-парламентской площадке), стимулируя оппонентов к развитию новых видов оспаривания на дискурсивной и протестной площадках.

Гибридные режимы, сочетая в себе авторитарные и демократические элементы, оказывают точечное ограничительное воздействие на политико-правовые возможности оспаривания преимущественно на электоральной и партийно-парламентской площадках для оппозиционных субъектов, сохраняя, как правило, возможности для оспаривания граждан на дискурсивной и протестной площадках. Эффективной технологией во всех типах режимов остается раскалывание оппонентов, создание правовых затруднений для объединения оппозиции на электоральной и партийно-парламентской площадках, сотрудничество инкумбента с представителями лояльной оппозиции. Современные исследователи фиксируют определяющее влияние политического режима на способность политических партий создавать новые политические идеи и смыслы, альтернативные политические проекты. Степень конкурентности режима и институциональный дизайн задают среду, в которой партии вырабатывают свои стратегии и поведенческие модели[288].

Оспаривающие действия коллективных акторов возможно объяснить через анализ массовых убеждений и их общих целей. Ценностные ориентации устанавливают критерии желательности и нежелательности тех или иных целей.

---

[287] *Тилли Ч.* Демократия. М.: «Институт общественного проектирования», 2007. С. 29.

[288] *Толпыгина О.А.* Трансформация идеологической функции политических партий в современной России // Политическая наука. 2015. №1. С. 161.

Указанная целеполагающая функция превращает ценностные ориентации в мощный мотивационный регулятор поведения людей, т.к. «убеждения людей представляют собой опосредующую переменную между общественной структурой и коллективным действием»[289]. Следовательно, если структурные аспекты общества повышают вероятность действий, развивающих демократию, то они должны порождать и ориентации, склоняющие людей воспринимать демократию как цель.

Снижение доверия к традиционным представительным институтам демократии, «отставание» возможностей арен политического оспаривания («отставание институтов») от эмансипационных ценностей (ценностей самовыражения) граждан подталкивает к новым формам давления общества на правящую элиту. Борьба за демократические институты и «демократизацию» демократических институтов наблюдается в самых разных типах политического режима, в самых разных институциональных условиях. Масштабное исследование под руководством Р. Инглхарта доказывает, что ценности самовыражения ведут к демократии, расширяют практики публичного оспаривания. Ключевой причиной распространения ценностей самовыражения являются структурные факторы: экономическая и социальная модернизация[290]. «По мере увеличения выраженности эмансипационных ценностей в стране растет и уровень демократичности, причем связь между этими признаками очень сильна и статистически высоко значима»[291].

Анализ публичного оспаривания осуществляется на основе оценки влияния структурных факторов. К структурным факторам относят экономическое благосостояние граждан, институциональные особенности государства, тип политического режима, а также сложившиеся в обществе устойчивые ценности и привычки в отношении критики власти, конкуренции с ней и сопротивления её действиям. Подтверждая этот вывод, Дж. Сартори выделяет две составляющие в природе политического плюрализма: с одной стороны, он основывается на

[289] Демократизация: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 236.
[290] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. С. 165.
[291] Демократизация: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 245.

культурной, социальной множественности, с другой, политический плюрализм возможен в определенных институциональных условиях, при которых существуют более чем одна политическая партия[292]. Данный вывод через сорок лет подтвердили исследования Р. Инглхарта: демократия устанавливается и сохраняется в тех обществах, где для этого существуют определенные структурные и культурные предпосылки[293].

Публичное оспаривание создает возможности для конструктивного взаимодействия граждан, политических организаций и власти. Участие общества в управлении ведет к интенсификации гражданско-ассоциативных связей с властью и неизбежно вызывает определенную перестройку механизмов принятия решений (влияние граждан на процедуры проблематизации; рассмотрение альтернатив; соотнесение целей и методов их достижения и т.д.), предполагая тем самым формирование инструментального характера взаимодействия элитарных и неэлитарных слоев или особого политического процесса, протекающего преимущественно в публичной сфере, но и не исключающего определенных латентных коммуникаций. При этом «публичная делиберация и общественная повестка сами по себе не гарантируют ни учета общественного мнения, ни общегражданского характера распределения ресурсов»[294].

§ 2. Основные участники, предмет, формы и сферы политического оспаривания

Политическим субъектом принято считать активного деятеля, способного к достижению поставленной цели, изменению условий жизни в соответствии с представлением субъекта о должном. В теории политики кроме государства описаны основные общественные субъекты политического действия, способные выступать инициаторами политического оспаривания: социальные движения и политизированные НКО, политические партии и религиозные организации.

---

[292] *Sartory G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis University of Oxford, 2005. P. 13-17.
[293] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. С. 164.
[294] *Соловьев А.И.* Государство и общество: новые грани исторического конфликта. С. 17.

Коммуникативная концепция к субъектам относит создателя/источник коммуникативного послания: политическая сфера (государство и обслуживающие его политические деятели), негосударственные организации, в том числе с политическим уклоном, юридические лица и избиратели; 3) СМИ[295]. Авторы концепции конфликтной политики субъектом оспаривания, напротив, считают не организации, а спонтанно образовавшиеся группы граждан, не имеющих институциональных возможностей артикулировать свою проблему[296].

В современных условиях традиционная социология перестает адекватно определять новые ассоциации акторов. Б. Латур предлагает отказаться от привычных исследовательских схем и субъектов, от рассмотрения социального как особой области реальности с наблюдаемыми границами. Социальные отношения предстают в виде циркулирующего потока, с постоянным процессом появления новых субъектов действия. Отнесение себя к той или иной группе – «это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей… группа – это временное порождение постоянного гула, создаваемого миллионами голосов, спорящих о том, что это за группа и кто к какой группе принадлежит»[297].

Более адекватным выглядит «текучее» состояние субъекта политического оспаривания, которого формирует проблемная ситуация (противоречие), публичное обозначение своего «врага» и взаимодействие с ним. Универсальным триггером формирования общественного субъекта оспаривания является актуализация в публичном пространстве неприемлемого для некоторых политического проекта или цели, публичное обозначение «врага», что толкает к конструированию своих сторонников и формированию субъекта оспаривания. По мнению Р. Дарендорфа, социальные силы обретают субъектность только в конфликте, «… они становятся зримыми, осязаемыми, а главное – действенными только тогда, когда находят выражение в политических дискуссиях и

---

[295] *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С.И. Остнек. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2010. С. 11.
[296] *McAdam D., Tarrow S., Tilly C.* Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2004. P.6.
[297] *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 27, 43, 90.

решениях»[298]. Формирование субъекта политического конфликта происходит посредством номинации и направлено на мобилизацию наибольшего числа сторонников[299]. Пересечение публичных дискуссий, конфликтов создает «текучие» границы между субъектами оспаривания: к примеру, протест проекту пенсионной реформы в России 2018 г. объединил граждан разных возрастов и профессий, места проживания, политические партии и группы самых разных идеологических направлений.

Участниками политического оспаривания являются *субъект критики* (предъявитель требования) и *объект критики* (получатель требования). Предъявитель требований – общественно-политический субъект, публично выражающий своё несогласие, реализующий активные и пассивные практики сопротивления осуществляемому политическому проекту или цели. Субъект критики применяет наиболее удобные и эффективные формы действия, являясь активным инициатором оспаривания. Объект критики, являясь получателем требований, реагирует на активность субъекта. В то же время объект оспаривания не является пассивным участником, т.к. он осознает свои цели и выступает «автором» политического проекта, формирующего субъекта оспаривания. Предметом политического оспаривания являются идеи, политические проекты, подготовленные и опубличенные объектом оспаривания.

Политико-административные пространства в государстве в результате кооперации политических акторов образуют в процессе принятия политических решений публичные и латентные сферы целеполагания. Основную платформу политической организации власти формируют публичные процессы, подтверждающие дискурсивный характер коммуникации власти и общества. Параллельно существует совокупность партикулярных и институционально

---

[298] *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы / пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 71.

[299] *Глухова А.В.* Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 1997. С. 14-15.

незакрепленных договоренностей (латентная сфера), являющихся дополнением к существующим публичным институтам и механизмам[300].

Политическое оспаривание разворачивается в публичной (наблюдаемой) и латентной сферах. Если латентная сфера является ареной борьбы и дискурсивного оспаривания элитных групп (инсайдеров), то в публичной сфере сталкиваются группы граждан, общественные и религиозные организации, политические партии и другие субъекты публичной политики. Субъектов публичной политики, ограниченных в институциональных возможностях влиять на процессы конкуренции, называют аутсайдерами. Элитные группировки также используют механизмы публичного оспаривания для достижения поставленных целей.

Субъекты критики. Ещё сто лет назад Д. Дьюи обратил внимание на способность активных групп граждан спонтанно объединяться для оспаривания конкретной проблемы. Фундаментальными чертами таких случайных групп американский философ считал текучесть, способность к быстрому формированию в ответ на вызов и быстрому распаду, когда общий риск или общая потребность перестают существовать[301]. Первая половина XX-го века стала периодом выхода на политическую сцену рядовых граждан, как эмоционально заметил Х. Ортега-и-Гассет, полного «захвата массами общественной власти… а новоявленные политические режимы, недавно возникшие (стали – Р.С.) политическим диктатом масс»[302]. В 1951 г. французский политолог М. Дюверже представил генезис института конструктивного участия масс в политике – политические партии. «Исторически партии родились в эпоху, когда народные массы начали реально входить в политическую жизнь; они создали те необходимые рамки, которые позволили им выдвинуть из своей среды собственные элиты… рост партий открыл возможность реального и активного сотрудничества всего народа с политическими институтами»[303]. Таким образом,

---

[300] *Соловьев А.И.* Латентные структуры управления государством, или игра теней на лике власти // Полис. Политические исследования. 2011. №5., *Миллер Т.В.* Роль латентных структур в процессе принятия политических решений : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2017. С. 45, 63.

[301] Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / editors N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev. Springer, 2019. P. 12.

[302] *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные произведения. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 43, 47.

[303] *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический Проект, 2007. С. 494, 496.

в течение XIX-середины XX-го вв. произошла прочная институализация политической сферы: местом активности масс, конкуренции идей и оспаривания политических проектов стали законодательные и представительные ассамблеи, а роль субъектов принята политическими партиями[304].

Политические партии в послевоенной Европе и США вплоть до «бархатных» революций 1989 г. оставались наиболее влиятельными субъектами политического оспаривания и борьбы. Тип политического режима определял значимость партии в политической системе: в политических режимах с институционализированной конкуренцией, сменяемостью власти и парламентским институциональным дизайном партии стали доминирующим публичным субъектом. В политических режимах, в которых конкуренция отсутствовала или имела ограниченный, имитационный характер, политические партии не могли в полной мере выполнять функции агрегации общественных интересов[305], не стали самостоятельными субъектами публичного оспаривания, претендентами на властные позиции. Одновременно парламентские партии стали механизмом трансформации политико-правовых возможностей и ограничений оспаривания. Парламентские политические партии создавали благоприятные условия для своего функционирования и участия в выборах через внесение изменений в законодательство. Партии «картельного» типа превратились в инструмент элит по организации выборов и согласованию внутриэлитных интересов[306].

К концу XX-го века политические партии перестали играть роль авторитетного в обществе субъекта публичного оспаривания в политической сфере. В постиндустриальном городском обществе расширяются неинституциональные практики спонтанных форм гражданского действия, срежиссированные перфомансы, создание художественных артобъектов с

---

[304] *Савенков Р.В.* Партийные системы стран Запада и вызовы современного развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №2. С. 120-125.

[305] Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко и др. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 59.

[306] *Кац Р., Мэир П.* Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. 2010. №4. С. 77-112., *Кац. Р., Мэир П.* Изменение модели партийной организации и партийная демократия: возникновение картельной партии // Политическая наука. 2006. №1. С. 27-42.

политическим смыслом. Другими словами, люди продолжают участвовать в политической жизни в новых, более активных формах, без использования традиционных организационных форм: партий и социальных движений[307]. Активные граждане в 2000-х гг., как указывает К. Крауч, «потеряли буквально все возможности для перевода своего недовольства в политические действия»[308]. В то же время политические партии в современном мире остаются ключевым участником электоральных и парламентских процессов.

Значимым структурным фактором, изменяющим число субъектов публичного оспаривания, стало размывание традиционной социальной структуры общества, что снизило уровень межличностного доверия, способность к формированию объединений и солидарной защите своих интересов[309]. Люди «чувствуют себя окруженными соперниками, конкурентами в вечной игре за первенство», замечает З. Бауман, в таких условиях не могут распространяться идеи, связанные с классовой солидарностью, готовностью оспаривать сложившееся положение вещей[310]. Представители социальных низов остро переживают чувство социальной несправедливости и имущественного неравенства, агрессивно настроены против институциональной политики и политического истеблишмента[311]. Появляются новые социальные группы, оторванные от легальных институтов политического представительства, лишенные возможности доносить до власти свои проблемы и интересы. В научный язык вводится понятие «прекариата» – нового социального класса, отчужденного как от результатов своего труда, так и от всего общества, испытывающих особо изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а, в конечном счете, и качества жизни. В эти группы входят те, кто занят временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой сектор рынка

---

[307] *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. С. 73.
[308] *Крауч К.* Постдемократия. М.: ИД ВШЭ, 2010. С. 7, 130.
[309] *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. С. 25.
[310] Цит. по: *Бауман З.* Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? Рецензия А.А. Бирюкова // Социологические исследования. 2016. №7. С. 160.
[311] *Карин Клеман*. «Желтые жилеты», «ватники»»: солидарность, политическое воображение и социальная критика // Новая газета. 29.11.2019. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/29/82929-etot-mir-perevernut-s-nog-na-golovu-i-my-hoteli-by-vernut-ego-obratno?print=true (дата обращения: 12.02.2020).

труда[312]. В концепциях социологии социальных движений прекариат рассматривается как носитель всех необходимых признаков для формирования себя как субъекта публичного оспаривания[313].

В начале XXI-го века М. Уорнер выделил ряд особенностей нового, всё ещё трудно уловимого субъекта оспаривания - *публики*. Во-первых, это способность к самоорганизации публики, как реакция на адресованное ей «тревожное сообщение» – текст, одинаково понимаемый и интерпретируемый гражданами. Иными словами, субъективизация публики происходит в дискурсивном пространстве, но проявляется в практике совместного или одинакового действия без участия государства или иных ранее существовавших организационных структур. Во-вторых, публика – это взаимодействие первоначально незнакомых людей, вовлеченных в дискуссию автономно, своим самостоятельным решением. В-третьих, публики создают пространство постоянного циркулирующего дискурса, что позволяет публике сохраняться в период снижения практической деятельности. Наблюдаемой чертой публики является создание особого «поэтического» (идеалистического) видения альтернативного мира», которое опубличивается в виде театрализации практических действий протестных групп. Другими словами, современная публика создается циркуляцией дискурса и общими представлениями граждан. Социально-демографические показатели для определения субъекта действия не играют существенной роли.

Обобщая черты нового протестного субъекта, Н. Беляева определяет протестные публики как спонтанно самоорганизующиеся мирные собрания, возникающие в ответ на публично переданное «тревожное сообщение» для совместного протестного действия, объединенные уникальным общим дискурсом, выступающие с коллективным требованием глубоких социальных перемен, обращенным как к более широкому обществу, так и к ответственной

---

[312] *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.,
Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. №6. С. 3., Он же. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологический исследования. 2019. №9. С. 96-105.

[313] См. *Лункин Р.Н.* Прекариат: поведение социального класса во время кризиса // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. №2. С. 113-114.

публичной власти. Не все типы публик отвечают требованиям, предъявляемым к субъекту политической наукой. Выделяют «униженные публики», которые подвержены влиянию и лишены возможности действовать и нуждаются в том, чтобы кто-то выступил от их лица; чуть более автономна «публика-аудитория», которая призывается для того, чтобы сделать выбор, но выбор ограничен и предсказуем; и «агентурная публика» - самый независимый тип публики, которая является воображаемой, к которой обращаются как к думающей и креативной, призванной «найти идентичность, сформировать точку зрения» и которая создает собственную структуру, способна организовать коллективные действия[314]. Похожие характеристики субъекта оспаривания выделяет М. Кастельс, вводя понятие «сообщества практикующих» - объединенных вокруг общего действия людей. «Их отличает то, что они образуют прочные связи в ходе деятельности, но они не остаются в рамках сообщества по завершении деятельности»[315]. Такие сообщества эфемерны, но интенсивны, могут воспроизводиться и расширяться, образуя различные новые сообщества. Беспроводная коммуникация борцов за новые политические проекты создает мгновенно возникающие мятежные сообщества, такие как «Индигнадос» (Испания), «Оккупай Уолл-стрит» (США), Комитет защиты демократии (Польша), «Желтые жилеты» (Франция).

«Сообщества практикующих» демонстрируют результативный опыт публичного оспаривания локальных проблем. Городские сообщества в Москве, Краснодаре, Воронеже, Ярославе оказались способными применять широкий набор действий для оспаривания: пикеты, митинги, официальные обращения в органы власти муниципального, регионального и федерального уровней, субботники, соцопросы, предложение альтернативных проектов, дискуссии в консультативных органах, информационная поддержка федеральных СМИ и др.[316]. Городские сообщества готовы протестовать в случае негативных

[314] Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / editors N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev. Springer, 2019. P. 17.
[315] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 426.
[316] Например, см. *Соколов А.В., Матюшенко Д.В., Фролов А.А.* Политизированные и неполитизированные городские конфликты: особенности и характер развития (на примере Ярославской области) // Поиск: Политика.

изменений городской среды, непосредственно затрагивающих только их интересы. Эффективность мобилизации представителей сообщества связана с наличием его ядра – старожилов данного района – рассматривающих его территорию не только как место обитания, но и как жизненную ценность, а их «живучесть» с возможностью расширения проблемной повестки[317].

Новым субъектом социальных и политических изменений М. Кастельс называет *сетевые социальные движения*, возникшие благодаря использованию Интернет и мобильных коммуникационных сетей. Как правило, такие движения укоренены в городском пространстве через его мирный «захват» и уличные демонстрации, но непрерывное их существование происходит в пространстве Интернет. Такие движения обладают начатками сплоченности, не нуждаются в формальном лидерстве, командном и контролирующем центре, вертикальной организации, чтоб эффективно распространять информацию и смыслы. Такие движения «хотят трансформировать государство, но не подчинить его себе. Они выражают настроения и провоцируют дебаты, но не создают партии и не поддерживают правительства… они создают новую утопию сетевой демократии, вырастающей из взаимодействия локальных и виртуальных сообществ… они выполняют роль агентов контрвласти в сетевом обществе, резко контрастируя с устаревшими политическими институтами власти»[318].

Влиятельным современным участником публичного оспаривания остаются независимые *интеллектуалы*. Поколения философов-интеллектуалов заостряют противоречия социальной действительности, авторитетом науки привлекают внимание к вариантам их решений. Ю. Хабермас сформулировал идеальный тип интеллектуала, который «нащупывает важные темы, выдвигает плодотворные тезисы и расширяет спектр релевантных аргументов … (имеет – Р.С.) склонность предвосхищать опасности, грозящие интеллектуальной оснастке той

Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. №2. С. 49-59., *Ткачёва Т.* Сосны раздора // Российская газета. 15.09.2020. URL: https://rg.ru/2020/09/15/reg-cfo/v-voronezhe-razgorelis-strasti-vokrug-prirodnogo-parka-severnyj-les.html (дата обращения: 16.12.2021), *Соколов А.В. Палатников Д.* Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства // Власть. 2019. №6. С. 97-102.

[317] *Кольба А.И., Кольба Н.В.* Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. №2. С. 175-177.

[318] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 29-33.

политической формы жизни, которая существует в обществе; умение видеть, чего не хватает или что могло бы быть иначе; немного фантазии, чтобы разрабатывать альтернативы, и немного отваги, чтобы инициировать поляризацию позиций»[319]. Ж.-П. Сартр и М. Фуко обосновывали необходимость наполнения политики ценностными смыслами, которое могли осуществить интеллектуалы[320]. К этой группе субъектов оспаривания можно отнести Э. Золя в деле Дрейфуса, В. Гавела, А. Сахарова, Э. Гидденса и др.

Подобно политическим партиям, *религиозные институты* во второй половине XX-го в. играли в политической системе двойную роль: выступали субъектом политического действия и оказывали влияние на структурные факторы (оценка самовыражения граждан, признание конвенциональными или неконвенциональными гражданской активности и т.п.). По наблюдениям С. Липсета, до середины XX-го в. Римско-католическая церковь (далее - РКЦ) выполняла функции интеграции политического пространства и была непримиримым противником демократии[321]. С 1960-х гг. РКЦ становится духовным защитником универсальных человеческих ценностей, а в политических процессах занимает четкую позицию по проблемам, волнующим современное общество[322]. Ключевую роль Римско-католической церкви в процессах демократизации 1970-80-х годов отмечал С. Хантингтон, которая в этот период почти неизменно противостояла авторитарным режимам, была субъектом публичного и латентного оспаривания. «Это превращение католической церкви из оплота status quo, как правило, авторитарного, в силу, служащую переменам, как правило, демократическим, представляет собой величайший политический феномен»[323]. Позитивную роль РКЦ в демократических преобразованиях в

---

[319] *Хабермас Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. 2006. №3. С. 7, 9.

[320] Подробнее см. *Сморгунов Л.В.* Интеллектуал в политике и необходимость политической философии // Политическая наука. 2009. №4. С. 25-42.

[321] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016. С. 98.

[322] См. *Красиков А.А.* Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущем М.: Ин-т Европы РАН: Рус. Сувенир, 2012. 104 с.

[323] *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX-го века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 90.

Польше, Чили, Бразилии позднее подтвердили А. Степан и Х. Линц[324]. В другой своей известной работе С. Хантингтон считает ислам организующей силой противодействия авторитарным режимам в мусульманском мире. В 1980-90-х исламские движения преобладали в среде оппозиционных движений в мусульманских странах и часто монополизировали их[325]. В то же время в начале XXI века Р. Инглхарт фиксирует общемировое снижение уровня публичной религиозности[326].

Православие является наиболее многочисленной религиозной конфессией в России, а Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) –общественной организацией, номинально пользующейся самым высоким доверием россиян[327]. Среди историков распространено мнение о том, что православие в целом значительно тормозит модернизационные процессы в обществе, в отличие от протестантизма или современного католицизма[328]. Более того, РПЦ демонстративно сближается с государственной властью, становясь важным легитимирующим инструментом правящего режима[329]. Нехарактерное для западного мира переплетение интересов государства и церкви отмечал ещё Н.М. Карамзин[330], считая это не только исторически оправданным, но и, говоря языком А. Тойнби, цивилизационной особенностью России. С. Хантингтон отмечал, что «православная церковь всегда находилась под сильным государственным контролем»[331].

---

[324] *Stepan A. Linz J.* Democratization Theory and the "Arab Spring" // Journal of Democracy. April 2013. Volume 24. №2. P. 15. Конкретные примеры см. Демократизация: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 315-317.

[325] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2014. С. 169-170. См. так же: Социальный протест на современном Востоке / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 304 с.

[326] *Inglehart R.* Given Up on God. The global Decline of Religion // Foreign Affairs. 2020. No. 5. P. 110-118.

[327] Деятельность общественных институтов (ежемесячный рейтинг) // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 30.06.2020).

[328] *Чимирис Е.С., Донцев С.П.* Церковь и модернизация в России: в поиске новых ценностных основ // Полис. Политические исследования. 2010. №6. С. 68.

[329] *Ахиезер А.* История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. 3-е изд. испр. и доп. М.: Новое издательство, 2013. С. 17, *Chawryło K.* Sojusz Ołtarza z Tronem. Rosyjski Kościół Prawosławny a władza w Rosji // Prace Ośrodek Studiów Wschodnich. №54. grudzień 2015. S. 5-6.

[330] *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 127 с.

[331] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций М.: АСТ, 2014. С. 212.

Исследователи заметили, что в политических режимах со слабыми публичными институтами, церковь выполняет социально-значимые и солидаризирующие функции, способна артикулировать проблемы, участвовать в их решении, влиять на формулировку долговременных стратегий общественного развития[332]. В большинстве современных стран признан светский характер государственной власти, представители религиозных организаций номинально не участвуют в выборах и деятельности партий, как правило, уклоняются от поддержки или критики политических проектов.

Ярким примером трансформации от института национальной солидарности до субъекта публичного оспаривания стал Костел в современной Польше. Польша относится к числу стран с высокой религиозностью населения, а по удельному весу верующих она традиционно занимает первое место в Европе[333]. Польская церковь поддерживала идеи национальной независимости как в XIX в., так и во второй половине XX в. Хотя церковные иерархи являлись носителями антикоммунистических ценностей, Костел в социалистической Польше поначалу избегал прямого конфликта с властями. Церковь усиливала свое влияния в гражданских сферах жизни общества[334], часто исполняла либо роль посредника, либо роль исключительно духовной опоры оппозиции. Для обычных граждан Костел в социалистической Польше стал территорией свободы.

Польские католические иерархи осуждали насильственную делегализацию «Солидарности» в 1981 г., но при этом старались не допустить открытого столкновения противостоящих групп. После введения военного положения в декабре 1981 г. Костел помог организовать «Солидарности» целую сеть общественного сопротивления режиму, оказывая организационную и финансовую помощь. Костел демонстрировал готовность выступить посредником на переговорах между правительством и оппозицией. По этой причине в сотрудничестве с Церковью были заинтересованы как оппозиция, так

---

[332] Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. С. 425.
[333] *Яжборовская И.С.* Церковь и государство в послевоенной Польше // Полития. 2002. №4. С. 68.
[334] *Аляев А.В.* Политические процессы в Польше в переходный период: опыт трансформации внутренней и внешней политики в 1989-1998 гг. М., 2003. С. 68-69.

и социалистические элиты. Как указывает Л. Люкс, «церковь после 1945 г. играла двойственную роль, будучи, с одной стороны, защитником, с другой – усмирителем для критически настроенных к режиму сил. Она заботилась как о том, чтобы огонь сопротивления в стране никогда не погас, так и о том, чтобы он не превратился в опасное пламя»[335].

С ослаблением правящего социалистического режима во второй половине 1980-х РКЦ начала открыто поддерживать движение «Солидарность» и его лидера Л. Валенсу. Через своих представителей Костел сыграл важную роль в подготовке работы «Круглого стола», начавшей процесс демократических реформ. Переходный к демократии период принес католической церкви сколь богатый, столь и противоречивый политический опыт. Она сразу энергично включилась в перестройку политической системы страны и очень скоро оказалась перед выбором: встать на одну из сторон или остаться над схваткой, выступая в роли арбитра, не рискуя своим авторитетом, сохраняя свою общегражданскую, солидаризирующую роль. В обстановке глубокого кризиса общественного сознания проявились новые идеологические и политические амбиции части духовенства. РКЦ предстала в глазах поляков чрезвычайно мощной структурой, со слишком большим влиянием[336]. По наблюдению О. Сиденко, Римско-Католическая Церковь сыграла явно деструктивную роль в процессе разработки и принятия новой Конституции Польши 1997 г., агитируя против предложенных светских проектов и затрудняя работу Конституционной комиссии в 1995 г.[337]

В итоге, с разрушением социалистической системы в Польше Костел не снизил своей политической активности. Хотя в Польше не возникло значимой христианско-демократической партии[338], польские церковные иерархи активно

---

[335] Цит. по: *Любин В*. Костел и коммунистическое правление в послевоенной Польше // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №7. С. 147.

[336] *Савенков Р.В.* Участие религиозных институтов в политическом процессе и формировании оппозиции (пример Польши и России) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. №3. С. 77-82.

[337] *Сиденко О.А.* Конституционный процесс в условиях демократической трансформации в Польше: конец 1980-х - начало 2000-х гг. : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Воронеж, 2005. С. 75-76.

[338] *Лыкошина Л.С.* «Польско-польская война». Политическая жизнь современной Польши: Монография. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 27.

вмешивались в электоральные процессы. Многие из них в своих проповедях прямо или косвенно агитировали прихожан голосовать за конкретных кандидатов на президентских или конкретные партии на парламентских выборах, выступая, как правило, против левых кандидатов. Это поставило отношения церкви и государства в новые, неожиданные, для всего общества неприемлемые рамки. В публичном пространстве критикуется «реваншизм», политическая ангажированность духовенства, лоббирование им определенных политических сил[339]. Более того, Церковь в Польше активно борется за запрет абортов и обязанность изучения религии в школах. Проблема абортов расколола не только духовенство, но и польское общество, вызывало массовые протесты в 2015, 2020 гг. При этом сторонники легализации абортов опасаются публично выражать свое мнение, т.к. священники во время проповеди называют их имена и подвергают суровому осуждению.

Правительство. Долгое время основным и практически единственным политическим субъектом было государство/правительство, прочно монополизировавшее политическое пространство, способное навязать обществу собственные правила игры[340]. Объектом предъявления требований и основным «автором» политических проектов выступают органы власти, представители правящего класса. Исследователи коллективных акций протеста давно зафиксировали определяющее влияние органов государственной власти на характер и динамику этого вида публичного оспаривания. Американский социолог Н. Смелзер, размышляя о причинах гражданских столкновений в США 1960-х гг., обнаружил шесть основных факторов, способствующих запуску коллективного протестного поведения. По его мнению, ключевым в его кейсах являлся фактор «социального контроля», под которым он понимал действия представителей властей, способствующих или препятствующих любому проявлению коллективного протеста[341]. Наблюдая глобальную турбулентность в

---

[339] *Яжборовская И.С.* Церковь и государство в послевоенной Польше // Полития. 2002. №4. С. 71-72.
[340] *Соловьев А.И.* Государство как политический институт: проблема теоретической идентификации // Вестник Воронежского университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. №4. С. 125.
[341] *Смелзер Н.* Социология. М.: «Феникс», 1998. С. 592-593.

2010-2011 гг., С. Тэрроу, повторил вывод Н. Смелзера, назвав действия властей самым важным фактором, влияющим на динамику протестного действия и социальных движений: «… режимы, которые не отвечают на протесты вообще, и режимы, которые отвечают масштабными репрессиями, чаще всего сталкиваются с очень длинными циклами протестов. Игнорирование и жестокое подавление только удлиняют цикл протестов. Стратегия режима — это самый важный фактор, определяющий размах и длительность протестного движения»[342].

В концепции политико-административных сетей государство представляется не как субъект, а как ресурс доминирующих акторов, позволяющий реализовать собственные политико-экономические проекты. При выборе такой оптики анализа, первоисточник всякого политического действия (в том числе, оппозиционного) обнаруживается не в обществе, а в элите. Как заметил Д. Хигли, субъекты политического влияния, «элиты – это главные ответственные за принятие решений в крупнейших организациях и движениях в современном обществе»[343] должны стать объектом отдельного политологического анализа и теоретического осмысления, поскольку они пользуются свободой выбора и действий и чаще всего формируют окончательные политические решения[344]. Более того, «государство представляет собой разновидность внутренне конкурентной организации, в которой решения принимаются в процессе оппонирования различных элитарных и неэлитарных групп, постепенного преодоления внутрикорпоративных расколов и где внешне единая линия поведения государства представляет собой результат стихийно складывающихся взаимоотношений акторов, использующих технологии борьбы, торга или военных действий»[345]. Политическое оспаривание элитных групп разворачивается как в публичной, так и латентной сферах.

---

[342] *Тэрроу С.* «Стратегия режима – это самый важный фактор, определяющий размах и длительность протестов» // Свободная мысль. 2011. №12. С. 11.
[343] *Хигли Д.* Демократия и элиты // Полития. 2006. №2. С. 24.
[344] *Хигли Д.* Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2011. С. 28.
[345] *Соловьев А.И.* Принятие и исполнение государственных решений. С. 125.

Таким образом, органы государственной власти (правительство) в публичном оспаривании предстает в нескольких ролях: а) источник политических проектов, что предполагает его обоснование в публичном пространстве; б) объект критики и претензий; в) правительство, законодательные органы определяют правовые возможности и ограничения конвенционального и конструктивного публичного оспаривания; г) ресурс политической конкуренции между элитными группами. Другие участники публичного оспаривания не обладают таким многообразием ролей.

Субъекты политического оспаривания конструируются в ответ на публичную артикуляцию какой-либо проблемы, идеи, действия политических акторов – политический проект. В научной литературе в понятие политического проекта включают различные его стороны: «документ или совокупность документов по созданию новых либо изменению уже существующих объектов в политической сфере и/или связей, отношений между ними в соответствии с поставленными политическими целями»[346]; отражает систему идей и ценностей субъекта политического действия[347]. Т. Митрохина предлагает под политическим проектом понимать политический продукт, «характеристики которого задаются представлением субъекта проектирования об идеале гео/политического будущего, целью, оформленной в рациональных терминах, ожиданием определенного эффекта от реализации проекта, объектами внешнего мира, на которые проект направлен, средствами и условиями, предполагаемым результатом, сроками, алгоритмом и каналами реализации проекта»[348].

Для целей нашего исследования определим *политический проект (предмет политического оспаривания) как интеллектуальный продукт, в котором сформулирован образ будущего, цель и программа долгосрочных или краткосрочных действий.* Близким по содержанию понятию «политический

---

[346] Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: теории и технологии. Материалы «круглого стола» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. №3. С. 119.
[347] *Горбачев М.В.* Политический проект как проблема политологического анализа // Политическая концептология. 2018. №. 2. С. 55.
[348] *Митрохина Т.Н.* Объяснительные возможности концепта «политический проект» (на материалах сайта Института динамического консерватизма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. №4. С. 78.

проект», но не тождественным, является понятие «идеология»: их сочетание возможно на макроуровне политического проектирования. Основными «производителями» политических проектов являются элитные политические группы, артикулирующие политические проекты от имени государства, экспертных или гражданских объединений. Опубличивание политического проекта запускает процесс оспаривания: его артикуляция в публичном дискурсе конструирует противников заявленной цели в субъекта и мотивирует к публичному оппонированию.

Некоторые политические проекты имеют форму текста или документа. А. Скиперских обосновывает возможность рассмотрения политического процесса не только как взаимодействия политических акторов по поводу отношений власти, но и как текст – «совокупность политических сообщений, которые оставляют политические акторы»[349]. Текст может стать триггером формирования субъекта публичного оспаривания (такой текст называют «тревожным сообщением»), т.к. несогласие относится как к событию, вызвавшему общественное внимание, так и к тексту, связанному с ним[350].

Таким образом, модель политического оспаривания включает участников оспаривания (субъекта и объекта требований), предмет оспаривания (политический проект или цель), сферу оспаривания (публичная или латентная), характер действий (мирный или насильственный), формат (институционализированный или неинституционализированный) и виды оспаривания. На политическое оспаривание оказывают влияние экономические, социокультурные, институциональные и режимные факторы (см. Схему).

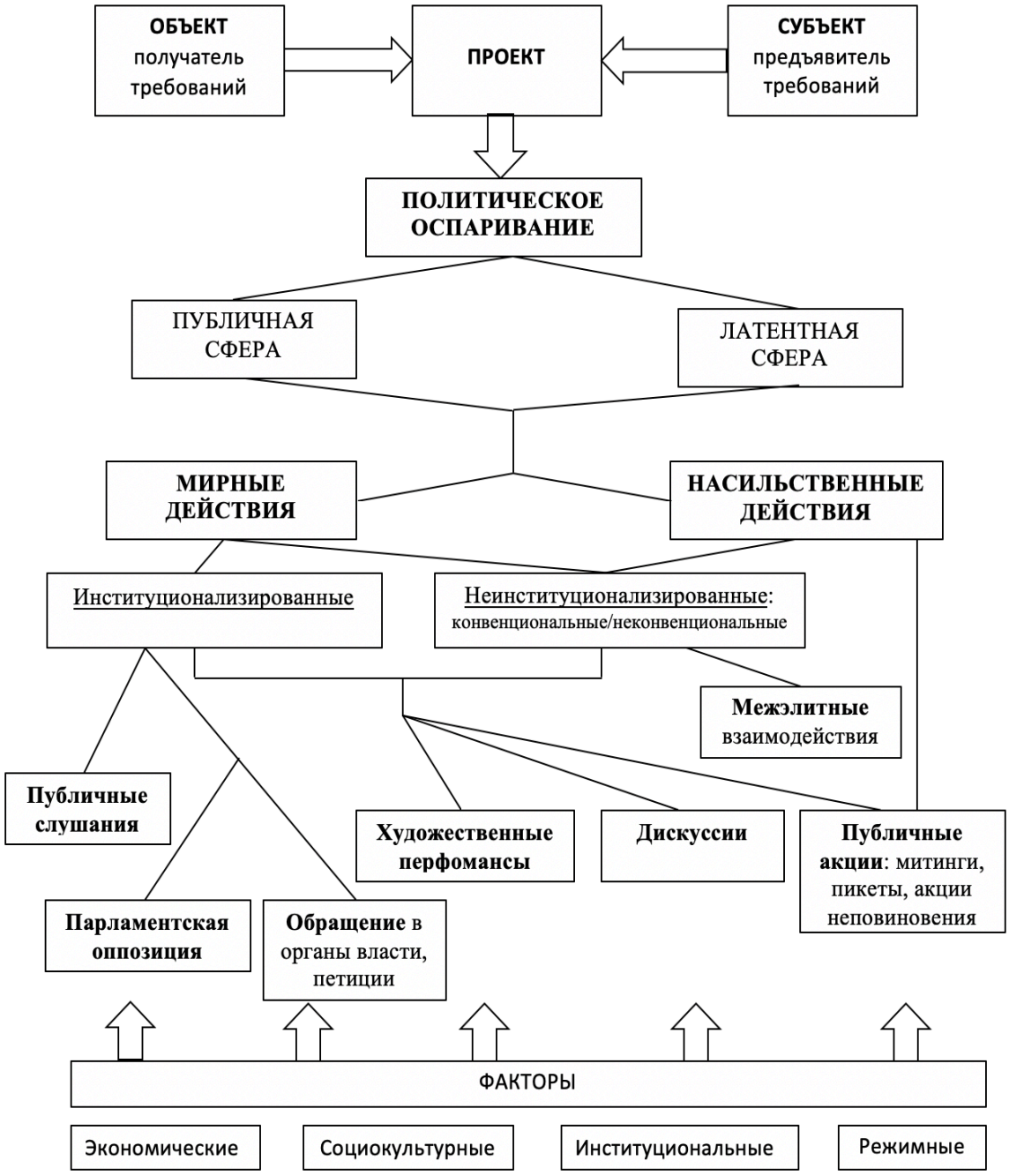
---

[349] *Скиперских А.В.* Город как протестная поверхность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6-1. С. 337.

[350] Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / Ed. N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev. 2018. P. 16.

Схема.

Модель политического оспаривания



Публичная артикуляция той или иной социальной проблемы является следствием коллективного определения в результате их конкуренции друг с другом за общественное внимание и социетальные ресурсы. Коллективное определение социальных проблем существует на конкретных публичных «аренах», где проблемы формулируются и растут. Такими аренами, по мнению С. Хилгартнера и Ч. Боска, являются исполнительная и законодательная ветви власти, суды, СМИ, организации, занимающиеся проведением политических

кампаний, группы социального действия, научные сообщества, книги, религиозные организации, профессиональные общества и частные фонды. Именно в этих институтах происходит обсуждение, отбор, определение, формулировка и представление общественности социальных проблем. Каждая из названных публичных арен обладает разной пропускной способностью проблемы в политическую повестку дня[351].

Изучая процессы принятия политических решений, А. Соловьев выделяет четыре арены целеполагания и принятия государственных решений: политическая система, система государственного управления, правящий режим и режим регулирования. Названные арены целеполагания «раскрывают взаимосвязь государства и общества через призму коммуникаций профессиональных и гражданских структур с точки зрения как выработки управленческих приоритетов, так и соотношения фактических возможностей сторон в формулировке и достижении конкретных целей»[352]. Базовое значение принадлежит политической системе, которая формирует механизмы превращения общественной власти во власть государственную, закладывая гражданские основания принятия решений. Теоретически политическая система не только обеспечивает доступ граждан к механизмам отправления государственной власти, но и одновременно обозначает возможности и ограничения для действий чиновников при исполнении ими государственных полномочий. Главную роль играют законодательно закрепленные публичные коммуникации государства и общества, отражающие тот нормативный порядок, который фиксирует права и возможности граждан презентовать свои интересы, влиять на государственных администраторов и контролировать их (в плане выполнения ими своих обязанностей, а также с точки зрения реализации народных чаяний)[353]. Однако политическая система создает лишь условия для участия граждан в выработке политического курса, не гарантируя влияния

---

[351] *Хилгартнер С., Боск Ч.Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. №2. С. 78, 80.
[352] *Соловьев А.И.* Государство как пространство принятия решений // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 127.
[353] *Соловьев А.И.* Государство как пространство принятия решений. С. 127-128.

массового дискурса на содержание итоговых позиций. По наблюдениям А. Соловьева, в большинстве случаев, общество представляет собой символическую фигуру принятия решений, «используемую элитарными группировками для формирования государственных стратегий и целей в соответствии с собственным пониманием ситуации и перспектив социального развития»[354].

Политическая система сохраняет доминирующую роль различных структур правящего класса, позволяя ей определять конкретные цели государства. Наибольшее влияние на содержание государственных целей и решений оказывают субъекты политического режима и режима регулирования, обладающие ресурсами, недоступными для гражданских структур (инсайдеры). Коммуникация и согласование интересов на этих аренах происходит в непубличном пространстве. Возникающие конфликты по поводу политических проектов обладают нетождественным потенциалом для обновления/разрушения массовых и иных коммуникаций между государством и обществом, а на различных площадках отношения этих акторов могут обладать различной чувствительностью к вызовам времени и действиям внешних факторов[355].

Новые технические и организационные возможности всё чаще стирают границы между политическим и неполитическим, опубличивая латентную внутриэлитную активность, придавая огласке готовящиеся политические проекты. Современные социологи вынуждены смещать фокус методологии от изучения борьбы элит за власть к коммуникации «политической» и «неполитической» сфер общества. При оценке уровня демократии полезно отказаться от разделения гражданских и политических прав, т.к. обе этих характеристики лежат в рамках такого измерения как «оспаривание»[356]. По наблюдениям У. Бека, «политическое вырывается … из ролевой схемы того, что считалось «политическим» и «не-политическим» действием»[357].

---

[354] *Там же*. С. 129.
[355] *Соловьев А.И.* Государство и общество: новые грани исторического конфликта. С. 9.
[356] См. *Coppedge M., Alvarez A., Maldonado C.* Two Persistent Dimensions of Democracy: Contestation and Inclusiveness // *The Journal of Politics*. Vol. 70, No. 3 (Jul., 2008), pp. 632-647.
[357] *Бек У.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 9.

А. Глухова обращает внимание на «экспансию» политического, вторжение политики в сопредельные сферы общественной жизни, политизируя отношения и процессы, природа которых изначально не является политической. «Экспансия» политического проявляется «в умножении числа субъектов политической деятельности – носителей конкурентного начала, новых идей, подходов, проектов, оформляющих вновь возникающие потребности и интересы людей»[358]. Ч. Тилли ещё в 1978 г. при анализе коллективного действия рекомендовал максимально сузить границы между политическим и неполитическим[359].

Таким образом, сферы публичного оспаривания в гражданской и политической сферах взаимосвязаны: гражданские ассоциации способны откликаться как на социальные проблемы в обществе, так и включаться в политическую борьбу. Гражданское общество, не являясь самым влиятельным субъектом, способно к регулированию конфликтов и достижению консенсуса посредством партийно-парламентских институтов. Однако парламентские механизмы могут быть действенными только при открытой артикуляции групповых интересов и конфликтов в обществе. Политическое сообщество в представительных демократиях должно быть открыто влиянию гражданского общества[360].

Понятие «публичная политика» позволяет аналитически объединить гражданскую и политическую сферы проявления публичного оспаривания, рассматривая её как арену конфликтных и договорных взаимодействий институционализированных центров власти, гражданских ассоциаций и коммерческих структур[361]. Практики оспаривания в политико-административной сфере отличаются по форме от оспаривания в гражданской и политической сферах, в наименьшей степени регламентируются правовыми актами и, как правило, носят латентный характер. Объектом нашего внимания являются

---

[358] Внутриполитическая повестка дня как фактор единства ... С. 120-121.
[359] *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. М.: ИД «ВШЭ», 2019. С. 87.
[360] *Коэн Д., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. С. 522.
[361] Как заметил Ю. Хабермас, «современная публичная сфера охватывает различные площадки для более или менее дискурсивного спора, где мнения выражаются посредством печатной продукции в области образования, справочной информации и развлечений». См. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. С. 13, 18.

практики публичного оспаривания в гражданской и политической сферах (публичная политика), в которых участвуют граждане и возможно формирование пространства для публичного конструктивного диалога. Публичная дискуссия позволяет представить аргументы сторон, сблизить их позиции. В сфере публичной политики прерогативы институтов сочетаются с влиянием сетевых сообществ, гражданские ассоциации вовлекаются или дистанцируются от выработки повестки дня, планы органов власти сталкиваются с общественным мнением и влиянием СМИ (Таблица 2).

Таблица 2.

Сферы и площадки оспаривания политического проекта

<table>
<tr><td rowspan="3">Сферы</td><td colspan="3">ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА</td><td colspan="2">ЛАТЕНТНАЯ СФЕРА</td></tr>
<tr><td colspan="3">ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА</td><td colspan="2" rowspan="2">ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ</td></tr>
<tr><td colspan="2">ГРАЖДАНСКАЯ</td><td>ПОЛИТИЧЕСКАЯ</td></tr>
<tr><td>Проявление</td><td>Публичная дискуссия, критика</td><td>Протестное действие</td><td>Политическая оппозиция, партии, «политизированные» НКО</td><td>Публичные оценки экспертов, доклады аналитических центров</td><td>Взаимодействие политико-административных сетей</td></tr>
<tr><td rowspan="5">Площадки</td><td colspan="2">дискурсивная</td><td></td><td colspan="2" rowspan="5"></td></tr>
<tr><td colspan="3">протестная</td></tr>
<tr><td colspan="3">электоральная</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td>партийно-парламентская</td></tr>
<tr><td colspan="3">экспертная</td></tr>
</table>

Многообразие публичных дискуссий, практик публичного оспаривания сгруппированны в пять типов площадок: *дискурсивная, протестная, электоральная, партийно-парламентская и экспертная*. Площадки различаются между собой статусом участников взаимодействия и готовностью к компромиссу (оспаривают проект целиком или незначительные его детали), масштабом массовой мобилизации. Политический проект может переходить от одной площадки к другой, расширяя количество своих сторонников и противников, приобретая новые аргументы и контраргументы. Предметом оспаривания на площадках могут быть не только политические проекты, но и правила взаимодействия политических субъектов, ставящие под сомнение сами правила оспаривания.

Наиболее доступный и конвенциональный способ оспаривания – дискуссия, реализуемая на всех площадках. Оспаривание на *дискурсивной площадке* осуществляется гражданами вербально (или с помощью текста, изображения) без значимых правовых последствий для оспариваемого проекта. Артикуляция своего мнения рассматривается гражданами как неконфликтный способ взаимодействия с властью. Участие в дискурсивной площадке не требует от участников специальных знаний и навыков, особого статуса. Дискурсивные площадки – это место сбора всех возможных мнений, суждений и оценок политического проекта.

Автор термина «оспаривание» Б. Жувенель доказывал необходимость возможностей и инструментов для обсуждения, критики, оспаривания и при необходимости предотвращения действий правительства. Общественная дискуссия позволяет вовлечь большее количество граждан, грамотной аргументацией расширить поддержку решений и действий власти[362]. Полезность диалога для согласования общественных дел не вызывает сомнений. Каждая историческая эпоха обладает собственными примерами организации пространства общественного дискурса: Агора, вече, парламенты, газеты и клубы, социальные сети и публичные уличные пространства. Субстанциональной чертой дискурсивной площадки является стремление участников к выражению своего мнения, создающего условия для делиберации, поиску приемлемого для всех участников общественного выбора. Демократическое формирование политики «осуществляется через язык и аргументацию, через способность и желание понять, принять альтернативное сообщение, с одной стороны, а также через осознанные механизмы группового возражения и поддержания идеи альтернативы управляющему посылу - с другой»[363].

Институционализированной формой *дискуссии* являются общественные слушания, инициатором которых, как правило, являются органы власти. Процедура общественных слушаний предполагает очное участие граждан,

---

[362] *Jouvenel B.* The means of Contestation // Government and Opposition. 1966. No. 1 Jan. P. 156.
[363] Цит. по: Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action. P. 13.

регламентированный порядок выступлений и рекомендательный характер их резолюции. При подготовке политического проекта государство обращается к общественным структурам, которых непосредственно касаются решаемые проектом вопросы по двум причинам. Во-первых, правящая группа (доминирующий субъект) заинтересована в демонстрации открытости процессов принятия решений, публичном одобрении и поддержке своих проектов, возможно, незначительном уточнении их деталей. Идея и содержание политического проекта готовится на аренах правящего режима и режима регулирования (А. Соловьев) без участия субъектов публичной политики. Во-вторых, наличие у внешних субъектов ресурсов (а иногда и ресурсные преимущества), которые невозможно игнорировать при подготовке политического проекта или государственного решения. В силу этого внешними партнерами государства при подготовке политического проекта могут стать и гражданские ассоциации, и группы бизнеса, и международные институты, и даже структуры глобального гражданского общества[364]. Организуемый властью публичный диалог с обществом на разнообразных площадках является инструментом «обратной связи, направленным на мониторинг массовых настроений, умиротворение несогласных и сигнализацию третьим сторонам своих предварительных намерений»[365]. Как правило, политический проект на общественных слушаниях оспаривают гражданские и партийно-политические лидеры, незаинтересованные в его реализации, и стремящиеся к повышению своей публичности. Очная форма дискуссии не является привычной и удобной для большинства граждан.

Качественно новые возможности для публичного оспаривания были созданы стремительным развитием Интернет, изобретением технических возможностей для массовой аудитории самостоятельно создавать и широко распространять информационный контент. Благодаря онлайн-коммуникации публичное пространство стало значительно свободнее, превратившись в

[364] *Соловьев А.И.* Принятие и исполнение государственных решений. С. 186.
[365] *Соловьев А.И.* Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. №4. С. 19.

площадку добровольного, осознанного и открытого диалога на основе горизонтальных связей и равенства участия, позволяя оказывать несиловое влияние на власть. Как заметил М. Кастельс, «свободная коммуникация – самая подрывная практика из всех возможных, поскольку она бросает вызов властным отношениям, укоренённым в общественных институтах и организациях»[366]. Социальные медиа дают возможность индивиду не только легко и дешево создавать собственный контент, но и удобно выделять необходимую информацию. Кроме того, социальные медиа обеспечивают двухстороннюю коммуникацию, а также интегрируют публичную и личную коммуникацию. Таким образом, создается пространство свободной циркуляции актуальной для аудитории информации. В тоже время власть эффективно использует новые коммуникативные возможности для снижения влияния оппозиционного дискурса, а гражданам требуется освоить дополнительные навыки для поиска востребованной и достоверной информации.

Как указывают российские исследователи, протест можно рассматривать не только как форму политического действия, но и как отдельную арену политической активности и взаимодействий, одно из субполей политики. Специфика *протестной площадки* проявляется в наступательной форме, часто конфликтном способе влияния на принятие политических решений – «посредством публичного предъявления требований и убеждения властных акторов эти требования реализовать»[367]. Протестная площадка более регламентируется нормами, чем дискурсивная, но в меньшей степени, чем электоральная или партийно-парламентская площадки.

Оспаривание на протестной площадке может быть реактивным, защитным (когда оспариваются новые проекты, нарушающие статус-кво) и активным (когда оспаривается статус-кво, предъявляются требования изменения политических правил, расширение возможностей политического влияния аутсайдеров). Активное оспаривание, с артикуляцией собственных целей и аргументов, создает

---

[366] См. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 9.
[367] Массовая политика: институциональные основания. С. 85.

основания для оформления собственного политического проекта. Протестное оспаривание может принимать либо *лояльную форму* (участники признают легитимность властей и предлагают устранить несправедливость властным решением), либо *конфликтную форму* (субъекты оспаривания отказывают в легитимности властям, не верят в их справедливое решение по этому вопросу, выдвигают требования политических преобразований и изменений). Участники протеста могут совершать нелегальные действия, ошибочно оценивая свою активность как конвенциональную. Реакция властей (вступить в диалог, «наказать» нарушителей или «не заметить») определяет дальнейшую динамику оспаривания.

Современный репертуар протестных действий позволяет привлечь внимание к проблеме, мобилизовать сторонников и оказать давление на власть. Однако формат не позволяет организовать конструктивное обсуждение, сравнение аргументов сторон, выявление альтернатив. Общей чертой современных протестных акций является их аморфность, отсутствие лидера, горизонтальная координация посредством социальных сетей. Данное обстоятельство затрудняет возможность диалога с протестующими, т.к. не выявляется сторона переговоров. Кроме того, отсутствие лидера является фактором спада активности, протесты развиваются в формате спонтанного выплеска накопившегося недовольства[368]. Целесообразно разделять публичное протестное мероприятие на: а) оспаривающие незначительные аспекты политического проекта; б) протестное действие, содержащее требование отменить проект целиком; в) требование отставки должностного лица, роспуска коллегиального органа.

Примером защитных лояльных протестных акций стали «Черный понедельник» в Польше - протестная акция движения «Забастовка женщин»[369] против проекта законодательного запрета абортов. «Черный понедельник» прошел в сентябре 2016 г., в 147 городах Польши. Масштабная мобилизация

[368] *Пятаков А.Н.* Чилийские и французские социальные протесты в 2018-2020 гг.: компаративный анализ // Современная Европа. 2020. №6. С. 120, 122.
[369] Strajk Kobiet. URL: http://strajkkobiet.eu (дата обращения: 10.06.2020).

польских женщин вынудила партию парламентского большинства «ПиС» отказаться от рассмотрения законопроекта. Решение «ПиС» вернуться к рассмотрению этого законопроекта после очередных выборов в Сейм осенью 2019 г. вызвало новые протесты[370]. Осенью 2020 г. решение Конституционного суда о незаконности прерывания беременности привело к переходу к конфликтным формам протеста: блокирование путей сообщения, прерывание богослужений в костелах, столкновения с полицией, угрозы заражения COVID-19[371]. Напротив, гибридное протестное движение «Желтые жилеты» во Франции, стихийно применявшее лояльные и конфликтные формы, добилось введения моратория на повышения цен на топливо, повышения размера минимальной оплаты труда, снижения налогообложения для семей с низким доходом[372]. Чувствительность власти к сигналам от общества зависела ещё и от типа политического режима: демократия – во Франции, право-популистский, новый авторитаризм – в Польше[373].

Широкое распространение как в демократических, так и в гибридных режимах приобретают нетрадиционные, театрализованные формы протеста, произведения уличного искусства (public art), одновременное пребывание в одном месте (flashmob)[374].

Электоральная площадка публичного оспаривания по форме реализации напоминает дискурсивную (происходит вербальный или эпистолярный спор) и протестную (проводятся массовые публичные мероприятия с призывом голосовать «за» или «против» кандидата или партии). В то же время электоральная площадка конституирует политический выбор, из неё становится

---

370 Strajk Kobiet czeka w blokach startowych // Wyborcza. 21.10.2019. URL: https://wyborcza.pl/7,162657,25330416,strajk-kobiet-czeka-w-blokach-startowych-pis-nie-daje-wyboru.html (дата обращения: 20.12.2019).

371 Женщин не слышат // Российская газета. 27.10.2021. https://rg.ru/2020/10/27/protesty-protiv-zapreta-abortov-paralizovali-zhizn-v-polshe.html (дата обращения: 12.05.2021).

372 *Пятаков А.Н.* Чилийские и французские социальные протесты в 2018-2020 гг.: компаративный анализ // Современная Европа. 2020. №6. С. 119-128., Желтый пресс: что случилось с французским протестным движением за год // Известия. 15.11.2019. https://iz.ru/942871/nataliia-portiakova/zheltyi-press-chto-sluchilos-s-frantcuzskim-protestnym-dvizheniem-za-god (Дата обращения: 02.08.2020).

373 *Глухова А.В., Савенков Р.В.* Новый авторитаризм в польском облачении (размышляя над прочитанным)//Полис. Политические исследования. 2019. №4. С. 181-191.

374 *Моргунова А*. Протесты в Беларуси в 2020 г.: язык и текст плакатов // Вестник общественного мнения. 2021. №62-88.

ясно, «каким образом включенность в сообщество равноправных граждан связана с индивидуальным правом на автономные реплики и на занятие собственных позиций»[375]. Итогом оспаривания является голосование «за» или «против» кандидата и его проекта или отказ избирателей голосовать. Отдавая свои голоса, избиратели выражают сложившиеся у них предпочтения, тем самым лицензируют доступ к властным позициям, за которые ведут спор политические партии[376]. В конкурентных режимах голосование оказывает сильное влияние на констелляцию субъектов принятия решений, поскольку его результат определяет, какая партия приходит к власти, а значит, какой политический проект будет реализовываться. По результатам выборов коммуникативно созданная власть трансформируется в административную. Другими словами, результаты оспаривания на электоральной площадке приобретают правовые последствия, позволяют оценить популярность и убедительность аргументов кандидатов и их проектов, закрепляют до следующих выборов партийно-политическое соотношение сил.

Электоральная площадка публичного оспаривания является конвенциональной и наименее затратной для граждан, обладающих активным избирательным правом. Голосование представляет собой массовое поведение избирателей (П. Штомпка), при котором его участники действуют автономно друг от друга, но результаты действия оказывают макросоциальное влияние[377]. Автономность действий граждан стимулирует кандидатов артикулировать новые идеи, создавать собственные альтернативные политические проекты, «перехватывать» интересные политические инновации у своих конкурентов с целью привлечения на свою сторону потенциальных избирателей. Предвыборные программы представляют собой наиболее полный вариант политического проекта, агрегирующего общественные проблемы[378].

В гибридных и авторитарных режимах правящая группа жестко регламентирует и контролирует оппозиционную активность на электоральной

---

[375] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. СПб.: «Наука», 2001. С. 387.
[376] *Там же*. С. 388.
[377] *Sztompka P.* Socjologia. Analiza społeczeństwa. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2012. S. 202-205.
[378] Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной... С. 24, 36.

площадке, создает теневые «машины» по управлению волеизъявлением, искажает результаты оспаривания проектов. В этом случае избирателям доступны несколько моделей поведения для демонстрации своего несогласия с проектом инкумбента: проголосовать за зарегистрированную оппозиционную партию или кандидата, испортить бюллетень для голосования, бойкотировать выборы. Наиболее чувствительным для инкумбента является взаимодействие избирателей друг с другом и солидарное голосование за зарегистрированных оппозиционных политиков. Остальные формы оспаривающего поведения учитываются специалистами, но не влияют на расстановку политических сил, не объясняют мотивы действий субъектов оспаривания и образ приемлемой для них альтернативы. Более того, правила избирательной системы могут конвертировать «голоса» протестных избирателей (испортивших бюллетень или проголосовавших за партию, не преодолевшую заградительный барьер) в голоса в поддержку партии большинства[379].

Круг публичных субъектов электоральной площадки ограничен законодательством: как правило, это политические партии, избирательные блоки, социальные движения, зарегистрировавшие свои кандидатов индивидуально или списком. Электоральная поддержка – это измеряемый и прогнозируемый показатель, позволяющий оценить возможности оппозиционной политической партии в убедительности своих аргументов и способности к мобилизации своих сторонников и симпатизантов.

Партийно-парламентская площадка представляет собой пространство взаимодействия депутатов, фракций политических партий в законодательных представительных органах власти и является наиболее регламентированной и ограниченной по количеству субъектов. Парламент («делиберативная ассамблея»[380]) является политическим институтом, сформированным на основе волеизъявления граждан, а принятые большинством депутатов решения

[379] *Голосов Г.В.* Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 108-119.
[380] *Шкурихин И.А.* Делиберация как норма парламентской коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. №2. С. 56.

становятся законом (в большинстве конституций закреплена процедура преодоления депутатами вето президента). Результаты оспаривания на партийно-парламентской площадке оказывают наибольшее влияние на окончательную редакцию и судьбу политического проекта: «при всей важности публичных высказываний, выступлений в средствах массовой информации и прочих посылаемых обществу и элитам сигналов определяющим отличием государственного решения от медийного фантома является его законодательная и нормативная обеспеченность»[381].

Субъекты публичного оспаривания на парламентской площадке – лидеры фракций и активные депутаты национального парламента критикуют действия правительства парламентского большинства, как правило, голосуют против их законодательных инициатив, обменивают свои «голоса» на иные виды ресурсов, стремятся сменить правящую группу по итогам следующих выборов. Партийно-парламентская площадка дает возможность коррекции, внесения изменений в предложенный политический проект, что позволяет участникам дебатов проявлять гибкость в отстаивании своих позиций. В таких условиях действия парламентской оппозиции не вызывают деструктивных последствий, оставаясь органичным явлением в системе государственной власти[382]. Высокая значимость этой площадки повышает требовательность к партиям и качеству их проектов. Выдвигаемые партиями идеи должны обозначать проблемные зоны общества и выступать в роли коллективных стимулов партийного членства и электоральной поддержки, предлагая избирателям различные версии идентичности и солидарности[383].

Обсуждение и оспаривание на парламентской площадке в научной литературе получило название законотворческого процесса, в ходе которого происходит поэтапное согласование интересов властных групп и других акторов

---

[381] *Шульман Е.* Законодательство как политический процесс. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. С. 10.
[382] *Pastuszko G.* Wpływ opozycji parlamentarnej na funkcjonowanie naczelnych organów władzy państwowej -analiza problemu w świetle Konstytucji RP z 1997 roku. – Toruń, Wydawnictwo Adama Marszałek, 2018. S. 5.
[383] *Толпыгина О.А.* Трансформация идеологической функции… С. 159.

путем разработки, обсуждения, принятия, оценки и возможной последующей корректировки законодательного акта.

Процедурные рамки законотворческого процесса существенно ограничивают возможности граждан представлять свои позиции. Возможности для публичного оспаривания у лишенных «заявительной компетенции» политических сил ограничиваются информированием и публичной оценкой действий парламентариев. Отдельного внимания требует выявление факторов, подталкивающих парламентариев «подхватывать» темы, артикулируемые на дискурсивной и протестной площадках, определяющих их решение оспаривать или отказываться от оспаривания политического проекта.

Экспертные площадки объединяют в себе учреждения, занимающиеся исследованиями и анализом политических проблем, вырабатывающие политические рекомендации по вопросам внутренней и внешней политики, позволяя лицам, принимающим решения, обоснованно выбирать оптимальные варианты, сокращая разрыв между властью и общественностью[384]. В западной политической мысли экспертные учреждения получили название «мозговых центров» (think tank) и включают в себя носителей специальных знаний, компетентностей, эрудиций в какой-либо области, представителей групп интересов и организаций. Наряду с «мозговыми центрами» («фабриками мысли») действуют другие субъекты интеллектуального обеспечения политики: центры публичной политики (public policy centers) и традиционные научно-исследовательские организации (академические институты и университеты). ЦПП – это независимые от государства общественные организации, стремящиеся повлиять на лиц, принимающих политико-управленческие решения, посредством создания интеллектуального продукта. Традиционные научно-исследовательские организации представляют собой независимые от политики академические структуры, которые производят фундаментальные исследования и разработки, обладающие долговременной актуальностью, специализацией и

[384] Think Tanks and Emerging Power Policy Networks / Ed. James G. McGann. Palgrave Macmillan, 2018. P. 3.

монодисциплинарностью. Перечисленные институты стремятся наращивать собственную публичную репутацию и доступ к процессу принятия государственных решений, посредством экспертных знаний, оценок, прогнозов и производимых ими альтернативных идей[385]. Кроме того, субъектами экспертной площадки являются известные интеллектуалы, мнение которых транслируется традиционными и новыми медиа.

Под экспертизой понимаются «аргументированные заключения специалистов в конкретных областях, сделанные по поручению тех или иных уполномоченных для этого властных структур», что дает возможность представителям академического и экспертного сообщества пользоваться «властью называть вещи своими именами»[386]. Экспертную деятельность в целом определяют как целенаправленную, квалифицированную, характеризующую удовлетворение спроса процедуру оценки ситуации, явления (действия), определения закономерностей её развития с последующим выявлением тенденций и построением прогноза на основе собственной или заимствованной методики[387].

Среди исследователей сложились две позиции в отношении участия экспертов в процессе подготовки политических решений. С одной стороны, участие экспертов в совместной дискуссии с представителями власти обеспечивает обсуждение альтернативных вариантов решения, стоящих на повестке дня проблем, учет их социально-политических последствий[388]. Более того, профессиональные мозговые центры и научно-аналитические институты способны к выработке проблемной повестки дня, артикуляции важных, но пока не осознанных гражданами и элитой проблем. Постоянная практика экспертной дискуссии укрепляет делиберативные структуры и ценности в политическом

---

[385] См. Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. С. 197.
[386] *Сунгуров А.Ю.* Общественная и гражданская экспертизы: современные российские дискуссии // Общественные науки и современность. 2019. №4. С. 87.
[387] *Маштакова Е.А.* Общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов как фактор демократизации правотворчества // Юридическая техника. 2014. №8. С. 271.
[388] *Сунгуров А.Ю. Шамшура К.А.* Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России// Политическая наука. 2020. №1. С. 67, 70.

процессе[389]. С другой стороны, научная экспертиза сохраняет свою эффективность и авторитет только если дистанцируется в своих выводах от защиты интересов властных структур[390]. Объективная наука не может обеспечивать легитимность политических решений, т.к. ученые находятся в постоянном поиске, могут пересмотреть свои первоначальные выводы под влиянием вновь открывшихся фактов[391]. С рубежа XX-XXI вв. снижается авторитет и доверие к экспертам, т.к. потребность в фактах и рациональной интерпретации реальности у граждан заменяется потребностью в переживании сильных эмоций[392], «на смену глубоким всесторонним аналитическим исследованиям от экспертов пришли краткие, агрессивные, рассчитанные на громкий резонанс «вбросы» в околополитические дебаты по наиболее злободневным вопросам повестки дня»[393]. Похожие наблюдения позволили А. Балаяну и А. Сунгурову разделить современные фабрики мысли на «технические» (как правило, обеспечивающие экспертное обслуживание властной структуры) и «идейные» (обладающие проектом желательного развития социума)[394].

По наблюдениям С. Туронок, современные политические эксперты стремятся к прямому участию в текущих политических дебатах, выступая в роли агрессивных адвокатов определенных идей и идеологий, в ущерб нейтральности, стремясь к роли брокеров в поиске политических компромиссов. Исследователи фиксируют появление гибридных организаций, находящихся на пересечении политической, научной, деловой и журналисткой сфер деятельности, что позволяет выполнять различные функции[395]. Эффективное публичное оспаривание предполагает не только возможность работы экспертов, подготовку

---

[389] *Макарычев А.С.* Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. – 2015. №. 3. С. 23.
[390] *Haas P.* When does power listen to truth? A constructivist approach to the policy process // Journal of European Public Policy. 2004. No. 11(4). P. 577.
[391] *Collingridge D., Reeve C*. Science speaks to power. The Role of Experts in Policy Making. New York, StMartin's Press, 1986. P. 8.
[392] *Дэвис У.* Нервные государства. М.: Издательство АСТ, 2021. С. 18.
[393] Гражданский сектор государственного управления. С. 188.
[394] *Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб.: Алетейя, 2016. С. 11-12.
[395] Гражданский сектор государственного управления. С. 190.

квалифицированных аналитических продуктов, но и востребованность прогнозов элитами, доверие к экспертным выводам граждан, участников публичного оспаривания. Без доверия к результатам оценок экспертов невозможно использовать потенциал этой площадки в конструктивном обсуждении политических проектов и артикуляции альтернатив.

Итак, пересечение публичных дискуссий, конфликтов создает «текучие» границы между субъектами оспаривания: новыми активными предъявителями требований стали публики и сетевые социальные движения. Авторитет и доверие к политическим партиям и публичным интеллектуалам как субъектам публичного оспаривания снизились. Органы государственной власти в публичном оспаривании предстают в нескольких ролях: как источник политических проектов, как объект критики и как источник правовых возможностей и ограничений конвенционального и конструктивного публичного оспаривания. Объектом публичного оспаривания является не любое заявление или действие, а политический проект - интеллектуальный продукт, в котором сформулирован образ будущего, цель и программа долгосрочных или краткосрочных действий.

Описанные пять площадок, на которых реализуются практики публичного оспаривания находятся в тесном взаимодействии, оказывают взаимное влияние друг на друга. Например, масштабная мобилизация на протестной площадке с защитными требованиями может вынудить субъектов партийной площадки оказать давление на власть скорректировать принятые решения. Условием эффективности публичного оспаривания является транспарентность площадок, возможность обогащения дискуссии результирующими продуктами их функционирования, способность субъектов оспаривания воспринимать аргументы друг друга. Благоприятным фактором для взаимодействия площадок является многообразие участников оспаривания и конкуренция между ними. В то же время сохраняется возможность асинхронного движения и взаимодействия разных площадок, изменяющих свою конфигурацию и двигающихся с разной скоростью: активность оспаривания на одной площадке может сопровождаться неподвижностью на другой. По наблюдениям А. Соловьева, «… именно за счет

такой неравномерности движения государство сохраняет требуемую эластичность и собственной организации власти, и отношений с обществом»[396].

Объективным препятствием взаимодействия площадок является их отличающиеся роли в политических процессах, внутренние правила функционирования и позиция власти в отношении конкретных субъектов оспаривания (репрессии или помощь). Дискурсивная площадка позволяет собрать всю палитру мнений, протестная – продемонстрировать масштаб общественной поддержки, оказать эмоциональное давление на власть, электоральная – оформить идеи в политические проекты, партийно-парламентская – трансформировать политический проект в нормативно-правовые акты, государственные программы, экспертная – выявить наиболее конструктивные альтернативы, рассчитать последствия реализации проекта. В период неразвитости цифровых коммуникаций Ч. Тилли считал наиболее эффективными институциональные формы оспаривания: «лишь правительствам, создавшим конкретные институты для выражения предпочтений, удалось обеспечить также обязательные и действительные консультации» К таким институтам политолог относил представительные собрания, конкурентные выборы, референдумы, петиции, суды и публичные собрания, в то время как опросы и дискуссии в СМИ оказывают спорное влияние[397].

Набор правил и норм на любой площадке ставит одних участников в более благоприятные условия, чем других. Очевидно, что общественные субъекты публичного оспаривания обладают большими возможностями для выбора лозунгов и заявлений, для выбора репертуара действий на дискуссионной и протестных площадках по строго регламентированным правилам проводится оспаривание на электоральной и партийно-парламентской площадке, результаты которого обладают правовыми последствиями (получение должности и депутатских мандатов, принятие НПА). Публичное оспаривание на экспертной площадке не имеет никаких императивных результатов, однако её результаты

---

[396] *Соловьев А.И.* Государство и общество: новые грани исторического конфликта. С. 10.
[397] *Тилли Ч.* Режимы и оспаривание // Логос. 2008. №6. С. 107.

могут использоваться для аргументации позиций участников оспаривания на четырех других площадках.

§ 3. Возможности и ограничения цифровых технологий в публичном оспаривании

Цифровые технологии вызвали революционные изменения в культуре, организации и способах функционирования коммуникации, гражданской активности и властных отношений. Горизонтальные цифровые коммуникационные сети превратились в становой хребет современной жизни, сформировав сетевые формы коммуникации, усилив влияние гражданского общества на власть. Важнейшей инновацией в коммуникационной сфере, изменившей способ функционирования властных отношений, стал сдвиг от массовой коммуникации к массовой самокоммуникации. Свободная массовая самокоммуникация, по наблюдениям М. Кастельса, превратилась в «самую подрывную практику из всех возможных, поскольку она бросает вызов властным отношениям, укорененным в общественных институтах и организациях»[398]. По наблюдениям политологов, в последние двадцать лет в мире наблюдается резкий подъем протестного движения, который представляет собой неоформленные конгломераты различных групп, гражданских инициатив, действующих в самых разных сферах социальной жизни[399], но использующих легальные и нелегальные инструменты для решения проблем на институциональном уровне.

В 2000-х годах протестующие воспользовались новыми техническими возможностями для усиления давления на власть, подталкивая к революции, подпитывая сопротивление, продвигая кандидатов в президенты. Использование мобильных телефонов позволило движению People Power II свергнуть президента Д. Эстрады на Филиппинах (2001 г.), обеспечить с минимальным отрывом победу

---

[398] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 6-11.

[399] См. Громогласова Е.С. Глобализация и общественный протест // Международные процессы. 2015. № 4. С. 57-73., Рябов А.В. «Революция потребностей» и новые движения протеста // Неприкосновенный запас. 2014. № 1. С. 102-110.

корейского президента Му Хена (2002 г.), свергнуть президента Л. Гутьерреса в Эквадоре (2005 г.). Самым удачным примером протестной мобилизации в новых условиях коммуникативной независимости, по мнению М. Кастельса, стало спонтанное возмущение ложью правительства о террористической атаке «Аль-Каиды» в Мадриде, запустившее в считанные дни общественное движение и приведшее к поражению на выборах премьер-министра Ансара[400].

Социальные медиа стали одним из главных инструментов в руках оппозиции как в 2014 г., так и в 2019 г. в сопротивлении жителей Гонконга правовой интеграции с материковым Китаем. Соцсети помогли канализировать взрывную эмоциональную волну протестующих и сделали возможным организацию многомесячной уличной кампании. Во время «Революции зонтиков» в 2014 г. основными интернет-площадками у протестующих были Twitter и Facebook, а в 2019 г. координация протестных действий осуществлялась преимущественно в мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Signal). Тестируя различные тактики проведения акций, оппозиционеры пришли к своеобразной геймификации протеста, превращению его в подобие видеоигры, где они пользуются оперативно обновляемыми картами протестных действий и применяют методы, почерпнутые из виртуального мира[401]. В тоже время полиция расширила свои технические возможности по деанонимизации участников протестов: использовались транспортные карты для отслеживания перемещения участников оппозиционных акций и данные с видеокамер.

Наблюдаемая коммуникационная революция породила информационное изобилие и разнообразие цифровых медиаинструментов и привела к новой структурной трансформации публичной сферы (Ю. Хабермас). Распространение недорогих и простых методов цифрового воспроизведения привело к демократизации информации, расширению доступа к опубликованным материалам, которые ранее были либо вообще не доступны публике, либо доступны только ограниченному кругу лиц. Новые технологии существенно

---

[400] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 411-412.
[401] *Дудаков М.* «Цифровая» революция в Гонконге. Роль онлайн-инструментов в массовых протестах 2019 г. М., 2019. С. 3-4, 35.

увеличивают шансы на появление и осуществление альтернативных проектов, возникающих в обществе в качестве вызова власть предержащим. Среди новых трендов выделяют опубличивание частной жизни и новое «макрекерство» (активная контрольная деятельность над властью со стороны граждан и журналистов)[402].

Нормы гражданского участия переходят от модели, основанной на долге гражданства к модели активного гражданства. Изменение нормы меняет и расширяет модели политического участия граждан. Новый активизм качественно отличается от гражданской активности 2000-х гг. б*о*льшим разнообразием творческих, выразительных, индивидуализированных и цифровых форм гражданской активности. Цифровые процессы информационного потребления превращаются в самостоятельную форму социальной активности[403]. Старые и новые формы гражданской активности объединяются в интегральную многомерную модель политического участия. Активисты развивают новый тип гражданского движения, применяя инновационные формы прямых действий, часто без лидера и определенных целей. В то же время новые медиа приводят к потерям традиционной организацией активистов, поскольку обычные граждане вовлекаются в «слактивистские» формы активности, более удобные, но гораздо менее эффективные[404]. Авторы концепции «слактивизма» рассматривают его как легкую «пассивную» онлайн-активность без какого-либо политического или социального воздействия на реальные политические процессы[405]. В то же время очевидно, что обсуждение в Интернет и оценка «послания» «лайком» или репостом влияют на атмосферу вокруг политического события[406]. Сбор «подписей» поддержки (кликов) петиции позволяет организовать

---

[402] *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. М.: Изд дом. Высшей школы экономики, 2015. С. 37, 56.

[403] Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: (РОССПЭН), 2021. С. 22.

[404] *Пырма Р.В.* Концепция гражданского активизима в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. №2. С. 74-75.

[405] *Morozov E.* The brave new world of slacktivism // Foreign Policy. 19.05.2009. URL: http://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/ (дата обращения: 02.12.2020).

[406] *Козлов С.Е.* Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 79. С. 159.

информационную кампанию, агрегировать понимание проблемы и варианты решений[407].

В новых технологических условиях выявлять предпочтения и интересы граждан помогает практика «цифровой (электронной) демократии», создающая техническую возможность для масштабного конструктивного обсуждения вопросов социально-экономического характера и открытой подготовки управленческих решений[408]. Развитие электронной демократии перемещает политику в онлайн-пространство, снижая значимость традиционных форматов отношений между институтами государства и общества. Увеличивается удобство и оперативность избирательного процесса за счет внедрения системы электронных референдумов, онлайн-выборов, создания надежной системы защиты процесса подсчета голосов и результатов голосования; формируются условия для расширения режима прямой демократии плебисцитарного типа, широкие возможности для проведения референдумов по локальным вопросам, привлечению массовой аудитории к решению конкретных проблем; создание сетевых общественно-политических организаций и движений, что помогает преодолевать атомизацию общества; повышает прозрачность политической конкуренции[409].

Новые форматы их отношений увеличивают потенциальные возможности контроля граждан над решениями правительств, создав условия для новой исторической формы демократии – «мониторной демократии». По мнению Д. Кина, «мониторная демократия» представляет собой разновидность «постэлекторальных» политики и правительства, определяемых быстрым ростом разных типов внепарламентских механизмов контроля власти. Демократия начинает включать большее количество взаимодействий, чем выборы. Независимые контролеры в демократических режимах держат политиков, партии

---

[407] *Радина Н.К., Крупная Д.А.* Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. №6. С. 116.

[408] *Перегудов С.П.* Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // Полис. Политические исследования. 2011. № С. 59.

[409] *Володенков С.В.* Трансформация современных политических процессов… С. 8, 15-16.

и правительства в постоянном напряжении, ставят под вопрос их власть и авторитет, заставляют изменять свои программы и проекты[410].

Я. Теохарис выделил три вида электронного политического участия: 1) универсальные формы (электронные петиции), чья специфика нахождения в онлайн-формате объясняется лишь наличием надлежащих технологий; 2) гибридные формы, сочетающие онлайн-участие и перенос политических акций в офлайн-режим; 3) исключительно онлайн-формы («лайки», комментарии к постам, репосты[411]. Исследователи выделяют три основные группы интерактивных интернет-площадок для формирования массовых гражданских инициатив, оспаривания, а также решения социально значимых проблем в публичной сфере. *Первая группа* – это работа с обращениями граждан, направленных через официальные интернет-страницы органов власти. *Вторая группа* – краудфандинговые платформы и сервисы, которые собирают средства на различные цели, в том числе на акции оспаривания. *Третья группа* – площадки по обмену мнениями граждан – нацелена на интерактивный сбор мнений граждан по тем или иным вопросам, а также предоставляющие возможности для обсуждения актуальных вопросов социально-политической повестки дня. В большинстве случаев государством не закреплен за ними официальный юридический статус как площадок для формулирования и транслирования гражданских инициатив во властные структуры[412].

Политический контент в онлайн-пространстве формируется как институциональными (сайты органов власти, политических партий, политических деятелей, онлайн-СМИ), так и неинституциональными (блогеры, лидеры мнений в социальных сетях, медийные персоны, сетевые сообщества) акторами публичной политики. Неинституциональные акторы онлайн-пространства пользуются большим доверием пользователей сети, чем официальные источники, что позволяет им шире распространить

---

[410] *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. М.: Изд дом. Высшей школы экономики, 2015. С. 104-105.
[411] См. *Козлов С.Е.* Интернет-активизм как форма политического участия... С. 158.
[412] Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие. С. 178.

«альтернативные факты» в условиях горизонтальной архитектуры социальных сетей[413].

Новые возможности взаимодействия граждан и власти реализуются в рамках традиционного институционального фасада. Исследователи фиксируют смену ролей политических субъектов, «формируется новая политическая культура рефлексивного участия, в которой размывается разделение на политическую и неполитическую сферы, а неполитическая сфера порождает субполитическую. Происходит реполитизация через субполитику, выражающаяся в появлении сетевых сообществ со специфическими интересами, самоорганизующихся инициатив новых социальных движений и местных сообществ»[414]. В этих условиях значительная часть граждан теряет доверие к деятельности традиционных институтов и распространяемым ими официальным сведениям, а власти несут репутационные потери.

Расширение цифровых политических возможностей граждан вызвало оптимистические ожидания ученых относительно перспективы «освобождения людей» от доминирования средств массовой информации в публичном пространстве: казалось, что обычный гражданин получит свободу выбора источников информации, возможности использования каналов коммуникации по своему усмотрению, свободу слова. Всё это должно было привести к демократизации традиционных институтов власти и создать условия для подлинно «народного управления» государством[415].

Негативным эффектом развития коммуникативных возможностей стало формирование замещающих и искажающих представлений о социально-политической реальности её цифровых виртуальных моделей. Необходимость обеспечить постоянную информационную самопрезентацию политиков, учреждений, граждан подменяет реальную политическую деятельность, что превращает Интернет в глобальное коммуникационное пространство,

---

[413] *Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А.* Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. 2019. №2. С. 94.
[414] *Морозова Е. Мирошниченко И., Рябченко Н.* Фронтир сетевого общества. С. 89.
[415] *Володенков С. В.* Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века // Диалог со временем. 2020. Вып. 71. С. 49.

обладающее высоким манипуляционным потенциалом[416]. Более того, возможности по контролю над массовым сознанием в цифровом пространстве оказались даже более значительными, чем в эпоху традиционных электронных СМИ. Новые технологические возможности не привели к повышению качества институтов представительной демократии, не позволили существенно повысить эффективность и конструктивность практик публичного оспаривания.

Одним из самых востребованных каналов коммуникации между гражданами являются социальные медиа, превратившиеся в новые публичные *дискуссионные площадки*. В данный вид публичного оспаривания входит публикация оспаривающих (полемизирующих) текстов, изображений, оценочных символов, демонстрирующих согласие и виртуальную поддержку. Дискуссии в виртуальном пространстве через «информационное заражение» влияют на граждан, могут выступать в качестве институтов опосредованного влияния на власть и представителей политической элиты[417]. Выражением солидарности пользователей социальных сетей с полемическим контентом являются три формы активности, выстроенные по степени затрат читателя: обозначение материала значком «нравится» или «не нравится»; комментарий к материалу; распространение (репост) на личных страницах. Некоторую сложность оценки масштабов такого вида оспаривания создает техническая возможность имитации массовой поддержки или «критики» опубликованных материалов, агрессивное комментирование ботами[418]. В виртуальном мире несогласие и критика политической идеи могут быть опубличены изображением (мемом), несущим определенную смысловую нагрузку и влияющим на реальное политическое пространство[419].

---

[416] *Дэвис У.* Нервные государства. М.: Издательство АСТ, 2021. С. 31.

[417] *Володенков С.В.* Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5. С. 341-364.

[418] *Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радушевский В.Б.* Социальные боты как инструмент развития гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5. С. 19-42.

[419] *Шомова С. А.* «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5. С. 265.

Концепт коммуникации предлагает отдельно наблюдать социальные медиасайты, онлайн-платформы, которые создаются в результате виртуальных интеракций пользователей между собой[420]. Цифровые платформы предоставляют возможность организации онлайн-форумов, распространения аудио-, видео- и текстовых файлов. Активисты создают временные медиацентры для генерирования альтернативной информации, экспериментируют с новыми технологиями, обмениваясь идеями и ресурсами. Цифровые технологии использовались не только в качестве конкретных инструментов, но и для выражения альтернативных политических представлений, основанных на формирующемся сетевом идеале. Новые способы коммуникации становятся новыми формами гражданской активности за счет формирования сетевой структуры[421]. Ограниченные возможности делиберативных технологий в офлайн-пространстве компенсируются интенсивным применением делиберативных форумов в онлайн-пространстве. Цифровые технологии увеличили количество участников общественных обсуждений и углубили координацию их действий с институтами власти[422].

Ускорившийся обмен информацией, расширившийся масштаб взаимодействия и столкновения смыслов делает коммуникационную сферу драйвером изменений. Социальная структура нового – сетевого – общества построена вокруг цифровых сетей коммуникации, что позволяет ей существенно повысить автономию рядовых граждан[423]. В то же время все больше наблюдается признаков псевдопривлечения масс к участию в публичной политике, что, в свою очередь, снижает как эффективность традиционных моделей функционирования институтов представительной демократии, так и приводит к разочарованию в новых возможностях делиберации на дискурсивной площадке. Не наблюдается перераспределения властных ресурсов в пользу общества, растет число «имитаторов» процесса делиберации, которые являются лишь инструментом

---

[420] *Володенков С.В. Федорченко С.Н. Артамонова Ю.Д. и др.* Трансформация политических институтов и политического участия в условиях цифрового общества // Информационные войны. 2019. №3. С. 45.
[421] *Пырма Р.В.* Концепция гражданского активизима в цифровом пространстве коммуникаций. С. 78.
[422] *Ковальчук С.К.* Делиберативные онлайн-форумы в пространстве... С. 16.
[423] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 49.

удержания контроля политического дискурса в соответствующих средах. Органы власти увеличивают свою медийную активность, создают специальную деятельностную повестку для трансляции в публичном пространстве[424]. Часто «дискуссии» или «переговоры» оказываются ритуалами легитимизации властных действий, не могут быть единственным необходимым фактором демократии и массового вовлечения в политику. Это связано с априорным неравенством в ресурсах, статусах и возможностях всех участников взаимодействия; удачное объяснение противоречивого эффекта влияния цифровых технологий дает концепция сетевого фронтира.

Фронтир рассматривается как рубеж встречи привычных и новых форм политического действия и оспаривания, полоса выбора образа жизни как процесс и результат социального конструирования реальности. В современных условиях возрастает подвижность и эластичность границы между архаичным и модерновым[425]. Кроме того, в сетевом пространстве происходит поляризация мнений, усиление споров по поводу наиболее острых проблем современного общества и путей их решения, по поводу изменившегося характера медиасреды и способах обработки информации сознанием индивидов[426]. Очевидно, что включенные в сетевые цифровые коммуникации сообщества активно вовлекаются как в практики публичного оспаривания, так и силовые антиправительственные акции. Напротив, носители традиционных способов коммуникации с властью практикуют привычные способы оспаривания, контролировать которые современная государственная власть давно научилась.

Анализ общественно-политического дискурса в Интернете осуществляется в рамках исследования электронного взаимодействия граждан друг с другом и органами власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении, при принятии политических решений, включая

---

[424] *Володенков С.В.* Трансформация современных политических процессов… С. 14.
[425] Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия. С. 10.
[426] *Грачев М.Н., Евстифеев Р.В.* Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. №2. С. 234.

реагирование на обращения граждан по широкому кругу проблем[427]. Практика использования социальных медиа в Интернет показала ограниченный делиберативный потенциал в повседневной управленческой практике[428]. Как заметил Ю. Хабермас, переход от слова к изображению девальвировал слово, сместил баланс сил между различными функциями публичной сферы, усилил развлекательный аспект медиа и снизил дискурсивный[429]. Публичная политика в сетевом пространстве значительно упрощается, значимые политические проблемы обсуждаются, но не переходят в содержательные дискуссии о сущности и причинах той или иной проблемы, обсуждение конструктивных и результативных способов её решения. Содержание дискуссии не определяется типом коммуникации. Сетевые структуры эффективны для организации массового сопротивления, но неспособны к выработке единой стратегии, ясной программы политического действия, концентрации политических ресурсов, дисциплине субъекта действия[430].

Сокращая дистанцию между властью и обществом, делая их коммуникацию более интенсивной и эмоциональной, социальные медиа оказались неспособными обеспечить требуемый уровень содержательности в осуществлении управленческих акций и интеракций. «Отсутствие барьеров для их участия в решении разнообразных проблем, но одновременно дефицит возможностей регулирования их активности неизбежно снижает качество информационного контента, получаемого государственными институтами, и не позволяют использовать его в процессе принятия решений»[431]. Отдельные сетевые сообщества приобретают относительную идейную гомогенность, которая служит ограничителем политического дискурса. Обсуждению подлежат лишь незначительные, второстепенные вопросы повседневной повестки, тогда как

---

[427] *Филатова О.Г., Мисников Ю.Г., Волковский Д.В., Беген П.Н.* Электронное участие как общественно-политический дискурс: опыт изучения дискуссий о повышении пенсионного возраста // Государство и граждане в электронной среде. 2019. Вып. 3. С. 104.

[428] *Ковальчук С.К.* Делиберативные онлайн-форумы в пространстве… С. 17.

[429] *Хабермас Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. С. 7.

[430] *Кагарлицкий Б.Ю.* Неолиберализм и революция. СПб.: Полиграф, 2013. С. 177., *Володенков С.В.* Трансформация современных политических процессов… С. 9.

[431] *Ковальчук С.К.* Делиберативные онлайн-форумы в пространстве... С. 19.

проблемы, принципиальные для общественной жизни в целом, обходятся молчанием[432].

Исследователи определяют ряд проблем, которые препятствуют реализации делиберативных практик в цифровом пространстве, снижают эффективность публичного конструктивного оспаривания. Во-первых, сохраняется проблема цифрового неравенства в доступе к информационным данным, неравномерности знаний и компетенций в области использования Big Data, несмотря на ежегодный рост числа пользователей Интернет[433].

Второй проблемой является угроза формирования полностью контролируемого цифрового пространства, в котором любая активность пользователя становится объектом анализа и составной частью Big Data, на основе которой определяется лояльность конкретного пользователя к политическому режиму. Как указывает С. Володенков, само государство рассматривает цифровое пространство как обладающее политическим потенциалом, перенося на него право на легитимное насилие. Ожидается значительное усиление контроля за пользовательской активностью в цифровом дискуссионном пространстве, включая создание различных вариантов национальной киберполиции. Крупный сегмент нормативных актов, регулирующих цифровую коммуникацию, уже сейчас относится к политической сфере[434]. Первый закон о введении цензуры в Интернете был принят в 1995 г. в Южной Корее, частичная цензура в 2007 г. в Индии, правительство Китая ввело в 2009 г. запрет на Facebook, власти Египта приняли в 2018 г. закон «О борьбе с киберпреступностью», ужесточающий контроль за Интернетом[435]. Стремление государства обозначить свою координационную и контрольно-регулирующую функцию в сетевом сообществе проявляется в непосредственном влиянии на характер социально-политических практик сетевых акторов и защиту

---

[432] *Малышева Г.А., Михайленок О.М.* Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. №3. С. 83.
[433] *Володенков С. В.* Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века. С. 51.
[434] *Володенков С.В.* Трансформация современных политических процессов... С. 9.
[435] *Саликов М.С.* и др. Права человека в сети Интернет: Коллективная монография. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2019. С. 24.

национальных интересов государства в собственном информационном поле[436]. Оформились восемь технологий (стратегий) противодействия сетевым протестам: игнорирование, проведение аналогичных акций, законодательное регулирование, хакерские атаки ограничение возможностей коллективного действия в Интернете, дискредитация лидеров протестов, силовое противодействие, уголовное преследование, уступки[437].

Третьем препятствием делиберации и оспаривания в Интернет являются трудности создания условий для обмена противоположными мнениями и суждениями. Как правило, индивиды избегают контактов с носителями принципиально иных точек зрения. По наблюдениям М. Кастельса, традиционные электронные медиа ориентируются на идеологически ангажированную аудиторию, заинтересованную скорее в подтверждении собственных взглядов, чем в получении объективной информации из альтернативных источников[438]. Технологические алгоритмы социальных сетей способствуют поиску единомышленников, носителей таких же политических взглядов. В то же время наблюдается рост негативного и неприязненного отношения представителей оппонирующих политических позиций друг к другу, что приводит к формированию «эхо-камер». Эффект «эхо-камеры» создается путем фильтрации новостных ресурсов, сообществ в соответствии с интересами пользователя. В результате потребитель отгораживается от альтернативных позиций и транслирует мнения, с которыми он согласен[439]. Эффект «эхо-камер» создается не только платформой, но и в результате внутреннего стремления индивидов избегать когнитивного диссонанса и изучения аргументов, соответствующих уже их сформированным представлениям. В результате противоположные точки зрения игнорируются, а обыватель взаимодействует только с небольшой группой единомышленников[440].

---

[436] *Морозова Е. Мирошниченко И., Рябченко Н.* Фронтир сетевого общества. С. 88.
[437] Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие. С. 322.
[438] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Высшая школа экономики, 2020. С. 251.
[439] *Барсуков Н.С.* «Эхо-камеры» в Интернете: иллюстрация «эффекта эха» на примере Брексита // Государство и граждане в электронной среде. 2018. Выпуск 2. С. 75-79.
[440] *Пырма Р.В.* Социальные сети и электоральное участие: возможности активации голосования // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. №3. С. 11-12, 29.

Четвертой проблемой эффективного публичного оспаривания является снижение участия граждан в реальной жизни, усиление офлайн пассивности за счет онлайн активизма: происходит замещение одной формы поведения другой. Данные сравнительных исследований указывают на сохраняющийся низкий интерес к деятельности политических партий и отдельных политиков, большинство пользователей не выходят из зоны политической пассивности. Рост вовлеченности граждан посредством социальных медиа, привлекает внимание и возбуждает эмоции, но долговременно не влияет на последующие протестные акции[441].

Негативным эффектом делиберации в Интернет стало распространение феномена «постправды», «разрушения правды». В обществе постправды широко используются манипулятивные техники информирования, вброс дезинформации, искажение фактов и т.п. Центральным свойством постправды является редукция и исчезновение смыслов в результате контекстной стандартизации политического дискурса. Феномен «разрушения правды» соотносится с комплексом явлений, устойчиво наблюдаемых в современном коммуникационном пространстве, объединяющим в себе четыре взаимосвязанных и взаимообусловленных тренда: «а) нарастание разрыва между фактами, объективными данными и их интерпретациями; б) стирание различий и границ между фактами и мнениями; в) количественный рост распространяемых в медиасреде мнений и личных точек зрения, влияние которых существенным образом сказывается на восприятии фактов; г) утрата доверия массовой аудитории к традиционным источникам информации, прежде считавшимся авторитетными»[442].

Как верно указывает А. Мовчан, необыкновенно тонка стала граница между объективным миром и миром субъективным, миром убеждений и предпочтений, которые у разных страт населения разные. Оппоненты превращаются из носителей иной точки зрения во врагов[443]. Сообщества пересекаются слабо,

---

[441] Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. С. 258, 262.
[442] Цит. по: *Грачев М.Н., Евстифеев Р.В.* Концепт «разрушения правды» в условиях… С. 230.
[443] *Мовчан А.* Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума. М.: «Альпина Паблиш», 2019. С. 15.

между ними редко возникают конструктивные дискуссии, но постоянно - споры и конфликты. Уровень политизированности масс растет, но публичная политика становится более хаотичной и подверженной сиюминутным реакциям в ущерб системности. Лозунги, яркие заявления, визуализированные мемы выдавливают системные, но более сложные программы решения проблем. В результате наблюдается падение уровня массовой политической культуры, снижение качественного уровня дискуссий по общественно-значимым проблемам, отчуждение граждан от реальных политических процессов, жесткий контроль за содержанием общественно-политического дискурса, активное распространение в цифровой среде массовых стереотипов и предрассудков[444].

С. Чугров считает причинами этого явления недостатки либеральной демократии, воспитывающей вседозволенность, формирование гедонистического массового информационного общества и развитие информационных технологий и соцсетей, позволивших индивидам и малым группам оказывать политическое влияние[445]. С. Фуллер, напротив, считает явление «постправды» важной чертой интеллектуальной жизни, которая позволила поставить под сомнение привычные правила общественного устройства, вернула массам желание принимать решения самостоятельно, без навязывания проектов элиты[446].

Ярким инновационным примером развития дискурсивных площадок с помощью Интернет стала разработка новой Конституции для Исландии, которая в медиа получила название «Конституция посредством краудсорсинга». Сформированная по системе квот группа граждан в 950 человек собрала тематические предложения по тексту Основного закона, которые были выставлены в Интернет для дискуссии. Каждый гражданин мог внести свои изменения прямо в текст проекта. Однако партии в исландском парламенте в 2011 г. не пришли к единому решению и проект Конституции был заморожен[447].

---

[444] *Володенков С.В.* Трансформация современных политических процессов… С. 18.
[445] *Чугров С.В.* POST-TRUTH: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. №2. С. 45.
[446] *Фуллер С.* Постправда. Знание как борьба за власть. М.: Высшая школа экономики, 2021. С. 14.
[447] *Глухова А.В.* Демократия одного «клика»: возможности и проблемы управления в цифровую эпоху // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 1. 2017. С. 261.

Таким образом, интернет-технологии открывают новые возможности коммуникации с целевыми аудиториями и порождают новые формы политической активности. В то же время наблюдается противоречивое влияние цифровых технологий на современные практики публичного оспаривания на *дискурсивной площадке*. С одной стороны, появляются новые технологические возможности для расширения масштабов и глубины общественной дискуссии, предъявления требований и поиска компромисса. С другой стороны, расширятся возможности для искажения фактов, информационная перегрузка выдавливает у граждан привычку критично и внимательно изучать факты, вдумываться в позицию и предложения оппонента. Конструктивное использование Интернет в публичном оспаривании происходит при действии внешних факторов, побуждающих стороны к диалогу. Таким фактором могут выступать информационная открытость, вынуждающая стороны реагировать на сигналы и критику из публичного пространства для противодействия формированию негативного образа в социальных медиа. Информационная открытость – это первое условие формирования конструктивной публики. Традиционные средства публичного оспаривания, массовые протесты также сохраняют своё значение в побуждении к диалогу. Конструктивное публичное оспаривание на дискурсивной площадке требует формирование культуры диалога, «языка публичного несогласия» (С. Коулман), формирование публики, способной отстаивать свои позиции в дискуссии конструктивно, в рамках правового поля. Политико-правовые условия реализации онлайн-возможностей дискурсивной площадки по-разному определяются типом политического режима: в демократических режимах социальные медиа представляют собой новый конструктивный формат коммуникации представителей власти и общества, отвечающий основным ценностям режима, для неконкурентных режимов – это потеря контроля над процессами в обществе и перспектива дестабилизации.

Цифровые технологии коммуникации трансформировали коллективные протестные действия, расширили возможности *протестной площадки* публичного оспаривания. Масштабные децентрализованные потоки информации

создают энергию, сходную по своему влиянию с традиционным социальным движением. Интернет предлагает две ключевые возможности для привычного протестного активизма: резкое снижение затрат на организацию и участие в акциях, а также снижение потребности в физическом взаимодействии организаторов протестных действий[448]. Кроме того, современные исследования, демонстрирующие корреляцию между расширением доступа к информации (за счет цифровых технологий) и ростом протестов в авторитарных режимах, указывают на три фактора: 1) Интернет может спровоцировать изменение отношения к власти, предоставляя гражданам альтернативную информацию; 2) Интернет может подтолкнуть потенциальных протестующих к действию, снизив информационную неопределенность; 3) Интернет эффективно мобилизует людей посредством видео и фотографий[449].

В неконкурентных режимах новые медиа стали основным мобилизационным ресурсом протестов. Описание технологии организации протестов в ходе «Арабской весны» показало, что «классические» СМИ уже не компенсируют слабости теряющих легитимность режимов. Новые медиа формируют новые практики отношений между гражданами и властными элитами[450]. Подавляющее большинство пользователей социальных сетей играют роль периферийных онлайн-участников протестных событий. Однако, даже такая наблюдательная (слактивистская) позиция позволяет широко распространять протестные сообщения, увеличивать осведомленность и вовлеченность в протестные действия. В неконкурентных режимах мобилизующим фактором стала публикация в сети Интернет экономических данных[451]. Доступ к

---

[448] *Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. №2. С. 73-91., *Пырма Р.В.* Концепция гражданского активизима в цифровом пространстве коммуникаций. С. 76-77.

[449] *Гаджиев Х.А.* Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. №3. С. 160.

[450] *Hess S.* Sources of Authoritarian Resilience in Regional Protest Waves: The Post-Communist Colour Revolutions and Arab Uprisings // Government and Opposition. 2016. Vol. 51. No. 1. Pp. 1-29., *Stepan A., Linz J.* Democratization Theory and the "Arab Spring" // Journal of Democracy. April 2013. Volume 24. №2. pp. 15-30., *Steinert-Threlkeld Z. C., Mocanu D., Vespignan A.i, Fowler J.* Online social networks and offline protest // Data Science. 2015. №9. URL: https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-015-0056-y (дата обращения – 12.04.2018).

[451] *Casper B. A., Scott A. T.* Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d'état. // Journal of Politics 2014. №. 76. Issue 2. pp. 548–564.

информации о деятельности правительства/властей оказывает дестабилизирующее влияние на режим, так как у активной части населения оказывается информация, которая зачастую противоречит официальной трактовке в СМИ и политической повестке дня. Особенно интенсивно это проявляется на местном/региональном уровнях, где власть ближе, а желание граждан призвать её к ответу кажется значимее[452].

В конкурентных режимах политический протест получил эпитет «мягкого протеста» («soft political protest»). Для анализа «мягкого протеста» была использована модель оценки эффектов коммуникационных технологий, на которые влияют два основных фактора: уровень неудовлетворенности режимом и доступность информации о готовящихся протестных акциях[453]. В ноябре 2015 г. в Польше на платформе Фейсбук за считанные дни было создано протестное «Комитет в защиту демократии» (КОД). Целью КОД является сопротивление власти в её попытках нарушить права человека и принципы демократического режима. Комитет стремится объединить все политические силы в защите Конституции[454]. Комитет инициировал проведение разнообразных тематических акций в поддержку Европейского Союза, защиты окружающей среды, по вопросу абортов, реформы системы общего образования. Основной формой публичных акций являются митинги, демонстрации и флешмобы, организуемые, как правило, в крупных городах. Серьезный удар по авторитету КОД нанес скандал вокруг лидера движения М. Киевского, переводившего огромные средства со счета КОД на счет своей фирмы за информационные услуги[455]. Протестное движение не сформировало собственного политического предложения, не стало субъектом партийно-парламентской борьбы: на выборах депутатов Сейма 2019 г. КОД поддерживал Гражданскую Коалицию, а во втором туре президентских

---

[452] *Hollyer J. R., Rosendorff B. P., Vreeland J. R.* Transparency, Protest, and Autocratic Instability // American Political Science Review. 2015. Volume 109. Issue 4. pp. 764-784.

[453] *Dubrow J. K., Slomczynski K. M., Tomescu-Dubrow I.* Effects of Democracy and Inequality on Soft Political Protest in Europe: Exploring the European Social Survey Data // *International Journal of Sociology*. 2008. Vol. 38, №. 3. pp. 36-51.

[454] Manifest KOD // Komitet Obrony Demokracji. - [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ruchkod.pl/dokumenty-programowe/ (дата обращения: 02.04.2018).

[455] Wysoka pensja Kijowskiego w KOD // Rzeczpospolita. 02.02.2018. URL: https://www.rp.pl/Kraj/170109626-Wysoka-pensja-Kijowskiego-w-KOD.html (дата обращения: 05.03.2020).

выборов 2020 г. – противника А. Дуды (ПиС) – Рафала Тшасковского. Активность и популярность «КОД» как самостоятельного субъекта публичного оспаривания после многочисленных акций 2015-2017 гг. постепенно угасает.

Российские субъекты публичного оспаривания широко используют возможности социальных сетей для информирования о проблемной ситуации, организации своих действий и мобилизации ресурсов. Вовлечение пользователей социальных сетей в гражданскую активность повышает легитимность их требований. Большинство известных российских протестных кейсов (полигон Шиес в Архангельской области, шихан Куштау в Башкирии, реновация в Москве, мусоросжигающие заводы Подмосковья) разворачивают свою активность в самой популярной социальной сети «ВКонтакте». Сообщества в социальных сетях агрегируют вокруг себя большое количество пользователей, значительно увеличивая охват целевой для протеста аудитории и транслируя протестные повестки с большей эффективностью. В то же время «протестные повестки не могут существовать в онлайн-среде изолированно от происходящего в общественно-политическом пространстве»[456], что вынуждает модераторов интернет-сообществ создавать дополнительные проблемные повестки.

Распространяется практика проведения онлайн-протестов. В онлайн-формате антиправительственные демонстрации были проведены в Иране после запрета реальных митингов. Интернет стал оружием и для китайских протестующих, которые в 2005 г. использовали мобильные телефоны и онлайн-форумы для мобилизации антияпонских и антифранцузских демонстраций, а также экологических акций в Шанхае и Сямыне. В 2017 г. в Новосибирске прошла политическая акция против коррупции с участием от 400 до 1000 чел. Акция была согласована как пикет, на котором нельзя использовать звукоусиливающую аппаратуру. Собравшиеся участники слушали выступления друг друга в онлайн-приложениях[457].

---

[456] *Беляков А., Соколов А., Миронова С., Фролов А., Исаева Е.* Трансформация протестных повесток 2019-2020 годов в социальных сетях // Journal of Sociology. 2021. Vol. 12. No. 1. PP. 3-19.

[457] *Саликов М.С.* и др. Права человека в сети Интернет. С. 130, 133.

В целом цифровые технологии придают протестным действиям новые черты и новые возможности для граждан выразить своё несогласие. Власти отличающихся политических режимов ищут возможности регламентации и контроля протестов с использованием Интернет. В то же время главной задачей политических активистов остается перевод виртуальной активности в активность офлайн, т.к. эффективность протестного публичного оспаривания определяется традиционными параметрами (масштаб мобилизации и уступки властей).

Современные цифровые технологии применяются на различных этапах избирательного процесса, изменяя характер публичного оспаривания на *электоральной площадке*: посредством Интернет стали возможны регистрация избирателей, агитация и политическое участие, отбор кандидатов и праймериз, голосование и установление результатов выборов. Использование электронных технологий направлено на снижение затрат на организацию голосования, ускорение обработки результатов, защиту вмешательства в результаты голосования и снижение барьеров участия для граждан[458]. В мае 2021 г. в России прошло масштабное тестирование системы дистанционного электронного голосования, в котором приняло участие 1,2 млн. избирателей (почти 1% от всех избирателей), результаты которого позволят шести субъектам Федерации провести голосование по выборам депутатов Государственной Думы РФ в 2021 г. в цифровом формате. В сентябре 2021 г. сервисом дистанционного электронного голосования воспользовалось около двух млн. избирателей[459].

Проведение голосования в дистанционном формате стало возможным благодаря технологиям блокчейн. Блокчейн, или распределенный реестр, представляет собой базу данных, записи в которой хранятся одновременно на большом количестве не связанных друг с другом устройств и вносятся в соответствии с протоколом, не позволяющим изменять их содержание без

---

[458] *Серавин А., Соколова Е.* Современные технологии в электоральных процессах. М.: ЭИСИ, 2019. С. 3-4. http://eisr.ru/projects-and-researches/sovremennye-tekhnologii-v-elektoralnykh-protsessakh/ (дата обращения: 20.02.2020).

[459] Более 1,2 млн. россиян приняли участие в тестировании онлайн-голосовании // ТАСС. 14 мая 2021 г. https://tass.ru/politika/11378291 (дата обращения: 15.05.2021 г.), ЦИК представила результаты электронного голосования в регионах // РБК. 19.09.2021. https://www.rbc.ru/politics/19/09/2021/614790c19a7947405b218eb1 (дата обращения: 25.09.2021).

подтверждения транзакции всеми участниками системы. При этом новая запись в базу получает уникальную метку, которая фиксирует ее место в цепочке и время ее внесения в базу. Таким образом, информация, хранящаяся в этой базе, гарантированно остается неизменной и достоверной вне зависимости от атак на отдельные элементы системы и попыток изменить запись в ячейках. Такая технология обеспечивает анонимность избирателя, достоверность подсчета голосов и устойчивость к внешним манипуляциям[460].

По мнению Л. Сморгунова, блокчейн – «это новая институциональная технология общественного выбора, которая обеспечивает чистую процедурную справедливость, базирующуюся на таких организационных принципах, как гласность, первоначальная незаинтересованность и консенсус»[461]. Во-первых, технология блокчейна обеспечивает честность условий формирования консенсуса за счёт технологических характеристик распределенных сетей и небольшой степени идентификации в связи с криптографическими протоколами записи и репрезентации пользователей. Во-вторых, обеспечивает соблюдение принципа взаимности при обмене вещами, решениями, знаниями и при контроле над процессом. Блокчейн представляет собой малозатратную платформу, формирующую стимулы для подлинного сотрудничества и развития принципа взаимности, координации взаимодействия[462].

Практики использования цифровых технологий и приемы таргетированной политической рекламы широко распространяются после их успешного применения на выборах президента США в 2012 году. Большие данные (Big Date) позволяют структурировать общество не столько по привычным для социологов и политических технологов социально-демографическим признакам, сколько по психометрическим показателям: открытость к новому, добросовестность, экстраверсия, доброжелательность и нейротизм. Такая систематизация позволяет

---

[460] *Прохоров В.* Новые технологии на службе политических партий // Актуальные комментарии. 06.04.2020. https://actualcomment.ru/novye-tekhnologii-na-sluzhbe-politicheskikh-partiy-2004061338.html (дата обращения: 10.06.2020).

[461] *Сморгунов Л.В.* Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 90.

[462] Указ. соч. С. 93-94.

организовать адресную (таргетированную) рекламу кандидата и партий[463]. Анализ сетевых данных в сочетании с таргетированием сообщений активно используется в ситуациях общественного раскола по обсуждаемой теме. В этом случае организуется попадание агитационного сообщения к позитивно настроенной аудиторией и его «невидимость» для критично настроенной аудитории. В то же время, использование больших данных в расчетах избирательных кампаний не универсально и имеет ряд ограничений, в том числе в части защиты персональных данных и низкой репрезентацией политических предпочтений в социальных сетях[464].

Цифровые технологии облегчают проведение целевого фандрайзинга – сбора средств – с элементами агитации и вовлечения потенциальных сторонников. Передовые методы цифрового фандрайзинга использовал с 2011 г. А. Навальный в антикоррупционном проекте «РосПил», избирательная кампания по выборам мэра Москвы (2013 г.), финансирование предвыборных штабов в 2017 г. Большая часть собранных на кампании средств получена от малых спонсоров. Технически сбор средств облегчен созданием интернет-сайта, облегчавшего задачу поиска информации и осуществление платежа в пользу кандидата[465]. В июне 2021 г. Мосгорсуд признал экстремистскими организациями Фонд борьбы с коррупцией (ФБК, признан иноагентом) Алексея Навального, а также Фонд защиты прав граждан и штабы оппозиционера[466].

Таким образом, новые цифровые возможности не только создают комфортные условия для агитации и голосования, но и порождают проблемы доверия к результатам «цифрового» голосования, а также упрощают политическую повестку. Интернет рассматривается большинством пользователей как источник развлечений, что вынуждает субъектов избирательного процесса использовать «облегченные» формы аргументации, визуализацию требований и

---

[463] *Борисова А.* Цифровые технологии в предвыборных кампаниях США // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №10. С. 59, 62.
[464] *Серавин А., Соколова Е.* Современные технологии в электоральных процессах. С. 8-9.
[465] Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия. С. 96-97.
[466] Суд признал ФБК и штабы Навального экстремистскими организациями // РБК. 09.06.2021. https://www.rbc.ru/politics/09/06/2021/608670e09a7947709c4de06c (дата обращения: 23.10.2021).

повышать эмоциональные компоненты мотивации при организации публичного оспаривания.

Цифровые технологии дают возможность *партиям* использовать их как средство достижения более демократического общества и проведения более открытой политики в противовес традиционной политике и правящему классу. Новый феномен – цифровые партии (кибер-партии), представляющие собой онлайн-платформы, где зарегистрированные пользователи могут участвовать в дискуссиях, посещать учебные онлайн-мероприятия, голосовать на праймериз и жертвовать деньги. Кибер-партии обладают неклассической структурой, используют цифровые возможности для коммуникации с единомышленниками и публичного оспаривания. Самыми известными «виртуальными партиями» в Европе стали «За лучшую Венгрию», Пиратская партия Германии, Движение Паликота (Польша), Партия свободы (Нидерланды), Движение «Пять звезд» (Италия)[467]. Цифровые партии в Испании и Канаде стали крупнейшими партиями в своих странах благодаря простоте регистрации, отказу от обязательных членских взносов и жесткого членства только в одной организации. Используя механизмы опроса и рейтинга, встроенные в архитектуру онлайн-платформ, цифровые партии постоянно набирают новых членов и пользователей, вовлекают их во все виды массовых консультаций, приспосабливаются к их меняющимся мнениям[468].

Основатель итальянского движения «Пять звезд» популярный комик Беппе Грилло заявил о себе как публичный политик благодаря созданному им в 2005 году персональному блогу. Для создания программы партии лидер использовал интеллектуальные ресурсы социальных сетей: каждый гражданин мог внести предложение и по результатам публичного обсуждения в сети оно находило своё место в итоговом документе в форме усовершенствованных программных тезисов[469]. О сборе наказов в политическую программу посредством Интернет

---

[467] *Сморгунов Л.В.* Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. №4. С. 34.
[468] *Серавин А., Соколова Е.* Современные технологии в электоральных процессах. С. 11.
[469] Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия. С. 54.

заявили партии «Единая Россия» (собрано более 1,5 млн. предложений) и «Справедливая Россия-Патриоты-За правду» (далее – СРПЗП)[470].

Под влиянием распространения цифровых технологий и Интернет, современные политические партии дрейфуют к модели профессиональных медиакоммуникационных партий со следующими признаками: профессиональный коммуникационный менеджмент; постановка проблем, основанных на критериях медиа-логики; ориентация скорее на отдельные вопросы, чем на согласованные программы; осознанные способности, отфильтрованные стратегическим центром власти; незначимость ресурса активного членства[471]. Внедрение новых технологий потенциально повышает эффективность работы партийного аппарата, снижает стоимость политических кампаний, привлекает новых сторонников, вызывает интерес у передовой части избирателей. Технологическое обновление неизбежно приводит к кадровому обновлению, а это, в свою очередь, может подтолкнуть партии к формированию свежих идеологических доктрин и появлению новых лидеров, способных эти доктрины озвучивать[472]. В целом, цифровые технологии предоставляют партиям новые возможности для презентации своих альтернативных проектов, что дает определенные преимущества новым современным организациям. Однако количество примеров конструктивного результативного публичного оспаривания кибер-партиями политических проектов конкурентов или реализации собственных остается незначительным.

Выводы к главе II. Участниками публичного оспаривания являются субъект критики (предъявитель требования) и объект критики (получатель требования). В современных условиях увеличения числа субъектов публичного оспаривания размывается традиционное доминирование правящих элит (в том числе в структурах государственной власти) как единственного игрока политического пространства. Наряду с традиционными субъектами публичного

---

[470] Народная программа «Единая Россия» // https://np.er.ru, сайт партии «Справедливая Россия-Патриоты-За Правду» // https://spravedlivo.ru/proposal (дата обращения: 15.08.2021).
[471] *Сморгунов Л.В.* Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. №4. С. 30.
[472] *Прохоров В.* Новые технологии на службе политических партий.

оспаривания (политические партии, социальные движения, религиозные организации), появляются новые (публики, сетевые движения, блогеры, интеллектуалы), отличающиеся текучими границами и пульсирующей активностью.

Государство в публичном оспаривании предстает в нескольких ролях: как источник политических проектов, как объект критики и как источник правовых возможностей и ограничений конвенционального и конструктивного публичного оспаривания. Другие участники публичного оспаривания не обладают таким многообразием ролей. Правительство реализует три основных технологии в отношении субъектов оспаривания: *репрессии* – действия власти, повышающие издержки коллективного действия соперника; *помощь* – действия по понижению издержек коллективного действия и *игнорирование.* Выбор стратегии определяется оценкой каждою стороной возможных издержек. Участники публичного оспаривания вступают в коммуникативные взаимодействия с целью продвижения/блокирования политических проектов на нескольких площадках.

Для результативного публичного оспаривания у оппозиции должны быть ресурсы принуждать власть учитывать их позицию, готовность их применять, а также способность доказать правительству полезность терпимого отношения к оппозиции и к её критике. Использование оппозицией ресурсов только для давления без конструктивной коммуникации с правительством чревато дестабилизирующими конфликтами. Взаимно терпимая коммуникация правительства и его оппонентов побуждает власть к созданию благоприятных политико-правовых условий для публичного оспаривания политических проектов.

Политический проект представляет собой *интеллектуальный продукт, в котором сформулирован образ будущего, цель и программа долгосрочных или краткосрочных действий.* Политические субъекты, заинтересованные в реализации проектов, конкурируют между собой за общественное внимание, за свою интерпретацию проблемы и проекта её решения. Успешное опубличивание политического проекта запускает процесс оспаривания: его артикуляция в

публичном дискурсе конструирует противников заявленной цели в субъекта и мотивирует к публичному оппонированию.

Практики публичного оспаривания необходимо рассматривать на пяти площадках (аренах): дискурсивной, протестной, электоральной, партийно-парламентской и экспертной. На площадках легальные возможности политических и государственных институтов сочетаются с влиянием сетевых сообществ и гражданских ассоциаций. Названные площадки формируют публичное поле, на котором планы органов власти и теневых акторов сталкиваются с общественным мнением и влиянием СМИ. Площадки различаются между собой статусом участников взаимодействия и степенью оспаривания принятых решений, масштабом массовой мобилизации; здесь наблюдается не только оспаривание политических проектов, но и оппонирование самим правилам коммуникации.

Условием эффективности публичного оспаривания является транспарентность площадок, возможность обогащения дискуссии результирующими продуктами их функционирования, способность субъектов оспаривания воспринимать аргументы друг друга. Благоприятным фактором для взаимодействия площадок является многообразие участников оспаривания и конкуренция между ними. В то же время сохраняется возможность асинхронного движения и взаимодействия разных площадок, изменяющих свою конфигурацию и двигающихся с разной скоростью: активность оспаривания на одной площадке может сопровождаться неподвижностью на другой.

Объективным препятствием взаимодействия площадок являются их отличающиеся роли в политических процессах, внутренние правила функционирования и позиция власти в отношении конкретных субъектов оспаривания. *Дискурсивная площадка* позволяет собрать всю палитру мнений относительно проблемы, *протестная* – продемонстрировать масштаб общественной поддержки проекта, оказать давление, *электоральная* – оформить идеи в политические проекты, *партийно-парламентская* – трансформировать политический проект в нормативно-правовые акты, государственные программы,

экспертная – выявить наиболее конструктивные альтернативы, рассчитать последствия реализации проекта.

Набор правил и норм на любой площадке ставит одних участников в более благоприятные условия, чем других. Очевидно, что общественные субъекты публичного оспаривания обладают большими возможностями для выбора лозунгов и заявлений, для выбора репертуара действий на дискуссионной и протестных площадках по строго регламентированным правилам проводится оспаривание на электоральной и партийно-парламентской площадке, результаты которого обладают правовыми последствиями (получение должности и депутатских мандатов, принятие НПА). Публичное оспаривание на экспертной площадке не имеет никаких императивных результатов, однако её результаты могут использоваться для аргументации позиций участников оспаривания на четырех других площадках.

Анализ публичного оспаривания осуществляется на основе оценки влияния структурных факторов. К структурным факторам относят состояние экономики, институциональные особенности политической системы, тип политического режима, а также сложившиеся в обществе устойчивые ценности и привычки в отношении критики власти, сопротивления её действиям. Структурные условия, создающие благоприятные возможности для политического участия граждан способствуют распространению легальных форм публичного оспаривания. Как заметил С. Липсет, ситуация, которая приводит к высокому уровню участия членов какой-либо группы в её деятельности, обычно обладает более высоким потенциалом для демократии, т.е. для сохранения и поддержания эффективной оппозиции, чем такое положение дел, когда лишь немногие люди демонстрируют интерес к политическому процессу или участвуют в нем[473]. Тип политического режима и его институциональный дизайн определяют условия и формат активности площадок публичного оспаривания. Наиболее благоприятные условия для такого взаимодействия создаются демократическими структурами,

[473] *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016. С. 216-217.

когда доступны институциональные (в первую очередь, электоральные, партийно-парламентские) и неинституциональные конвенциональные (разнообразные перфомансы, массовая мобилизация в Интернет и т.п.) формы оппонирования. Гибридные режимы, сочетая в себе авторитарные и демократические элементы, оказывают точечное ограничительное воздействие на политико-правовые возможности оспаривания преимущественно на электоральной и партийно-парламентской площадках для оппозиционных субъектов, сохраняя, как правило, возможности для оспаривания граждан на дискурсивной и протестной площадках.

Вступление человечества в цифровую эпоху, ознаменовавшуюся масштабным и стремительным распространением Интернета и сетевых коммуникаций, предоставило новые технологические, коммуникативные и когнитивные возможности для расширения непосредственного участия масс в политике. Интернет многократно расширил возможности для возникновения арен публичного оспаривания правительственных решений, включая дискурсивные и экспертные площадки, электоральные механизмы, партийно-парламентские дебаты, протестные коллективные действия и т.д. Общемировым трендом становится интеграция публичного пространства с Интернет-средой, взаимодействие широкого круга акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии, различные стратегии и методы борьбы. Эмпирические исследования подтверждают факт позитивного влияния интернет-активности на реальное гражданское и политическое участие: б**о**льшее на политическое выражение и меньшее для информационного использования. Социальные медиа становятся неотъемлемой частью процессов организационной коммуникации, побуждая граждан к действию, которого было бы трудно достичь без применения новых технологий, меняющих среду социализации и способы обмена знаниями[474]. Среди негативных эффектов цифровых технологий на публичное оспаривание –

[474] *Пырма Р.В.* Концепция гражданского активизима в цифровом пространстве коммуникаций. С. 80.

снижение критичности аудитории («просвещенного понимания» Р. Даль), распространение ложных и искажающих «фактов».

Реакция на этот тренд (т.е. интеграции публичного пространства с Интернет-средой) зависит от типа политического режима (формы организации власти), а также от социально-экономических и социокультурных условий (социально-экономического положения, традиций, типа политической культуры и т.д.). Степень свободы публичного оспаривания тестирует форму организации власти: в демократических режимах эта степень выше, в авторитарных режимах ее пытаются свести к минимуму. Промежуточное положение занимает гибридный режим, стремящийся манипулировать общественной активностью в своих интересах.

Фундаментальным социальным эффектом развития Интернет стало содействие социальным акторам в доступе к «технологиям свободы» (М. Кастельс) с целью достижения ими автономии от институтов и организаций. Наступившая цифровая эпоха вызвала к жизни новых субъектов политики, организующих свою коммуникацию и мобилизацию ресурсов в сетевом пространстве. Цифровизация публичной политики создала особое пространство, позволяющее субъектам с малыми ресурсами оказывать влияние на институализированных, хорошо организованных участников политического процесса.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПУБЛИЧНОГО ОСПАРИВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Целью настоящей главы является рассмотрение практик публичного оспаривания в России в гражданской и политической сферах, на пяти площадках: дискурсивной, протестной, электоральной, партийно-парламентской и экспертной. Политическая история России XXI в. наполнена как легальными, конструктивными, так и нелегальными, силовыми протестными действиями граждан. Объектом нашего внимания в этой главе являются практики конвенциональной артикуляции политических идей, организации общественной дискуссии, выявления конструктивных альтернатив, способствующих не только решению конкретных проблем, но и формирующих устойчивое представление у граждан о полезности демократических практик обсуждения и участия. Структурные факторы (уровень социально-экономического развития, политическая культура и доминирующие ценности, политическая система и политический режим) определяют востребованность тех или иных площадок для публичного оспаривания, качество взаимодействия сторон, перспективы компромисса и консенсуса.

Протестная нелегальная (неконструктивная, силовая) активность позволяет выплеснуть негативные общественные эмоции, привлекает внимание СМИ и провоцирует власти на силовой ответ. В целом защитные законные и незаконные протесты являются влиятельным фактором, определяющим возможность/невозможность диалога, обсуждения и выбора наиболее благоприятного варианта решения проблемы. Такие коллективные и индивидуальные действия рассматриваются как фоновые практики, влияющие на стратегии поведения власти и оппозиции, формирующие у граждан эмоциональное отношение и к проблеме, и к власти.

§ 1. Структурные факторы в публичной политике и протестной активности граждан

В первые двадцать лет XXI века Россия переживала волновую динамику экономического развития, реагируя на изменения мирового рынка, ограничительные экономические санкции. Экономический рост 2001-2008 гг. (в СМИ период получил название «тучные нулевые») сменился замедлением экономики с 2011 г., когда средние темпы роста не превышает 1% в год[475]. Экономисты зафиксировали небольшой всплеск в связи с инвестициями в сочинскую Олимпиаду в 2014 г., но в целом экономическая динамика существенно замедлилась[476]. Снижение стоимости нефти и негативные эффекты ограничений в связи с пандемией COVID-19 привели к снижению физического объема ВВП на 3%[477]. «Тучные нулевые» годы привели к формированию двух социальных кластеров, с отличающимся отношением к практикам публичного оспаривания: «лояльные» - занятые в бюджетном секторе и пенсионеры, избегающие оспаривания политических проектов власти, требующие от власти защиты и заботы; «самодостаточные» - гетерогенный социальный слой горожан, занятых в негосударственном секторе экономики – выразители повышенных требований к качеству политических институтов.

Институциональная структура политической системы России формирует набор неблагоприятных следствий для оппозиционной деятельности. Конституционная концентрация властных полномочий в руках главы государства и признание Президента РФ избирателями и политической элитой доминирующим субъектом снижает потенциал и привлекательность других политических институтов: парламента, партий, оппозиции. Доминирующая роль Президента в политической системе России была оформлена Конституцией РФ в

---

[475] Застой-2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики / под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021. С. 8.

[476] «И роста нет, и счастья нет». Профессор Александр Аузан о реалиях российской экономики // 7x7. UPL: https://7x7-journal.ru/articles/2015/09/19/i-rosta-net-i-schastya-net-professor-aleksandr-auzan-o-realiyah-rossijskoj-ekonomiki (Дата обращения: 12.02.2020).

[477] Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год // Федеральная служба государственной статистики. 01.02.2021 https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/113015 (Дата обращения:05.02.2021).

1993 г., однако уровень конкурентности приобрел тенденцию к снижению после 2000 г., трансформировавшись в моносубъектность. Моносубъектность российской политики проявляется, в том числе, в усилении контроля над основными политическими игроками: СМИ, партиями, общественными организациями, бизнес-структурами, региональными элитами[478]. По наблюдениям политологов усиление автономии исполнительной власти от парламентов стало мировой тенденцией, закрепив в России смешанную модель – «полупрезиденциализм»[479]. Институт президента в российской модели контролирует систему государственного управления, персонифицирует власть, сакрализирует её институты[480].

Сформировавшаяся система политических институтов получила в исследовании М. Краснова название «персоналистский режим» – «…несбалансированное сосредоточение властных прерогатив, как явных, так и скрытых, в руках института-личности при формальном сохранении принципов и институтов, свойственных конституционному строю»[481]. Доминирующая роль президента в структуре российской власти основывается на неконкретности и «недоговоренности» в отношении оснований осуществления президентских полномочий и возможностях президента использовать скрытые неопределенностью полномочия. Кроме того, в Конституции не закреплена зависимость формирования правительства (реализующего внутриполитический курс) от результатов парламентских выборов, что снижает значение партий, ослабляются положительные эффекты политической конкуренции. В таких институциональных условиях у политических институтов нет достаточных сдержек и противовесов относительно президентских прерогатив[482], нет шансов оказать влияние на доминирующего субъекта путем публичного оспаривания.

---

[478] См. *Гельман В.Я.* Авторитарная Россия. Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М.: Говард-Рорк, 2021. 359 с.

[479] *Зазнаев О.И.* Индексный анализ полупрезиденстких государств Европы и постсоветского пространства // Полис. Политические исследования. 2007. №2. С. 160.

[480] *Бахарев А.А., Кузнецов И.И.* Взаимодействие президента, правительства и парламента в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции // Политическая наука. 2019. №4. С. 115.

[481] *Краснов М.А.* Персоналистский режим в России: опыт институционально анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 8.

[482] *Там же.* С. 22-23, 33-34.

Ресурснослабые политические субъекты предпочитают демонстрировать лояльность и избегать публичного оспаривания проектов Президента.

Не ограничиваясь формально-правовым анализом позиции Президента РФ в политической системе, можно обнаружить сильное влияние режимных и личных факторов, наполняющих правовую конструкцию реальным политическим процессом. И. Кузнецов обнаруживает ряд политико-правовых инструментов, позволяющих Государственной Думе ограничивать полномочия главы государства. В 1996-97 гг. применялась практика «правления четверки», «круглых столов» (форма консультаций, согласования позиций руководителей законодательных и исполнительных ветвей власти с участием главы государства)[483]. Однако в первые десятилетия XXI в. доминирование в ГосДуме партии «Единая Россия» лишило оппозиционных депутатов возможности пользоваться этими инструментами.

Институциональные причины «слабости» представленных в Государственной Думе политических партий связаны с повышением формальных требований к партиям и ограничением возможностей для выдвижения кандидатов на выборные должности от иных организационных образований и самовыдвижения. Доминирующие политические игроки сумели в 2000-е годы усилить структурную неполноценность партий, сузить поле межпартийной конкуренции[484]. По наблюдениям О. Толпыгиной, в результате неоднократной правовой корректировки избирательная система приобрела устойчиво ограничительный характер, а партийное законодательство усилило зависимость партий от властного центра. В течение существования политической системы Российской Федерации её режимные и институциональные характеристики эволюционировали в сторону ужесточения норм и правил политического взаимодействия, сузив поле конкуренции и ограничив возможность маневра для всех политических игроков, кроме доминирующего[485].

---

[483] *Кузнецов И.И.* Политические механизмы разделения властей в современной России / под ред. проф. А.А. Вилкова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 62-64, 86.
[484] *Гельман В.Я.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. С. 122.
[485] *Толпыгина О.А.* Трансформация идеологической функции… С. 163.

По мнению большинства отечественных и зарубежных политологов российский политический режим приобретает отчетливые авторитарно-бюрократические черты: закрытый характер, ограничение политического участия масс, дифференцированную элиту, что препятствует диалогу относительно политических проектов, как это было с проектами модернизации в 2009 г.[486] Социологи фиксируют отсутствие стимулов в элитных группах к большей демократизации, т.к. «большая часть российской политической и бизнес-элиты полагает, что модернизация политической системы нежелательна и даже невозможна»[487].

В России сформировались неблагоприятные для публичного оспаривания массовые политические установки, ценности и сознание. Во-первых, формально уважительное отношение к закону большинства граждан сочетается с высоким уровнем одобрения неправовых действий, благодушное отношение к рутинным практикам нарушения законов. По данным социологов, респонденты старше 60 лет (как правило, «лояльные») более законопослушны и конформистски настроены, теснее связывают в своих представлениях закон и порядок. Для студенческой молодежи характерно более критичное, чем в целом по стране, отношение к политическим институтам, а 32% молодых респондентов уверены, что «в России нельзя жить, не нарушая законы»[488]. Другими словами, «законопослушное поведение ещё не превратилось в жизненно важную ценность, разделяемую большинством граждан»[489].

Во-вторых, образ власти персонифицирован фигурой В. Путина, затемняющей в общественном сознании Правительство, Парламент, Суд, региональные органы. «Власть для россиян – это, прежде всего, её

---

[486] *Глухова А.В.* Постижение непостижимого (российская политика 2000-х годов в контексте глобальных и региональных процессов). Воронеж: изд-во «ИСТОКИ», 2014. С. 168.

[487] *Петухов В.В.* Кризисная реальность и возможность политической трансформации российского общества // Полис. Политические исследования. 2016. №5. С. 11.

[488] *Пушкарева Г.В., Кузнецов И.И., Батоврина Е.В.* Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социологические исследования. 2021. №10. С. 128.

[489] *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Эволюция правовых представлений россиян: законопослушность или справедливость? // Полис. Политические исследования. 2020. №5. С. 77, 82.

исполнительная ветвь»[490], обладающая ресурсами для решения проблем граждан. Напротив, оппозиция «… слаба и не способна составить конкуренцию существующим политическим деятелям»[491]. Большое значение в политической культуре России имеет архетип «симфонии властей», выражающийся в динамичном сотрудничестве властей, способности дополнять и корректировать политические решения, учитывая демократический принцип большинства, препятствующий усвоению обществом демократической концепции разделения властей[492].

В-третьих, дуализм политического сознания россиян – это воспроизводящееся противоречие между поверхностным модернизмом и глубинным архаизмом[493]. Проявлением этого дуализма является высокий уровень мобилизованной политической активности «лояльных» (например, голосование на федеральных выборах) и формально-ритуальный, в вопросах публичного оспаривания. По наблюдениям российского историка Ю. Пивоварова россияне остаются советскими по своим ценностям и поведению в политике: «Советский человек – это человек, отученный от самоорганизации. По команде он может совершать героические подвиги, но самоорганизоваться он не может. Многие прежние формы самоорганизации, позволявшие не только вертикали власти подчиняться, но и горизонтально объединяться (земства, кооперативы, артели), были утрачены. Сейчас многое, конечно, восстанавливается, но пока этого недостаточно. Сегодня русским людям удается больше организовываться на злое дело, чем на доброе»[494]. Групповые нормы и принципы воспринимаются без внутренней одухотворенности, в более прикладном формате, когда нормы становятся не более чем условием правильного поведения, успешного

---

[490] Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: Монография / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. С. 83.
[491] Там же. С. 89.
[492] *Кузнецов И.И.* Институциональный подход к исследованию политического лидерства в России // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2011. Вып. 3. С. 68-69.
[493] *Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.* Дуализм массового сознания и типология массовой политики // Политическая наука. 2017. №1. С. 24.
[494] «Эпоха свободы в России закончилась». Интервью с Ю. Пивоваровым // Русская планета. 19.10.2014. http://rusplt.ru/policy/epoha-svobodyi-v-rossii-zakonchilas-13690.html (дата обращения: 22.10.2014).

позиционирования в группе, карьерного продвижения и других, сугубо служебных проектов[495].

В-четвертых, исследователи фиксируют ослабление скреп общественной солидарности, особенно среди студенческой молодежи. Современный студент скорее космополитичен, чем национально ориентирован, ему все равно – жить на родине или переехать на постоянное место жительство в другую страну. Размывание духовных связей, соединяющих граждан отдельного государства и обеспечивающих целостность общества, происходит, в том числе, из-за отрицательной динамики межличностного и институционального доверия[496].

В-пятых, доминирование рациональной стратегии большинства россиян в 2000-х гг. избегать политической активности и рисковать, названной С. Грином «агрессивной неподвижностью»[497]. По наблюдению А. Соловьева, в российском обществе наблюдался кризис субъектности, что привело к аморфности группового мышления, мозаичности и анклавному характеру ценностного поиска. В культурном поле российского общества сохраняется привычная для него традиция множественности расколов, не только препятствующая контактам различных групп, но и повышающая градус противоречий внутри идентификационных процессов у абсолютного большинства населения[498]. Ослабляет полезность публичного оспаривания «стратегия пассивной адаптации» (Л. Гудков), побуждающая к снижению запросов и отказу от борьбы за высокие идеалы и ценности[499].

Кроме того, массовые представления совпадают с культурными кодами правящего режима, пытающегося консолидировать российское общество на идеях собственной уникальности или борьбы с «внешним врагом». Такая ситуация, как указывает А. Соловьев, помогает усилить идейно-политическую

---

[495] *Соловьев А.И.* Политические и культурные основания идентификационных моделей в российском обществе // Политическая наука: Исследование политической культуры: современное состояние: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Ред. и сост. Малинова О.Ю., Глебова И.И. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 105.

[496] *Пушкарева Г.В., Кузнецов И.И., Батоврина Е.В.* Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социологические исследования. 2021. №10. С. 128.

[497] *Грин С.* Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. январь-апрель 2011. С. 8.

[498] *Соловьев А.И.* Политические и культурные основания... С. 103.

[499] См. *Гудков Л.Д.* Абортивная модернизация. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 630 с.

солидарность, легитимизирует политические проекты власти, превращая массовое сознание в соавтора нынешнего политического курса. «Не случайно массовая поддержка касается основных стратегических проектов властей, в силу чего действия по присоединению Крыма, сирийская антитеррористическая операция, антисанкционная политика по отношению к западным странам опирается на устойчивый комплекс широко распространённых «патриотических» взглядов населения»[500]. На основе социологического опроса 2019 г. В. Левашов структурировал основные политические предпочтения россиян, включающие «демократов» (сторонники демократических и либеральных движений) – 33,8%, «социалистов» (сторонники социал-демократических, социалистических и коммунистических движений) – 22,3%, «консерваторов» (сторонники консервативных, великодержавных, националистических движений) – 9,1% и «неопределившихся» – 34,8%. Агрегирование ответов респондентов позволило представить политическую культуру российского общества, состоящую из трех примерно равных частей: «демократов», «государственников» и «ничейных»[501].

Эффектом мирового экономического кризиса в 2008-2009 гг. стал рост беспокойства большинства россиян по поводу роста цен на товары первой необходимости и тарифов жилищно-коммунального хозяйства, независимо от места их проживания. Однако проблемы политического характера практически не беспокоят респондентов: наименее важными политическими правами для участников социологических исследований являются «свобода мирных собраний и ассоциаций» (15%) и «право на участие в общественной и политической жизни» (14%). Одновременно более половины россиян (55%) озабочены нарушением в России различных прав и свобод, из них чуть больше половины обеспокоены нарушением социальных прав, остальные – нарушением общественно-политических прав[502].

---

[500] *Соловьев А.И.* Массовое сознание и государственная политика: точки пересечения и проблемы взаимодействия // Политическая наука. 2017. №1. С. 197.

[501] *Левашов В.К.* Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования). М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 151-152.

[502] *Волков Д.А.* Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет. М.: Левада-Центр, 2014. С. 5-7.

Таким образом, на протяжении 2000-х российское общество демонстрирует низкий интерес к политике. Политические требования «болотного протеста» 2011-2012 гг., потребность в самоактуализации, вовлекли лишь активных жителей столиц, не заинтересовав своей повесткой большую часть страны. Ситуация меняется с 2014 г., с началом интервенции публичной политики в частную жизнь и снижением возможностей государства поддерживать достигнутый ранее уровень жизни. Социологи фиксируют в современной России рост недовольства и раздражения, которое в некоторых регионах трансформировалось в протестное голосование на региональных и муниципальных выборах[503].

В этот же период оформляются ценностные представления т.н. «самодостаточных россиян» - гетерогенного слоя общества, отличающегося высоким уровнем жизненных притязаний, стремлением активно себя реализовать и не рассчитывающего на «патронаж» государства. Для этого слоя власть перестала быть непререкаемым авторитетом, а государственные интересы перестали быть приоритетными по отношению к интересам отдельных граждан. Ориентированные на перемены «самодостаточные россияне» пока не имеют ясного образа будущего, одобряемого политического проекта,[504] но твердо знают, чего не хотят. Политики и политические партии имеют возможность отреагировать на дефицит идей и смелее предлагать политические проекты.

На основе качественных методов социологи М. Дмитриев, С. Белановский зафиксировали изменения в массовом сознании россиян в 2018 г.: высокая готовность к переменам, ослабление надежды на помощь государства, запрос на справедливость, стремление рассчитывать на собственные силы, усиление ценностей самовыражения, усиление пессимизма в восприятии будущего страны, предпочтение процессуальной справедливости[505]. Указанные

---

[503] *Баскакова Ю.М.* Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016-2018 гг. и перспективы политического транзита. М.: «ВЦИОМ», 2018. С. 95.

[504] *Петухов Р.В.* Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. №6. С. 108-110.

[505] *Дмитриев М.Э. Белановский С.А., Никольская А.В.* Признаки изменений общественного сознания и их возможные последствия // Комитет гражданских инициатив. 11.10.2018. URL: https://komitetgi.ru/news/news/3902/ (дата обращения: 11.01.2019), *Дмитриев М.* и др. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или

перемены связывают с осознанием значительной частью российского общества исчерпанности «патерналистского консенсуса», предполагающего лояльность граждан к власти в обмен на её невмешательство в частную жизнь при условии реализации государством некоторых базовых социальных гарантий[506]. По результатам количественных исследований общественный запрос на перемены значительно вырос: если в 2016 г. 70% респондентов ориентировались на стабильность, то к 2019 г. их количество сократилось до 43%, а доля сторонников перемен и реформ выросла с 29 до 57%. Перемены, которых желает значительная часть российского общества, не радикальны и не направленны на ломку привычных устоев жизни общества[507].

В отечественной политологии при анализе партийно-политической конкуренции и оппозиции в России сложилась традиция рассмотрения как социально-культурных, так и институциональных факторов. Концентрация на социальных и культурных факторах, позволила зафиксировать слабую вовлеченность большинства граждан в локальную партийную деятельность, слабость низовых партийных структур. Только общенациональные выборы пока остаются значимым событием, вовлекающим в электоральный процесс крупный сегмент россиян. Электоральное поведение граждан Российской Федерации слабо связано с ориентацией на ту или иную политическую партию, меньшая часть избирателей ориентируется на партийного лидера. В целом же россияне голосуют за те партии, которые в наибольшей степени «кооптированы» во власть и поэтому могут реально влиять на государственную политику[508].

К политическими партиям – профессиональным институтам публичного оспаривания – граждане современной России относятся скорее негативно. По результатам опроса 2007 г. лишь 4% респондентов смогли сформулировать полезность партий (называя плюрализм мнений, дискуссию и конкуренцию), 20%

новая тенденция? // Фонд «Либеральная миссия». 26.12.2018. - URL: http://www.liberal.ru/articles/7298 (дата обращения: 11.01.2019).

[506] *Петухов В.В., Петухов Р.В.* Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 123.

[507] *Петухов Р.В.* Запрос на перемены… С. 103, 105.

[508] *Левашов В.К.* Политическая культура российского общества … С. 198.

не увидели пользы, а 60% затруднились ответить на открытый вопрос. 43% участников опроса полагают, что партии приносят России больше вреда, чем пользы[509]. По данным ВЦИОМ, индекс доверия к политическим партиям, как правило, имеет отрицательное значение от -2 до -38 пп. (с января 2006 г. до февраля 2014 г.), от +1 до -7 (с ноября 2018 до февраля 2021 г.)[510]. Только 0,5% респондентов назвали себя активными членами политических партий. В целом, избиратели России положительно воспринимают политическую конкуренцию и легальное политическое участие. В 2019 г. россияне предпочитают легальные и неконфронтационные формы коммуникации с властью: голосование, поддержка открытых писем и петиций, обращение в органы исполнительной власти,[511] общественный контроль[512]. Протестные установки граждан направлены в основном в пассивные формы: письма в органы власти, в СМИ, в Интернет; активно готовы протестовать не более 15%; готовы участвовать в актах гражданского неповиновения не более 5%[513]. В то же время современная динамика протестной активности объективно сигнализирует об остроте несогласия граждан и переменах в предпочтительном репертуаре действий. Реакция властей на конкретные виды протеста (диалог, репрессии, игнорирование) позволяет судить о чувствительности того или иного репертуара действий.

Итак, участие в протестных мероприятиях в начале XXI века не является для большинства граждан конвенциональной и приемлемой формой публичного оспаривания. Иное отношение к политической активности и митингам было у граждан СССР во второй половине 1980-х гг. Начало массовых современных практик публичного оспаривания в России было положено запуском в 1985 г.

---

[509] Политические партии в жизни России // Фонд «Общественное мнение». 05.04.2007. https://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/d071424 (дата обращения: 12.16.2019).

[510] Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. 21.02.2021. https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/ (дата обращения: 04.03.2021).

[511] Большинство россиян отказались митинговать ради изменений к лучшему // Левада-Центр. – 13.02.2019. - URL: https://www.levada.ru/2019/02/13/bolshinstvo-rossiyan-otkazalis-mitingovat-radi-izmenenij-k-luchshemu/ (дата обращения: 15.03.2019).

[512] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год // Общественная палата Российской Федерации. 2019. С. 136.

[513] *Левашов В.К.* Политическая культура российского общества … С. 255.

реформаторской стратегии генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева, направленной на ускорение производства и гласность, а также выявление недостатков, препятствующих ускорению и раскрытию потенциала социалистической системы[514].

Структурные возможности для публичного оспаривания и появления политической оппозиции были существенно расширены решениями XIX конференции КПСС 1988 г. Упразднение ограничений на общественную активность привели к оформлению в союзных республиках активных Народных фронтов, а в городах РСФСР возникло множество «неформальных» движений и групп, включающих объединения музыкальной, спортивной, философско-мистической ориентации, экологические движения. Неформальные движения стали социальной силой, способной не только к артикуляции проблем в своей конкретной сфере, но и к борьбе за политическую власть – «невиданный раньше взрыв низовой инициативы»[515]. Жители городов включались в организованную защиту памятников истории и культуры, охрану природы в Москве, Ленинграде, Рязани, Кирове, Иркутске, городах Латвии – всего в стране зафиксировано около 60 тыс. самодеятельных локальных объединений. Исследователь экологического движения в России О. Яницкий обращает внимание на включение этих неполитических местных гражданских инициатив в политический процесс – сначала по правилам игры, созданным Системой, а когда они оказались неэффективными – перешли к прямым массовым действиям[516]. Импульсом к появлению многих экологических защитных групп стали локальные угрозы уничтожения жизненной среды незащищенных от бюрократии граждан.

Политически значимыми стали общественно-политические клубы, возникшие не только в столицах, но и в Свердловске, Саратове, Челябинске, Набережных Челнах. Самыми известными стали «Московская трибуна», «Демократическая перестройка», объединявшие, преимущественно, творческую

---

[514] *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. М.: Издательство «Весь Мир», 2001. С. 16, 23.
[515] *Яницкий О.Н.* Социальные движения: 100 интервью с лидерами. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 40, 42.
[516] *Яницкий О.Н.* Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 29, 35-37, 58.

интеллигенцию, ставшие генератором программ и идей углубления Перестройки[517]. Деятельность дискуссионных клубов позволила сформироваться ограниченному, но интенсивному пространству общественного диалога. Все демократические клубы и движения начинали с поддержки идей М. Горбачева (перестройки КПСС, развития ленинских принципов) и постепенно дрейфовали к антикоммунистическим позициям, к радикальным проектам общественно-политического переустройства. Полусвободные выборы депутатов на Съезде народных депутатов СССР подтолкнули оформление политических клубов в оппозиционные политические организации, клубы избирателей[518]. «Политические клубы стали «колыбелью» для протопартий и зонтичных общественных движений, способствуя выявлению лидеров, формированию программных позиций для объединения и, наконец, определению себя, как коллективных субъектов оппозиции правящему режиму»[519]. Запущенная М. Горбачевым гласность позволила выйти в публичное пространство не только его сторонникам, но и его критикам, оспаривающим его проект. Такими печатными инструментами гласности и артикуляции альтернативных идей проекту М. Горбачева стали журналы «Наш современник», «Молодая гвардия» (национально-патриотическое течение), газета «Советская Россия» (ортодоксальное коммунистическое течение)[520].

Итак, в конце 1980-х гг. в СССР по инициативе государственной власти сформирована уникальная общественная атмосфера свободы, катализирующая широкую дискуссию по самым разным темам. На общественную и политическую сцену выходят независимые акторы – самодеятельные объединения горожан, стремящихся к самоидентификации, самореализации путем публичного оспаривания решений и действий властей и предложения альтернатив. Мощная волна гражданских инициатив, рожденная перестройкой, «была отмечена не

---

[517] *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. М.: Издательство «Весь Мир», 2001. С. 47-49.
[518] *Фурман Д.Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. С. 37.
[519] *Михалева Г.М.* Российские партии в контексте трансформации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 82.
[520] *Там же.* С. 43-44.

только небывалым разнообразием форм, но и отличалась своим интеллектуальным характером. Их лидеры и участники стремились разрабатывать и опробовать собственные альтернативные программы и проекты для решения наболевших проблем»[521]. Сотни тысяч людей приобрели опыт общественно-политического действия посредством конструктивного публичного оспаривания: через митинги, публичную борьбу с бюрократизмом и защиту природы в позднем СССР сформировалась публичная общественная арена. В иных политико-правовых условиях реализовывались протестные практики россиян в первые десятилетия XXI-го века.

Рассмотрим субъектов, повестку и репертуар протестных действий граждан, выступающих в качестве фона публичного оспаривания политических проектов в первые десятилетия XXI в. В России протестная активность обладает волновой динамикой: I период - 2000-2011 гг. - наблюдается рост доходов большинства граждан и низкая протестная активность; II период – декабрь 2011 г. – 2020 г. – рост протестной активности на национальном и локальном уровнях, артикуляция не только социально-экономических, но и политических требований. С 2018 г. происходит усиление санкций в отношении участников публичных протестных мероприятий (в том числе из-за пандемии COVID-19), а задержания участников несанкционированных акций в январе 2021 г. заморозили активность на протестной площадке публичного оспаривания[522].

На протяжении 2000-х годов протестная активность россиян не была масштабной и сохраняла пульсирующую динамику. До 2005 г. основную массу протестов составляли рабочие забастовки, а политическая мобилизация была обусловлена экономическими проблемами[523]. В августе 2004 г. был принят федеральный закон №122-ФЗ, получивший в СМИ краткое название «О

---

[521] *Яницкий О.Н.* Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 100.

[522] *Смекалин И.* Факторы массовой протестной активности в России: между ценностями и возможностями // Вестник общественного мнения. 2021. №1-2. С. 89-94.

[523] *Graeme R.* The Politics of Protest in Hybrid Regimes. Managing Dissent in Post-Communist Russia. Cambridge University Press, 2011. 303 p.

монетизации льгот»[524]. Проект Правительства РФ должен был разграничить полномочия между федеральными и региональными органами государственной власти по организации предоставления социальных льгот и заменить натуральные льготы денежной компенсацией, что должно было сделать систему льгот более справедливой и эффективной. По мнению авторов проекта, система натуральных льгот провоцировала коррупцию и расхищение государственных средств. Первоначально планировалось монетизировать более 10 льгот, но в 2004 г. приняли решение по трем категориям льгот: льготы на проезд в городском транспорте и пригородных электричках, бесплатные лекарства и право на бесплатное санаторно-курортное обслуживание[525]. Законом предусматривалось право граждан выбирать с 2006 г. денежную компенсацию или сохранение льгот[526]. Реформа затрагивала интересы более 40 млн. человек и спровоцировала с началом действия закона в январе 2005 г. масштабные акции протеста по всей стране[527].

В январе-феврале 2005 г. в крупных городах в протестных действиях приняло участие более 430 тыс. чел.[528], получателей льгот, относящихся к выделенной нами группе «лояльные» Многочисленность участников протестных действий и агрессивный репертуар (перекрытие дорог) вынудили федеральные власти скорректировать проект. В середине января 2005 г. президент Владимир Путин одобрил замысел реформы, но раскритиковал федеральное правительство и региональные органы власти за ухудшение положения льготников, предложил

---

[524] Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 22.08.2004 №122-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025/ (дата обращения: 20.08.2020).

[525] *Загайнова Г.Г.* Монетизация льгот – социально-ориентированный эксперимент // Закон и право. 2018. №10. С. 45-48.

[526] Госдума приняла законопроект о монетизации льгот // РБК. 03.08.2004. https://www.rbc.ru/politics/03/08/2004/5703b64d9a7947783a5a5989 (дата обращения: 21.08.2020).

[527] Монетизация льгот: итоги пятилетней реформы // РИА-Новости. 20.08.2009 https://ria.ru/20090820/181707582.html (дата обращения: 20.08.2020).

[528] *Подъячев К.В.* Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник института социологии РАН. 2012. №5. С. 146-163., *Шкель С.Н.*, *Сабитов М.Р.* Массовый политический протест в современной России: динамика и специфика развития // Право и политика. 2012. №10. С. 1669-1675.

индексировать пенсии не с 1 апреля, как было намечено ранее, а с 1 марта, и повысить их минимум на 200 рублей. Одновременно президент поручил повысить денежное довольствие военнослужащим[529]. Уже к маю 2005 г. 41% россиян поддержали замену существующих льгот денежными выплатами[530].

Масштабы протестной мобилизации вынудили отреагировать субъектов партийно-парламентской площадки: КПРФ потребовала вернуть льготы и предоставить возможность гражданам выбрать самостоятельно натуральную или денежную форму льгот. Лидер КПРФ Г. Зюганов предложил отправить в отставку правительство В. Путина - М. Фрадкова и провести общенациональный референдум о социально-экономическом курсе страны[531]. Партия парламентского большинства «Единая Россия» признала недоработки ФЗ-122, оспаривала первоначальный, более жесткий правительственный проект реформы и критиковала исполнительные органы власти за ошибки в реализации закона. Кроме того, в уже принятый закон специальная комиссия Государственной Думы вносила поправки на основе мониторинга ситуации в регионах[532].

В политико-административной сфере оспаривание практически не было зафиксировано. Большинство региональных властей ввели смешанную форму социальной поддержки, власти ряда регионов самостоятельно увеличили размеры денежных компенсаций, а мэр Москвы Юрий Лужков и вовсе решил сохранить льготы, профинансировав их из бюджета города Москвы[533]. Губернаторы заявляли о необходимости корректировки принятых законов, а губернатор Курганской области О. Богомолов отказался подписывать соглашение с Минфином без увеличения объемов федеральной помощи региону[534].

---

[529] Выступление В. Путина на совещании с членами Правительства 17.01.2004 г. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22784 (дата обращения: 20.08.2020).

[530] Россияне готовы смириться с монетизацией льгот // Левада-Центр. Пресс-Выпуск 19.05.2005 https://www.levada.ru/2005/05/19/rossiyane-gotovy-smiritsya-s-monetizatsiej-lgot/ (дата обращения: 20.08.2020).

[531] Полный текст выступления Г.А. Зюганова на пленарном заседании Государственной Думы 21.01.2005 г. // Официальный сайт КПРФ. 25.01.2005 https://kprf.ru/news/interviews/30318.html (дата обращения: 20.08.2020).

[532] Исаев А. Монетизация льгот. Десять лет спустя // Российская газета. 27.08.2014. https://rg.ru/2014/08/27/monetizacia.html (дата обращения: 21.08.2020).

[533] Закон «о монетизации льгот» // РИА-Новости. 22.08.2014 г. https://ria.ru/20140822/1020733174.html (дата обращения: 20.08.2020).

[534] Камышев Д., Хамраев В. Льготный рефлекс // Коммерсант-Власть. №3. 24.01.2005. https://www.kommersant.ru/doc/540970 (дата обращения: 22.08.2020).

Субъектами защитных протестных акций стали получатели социальных льгот, представители «лояльного» кластера - ядро симпатизантов и избирателей В. Путина. Угроза потери доверия и поддержки своих твердых сторонников подтолкнула главу государства к формальным уступкам и направлению общественного недовольства в сторону федерального правительства и депутатов Государственной Думы: по результатам опроса Левада-Центра[535] в феврале 2005 г. 63% респондентов были уверены, что ответственность за монетизацию лежит на них[536]. Тактика переключения ответственности за непопулярное политическое решение была повторена с проектом пенсионной реформы в 2018 г. Выбранные формы коллективного действия (блокирование автодорог) стали чувствительными для властей акциями, вынудившими в будущем ужесточить наказание: были введены административные, а в конце 2020 г. – уголовные санкции.

С 2004 г. в России резко активизируется публичное оспаривание в политической сфере на протестной площадке со стороны профессиональных политиков, внепарламентской оппозиции: протестные акции организуют Национал-большевистская партия (запрещена в РФ), «Авангард красной молодежи», «Объединенный гражданский фронт» (Г. Каспаров) и др. С конца 2005 г. по 2008 г. коалиция «Другая Россия» проводит уличные шествия под названием «Марш несогласных». С 2009 г. формат протестов изменен: их проведение было приурочено к 31 числу каждого месяца, символизируя защиту 31-й статьи Конституции РФ о праве граждан на мирные собрания и ассоциации. Кроме требований расширения политических свобод, участники акций требовали отставки В. Путина, но, не получая массовой поддержки, провоцировали силовые действия правоохранительных органов, пытаясь этим привлечь внимание СМИ[537]. Выдвигаемые политические требования не представляли целостного

---

[535] Внесен Минюстом РФ в Реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента.

[536] Россияне о замене льгот денежными компенсациями // Левада-Центр. Пресс-Выпуск 24.02.2005. https://www.levada.ru/2005/02/24/rossine-o-zamene-lgot-denezhnymi-kompensatsiyami/ (дата обращения: 21.08.2020).

[537] *Кертман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. С. 109-112.

политического проекта, а требования отставки популярного президента не находили у большинства россиян активной поддержки.

Требования и лозунги протестных действий 2005-2011 гг. сохраняли преимущественно неполитический характер, который на заключительных этапах приобретал политический контекст, т.к. недовольство все чаще было связано с неэффективностью государственных институтов, несправедливым законодательством, произволом чиновников и коррумпированностью власти. Участники протестных действий в этот период начинают требовать установления справедливых «правил игры», то есть формирования правопорядка, универсального для всех граждан[538]. Защищая О. Щербинского, автовладельцы протестовали против произвола чиновников на автомобилях[539]. Стихийное агрессивное протестное выступление футбольных болельщиков «Спартака» в Москве в декабре 2010 г. было вызвано не столько убийством Е. Свиридова в драке, сколько несправедливыми действиями правоохранительных органов, которые покрывали подозреваемых в преступлении. В целом, после выборов депутатов Государственной Думы 2007 г. интенсивность уличных политических акций снижается вплоть до декабря 2011 г.[540]

В итоге на первом этапе на протестной площадке активность реализуется посредством конвенциональных защитных действий, без массового выдвижения политических требований, без требований изменения сложившейся системы отношений между властью и обществом, сопротивляясь злоупотреблениям конкретных чиновников. Протестное сообщество противников монетизации льгот в дискурсе не выходило за пределы одного требования (сохранить натуральные льготы) и легко демобилизовывалось формальными уступками власти. Оппозиция не предлагала оригинальных политических проектов, тактически реагировала на ошибки и злоупотребления со стороны власти. Субъективные ожидания протестов против падения уровня жизни,

---

[538] *Шкель С.Н., Сабитов М.Р.* Массовый политический протест в современной России… С. 1669.

[539] О. Щербинский был признан виновным в ДТП, в котором в 2005 г. погиб губернатор Алтайского края (М. Евдокимов). После серии межрегиональных акций протеста суд вынес оправдательный приговор.

[540] *Громов Д.В.* Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. 510 с.

несправедливых действий властей, в защиту своих прав достигли пика в 2005 г. (46%) и вернулись на свои средние значения в 2007-2011 гг. (25-28%)[541]. Политическое протестное поведение России 2000-х было обусловлено такими традиционными особенностями российского социума, как социально-политическая пассивность большей части населения и слабость оппозиционных власти структур. Это выражалось в популярности пассивных форм протеста, таких как неявка на выборы или в целом аполитичное поведение, низкая доля участия населения в активных политических действиях (членство в оппозиционных партиях и участие в публичных формах протеста)[542]. Разовые масштабные протестные акции вынуждали власти идти на уступки, однако множество локальных изолированных протестных действий не меняли характера взаимодействия общества и государства. Вовлеченные в протестные действия локальные группы не формировали единой политической силы, оставаясь немногочисленными раздробленными общественными сегментами, что не создавало для власти стимулов к компромиссам.

Новый этап активизации протестной площадки начинается в конце 2011 г. мощной волной массовых протестов в крупных городах России в защиту проекта «За честные выборы». В результате субъекты публичного оспаривания, относящиеся к выделенной нами группе «самодостаточные» пробрели организационный опыт коллективного действия, а власти расширили возможности участия в выборах, стимулировали увеличение числа политических партий, но провели ужесточение правил проведения собраний и митингов (подробнее см. параграф 3.3.).

Протестная активность в 2013-2015 гг. также концентрировалась в обеих столицах (Москва и Санкт-Петербург), слабо проявляясь в регионах, редко попадая в поле зрения федеральных СМИ. Немногочисленные акции проводились в интересах обманутых дольщиков/вкладчиков, недовольных повышением

---

[541] Протестный потенциал // ВЦИОМ. Рейтинги. https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial (дата обращения: 20.08.2020).

[542] *Соина Е.С.* Политическое протестное поведение в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Ставрополь, 2008. С. 9.

стоимости услуг жилищно-коммунальной сферы[543]. Проблема обманутых дольщиков проявилась в разных регионах, попала в орбиту внимания власти: по поручению главы государства региональные власти нашли способы восстановить нарушенные права граждан. Фактором роста общественного оптимизма и снижения протестных настроений стало вхождение в состав РФ полуострова Крым, породившего так называемый «посткрымский консенсус» как среди граждан, так и среди оппозиционных парламентских партий[544].

Новый этап активизации протестной активности в России был вызван негативными эффектами второй волны мирового экономического кризиса. В период 2015–2018 гг. в России возросло количество публичных протестных акций. Центр экономических и политических реформ зафиксировал рост масштабов низового социального протеста по конкретным социально-экономическим проблемам: в первом квартале 2017 г. эксперты насчитали 283 протестных мероприятия, во втором – 378, в третьем – 445[545]. По данным Московской Хельсинской группы росло количество несогласованных радикальных протестных акций[546]. В третьем квартале 2018 года количество протестов почти в 3 раза превысило данный показатель третьего квартала 2017 года[547]. Рост динамики протестного действия связывают как с изменениями глубинных общественных настроений, так и мобилизационными усилиями оппозиционных политических партий и сети штабов А. Навального (организация признана экстремистской в 2021 г.)[548].

Рост протестной активности граждан сформировал в среде экспертов убежденность в переходе общественного сознания граждан из состояния

---

[543] Год санкций и дешевой нефти: протестная ситуация, Центр экономических и политических реформ, http://cepr.su/wp-content/uploads/2015/11/Год-санкций-и-дешевой-нефти_протестная-ситуация1.pdf, 01.11.2018

[544] *Баскакова Ю.М.* Выборы на фоне Крыма... С. 95.

[545] Россия в 2017 году: количество протестов растет // Центр экономических и политических реформ. URL: http://cepr.su/2017/07/10/протестный-2017-год/ (дата обращения – 15.07.2017).

[546] *Трифонова Е.* Власти РФ криминализируют протест // Независимая газета. – 16.10.2017. URL: http://www.ng.ru/politics/2017-10-16/1_7095_protest.html (дата обращения – 20.10.2017).

[547] Протесты 2017–2018: рост протестной активности населения // Центр экономических и политических реформ [Электронный ресурс]. URL: http://cepr.su/2018/11/08/protests-2017-2018/ (дата обращения: 12.12.2018).

[548] Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности в первом квартале 2019 г. // Центр социально-трудовых прав. М., 2019. С. 2. URL: http://trudprava.ru/news/protestnews/2139 (дата обращения: 01.07.2019).

рациональной «агрессивной неподвижности» (С. Грин) к способам активного протестного выражения своего несогласия. Как заметил политолог Б. Кагарлицкий, «Сначала казалось, будто границы возможного очень жестко очерчены. Но вдруг обнаруживается, что эти границы существовали лишь в сознании людей… Все начинают тестировать границы. Возникает ощущение, что теперь возможно все»[549].

В то же время субъективная готовность граждан принять участие в массовых акциях протеста достигла своего пика летом-осенью 2018 г. и приобрела тренд к снижению. Результаты опросов Левада-Центра[550] на протяжении последних трех лет подтверждали нежелание подавляющего большинства россиян вовлекаться в протестные действия по обеспечению своих прав в случае снижения уровня жизни или с требованиями политических изменений. По данным социологов такая позиция находила поддержку у более 80% респондентов осенью 2017 года[551] и 88% в марте 2018 года[552]. Начало обсуждения пенсионной реформы в июне-июле 2018 года усилило ожидание протестов по экономическим требованиям с 17% (март) до 41% (июль), а субъективная готовность принять в них участие выросла с 8% до 28% за тот же период[553]. В марте 2019 г. данные показатели снизились и стабилизировались: ожидание протестов до 34%, личная готовность до 26%,[554] по данным ВЦИОМ в 2021 г. по мнению 68% протесты маловероятны, только 16% готовы принять в них участие[555]. Разумеется, данные массовых опросов сигнализируют не о

---

[549] *Кагарлицкий Б.* Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 142.

[550] Внесен Минюстом РФ в Реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента.

[551] Россияне не верят в протесты // Левада-центр. 28.09.2017. URL: https://www.levada.ru/2017/09/28/rossiyane-ne-veryat-v-protesty/ (дата обращения: 15.03.2019).

[552] Протестный потенциал // Левада-Центр. 16.04.2018. URL: https://www.levada.ru/2018/04/16/protestnyj-potentsial-7/ (дата обращения: 15.03.2019).

[553] Положение дел в стране // Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/ (дата обращения: 15.03.2019).

[554] Протестный потенциал // Левада-Центр. 06.03.2019. URL: https://www.levada.ru/2019/03/06/protestnyj-potentsial-8/?fbclid=IwAR06501Dw63najUmuRZzmrYsdWNt4MGagU9mjnXoIwjhNxVlZOuiT6dlB3w (дата обращения: 15.03.2019).

[555] Общественный протестный потенциал // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial (дата обращения: 30.08.2021).

реальном протестном участии, а об эмоциональном состоянии респондентов, их ожиданиях того или иного развития ситуации.

В сравнении с 2016 г., в 2017 г. зафиксировано общее снижение количества публичных мероприятий, проведенных на территории Российской Федерации. По подсчетам Уполномоченного по правам человека в РФ в 2017 г. проведено 47,1 тыс. различных публичных мероприятий, в которых участвовало около 12 млн. человек[556]. В 2018 году, по сравнению с предыдущим годом, наблюдалось снижение числа несогласованных акций (на 13%). По данным МВД России, в общей сложности в них приняли участие порядка 58 тыс. граждан[557]. В целом протестные акции в России носили локальный, а не массовый, общероссийский характер, требуя от властей решения своих конкретных, неполитических проблем. Акции вокруг федеральных тем (выступления дальнобойщиков, акции штабов Навального, противников пенсионной реформы) не стали триггером региональных и межрегиональных коллективных действий, не получили правового закрепления всех требований протестующих. Рост числа акций не сопровождался серьезным ростом самоорганизации граждан, а сами акции не попадали в зону внимания федеральных СМИ[558]. В то же время в рассмотренных кейсах власти шли на некоторые уступки, вели переговоры с протестующими.

КПРФ являлась наиболее активным организатором протестных действий по социально-экономическим и политическим темам. Партия проводила всероссийские и региональные акции протеста против социального курса властей «За социальную справедливость!», критиковала вмешательство США и НАТО в дела других государств, выражала поддержку непризнанным республикам ДНР и ЛНР[559]. В целом КПРФ проводила классические протестные мероприятия,

---

[556] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета. 17.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html (дата обращения: 10.12.2019).

[557] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. // Российская газета. 11.06.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2019/06/11/a1701940-dok.html (дата обращения: 11.12.2019).

[558] Общественные волнения в регионах России и пути их урегулирования (2016 - первая половина 2017 годов) // Фонд «Петербургская политика». 109 с. [Электронный ресурс]. URL: https://fpp.spb.ru/fpp-russian-public-unrest-2016-2017

[559] Подробнее см. *Савенков Р.В.* Практики публичного оспаривания в Центрально-Черноземном регионе в 2018 г.: темы и модели // Среднерусский вестник. 2019. Том 14. №4. С. 123-144.

направленные на мобилизацию своих твердых избирателей. В публичном дискурсе объектом критики являлась широко понимаемая «власть», партия «Единая Россия», реже – правительство России. С конца 2018 г. тему пенсионной реформы сменила борьба за справедливые тарифы ЖКХ и стоимость топлива, безопасную утилизацию ТБО и территориальную целостность России. Партийные активисты артикулируют болезненные для населения темы, но не указывают причин или конкретных виновников этих проблем, обобщая в публичном дискурсе всю власть термином «правительство Медведева». Такая тактика позволяла партии сохраняться в публичном дискурсе как системная, но оппозиционная группа, способная к результативному участию в выборах в региональные легислатуры. Безадресная критика КПРФ позволяла выпускать «пар» общественного недовольства, но не вызывала реакции властей, не приводила к политико-правовым изменениям. КПРФ уклонялась от артикуляции собственных политических проектов, реалистичных альтернатив принимаемым решениям в социально-экономической сфере. На партийном сайте главным информационным инструментом были и остаются тексты и фото с проведенных мероприятий, что давно не соответствует информационным потребностям большинства граждан. В целом анализ действий КПРФ в протестной мобилизации и публичному оспариванию позволяет сделать вывод о сохранении партией статуса «нишевой», ориентирующейся на своих «твердых» избирателей и избегающей поиска новых форм коммуникации и организации действий недовольных граждан.

Исследователи отмечают мобилизующую и легализующую роль партий на протестной площадке в поддержании общественных кампаний и движений. Левые партии поддерживали кампанию против монетизации льгот, экологическое движение было тесно связано с партий «Яблоко»; КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» и «Яблоко» участвовали в протестных акциях против пенсионной реформы в 2018 г. Для высокоинституционализированных партий присоединение к движению протеста – это дополнительный ресурс для торга с инкумбентом; для низкоинституционализированных партий присоединение к протесту –

единственная возможность заявить о себе и набрать дополнительных членов[560]. Протестная площадка не стала для партий местом тестирования альтернативных идей и проектов.

Вторым крупным организатором протестов и субъектом публичного оспаривания второго периода (2011-2019 гг.) стало движение оппозиционного политика Алексея Навального. В 2013 г. он участвовал в выборах мэра Москвы и набрал 633 тыс. (27%) голосов избирателей. В крупных городах страны с 2016 г. политик создает организационные структуры. которые стали инициаторами протестных действий в 2017-2018 гг. и в январе 2021 г. Основной идеей А. Навального и возглавляемого им Фонда борьбы с коррупцией[561] стали «расследования» злоупотреблений федеральных и региональных чиновников и выдвижение своего лидера кандидатом в Президенты РФ на выборах в марте 2018 г. Антикоррупционная борьба стала основным «политическим проектом» А. Навального. Основным видом действия сторонников А. Навального стали критические видеоматериалы и дискуссии в социальных сетях, индивидуальные и коллективные публичные мероприятия, многие из которых не были согласованы местными властями. Реализация такого репертуара действий позволила повысить уровень доверия к А. Навальному с 0,5 (февраль 2017 г.) до 3,5 % (январь 2021 г), а уровень недоверия с 0,5% до 7,4%[562].

Третьем организатором протестов стали стихийные группы граждан, формируемые по конкретным проблемам. Оригинальные формы протеста применили общероссийское протестное движение водителей крупнотоннажных грузовиков «Антиплатон» (ноябрь 2015 г.) и краснодарских фермеры (август 2016 г.). Система «ПлаТон» предусматривала взимание дополнительных платежей с владельцев транспортных средств, максимальная масса которых превышала 12 тонн. Персональным объектом критики стал российский бизнесмен Аркадий Ротенберг – основной выгодополучатель системы «ПлаТон». Водители и

---

[560] *Завадская М.А., Лобанова О.Ю., Семёнов А.В.* Когда партии протестуют? Сравнительный анализ партийного участия в движении «За честные выборы» в регионах // Политическая наука. 2017. №4. С. 102.
[561] ФБК признан экстремистской организацией в 2021 г.
[562] Рейтинг доверия политикам // ВЦИОМ https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam (дата обращения 10.02.2021 г.).

перевозчики выступили против новации по всей стране, проведя «чувствительную» для участников дорожного движения акцию «Улитка» (медленное движение колонны грузовиков на федеральных трассах). Протестующие публиковали видеообращения к Президенту России В. Путину с просьбой отменить «ПлаТон». В субъектах Федерации с протестующими дальнобойщиками встречались представители региональных администраций, искали варианты разрешения конфликта. Единое стремление региональных властей к переговорам позволяет предположить поступление «задачи» от федерального Центра на коммуникацию и учет требований протестующих. Итогом переговоров с федеральными властями стала временная уступка: снижение стоимости проезда грузовиков за один км. с 3,73 руб. до 1,53 руб. до апреля 2017 г. (с апреля 2017 г. тариф составил 1,9 руб./км.).

Летом 2016 года около 50 фермеров Краснодарского края попытались организовать тракторный пробег до Москвы с целью информирования Президента России В. Путина о незаконных захватах крупными агрохолдингами региона их урожая и земли. Полиция препятствовала движению автоколонны, а представители региональной власти вынудили протестующих вернуться и начать переговоры с губернатором края[563].

Серией масштабных протестных коллективных акций в мае 2017 г. москвичи сопротивлялись реализации программы реновации (сноса старого жилья и переселения жильцов в новые дома в других районах). Традиционные митинги собирали от 4 до 20 тыс. участников. На плакатах были замечены и политические требования – отставки мэра Москвы С. Собянина[564]. В июне в Государственной Думе были организованы слушания для доработки программы, однако на них не пустили наиболее опытных лидеров протеста (представителей КПРФ, партии «Яблоко», «Партии роста»). Итогом слушаний стало снижение

[563] Акция протеста кубанских фермеров в Ростове признана незаконной // Коммерсант. 23.08.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3071009 (дата обращения: 12.02.2020).

[564] Митинг против сноса пятиэтажек // Ведомости. 14.05.2017. https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2017/05/14/689731-miting-protiv-snosa (дата обращения: 10.11.2019).

эмоционального неприятия программы, создание наблюдательного совета при фонде реновации[565].

Резонансными стали протестные акции весной 2018 г. в Волоколамске и Кемерово. Жители подмосковного городка Волоколамск многократно требовали закрытия мусорной свалки «Ядрово» и отставки губернатора Московской области Андрея Воробьева (губернатор с 2013 года). 10 марта жители Волоколамска направили свою просьбу президенту Владимиру Путину. Многотысячные акции протеста и препятствование проезду мусоровозам начались 21 марта, когда 57 детей местной школы были доставлены в больницу с подозрением на отравление свалочным газом. Целью протестующих было обратить внимание В. Путина на проблему Волоколамска, который своим решением в июне 2017 г. «закрыл» мусорный полигон «Кучино» в подмосковной Балашихе.

Пожар в кинотеатре г. Кемерово в марте 2018 года, в котором погиб 41 ребенок, спровоцировал спонтанный многочасовой митинг горожан. Протестующие требовали правдивой информации о трагедии, наказания виновных и отставки Амана Тулеева (губернатор Кемеровской области в 1997-2018 годах)[566]. Власти заявили о дезинформации со стороны интернет-пользователей (которые сообщили о сотнях погибших), оказали материальную помощь семьям пострадавших и отправили в отставку А. Тулеева. Фейковые новости вокруг трагедии стали причиной разработки властями правовых норм по снижению дезинформационной активности в Интернет.

Жители Екатеринбурга в мае 2019 г. неправовыми действиями привлекли внимание к оспариванию строительства православного храма в городском парке. Упорство горожан и реакция президента В. Путина побудили городские власти провести дополнительный опрос горожан, а по его итогам подобрать для нового

---

[565] Противникам сноса домов в Госдуме давали слово // Коммерсант. 06.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3319013 (дата обращения: 11.11.2019).

[566] Кемеровские власти десять часов отчитывались перед протестующими // LENTA.RU. - 27.03.2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/news/2018/03/27/protest_ends/ (дата обращения: 21.11.2019).

храма альтернативную площадку[567]. Другими словами, протестные защитные действия горожан на первом этапе были переведены властями в конструктивное обсуждения компромиссного варианта решения спорного вопроса.

Опыт крупных протестных акций демонстрирует патриархальный подход протестующих к коллективному действию и отсутствие ясного алгоритма ответа власти в отношении протеста. Участники протестов подчеркивали свою лояльность Президенту России В. Путину, просили у него защиты своих локальных интересов, что ограничивало их возможности в мобилизации новых участников и снижало моральную поддержку невовлеченных граждан. Региональные власти приглашали к диалогу организаторов действия, навязывая компромисс, в то время как правоохранительные органы осуществляли репрессии (Ч. Тилли): препятствовали проведению акций, используя легальные запреты и ограничения. Чувствительным для власти ресурсом протестующих стали акции на транспортных магистралях (эффективнее привлекали внимание СМИ к проблеме, затрудняли автомобильную коммуникацию) и фейкновости в социальных сетях, создающие повышенный негативный эмоциональный фон.

В этот же период в стране зафиксирована нисходящая динамика трудовых протестов: 419 – в 2016 г., 334 – в 2017 г., 200 – 2018 г., 277 – 2019 г.[568] Замечено, что уменьшение числа трудовых протестов в 2017-2018 годах происходит за счет снижения протестной активности населения периферийных территорий (провинциальных городов и сельских территорий), в то время как протестность мегаполисов и городов-миллионников – величина более или менее постоянная[569].

Ряд протестных акций под лозунгом «Допускай!» прошли в Москве в июле 2019 г. Участники требовали зарегистрировать оппозиционных кандидатов на выборы в Московскую городскую Думу, снятых якобы из-за ошибок с подписями и другими требованиями к документам. В санкционированной акции (20.06)

---

[567] Конфликт из-за храма в Екатеринбурге. Что важно знать // РБК. https://www.rbc.ru/society/16/05/2019/5cdd41899a79477f7e641d6d (дата обращения: 05.01.2022).

[568] Как протестуют россияне // Центр социально-трудовых прав. 2019 http://trudprava.ru/expert/article/protestart/2184 (дата обращения: 10.12.2020).

[569] Трудовые протесты в первой половине 2018 г. // Центр социально-трудовых прав. URL: http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/2068 (дата обращения: 09.11.2018).

приняло участие около 20 тыс. москвичей, в несанкционированных акциях (14.06. и 27.06.) порядка 3-5 тыс. В ходе последней несанкционированной акции в жесткой форме было задержано более 1 тыс. чел. Задержания организаторов и лидеров накануне акции не дезорганизовали демонстрантов, продемонстрировав потенциал децентрализованных общественных структур. Защитное протестное оспаривание москвичей не побудило власти допустить оппозиционных кандидатов к выборам, дать ясные объяснения ограничения «несистемной оппозиции»[570]. Блокирование допуска непартийных политиков на региональные выборы повышает электоральные шансы зарегистрированных кандидатов от парламентской КПРФ и не создает стимулов для объединенного публичного оспаривания различных оппозиционных сил.

В целом в России сформировались неблагоприятные структурные и политические условия для коллективных протестных форм активности в публичной сфере. Политическая система характеризуется широкими полномочиями Президента в ущерб полномочиям Федерального Собрания РФ и Правительства РФ. Практики политического процесса усилили ресурсную слабость иных субъектов публичной политики. Доминирующие ценности российского общества ослабляют потребность в политическом участии. Участие в протестных мероприятиях не является для большинства граждан конвенциональной и приемлемой формой публичного оспаривания.

Снижающаяся реальная динамика количества участников протестных акций[571] подтверждает тезис А. Кинсбурского о сокращении потенциала протеста в силу определённого разочарования в эффективности протестных действий как способа разрешения политических и экономических проблем. Значимым фактором снижения протестной активности считается ужесточение правил проведения массовых политических мероприятий и усиление ответственности за их нарушение. «Вполне естественным стремлением большинства

---

[570] Акция «за честные выборы». Москве. Главное //Информационный портал РБК. 27.06.2019. https://www.rbc.ru/politics/27/07/2019/5d3c8a7c9a7947630f84424a (дата обращения: 12.10.2020)

[571] Например, см. *Савенков Р.В.* Политическая система Белгородской области: возможности общественного участия в выработке внутриполитической повестки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. №3. С. 10-13.

законопослушных граждан является нежелание участвовать в несанкционированных протестных действиях»[572]. Политическая протестная активность зависит не столько от уровня недовольства граждан, сколько от активности институциональных акторов, а также от одиночных, ситуативных политических проблем того или иного региона[573].

Жители крупных городов («самодостаточные») выдвигают требования политического обновления, в то время как в остальных частях страны преобладают социально-экономические местные требования. Своеобразным фронтиром качества протестных действий становится мегаполис-остальная страна. Протестные акции в России носили локальный, а не массовый, общероссийский характер, требуя от властей решения своих конкретных неполитических проблем. Акции вокруг федеральных (монетизация льгот, выступления дальнобойщиков) и региональных тем (Химкинский лес 2007-2012 гг., «Допускай!» в 2019 г. в Москве) не вынудили власти удовлетворить требования протестующих в полном объеме. Количество результативных защитных протестных акций незначительно (дело Щербинского 2005 г., Охта-Центр в Санкт-Петербурге 2006-2007 гг., парк в Екатеринбурге 2019 г., Шиес в Архангельской области). Протестные акции не создавали основ для будущей самоорганизации и солидарности граждан, не становились темой дискуссий в федеральных СМИ. В протестных неполитических кейсах власти шли на некоторые уступки, вели переговоры с протестующими по решению социально-экономических, ценностных вопросов.

В тоже время всплески социальных протестов задают обществу значимый образец массовых действий на перспективу, которые используются в иных условиях, иных уровнях организованности и направленности[574]. Динамика протестной активности, репертуар действий протестующих и власти является

---

[572] *Кинсбурский А.В., Топалов М.Н.* Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1. С. 31.
[573] Гражданское и политическое в российских общественных практиках… С. 388.
[574] *Левада Ю.А.* Ищем человека: Социологические очерки, 2000-2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 139.

существенным триггером коррекции структурных факторов публичного оспаривания.

§ 2. Правовые возможности и ограничения публичного оспаривания

В работах Ч. Тилли и С. Тэрроу было сформулировано понимание политико-правовых возможностей конфликтного коллективного действия. Действия властей, повышающее издержки активности граждан названы *репрессиями*, а действия по понижению издержек коллективного действия – *помощью*. Рассмотрим трансформацию политико-правовых возможностей публичного оспаривания, динамику репрессий и помощи в гражданской и политической сферах в России начала XXI века. Отчетливо выделяются два периода: I период - 2000-2011 гг.; II период – 2011-2020 гг.[575] По общему мнению социологов и политологов, в первом периоде (в «тучные нулевые») масштабы публичного оспаривания в гражданской сфере были ниже, чем в последующее десятилетие, что не создавало потребностей в подробной регламентации этого вида активности. В то же время изменение политико-правовых возможностей в политической (электоральной и партийно-парламентской) сфере было интенсивным на протяжении всего хронологического периода. Во второй период количество акций публичного оспаривания возросло, что создало необходимость более подробной регламентации правил публичной критики и протестного действия. В политической сфере, напротив, зафиксировано формальное снижение требований к потенциальным субъектам, увеличилось количество участников электорального процесса.

Органы государственной власти практически не изменяли законодательство, регламентирующее критику, публичные мероприятия, деятельность НКО в гражданской сфере в 2000-е гг. Это связано с низкой общественной самоорганизацией, незначительным влиянием активности на

[575] *Савенков Р.В.* Трансформация политико-правовых возможностей в современной России // Государственное управление. Электронный вестник (E-journal „Public Administration). 2020. №79. С.170-192.

интенсивность публичного оспаривания в гражданской и политической сферах. Локальные и всероссийские (монетизация льгот) акции протеста 2000-х годов не оспаривали сложившуюся систему распределения властных полномочий. Власти имели возможность демобилизовать протестные действия путем частичного удовлетворения требований протестующих в рамках существующих политико-правовых возможностей.

Правовые возможности публичного оспаривания на *дискурсивной и протестной площадках* в первый период практически не изменялась. В федеральный закон от 19.06.2004 №54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – ФЗ «О собраниях») было принято три поправки: 08 декабря 2010 г. 07 февраля и 08 декабря 2011 г. Поправки касались возможности использования транспортных средств и корректировки названий органов власти[576]. В нормативно-правовых актах сохранялся уведомительный порядок создания общественных объединений, но с обязательной регистрацией из-за угрозы появления экстремистских организаций. Отсутствие ограничений не позволило сформироваться демократической публичной сфере, где артикулируются и отстаиваются альтернативные политические проекты, соперничество между которыми влияет на формирование общественного мнения[577]. Сохранялись сущностные стороны общественной жизни, наблюдаемые ещё в 1990-х гг.: во-первых, существование разрыва между публичной, демократической формой правления и действительным способом отправления власти, деятельности правящих кругов; во-вторых, монополизации непубличной властью всей социальной мощи, сохранением за властью позиции структурообразующего стержня местной и общенациональной жизни[578].

Напротив, изменения институциональных возможностей для политического оспаривания - избирательного и партийного законодательства – в

---

[576] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[577] *Малинова О.Ю*. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2007. - №1. С. 6.

[578] *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. С. 18.

2000-2011 гг. отличаются ужесточением требований. В 1998 г. в законе «Об общественных объединениях» появилось понятие «политическое общественное объединение», которое определялось как «общественное объединение, в уставе которого в числе основных целей должны быть закреплены участие в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации»[579]. Для участия в выборах общественным объединениям достаточно было внести соответствующие поправки в свои уставы.

Федеральный закон от 11.07.2001 №95-ФЗ «О политических партиях» наделял партии исключительным правом выдвигать кандидатов на федеральных и региональных выборах. Партии могли быть только общероссийскими и должны были иметь в своих рядах не менее 10 тыс. членов и отделения не менее чем в половине субъектов РФ. Законом также вводилось государственное финансирование политических партий, набравших на выборах депутатов Государственной Думы не менее 3% голосов избирателей.

В 2002 г. были внесены изменения в избирательное законодательство: альтернативой сбору подписей при регистрации кандидатов стал избирательный залог, отменено выдвижение кандидатов группой избирателей, сохранив для непартийных претендентов только процедуру самовыдвижения. В сентябре 2004 г. было в пять раз увеличено требование к минимальной численности членов политических партий – с 10 тыс. до 50 тыс. членов. В это же время были отменены прямые выборы глав администраций субъектов Российской Федерации, а в 2005 г. – выборы в Государственную Думу полностью переведены на пропорциональную систему с заградительным барьером для распределения мандатов до 7%. В 2005 г. были отменены избирательные блоки, непартийные общественные объединения лишались права направлять наблюдателей на

[579] Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева. М. : «Товарищество научных изданий «КМК», 2015. С. 57.

избирательные участки, ужесточались правила регистрации по подписям, а также были введены два единых дня голосования в год (весной и осенью).

В 2006 г. были отменены графа «против всех» и нижний порог явки, запрещены выдвижение членов одних партий по списку других и критика соперников в телеэфире, введены дополнительные ограничения пассивного избирательного права. В 2009 г. был отменен избирательный залог, а непартийные общественные объединения потеряли право выдвигать списки кандидатов на муниципальных выборах. В 2010 г. партии получили некоторое расширение возможностей: партийные списки партий, набравших более 5%, но менее 7% на выборах депутатов Государственной Думы, могли получить 1-2 мандата[580]. В результате трансформации партийно-избирательного законодательства количество партий, обладающих правом выдвигать кандидатов на выборах, сократилось с 46 до 15 - к 2007 г. и до 7 – к 2009 г.

Таким образом, в рассматриваемый период сокращение политико-правовых возможностей для публичного оспаривания касалось институционализированных форм – деятельности политических партий. Возможности публичного оспаривания на электоральной и партийно-парламентской площадках были существенно ограничены, степень открытости политической системы для новых акторов снизилась, а оставшиеся оппозиционные партии были дезориентированы и ослаблены. Репрессии (Ч. Тилли) существенно снижали мобилизационный потенциал оппозиции, её возможности оспаривать политические проекты, предлагать собственные проекты, добиваться правовых последствий своих действий.

Второй хронологический период начинается волной массовых протестов в обеих столицах России в конце 2011 г., которую спровоцировали сообщения о нарушениях при подсчете голосов на выборах депутатов Государственной Думы 4 декабря 2011 г. По наблюдениям организаторов, в коллективных действиях приняли участие более ста тысяч человек. Коллективные действия

[580] Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов… С. 57-61.

«рассерженных горожан» 2011-2012 гг. своим масштабом оказали двойственное влияние на политическую систему. Протестные акции в столице были оценены властью как сбой сложившихся к тому моменту в России политических и электоральных практик, что привело к кадровым перестановкам в Администрации Президента России. С 27 декабря 2011 года первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ («куратором внутренней политики» в России) был назначен В. Володин. В течение последующих четырех лет Кремль в целом сформировал новое качество политической системы[581]. На первый взгляд, были созданы дополнительные институциональные возможности для коммуникации граждан с властью, а также электорального влияния гражданского общества на политические решения. В марте 2016 года объявлено о новом составе Центральной избирательной комиссии РФ, председателем которой была избрана Элла Памфилова, в прошлом председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Это назначение должно было улучшить имидж ЦИК РФ и повысить доверие к результатам голосования. С другой стороны, в гражданской сфере начинается трансформация политико-правовых возможностей, а именно правил проведения публичной критики и дискуссии, публичных мероприятий, деятельности НКО, участвующих в политической деятельности.

Изменения правовых возможностей на *дискурсивной площадке* началось в 2014 г., когда в федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» внесены изменения, обязующие владельцев интернет-сайтов и интернет-страниц, доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей (блогеров), регистрироваться в Роскомнадзоре, соблюдать требования законодательства, регулирующие порядок распространения массовой информации, проверять достоверность размещаемой общедоступной информации до её размещения и незамедлительно удалять

[581] Развитие институтов и накопление качества. Российская политическая система между федеральными выборами 2011 и 2016 года. ReThinkingRussia, 2016. 18 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rethinkingrussia.ru/wp-content/uploads/2015/12/Развитие-институтов_RR.pdf

недостоверную информацию[582]. Эта попытка регламентации контента в Интернет вызывала волну недовольства и провалилась из-за технической неготовности осуществлять надзор контролирующим органом. Через три года данные положения федерального законодательства были отменены из-за трудностей организации ведения реестра блогеров[583].

В 2017 г. приняты поправки в ФЗ «О средствах массовой информации», вводящие понятие «средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента». СМИ в статусе «иностранного агента» обязано выполнять требования, предъявляемые к НКО, признанным «выполняющим функции иностранного агента»[584]. Документ дополняет Кодекс РФ об административных правонарушениях новой статьей - «Нарушение порядка деятельности иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента или учрежденного им российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента»[585]. Иностранные структуры без образования юридического лица, признанные СМИ-иноагентами, будут нести административную ответственность как юридические лица. В развитие и дополнение этого закона в 2019 г. была одобрена законодательная инициатива, которая обязывает СМИ, выполняющие функции иностранного агента, для работы в России учреждать российское юридическое лицо, позволяет признавать СМИ-иноагентом физическое лицо за распространение сообщений или

---

[582] Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты РФ по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СПС КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/law/hotdocs/33472.html/

[583] Роскомнадзор прекращает вести реестр блогеров // Официальный сайт Роскомнадзора. https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news48342.htm (дата обращения: 19.08.2020).

[584] Ст. 1. Федеральный закон от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[585] Нарушение порядка деятельности СМИ-иноагента повлечет за собой штрафы для граждан в размере 10 тыс. рублей, в случае повторного совершения таких деяний санкции возрастут для граждан до 50 тыс. руб. Кроме того, предусмотрена и максимальная ответственность за грубые нарушения порядка деятельности СМИ-иноагента в виде штрафа для граждан в размере 100 тыс. рублей или арест на срок до 15 суток, для должностных лиц - штраф в размере 200 тыс. рублей, для юридических лиц - 5 млн рублей. При этом под грубым нарушением будет пониматься неоднократное (более двух раз в течение года) нарушение закона о СМИ-иноагентах, совершенное как средством массовой информации, так и учрежденным им российским юридическим лицом, его сотрудником или представителем.

материалов (в том числе в интернете), предназначенных для неограниченного круга лиц, и получение финансирования из-за рубежа[586].

В 2019 г. принят ряд НПА, регламентирующих правила публичной дискуссии и критики. Весной внесены поправки в законодательство, запрещающие распространение в Интернет «информации, выражающейся в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам РФ, Конституции РФ или органам, осуществляющим государственную власть в РФ»[587]. Закон запрещает распространять в Интернете информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, недостоверной общественно-значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности, либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ»[588].

В Кодекс об административных правонарушениях внесены поправки, согласно которым распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу,

---

[586] Путин подписал … Информация ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/7356787

[587] Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[588] Ст. 15.3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности, влечет наложение административного штрафа[589]. Закон также предусматривает блокировку ресурса, опубликовавшего фейковую новость. Если СМИ незамедлительно не удалит недостоверную информацию по требованию Роскомнадзора, то доступ к сайту ограничат.

В декабре 2020 г. повышена административная ответственность за оскорбление в сети Интернет[590] и уголовная ответственность за клевету – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию[591]. Владельцы социальных сетей обязаны препятствовать распространению в социальных сетях информации в противоправных целях, обеспечивать соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций при распространении информации в социальных сетях, осуществлять мониторинг социальных сетей в целях выявления информации, запрещённой к распространению в соответствии с законодательством Российской Федерации[592], в КоАП внесены дополнения, вводящие санкции за неисполнение данных обязательств[593]. В декабре 2020 г., реагируя на публичные дискуссии о законности возвращения полуострова Крым в состав РФ, введена административная и уголовная ответственность за призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ[594]. В феврале 2021 г. установлена административная ответственность за распространение информации о НКО и физических лицах, выполняющих функции иностранного агента, без указания на их статус «выполняющие функции иностранного агента», нарушение обязанностей физического лица, выполняющего функции иностранного агента[595].

---

[589] На граждан в размере от 30 тыс. 100 тыс. рублей с конфискацией предмета административного правонарушения и до 400 тыс. руб. в зависимости от последствий. Ст. 13.15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
[590] Официальный сайт Президента Российской Федерации // http://www.kremlin.ru/acts/news/64822 (дата обращения: 09.03.2021).
[591] Указ. соч. http://www.kremlin.ru/acts/news/64846 (дата обращения: 09.03.2021).
[592] Официальный сайт Президента Российской Федерации // http://www.kremlin.ru/acts/news/64829 (дата обращения: 09.03.2021).
[593] Там же. http://www.kremlin.ru/acts/news/64819 (дата обращения: 09.03.2021).
[594] Там же. http://www.kremlin.ru/acts/news/64608 (дата обращения: 09.03.2021).
[595] Там же. http://www.kremlin.ru/acts/news/65056 (09.03.2021).

Исследователи фиксируют усиление правовой регламентации дискуссий в Интернет и «делиберализацию» онлайновой политической повестки[596]. С точки зрения законодателя главным источником недостоверного информационного контента являются зарубежные страны и финансируемые ими СМИ, что привело к созданию особого юридического статуса «СМИ, выполняющие функции иностранного агента». Новый статус должен подрывать доверие к распространяемой информации, вводит дополнительные отчетные мероприятия и повышенную ответственность за нарушение правил публичной дискуссии.

Самые многочисленные изменения в ФЗ «О собраниях», регламентирующим оспаривание на *протестной площадке*, были внесены летом 2012 г. Новые требования предъявлялись к организаторам и участникам. Выступать организаторами публичного мероприятия запрещено гражданам, два и более раза привлекавшимся к административной ответственности за нарушение правил проведения публичных мероприятий. Организатор обязан принять меры по недопущению превышения указанного в уведомлении на проведение публичного мероприятия количества его участников, если превышение количества таких участников создает угрозу общественному порядку и (или) общественной безопасности. Организатор публичного мероприятия, в случае неисполнения им своих обязанностей, несет гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный участниками публичного мероприятия. Участники публичных мероприятий не вправе скрывать свое лицо, в том числе использовать маски, средства маскировки, иные предметы, специально предназначенные для затруднения установления личности.

С 2012 г. проводится ужесточение (повышение суммы штрафов) административного наказания за нарушение правил проведения публичного мероприятия в Кодексе об административных правонарушениях (статьи 5.38, 19.3, 20.2, 20.18)[597]. Введены новые статьи с санкциями за нарушение правил

---

[596] *Малышева Г.А., Михайленок О.М.* Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. №3. С. 82.

[597] Наказание со штрафа в 100 руб. возросло до 100 тыс. руб. (ст. 20.18, блокирование транспортных коммуникаций) до 20 тыс. (ст. 20.2, нарушение организатором публичного мероприятия порядка организации и проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования).

публичного оспаривания: организация массового одновременного пребывания или передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка[598]. Внесенные изменения в законодательство стали основанием для обращения группы депутатов Государственной Думы в Конституционный Суд РФ, т.к. новации «содержат необоснованные и чрезмерные ограничения права на свободу мирных собраний, не обусловленные конституционно признанными целями и посягающие на само существо данного конституционного права»[599]. Конституционный Суд РФ в целом признал большинство новелл соответствующих Основному закону, но дал их толкование в интересах граждан, их права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Поправками 2012 г. введена обязанность для исполнительных органов власти субъекта РФ определить единые специально отведенные или приспособленные места (гайд-парки) для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также для массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем общественно-политического характера. Минимальная численность по региональным нормам не может быть менее ста человек. Указанную федеральную норму необходимо было закрепить на региональном уровне: добиться от властей определение гайд-парков в публичных местах, а не на окраинах населенного пункта, как это попытались сделать в некоторых городах.

В 2014 г. введено требование для журналиста, работающего на публичном мероприятии, иметь документ, удостоверяющий личность и полномочия, а также иметь отличительный знак представителя СМИ[600]. Летом 2014 года введена

---

[598] Штраф до 20 тыс. руб., при причинении вреда здоровью или имуществу – до 300 тыс. руб. (20.2.2).

[599] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 г № 4-П «По делу о проверке конституционности федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[600] Федеральный закон от 21.07.2014 № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

уголовная ответственность за неоднократные нарушения правил организации и проведения публичных мероприятий. Нарушителям грозит до пяти лет лишения свободы или штраф до миллиона рублей[601]. В это же время увеличились штрафы за участие в несанкционированном собрании, митинге[602].

В 2016 г. в законодательство введено понятие «быстровозводимых сборно-разборных конструкций», использование которых при одиночном пикете требует уведомления[603]. В 2017 г. правила проведения публичного мероприятия были распространены на мероприятия депутатов представительных органов государственной и муниципальной власти по информированию избирателей о своей деятельности[604]. С 2018 г. организатор публичного мероприятия в случае отказа от его проведения обязан принять меры по информированию граждан и уведомить в письменной форме соответствующие органы власти[605]. В 2018 г. было введено наказание за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированном публичном мероприятии[606].

В рассматриваемый период правоприменительная практика показала стремление муниципальных властей не согласовывать (ограничивать) проведение протестных акций. В 2017 г. к Уполномоченному по правам человека в РФ поступило 51 обращение от граждан с жалобами на нарушение права на свободу собраний, из них 39% касались немотивированных отказов в проведении публичного мероприятия, которые заявители получали накануне проведения акции или вообще не получали ответов. В ряде жалоб был поднят вопрос о привлечении к административной ответственности за организацию или участие

---

[601] В. Путин ужесточил наказание за беспорядки на митингах // Российская газета. 22.07.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2014/07/22/mitingi-anons.html, 29.09.2015. (дата обращения: 12.03.2016).

[602] Штрафы выросли с 1 тыс. руб. до 300 тыс. руб. в зависимости от масштабов последствий публичного мероприятия; организация публичного мероприятия без подачи уведомления - до 30 тыс. руб., нарушение порядка проведения публичного мероприятия до 20 тыс. руб. (с 1 тыс. руб.).

[603] Федеральный закон от 09.03.2016 № 61-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[604] Федеральный закон от 07.06.2017 № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[605] Федеральный закон от 11.10.2018 № 367-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[606] До 50 тыс. руб., либо административный арест на срок до 15 суток.

в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка. Заявители указывали на несогласие с судебными решениями, основанными исключительно на документах, представленных полицией, при игнорировании доказательств стороны защиты, на «конвейерный» характер судебных заседаний, на чрезмерно строгие наказания за формальные нарушения правил проведения публичных акций, на игнорирование судами смягчающих обстоятельств и др.[607]

Конституционный Суд РФ защитил права граждан: орган публичной власти не может «не разрешить» проведение публичного мероприятия, он вправе лишь предложить изменить место и (или) время его проведения. Предложение обязательно должно быть мотивированным и вызываться либо необходимостью сохранения нормального и бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной или транспортной инфраструктуры, либо необходимостью поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан (как участников публичного мероприятия, так и лиц, которые могут находиться в месте его проведения в определенное время), либо иными подобными причинами. Понятие «мотивированное предложение» по его конституционно-правовому смыслу означает, что в решении должны содержаться веские доводы в обоснование того, что проведение публичного мероприятия не просто нежелательно, а невозможно в связи с необходимостью защиты публичных интересов[608].

Как было указано выше, организаторов публичных мероприятий часто привлекали к административной ответственности за несоблюдение правил их проведения. Наиболее распространенным «нарушением» стало превышение реального числа участников акции к заявленной в уведомлении. В связи с этим Конституционный Суд РФ указал, что участие в публичном мероприятии большего, чем было заявлено его организатором в уведомлении, количества участников не является основанием для привлечения его к административной

---

[607] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета. 17.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html

[608] *Жестовская Д.А.* Согласование места и времени публичного мероприятия: способ защиты прав или инструмент их ограничения // Петербургский юрист. 2016. №1. С. 45.

ответственности, равно как и само по себе превышение нормы предельной заполняемости территории (помещения) в месте проведения публичного мероприятия. «Административная ответственность за нарушение установленного порядка проведения публичных мероприятий… может наступать только в том случае, когда превышение заявленного в уведомлении количества участников публичного мероприятия и создание тем самым реальной угрозы общественной безопасности и правопорядку было обусловлено деянием организатора этого публичного мероприятия или когда организатор публичного мероприятия, допустив превышение количества его участников, не принял меры, которые обязан был принять»[609]. Несмотря на поддержку Конституционным Судом РФ указанных конкретных прав граждан на собрания и митинги, суды общей юрисдикции по всей стране успели вынести обвинительные приговоры (в основном штрафы), осуществив репрессии (Ч. Тилли) в отношении организаторов и активных участников протестной площадки публичного оспаривания.

В декабре 2020 г. внесено изменение в ФЗ «О собраниях», запрещающее проведение публичных мероприятий на территориях, непосредственно прилегающих к зданиям, занимаемым экстренными оперативными службами. Федеральный закон также содержит требование к предварительной агитации по вопросам публичного мероприятия, которая теперь не должна содержать недостоверные сведения о целях, заявленном количестве участников и об иных условиях проведения публичного мероприятия. Кроме того, решением суда публичным мероприятием может быть признано объединённое единым замыслом и (или) общей организацией массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах, направленное на выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны

[609] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу № 12-П/2012 от 18 мая 2012 г. о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

и вопросам внешней политики[610]. Данная норма ограничивала возможности граждан использовать своё право на проведение одиночного пикета без уведомления: например, в поддержку журналиста И. Голунова в 2019 г. граждане по очереди держали один плакат, фактически участвуя в массовом мероприятии.

В декабре 2020 г. усилена уголовная ответственность за хулиганство, совершенное с применением насилия к гражданам или угрозой его применения[611]. Также введена уголовная ответственность за умышленное блокирование транспортных коммуникаций, объектов транспортной инфраструктуры, за воспрепятствование движению транспортных средств и пешеходов на путях сообщения, улично-дорожной сети, если такие деяния создали угрозу жизни, здоровью и безопасности граждан либо угрозу уничтожения или повреждения имущества физических и юридических лиц[612]. В феврале 2021 г. усиливается административная ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудников правоохранительных органов[613].

Таким образом, по мнению юристов, действующее законодательство и правоприменительная практика в сфере свободы публичных собраний носят достаточно рестриктивный характер[614]. Правовое сужение возможностей для выражения своего мнения путем участия в публичном мероприятии свидетельствует не только о несоблюдении баланса публичных и частных интересов, но и о преобладании интересов олигархических групп: «… Законодатели часто действуют в своекорыстных интересах либо в интересах контролирующих их групп, игнорируя интересы населения»[615]. Официальные комментарии Конституционного Суда РФ сохраняют возможность органам муниципальной власти ограничивать право на свободу собраний, что сужает возможности публичного оспаривания на протестной площадке. В то же время

---

[610] Официальный сайт Президента Российской Федерации // http://www.kremlin.ru/acts/news/64810 (дата обращения: 09.03.2021).
[611] *Там же.* http://www.kremlin.ru/acts/news/64851 (дата обращения: 09.03.2021).
[612] *Там же.* http://www.kremlin.ru/acts/news/64820 (дата обращения: 09.03.2021).
[613] *Там же*. http://www.kremlin.ru/acts/news/65057 (дата обращения: 09.03.2021).
[614] *Саленко А.В.* Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» // Журнал российского права. 2019. №8. С. 52.
[615] *Нудненко Л.А.* Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. №9. С. 54.

активные граждане «изобретали» новые виды публичного выражения своего несогласия, пока не имеющие правовой регламентации.

На втором этапе (2011-2020 гг.) были введены новые правовые понятия в отношении НКО, СМИ и физических лиц, изменяющие в публичной и правовой сферах статус участников публичного оспаривания, получающих финансовые средства от иностранных организаций и граждан. 20 июля 2012 г. в федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» внесено понятие «некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента» - российская НКО, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств и иных субъектов, участвующих в интересах иностранных источников в политической деятельности на территории РФ. Под политической деятельностью понималась организация и проведение политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях[616].

Впоследствии понятие «политическая деятельность» в данном законе несколько раз менялось, получив в декабре 2019 г. широкую интерпретацию. Под политической деятельностью в РФ понимается «деятельность в сфере государственного строительства, защиты основ конституционного строя Российской Федерации, федеративного устройства Российской Федерации, защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, внешней политики, социально-экономического и национального развития Российской Федерации, развития политической системы, деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина в целях оказания влияния на выработку и реализацию

[616] Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

государственной политики, формирование государственных органов, органов местного самоуправления, на их решения и действия. Указанная деятельность осуществляется в следующих формах:

- участие в организации и проведении публичных мероприятий в форме собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований, либо в различных сочетаниях этих форм, организации и проведении публичных дебатов, дискуссий, выступлений;
- участие в деятельности, направленной на получение определенного результата на выборах, референдуме, в наблюдении за проведением выборов, референдума, формировании избирательных комиссий, комиссий референдума, в деятельности политических партий;
- публичные обращения к государственным органам, органам местного самоуправления, их должностным лицам, а также иные действия, оказывающие влияние на деятельность этих органов, в том числе направленные на принятие, изменение, отмену законов или иных нормативных правовых актов;
- распространение, в том числе с использованием современных информационных технологий, мнений о принимаемых государственными органами решениях и проводимой ими политике;
- формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения опросов общественного мнения и обнародования их результатов или проведения иных социологических исследований;
- вовлечение граждан, в том числе несовершеннолетних, в указанную деятельность;
- финансирование указанной деятельности»[617].

[617] Федеральный закон от 02.06.2016 № 179-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

Таким образом, произошла политизация практически всех видов публичного оспаривания, что усиливает его правовую регламентацию. Новые требования, предъявляемые к политическому дискурсу и действию, введение особого статуса для граждан и НКО, получающих зарубежные гранты, неизбежно снижают мотивацию граждан к активности в сфере публичной политики. Подтверждается наблюдение Ч. Тилли о большей привлекательности для власти предварительных действий по затруднению подготовки коллективного мероприятия и мобилизации его потенциальных участников, чем ограничение уже развернувшегося публичного действия.

Для НКО, выполняющих функции иностранного агента, установлена необходимость более частых отчетов и указания своего статуса при публикации материалов. Согласно закону, финансируемые из-за рубежа «политические» некоммерческие организации должны самостоятельно регистрироваться в Минюсте в качестве «иностранных агентов». Закон предусматривает ведение реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Заявление о включении в указанный реестр должно быть подано НКО до осуществления ею деятельности в качестве иностранного агента. Годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность таких организаций, а также структурных подразделений иностранных некоммерческих неправительственных организаций, подлежит обязательному аудиту[618]. В 2014 году издан Федеральный закон, позволяющий Министерству юстиции РФ самостоятельно включать российские НКО в Реестр организаций «иностранных агентов»[619].

Правовым ограничениям подверглись НКО, взаимодействующие с США. В декабре 2012 г. принят федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод граждан Российской Федерации», представляющий возможность федеральным органам власти приостанавливать деятельность некоммерческих организаций, которые

---

[618] Ст. 24, 32. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. 02.12.2019) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[619] Федеральный закон 121 «Об иностранных агентах» // РИА-Новости. - 16.06.2014. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20140616/1011656413.html

участвуют в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и безвозмездно получают денежные средства и иное имущество от граждан (организаций) Соединенных Штатов Америки или реализуют на территории Российской Федерации проекты, программы, либо осуществляют иную деятельность, которые представляют угрозу интересам Российской Федерации. В случае приостановления деятельности некоммерческой организации приостанавливаются ее права как учредителя средства массовой информации, ей запрещается организовывать, проводить массовые акции и публичные мероприятия, участвовать в них, использовать банковские счета и вклады. Деятельность организации может быть возобновлена при отказе от получения денежных средств от граждан США[620].

Весной 2015 года принят Федеральный закон о так называемых «нежелательных» иностранных организациях в России. Закон подразумевает, что таковой может быть признана иностранная или международная, но только неправительственная организация, «представляющая угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны и безопасности государства». Решение о признании организации нежелательной принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителями по согласованию с МИД РФ. В таком же порядке решение может быть отменено[621].

В мае 2015 года Совет Федерации России направил в Прокуратуру РФ так называемый «патриотический стоп-лист», включающий в себя ряд иностранных или международных неправительственных организаций. По мнению СФ РФ данные организации выделяются своей антироссийской ангажированностью и поэтому на них должны быть распространены действующие нормы российского законодательства о признании нежелательной их деятельности. В обращение сенаторов вошли 12 иностранных неправительственных организаций[622]. Таким

---

[620] Ст. 3. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[621] Путин подписал закон о «нежелательных» организациях // Информационное агентство России – ТАСС [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/politika/1990676

[622] Информационное агентство России – ТАСС [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/politika/2099879

образом, во внутренней политике проводятся мероприятия по усилению контроля над НКО, участвующими в политической деятельности за счет средств зарубежных грантов, запрета деятельности зарубежных и международных НКО, заподозренных в антиконституционной деятельности. К декабрю 2020 г. статус нежелательных в России получила 31 зарубежная НКО и Фонд[623].

В это же время внесены поправки в УК РФ, согласно которым вводилась уголовная ответственность за руководство деятельностью на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности в соответствии с законодательством страны[624]. При этом лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, освобождается от уголовной ответственности[625]. Широко известными стали два уголовных дела по этой статье.

В январе 2019 г. Совет по правам человека при Президенте РФ сделал заявление в связи с заведением первого уголовного дела в отношении А. Шевченко, члена совета организации «Открытая Россия». По мнению Совета, статья слишком суровая, т.к. А. Шевченко не обвиняется в совершении насильственного преступления, причинении вреда здоровью граждан, их имуществу, окружающей среде, общественному порядку или общественной безопасности. Таким образом, реальная степень общественной опасности деяния, в связи с которым возбуждено уголовное дело, является незначительной. Совет считает уголовную ответственность по данной статье, при привлечении ранее к

---

[623] Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации // https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/ (дата обращения: 20.01.2021).

[624] Ст. 1. Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[625] Санкции представляют собой штраф в размере от 300 тыс. до 500 тыс. рублей, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо принудительные работы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишение свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет. Ст. 284.1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

административной ответственности за такое правонарушение, чрезмерной[626]. Весной 2021 г. суд приговорил А. Шевченко к четырем годам лишения свободы условно, при этом два года она уже провела под домашним арестом. Трагически закончилась жизнь свидетеля по такому же делу: И. Славина после обыска в своей квартире совершила акт самосожжения перед зданием ГУ МВД России по Нижегородской области в октябре 2020 г.

В декабре 2018 г. внесены важные поправки об участии иностранных НКО в избирательном процессе и организации референдума: «деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, в том числе способствующая либо препятствующая выдвижению кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации»[627]. Позднее в данный нормативный акт внесено понятие «владельца информационного ресурса в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», причастного к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», в случае дискриминации в отношении материалов российских СМИ[628].

Официально озвученной причиной последующих изменений правовых возможностей гражданской активности стало стремление к снижению негативного влияния иностранных государств и НКО. В декабре 2020 г. введен следующий пакет изменений:

---

[626] Заявление Совета при Президента РФ по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. 24.01.2019. URL: http://president-sovet.ru/documents/read/628/

[627] Федеральный закон от 27.12.2018 № 555-ФЗ «О внесении изменения в статью 3.1 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

[628] Официальный сайт Президента Российской Федерации // http://www.kremlin.ru/acts/news/64800 (дата обращения: 09.03.2021).

- введение понятия незарегистрированного общественного объединения, выполняющего функции иностранного агента, и создание механизма контроля за деятельностью таких общественных объединений;
- уточнение определения некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, и связанное с этим введение понятия посредника при получении денежных средств и (или) иного имущества;
- корректировку норм, касающихся проведения проверок некоммерческих организаций;
- введение понятия физического лица, выполняющего функции иностранного агента, и создание механизма контроля за деятельностью таких физических лиц;
- требования к обязательной маркировке материалов иностранных агентов, а также запрет на распространение в средствах массовой информации указанных материалов без соответствующей маркировки;
- введение запрета на допуск физических лиц, выполняющих функции иностранного агента, к государственной тайне и назначение их на должности в государственных органах и органах местного самоуправления[629].

В целях повышения открытости и прозрачности деятельности лиц, получающих зарубежное финансирование и участвующих в политических процессах на территории страны, Уголовный кодекс введена ответственность за уклонение от обязанностей по предоставлению документов, необходимых для включения в реестр общественных объединений, функционирующих без приобретения статуса юридического лица и получающих денежные средства из иностранных источников, а также по представлению заявления о включении в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента[630].

Ужесточены требования к сбору денежных средств для организации и проведения публичных мероприятий: денежные средства собираются только на указанный в уведомлении банковский счет, приём наличных денежных средств

[629] *Там же.* http://www.kremlin.ru/acts/news/64782 (дата обращения: 09.03.2021).
[630] *Там же.* http://www.kremlin.ru/acts/news/64818 (дата обращения: 09.03.2021).

не допускается, неизрасходованные денежные средства возвращаются пропорционально вложенным средствам. Запрещено принимать денежные средства для организации публичного мероприятия от иностранных граждан и организаций, российских НКО и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента, от анонимных жертвователей и юридических лиц, зарегистрированных менее чем за один год до дня перечисления[631].

В этот же период была оказана «помощь» (Ч. Тилли) лояльным общественным организациям. 15 октября 2015 года на закрытом семинаре для социально ориентированных НКО, подготовленном Общественной палатой РФ при поддержке Администрации Президента, было решено разработать концепцию развития некоммерческих организаций. Кроме того, обсуждалась эффективность работы НКО за границей и в провинциальных населенных пунктах России. Обсуждались критерии отнесения НКО к социальноориентированным. Первый заместитель руководителя администрации Президента России В. Володин пояснил, что внимание государства к третьему сектору будет только возрастать, поскольку это один из самых растущих секторов экономики в мире[632].

По словам Президента России В. Путина, в 2015 году государственная поддержка некоммерческим организациям составила почти шесть миллиардов рублей[633]. Премьер-министр России Д. Медведев подписал распоряжение о распределении субсидий в размере 621 миллиона рублей между 55 субъектами Федерации, прошедшими конкурсный отбор. Данные средства будут использованы для реализации субъектами Федерации программ поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций[634]. Например, объем поддержки лояльных НКО в 2020 г. составил 11 млрд. руб., а в 2021 г. сумма

---

631 *Там же.* http://www.kremlin.ru/acts/news/64849 (дата обращения: 09.03.2021).

632 НКО решили посчитать и умножить // Коммерсант. №191. 16.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2832883

633 Форум активных граждан «Сообщество» // Официальный сайт Президента России http://www.kremlin.ru/events/president/news/50631

634 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.10.2015 № 2029-р // Сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://government.ru/docs/all/103759/

грантов запланирована в 10 млрд. руб.[635] Самыми крупными операторами грантовых конкурсов стали Фонд президентских грантов и Президентский Фонд культурных инициатив, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова[636].

Таким образом, мы фиксируем сужение возможностей публичного оспаривания в гражданской сфере, ужесточение санкций в отношении нарушителей норм. Основным аргументом объяснения стратегии сокращения возможностей проведения публичных мероприятий стала «защита общественного порядка». Общественная безопасность стала ключевой ценностью и главным аргументом законодателей, выступавших с инициативами изменения норм, регулирующих реализацию свободы собраний. По их мнению, выступления с политическими требованиями усиливают поляризацию граждан, могут привести к стихийным (или запланированным) массовым беспорядкам. Протестное действие в риторике сторонников «сокращения возможностей», выступает как политическая технология, которая может быть использована недобросовестными политиками и иностранными правительствами для дестабилизации политической системы и против интересов российского общества. Вторым их аргументом стала некомпетентность и доверчивость рядовых граждан, которые участвуют в публичном мероприятии под воздействием манипулятивных технологий организаторов – «нечистоплотных политиков». Третий аргумент – необходимость обеспечения безопасности самих организаторов протестов. Четвертый – обеспечение прав и интересов других граждан, которые могут испытывать неудобства от проведения акции[637]. Красной линией в аргументации сторонников ужесточения правил публичного оспаривания проходит уверенность в дестабилизирующим иностранном влиянии

[635] Деньги, капитал и гранты // Российская газета. 20.10.2020. https://rg.ru/2020/10/20/na-proekty-nko-v-2021-godu-vydeliat-10-mlrd-rublej.html (дата обращения: 25.05.2021).
[636] Фонд Президентских грантов https://президентскиегранты.рф, Президентский Фонд культурных инициатив https://фондкультурныхинициатив.рф/public/news/news-list, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. https://gorchakovfund.ru
[637] Массовая политика: институциональные основания. С. 222-225.

на политическую систему России посредством финансовой поддержки профессиональных, но беспринципных политических предпринимателей

В политической сфере в рассматриваемый период произошли многочисленные изменения. На *электоральной площадке* осуществлена постепенная регламентация агитации в сети Интернет. Агитационные материалы, опубликованные в сети, должны изготовляться и оформляться по общим правилам для всех агитационных материалов[638]. В марте 2021 г. внесены изменения в законодательство: избирательным комиссиям предоставляется право обращаться в Роскомнадзор, с представлением о пресечении распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, агитационных материалов, изготовленных и (или) распространяемых с нарушением требований законодательства Российской Федерации, информации, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации. Значительно увеличены размеры административных штрафов за проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума вне агитационного периода и в местах, где её проведение запрещено законодательством о выборах и референдумах, а также за изготовление, распространение или размещение агитационных материалов с нарушением требований законодательства о выборах и референдумах[639].

На *партийно-парламентской площадке* происходит расширение возможностей для деятельности политических партий. Под влиянием протестов в декабре 2011 г. против фальсификации итогов выборов депутатов Государственной Думы, Президент России Д. Медведев озвучил предложения по «либерализации» партийного и избирательного законодательства. В 2012 г. минимальное число членов политической партии было снижено с 40 тыс. до 500 чел., а все зарегистрированные партии освобождались от сбора подписей избирателей; вместо ежегодных отчетов вводилось требование отчета один раз в

---

[638] См. п. 11. Ст. 54. Федеральный закон от 12.06.2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102076507 (дата обращения: 04.04.2021).

[639] Официальный сайт Президента Российской Федерации // http://kremlin.ru/acts/news/65120 (дата обращения: 09.03.2021).

три года; ликвидация партий, не участвующих в выборах, производилась не через 5, а через 7 лет подряд неучастия в выборах[640]. Были восстановлены губернаторские выборы, с одновременным введением «муниципального фильтра» - необходимости сбора подписей региональных и муниципальных депутатов в поддержку выдвижения кандидата на пост. В 2014 г. на выборах депутатов Государственной Думы были возвращены смешанная система и 5% заградительный барьер, а на муниципальных выборах – графа «против всех» по решению региональных законодателей. В избирательном законодательстве в 2012 г. введен единый день голосования – второе воскресенье сентября[641].

В результате реформы 2012 г. количество партий возросло с 7 до 61 – в 2014 г. и до 78 – в 2016 г. В 2016 г. разрешено включение в избирательный список партии членов иных партий на региональных и муниципальных выборах при формировании легислатуры исключительно по пропорциональной системе[642]. Однако увеличение числа партии не привело к изменению расстановки политических сил в Государственной Думе по итогам выборов в 2016 г. или значительному росту представительства непарламентских политических партий в региональных легислатурах[643]. Резонанс вызвали победы на губернаторских выборах трех кандидатов от парламентских КПРФ и ЛДПР в 2018 г., что в целом не изменило правил и результатов публичного оспаривания в гражданской или политической сферах.

Таким образом, своеобразная «институциализация» протеста в 2010-е гг. запустила противоречивые процессы трансформации структуры политико-правовых возможностей: с одной стороны, в рассматриваемый период наблюдается сокращение возможностей для публичного оспаривания в гражданской сфере и формальное их расширение в политической сфере.

---

[640] Федеральный закон от 02.04.2012 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон от 11.07.2001 №95-ФЗ «О политических партиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
[641] Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов… С. 57.
[642] Федеральный закон от 09.03.2016 № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
[643] *Гайворонский Ю.О.* Факторы национализации партийной системы современной России / Ю.О. Гайворонский // Полис. Политические исследования. 2018. №1. С. 45-61.

Рост вовлеченности граждан в дискурсивные и протестные акции, а также уверенность представителей власти о попытках вмешательства в российские политические процессы западных стран – все это подтолкнуло к ужесточению наказаний за нарушение правовых норм, введение новых видов противоправных действий в Кодекс об административных правонарушениях, за которые предусмотрены санкции. В то же время, ограничение возможностей для публичного оспаривания НКО, предполагающих массовую мобилизацию граждан, политические требования и использование иностранных средств, совпало с запуском государственных программ по поддержке лояльных гражданских инициатив, не связанных с публичным оспариванием. Таким образом, чувствительными для власти формами публичного оспаривания в гражданской сфере стали в 2012-2018 гг. массовые публичные мероприятия, а с 2018 г. - публичные дискуссии в СМИ и сети Интернет.

§ 3. Практики публичного оспаривания политических проектов: возможности, ограничения, результаты

По официальной информации в России к 2020 г. из 145 млн. жителей около 100 млн. чел. пользуются Интернет[644]. Такой охват глобальной сетью создает возможности для коммуникации граждан с властью и публичного оспаривания политических проектов в онлайн режиме. Хронологически первой попыткой использовать потенциал цифрового взаимодействия государства и граждан на *дискурсивной площадке* стала реализация концепции «Открытого правительства». Указом Президента РФ от 07.05.2012 г. №601 «Об основных направлениях совершенствования государственного управления» введено требование сформировать систему раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативно-правовых актов, результатах их общественного обсуждения в сети Интернет, создать технические и организационные условия для публичного

[644] Замглавы Минкомсвязи назвал число пользователей интернета в России // РИА-Новости. 30.08.2020 https://ria.ru/20200830/internet-1576488498.html (дата обращения: 02.09.2020).

представления предложений граждан с использованием Интернет и их рассмотрения в Правительстве РФ в случае поддержки не менее 100 тыс. граждан, обеспечить доступ к открытым данным, содержащимся в информационных системах органов государственной власти РФ[645].

Цифровыми площадками дискурсивного оспаривания готовящихся к принятию нормативно-правовых актов стал Федеральный портал проектов нормативных правовых актов[646], созданный во исполнение постановления Правительства РФ от 25.08.2012 г. № 851. Разработчик НПА обязан собирать и публиковать результаты общественного обсуждения проектов решений[647]. В развитие федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[648] в июле 2013 г. правительство обязало госорганы публиковать информацию о своей деятельности в интернете и утвердило перечни такой информации[649]. В январе 2014 г. была утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти[650]. В марте 2014 г. был запущен портал открытых данных Российской Федерации, созданный по запросу Минэкономразвития[651]. В процессе формирования открытого правительства в интернете были также запущены порталы Госуслуг, Госзакупок, проектов нормативно-правовых актов, электронного бюджета, российской общественной инициативы, государственных

---

[645] Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СПС «Консультант Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336/ (дата обращения: 11.07.2020).

[646] Федеральный портал проектов нормативных правовых актов https://regulation.gov.ru (дата обращения: 23.08.2020).

[647] Постановление Правительства РФ от 25.08.2012 № 851 (ред. от 07.05.2020) «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134469/ (дата обращения: 25.08.2020).

[648] Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ // СПС «Консультант Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 20.08.2020).

[649] Постановление Правительства РФ от 10.07.2013 г. №583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-коммуникативной сети «Интернет» в форме открытых данных» // Правовая база «Гарант» https://base.garant.ru/70413590/ (дата обращения: 22.08.2020).

[650] Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // СПС «Консультант Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158273/ (дата обращения: 20.08.2020).

[651] Портал открытых данных Российской Федерации https://data.gov.ru (дата обращения: 22.08.2020).

программ, правовой статистики, правовой информации, оценки регулирующего воздействия, а также единый реестр проверок и проект «Ваш контроль», позволяющий гражданам оценить результаты оказания государственных услуг[652]. Таким образом, в России была сформированы разнообразные платформы для цифрового взаимодействия граждан с властью, способные выполнять функции дискурсивных площадок для публичного оспаривания проектов НПА и политических проектов.

Наиболее востребованной гражданами конвенциональной формой публичного оспаривания в России стала электронная петиция – размещенный в сети Интернет текст, собирающий голоса в поддержку с помощью интернет-технологий. Основным плюсом онлайн-петиции является доступность, возможность каждому гражданину поддержать предложенную идею/проект или сформулировать свою петицию[653]. Указ Президента РФ в 2013 г. развил замысел «майского» указа №601: создана платформа рассмотрения общественных инициатив граждан с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (далее – РОИ)[654]. По правилам РОИ, поддержать подписью петицию могут граждане РФ старше 18 лет, зарегистрированные на портале «Госуслуги», а петиция, собравшая более 100 тыс. подписей, передается в экспертную группу федерального или регионального уровня для рассмотрения, которая принимает мотивированное решение о реализации или отклонении инициативы[655].

За восемь лет существования портала (к марту 2021 г.) было подано 18555 петиций, из которых 37 были рассмотрены экспертной группой и 18 получили положительное решение (менее 1% от поданных). Только половина рассмотренных петиций набрали требуемое количество голосов, а вторая

---

[652] Ваш контроль. https://vashkontrol.ru (дата обращения: 23.08.2020).

[653] *Поршнев А.В., Лячина К.Г.* Анализ динамики электронных петиций на портале «Российская общественная инициатива» // Государство и граждане в электронной среде. 2018. Вып. 2. С. 118.

[654] Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 г. №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Официальный сайт Президента России http://www.kremlin.ru/acts/bank/36853 (дата обращения: 24.08.2020).

[655] Российская общественная инициатива. URL: https://www.roi.ru/page/how-it-works/ (дата обращения: 10.07.2020).

половина была рассмотрена органами власти инициативно, без достижения порога в 100 тыс. подписей. Наибольшая активность граждан проявилась в голосовании по темам «Транспорт и дороги», «Потребители и сервис», «Бизнес» и «Уголовный кодекс»[656]. Небольшой процент результативных петиций не снижает активность граждан и общественных организаций (НКО являются авторами большинства преодолевших порог инициатив) в публикации инициатив. Кроме того, увеличивается количество региональных и локальных инициатив, а количество новых авторов петиций остается постоянным[657]. Однако, наблюдатели скептически оценивают оспаривающий потенциал РОИ, представляя её как публичную манифестацию традиционного для России института «отписки»,[658] замечая, что власти проводят через процедуру общественных инициатив незначимые для граждан решения.

Конкурирующей с РОИ платформой в России является онлайн-ресурс «Петиция Президенту»[659], не публикующая статистики своих обращений. С 2007 г. сбором подписей в поддержку петиций занимается международная платформа Change.org, включающая более 400 млн. человек в 196 странах и работающая на 12 языках[660]. Наибольшее количество петиций в России было подано по темам «Общество» (44%) и «Политика» (18%), «Культура» (11%). Кластерный анализ не выявил различий между регионами в выдвижении электронных петиций, что означает наличие у граждан общих проблем и схожего уровня мотивации к цифровому взаимодействию с государством[661].

С целью вовлечения граждан в создание образа будущего страны в 2020 г. была запущена отечественная интернет-платформа «Страна онлайн». По замыслу организаторов «Народная цифровая платформа» сочетает механизмы «цифровой демократии», позволяя пользователям вместе определять проблемы и участвовать

---

656 *Видясова Л.А., Тенсина Я.Д.* Исследование результативности работы портала «Российская общественная инициатива» // Государство и граждане в электронной среде. 2017. №1. С. 60.
657 *Поршнев А.В., Лячина К.Г.* Анализ динамики электронных петиций… С. 121-122.
658 *Шульман Е.* Суррогаты парламентаризма // Pro et contra. 2014. январь-апрель. С. 129.
659 Петиция Президенту. URL: https://петиция-президенту.рф (дата обращения: 10.07.2020).
660 Change.org. Глобальная платформа для ваших кампаний. URL: https://www.change.org (дата обращения: 10.07.2020).
661 *Радина Н.К., Крупная Д.А.* Цифровое политическое участие... С. 119.

в их решении посредством цифровых сервисов[662]. Платформа собирает все идеи и предложения пользователей, оценивает их качество, а лучшие рекомендует исполнительной и законодательной власти для осуществления. Цифровой сервис дает возможность профессиональным политикам легко отыскивать альтернативные конструктивные идеи и инициативы[663].

Цифровые технологии дают возможность гражданам оспаривать и предлагать свою редакцию проектов нормативно-правовых актов. Специально созданный с этой целью федеральный портал проектов нормативных правовых актов[664] за 8 лет накопил почти 77 тыс. проектов и представляет собой наиболее полный и ценный источник сведений о законопроектной работе органов исполнительной власти. Любой посетитель портала может принять участие в обсуждении любого проекта посредством электронного или бумажного письма. Проблемами результативности платформы стали, с одной стороны, низкая информативность сообщений граждан, а с другой - слабое влияние публичных консультаций на итоговое содержание правового акта[665]. Описанные возможности для публичного оспаривания проектов НПА со стороны граждан не имеют для власти обязательств учитывать эти предложения.

Дискурсивной площадкой для конструктивного публичного оспаривания решений государственной власти стала созданная в 2005 г. Общественная палата РФ. Общественная палата была наделена полномочиями проводить общественную экспертизу и давать заключения на федеральные и региональные законопроекты, НПА Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти. Заключения Общественной палаты подлежат обязательному рассмотрению на пленарных заседаниях обеих палат Федерального Собрания, а также на заседаниях Правительства РФ, коллегией соответствующих федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти и

---

[662] Страна Онлайн // https://stranaonline.ru/terms/about-us (дата обращения: 16.12.2021).
[663] В России появилась платформа для прямой коммуникации общества с властью // Российская газета. 30.09.2020. https://rg.ru/2020/09/30/v-rossii-poiavilas-platforma-dlia-priamoj-kommunikacii-obshchestva-s-vlastiu.html (дата обращения: 16.12.2021).
[664] Федеральный портал проектов нормативных правовых актов https://regulation.gov.ru (дата обращения: 23.08.2020).
[665] Шульман Е. Суррогаты парламентаризма. С. 130.

носят рекомендательный характер[666]. В 2009 г. влиятельность Общественной палаты как институционализированного органа публичного оспаривания была усилена: экспертизу палаты в обязательном порядке проходят все социально значимые законопроекты, а также – касающиеся ограничений граждан.

С 2014 г. структура общественных палат России (федеральная, субъекта Федерации, муниципального образования), общественные советы при федеральных и региональных органах государственной власти получили статус субъектов общественного контроля. Общественный контроль осуществляется в целях наблюдения за деятельностью органов государственной и муниципальной власти, реализующих отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых им актов и принимаемых решений. Общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, а также в формах общественного обсуждения, общественных (публичных) слушаний. Соответствующий федеральный закон даёт определения и основные требования к формам общественного контроля[667]. Таким образом, создана инфраструктура общественных палат и советов, предоставляющих возможности представителям НКО публично оспаривать проекты нормативно-правовых актов и иные проекты решений органов власти и местного самоуправления. Правовая база предусматривает публикацию результатов общественной экспертизы, озвучивание их на заседаниях соответствующих органов.

Общественная палата РФ достаточно активно готовила обязательные для официального рассмотрения заключения на проекты нормативных актов Государственной Думы и Правительства РФ[668]. Существование системы палат и

---

[666] Ст. 18-19. Федеральный закон от 04.04.2005 №32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/ (дата обращения: 22.08.2020).

[667] Ст. 4, 9, 18. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/28d7b2d53fe37b41c89ba7087f9f529fa9b7f2fc/ (дата обращения: 22.08.2020).

[668] См. Экспертные заключения // Общественная палата Российской Федерации. https://www.oprf.ru/1449/2133/1537/views/2676/ (дата обращения: 19.08.2020).

других консультативных советов при органах власти позволяли общественности включать свои требования в политическую повестку дня, не опасаясь обвинений в оппозиционности. В то же время анализ практик представления общественных интересов через палаты в четырех регионах демонстрирует низкий уровень конструктивного взаимодействия и усиления имитационной роли этих структур[669]. По данным ВЦИОМ рейтинг доверия Общественной палаты РФ уступает доверию РПЦ и СМИ[670].

В 2018 г. была запущена онлайн-программа отслеживания реакции региональных властей на жалобы в социальных сетях: чиновники обязаны реагировать и принимать решения по проблемам, описанным гражданами в социальных сетях. Система мониторинга «Инцидент-менеджмент» позволяет отслеживать информационные поводы в пяти социальных сетях и реакцию сообществ на действия властей. Отобранные региональными органами «инциденты» поступают в профильные ведомства для ответа. Система должна научить региональные власти конструктивно работать с проявлениями недовольства граждан в социальных сетях[671].

Мониторингом проблем и недовольства граждан занялись специально созданные во всех субъектах Федерации Центры управления регионом. ЦУРы представляют собой единый пункт анализа проблемных вопросов жителей по всем направлениям, связанным с жизнью региона, подготовки аналитических материалов, характеризующих социально-экономическую ситуацию в области и выработки предложений по дальнейшему развитию. Планируется создание рейтинговой системы оценки результатов деятельности руководителей регионов в зависимости от уровня внедрения передовых цифровых технологий[672].

---

[669] Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией / под редакцией А. Сунгурова. СПб. : «Алетейя», 2020. 252 с.

[670] Рейтинги доверия общественным институтам // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/ (дата обращения: 30.08.2021 г.)

[671] *Антонова Е., Дергачев В.* 2018. Как Кремль будет реагировать на жалобы в соцсетях // РБК. 23.07.2018. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/07/2018/5b50d1579a7947c62c195e8b

[672] Центры управления регионом создали во всех субъектах России // ТАСС. 02.12.2020. https://tass.ru/politika/10148947 (дата обращения: 30.12.2020).

Самым главным политическим проектом 2020 г. стали изменения Конституции России, предложенные Президентом РФ В. Путиным 15 января 2020 г. Действующая редакция Основного закона не была полноценным фундаментом для консенсуса российского политического сообщества: основные цели и идейные положения, распределение полномочий органов власти – всё вызывало споры, критиковалось и оспаривалось. Обсуждение поправок к Конституции на дискурсивной и партийно-парламентской площадках продемонстрировало возможности конструктивного политического оспаривания, стало не только инструментом изменения политических правил, но и средством борьбы за доминирование собственных ценностей[673].

Все участники развернувшейся острой общественной дискуссии рассматривали конституционную реформу в качестве ответа на социальный запрос по преодолению растущего отчуждения общества и власти, выхода из политической стагнации и решению проблем преемственности власти. Часть наблюдателей и экспертов усмотрели в поправках адекватное решение проблемы модернизации политической системы, другие заявляли об их деструктивном, непродуманном, ситуационном характере. Критично оценил форму, стиль, содержание и скорость разработки поправок президент Фонда конституционных реформ О.Г. Румянцев[674]. А. Медушевский уверен, что столь важные инновации не могут быть спонтанными и фиксирует общий замысел и логику конституционной реформы «…поэтапное осуществление продуманного проекта трансформации политического режима, а его параметры могут быть реконструированы исходя из смысла изменений и технологий их осуществления, направленных на достижение определенной политической цели»[675].

Президентом РФ была предложена оригинальная процедура обсуждения и легитимации конституционных поправок. Для подготовки проекта изменений

---

[673] *Малинова О.Ю.* Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993-2020 // Полис. Политические исследования. 2021. №3. С. 25.

[674] *Румянцев О.Г.* Конституционная реформа-2020 и дух Конституции // Фонд конституционных реформ. URL: http://www.rfcr.ru/news/216/ (дата обращения: 22.12.2021).

[675] *Медушевский А.Н.* Конституционные поправки в России 2020 г. как политический проект переустройства государства // Публичная политика. 2020. Том 4. №1. С. 47.

была создана Рабочая группа, включавшая семьдесят пять политиков, общественных деятелей, представителей самых разных творческих профессий[676], разбитых для работы на пять тематических подгрупп. Данная дискурсивная площадка стала основным публичным агрегатором и фильтром поступающих предложений. Президент России В. Путин четыре раза встречался с членами Рабочей группы, подчеркивая важность вовлечения всех активных граждан в подготовку поправок, рассматривая поступающие предложения ещё и как инструмент обратной связи с обществом: «Рядовой гражданин не чувствует своей прямой связи с Основным законом»[677]. Кроме того, Рабочая группа поддержала процедурное предложение главы государства о вступлении в силу подготовленных поправок только после одобрения их гражданами, по итогам общероссийского голосования.

На встречах с В. Путиным члены рабочей группы озвучили множество предложений по самым разным сферам конституционного регулирования, ценностные и социальные тезисы, корректировали формулировки и процедурные механизмы. С целью заручиться публичной поддержкой главы государства, некоторые нарушали порядок выступлений, демонстрируя личную значимость своих предложений и важность публичной дискуссии[678]. Президент РФ предложил систематизировать все поступившие 900 предложений, рассмотреть возможность отражения этих идей в иных нормативно-правовых актах[679].

Экспертное сообщество и политические партии не ограничились подготовкой поправок для Рабочей группы, разработав собственные проекты Основного Закона. Эксперты Фонда «Либеральная Миссия» уверены, что внесенные поправки в Конституцию РФ не просто узаконивают политическое доминирование института Президента, но создают новый политический режим,

---

[676] Распоряжение Президента РФ «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» от 15.01.2020 // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62589 (дата обращения: 20.02.2021).

[677] Встреча В. Путина с членами рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 16.01.2020. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62592 (дата обращения: 20.12.2021).

[678] Встреча В. Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 13.02.2020. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62776 (дата обращения: 20.12.2021).

[679] Встреча В. Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 26.02.2020. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62862 (дата обращения: 20.12.2021).

задающий порядки нового цикла авторитаризации. По мнению М. Краснова, слабостью конституционной конструкции политической системы России остается периферийная роль парламента, его неспособность сдерживать власть президента, что снижает возможности становления нормальной партийной системы и политической конкуренции[680].

На партийно-парламентской площадке противоречивую позицию по проекту Поправки к Конституции РФ заняла КПРФ. Фракция КПРФ на заседании Государственной Думы (на партийно-парламентской площадке) поддержала поправки, внесенные Президентом, и проголосовала за их принятие в первом чтении[681], но воздержалась при голосовании в окончательном, третьем чтении[682]. Лидер фракции Г. Зюганов на встрече с Президентом РФ В. Путиным озвучил поддержанные КПРФ поправки, объявил о внутрипартийной дискуссии по всему проекту[683]. На дискурсивной площадке Г. Зюганов выступил против действующей («ельцинской») Конституции РФ, против вынесенных на голосование поправок, но и против бойкота общероссийского голосования – «идти и голосовать по совести. Пусть каждый проголосует так, как считает нужным»[684]. Такая позиция демонстрирует несогласие с политическим проектом, но не создает ему полноценной альтернативы, помогающей увеличить число сторонников партии. Альтернативная дискуссионная площадка по разработке поправок в Конституцию РФ была создана партией «Яблоко» (Общественный конституционный совет), работа которой завершилась представлением пакета собственных поправок[685].

---

[680] Деконструкция Конституции: Что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе. Серия «Либеральная миссия – Экспертиза». Вып. 8 / под ред. К. Рогова. М.: Фонд Либеральная Миссия», 2020. С. 12, 29. https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/7489/Dekonstrukciya_Konstitucii___chto_nuzhno_i_chto_ne_nuzhno_menyat_v_rossijskom_Osnovnom_Zakone.pdf

[681] Все фракции поддержали изменения в Конституцию // Государственная Дума ФС РФ. Официальный сайт 23.01.2020. URL: http://duma.gov.ru/news/47610/ (дата обращения: 08.05.2021).

[682] В КПРФ объяснили отказ поддержать поправки в Конституцию// РБК. 11.03.2021. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e68b8f89a7947f1fb93b55e (дата обращения: 08.05.2021).

[683] Встреча В. Путина с руководителями фракций Государственной Думы // Официальный сайт Президента РФ. 06.03.2020. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62949 (дата обращения: 08.05.2021).

[684] Г.А. Зюганов: Почему мы против поправок в Конституцию // Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. 06.06.2020. URL: https://kprf.ru/party-live/cknews/195076.html (дата обращения: 08.05.2021).

[685] Конституция свободных людей vs Путинская конституция. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2020. 218 с. URL: https://www.yabloko.ru/files/KONST_site.pdf

В итоге разработанный Рабочей группой проект закона о поправке в Конституцию был одобрен обеими палатами Федерального Собрания 11 марта и подписан Президентом РФ 14 марта 2020 г., фактически став интегрированной редакцией поправок. 01 июля 2021 г. завершилось общероссийское голосование по вопросу одобрения предложенных изменений, на котором 78% участников голосования (при явке 68%), поддержали проект. Обновленный Основной закон Российской Федерации провозглашает защиту не только человека, но и идеалы российского народа, став социально-ценностной Конституцией[686]. Несмотря на общественную поддержку, политические группы, партии, выступавшие за изменение Конституции, остались недовольны результатом и процедурой публичного оспаривания предложенных поправок. Обсуждение проектов было организовано таким образом, что Президент выступал инициатором процесса, модератором обсуждения и главным арбитром. «Выбрав в качестве главной площадки публичных обсуждений рабочую группу, Путин практически лишил политически организованную общественность возможности влиять на результат. При этом формально легитимизирующей инстанцией были назначены граждане, которым была предоставлена возможность голосовать за все поправки «оптом»[687].

Таким образом, в России созданы интернет-платформы и институты для коммуникации граждан, НКО с властью, позволяющие конструктивно оспорить проекты и решения исполнительной власти. Однако правительственные электронные платформы не стали привычным и конвенциональным инструментом публичного оспаривания: вовлеченность граждан остается низкой из-за недостаточной информированности о цифровых инструментах взаимодействия с властью, низким уровнем доверия к ним. Главными субъектами оспаривания остаются НКО (Общественная палата РФ, общественные палаты в субъектах РФ, РОИ). Исполнительные власти концентрируются на мониторинге общественного недовольства в социальных сетях и регламентации дискуссий в

[686] Встреча В. Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 03.07.2020. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63599 (дата обращения: 20.12.2021).
[687] *Малинова О.Ю.* Конституционный процесс как символическая политика… С. 32.

Интернет. Краткие дискуссии о поправке к Конституции РФ в 2020 г. не позволили масштабно вовлечь общественные ассоциации и профессиональных политиков в институционализированные процедуры оспаривания. По мнению Л. Тимофеевой, институт публичной критики в России ещё не сформировался. Необходимо не только закрепить в законах и моральных кодексах право на честную и корректную публичную критику, но и сделать её естественной и повседневной практикой. Институционализации публичной критики будет способствовать систематическая конструктивная реакция властей на критические замечания активной общественности[688]. Пока социологические опросы самой активной и требовательной части общества – студенческой молодежи – демонстрируют её нежелание участвовать в дискуссиях: «отстаивать свою политическую позицию необходимо, но «не втягиваясь в дискуссии с оппонентом»[689]. Ответственность за подлинную институционализацию публичной критики лежит и на государственной власти.

Объектом нашего повышенного внимания на *протестной площадке* являются практики публичного оспаривания политических проектов, сопровождающиеся артикуляцией альтернативных идей. Политический проект есть интеллектуальный продукт, в котором сформулирован образ будущего, цель и программа долгосрочных или краткосрочных действий. Основными «производителями» политических проектов являются государственные и политические акторы, стремящиеся вовлечь граждан в свою поддержку. Политический проект выступает триггером оспаривания: его артикуляция в публичном дискурсе проявляет противников заявленной цели и мотивирует их к публичному оппонированию.

Масштабные акции коллективного действия 10 и 24 декабря 2011 г. в Москве показали, что граждане и власть способны в цивилизованной форме, без насилия и агрессии, взаимодействовать и слышать требования друг друга в таком

---

[688] *Тимофеева Л.Н.* Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе. С. 133.

[689] *Кузнецов И.И.* Политическое сознание российского студенчества: общественная солидарность, доверие, взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. №59. С. 241.

формате[690]. Оформившееся движение «За честные выборы» обозначило кратковременное смещение интереса граждан с личного пространства на защиту общественных интересов. Протестное движение оформилось в подобие политического проекта, т.к. протестующие обращались не к защите своих локальных интересов, а актуализировали гражданский запрос на политическую демократию и честные электоральные процедуры, породив ряд метафор о «пробуждении гражданского сознания». По своему масштабу это было одним из самых крупных движений в современной России, что позволило сравнивать его со временами перестройки или говорить о том, что «политика вернулась в Россию»[691].

По наблюдениям политологов протестную активность в 2011 г. спровоцировали объявление о «рокировке» первых лиц государства (на съезде партии «Единая Россия» в сентябре) и массовые видеосообщения о нарушениях при подсчете голосов на выборах депутатов Государственной Думы 4 декабря. Требования пересчета голосов и отставки главы Центральной избирательной комиссии В. Чурова в 2011 году сменились требованиями перевыборов депутатов и отставки В. Путина в 2012 году[692] – требование демократизации политической системы трансформировалось в политический проект «За честные выборы».

Главное значение для организации митингов декабря 2011 г. сыграла активность интернет-сообществ: ключевым «двигателем» перехода от сетевой активности к реальной стало признание большинством пользователей достоверности фальсификаций в ходе выборов и ориентация на мирный конвенциональный протест. Интернет выступил не только организационным ресурсом оффлайн-протеста, но и платформой мгновенного обмена видеоинформацией, подтверждающих нарушение избирательного законодательства. Движущей силой зимних протестов стали граждане среднего

---

[690] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). Москва, 2012. С. 6.

[691] *Лобанова О.* От обывателей к активистам – и обратно. Обзор протестных исследований в России 1991-2015 годов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 5. С. 28-29.

[692] *Волков Д.А.* Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. №2. С. 73.

возраста и не участвующая ранее в политической активности молодежь («новички»)[693].

Целью протестных акций было повышение качества демократических политических институтов: честные перевыборы депутатов Государственной Думы и отказ В. Путина от участия в выборах президента РФ марта 2012 г. по причине исчерпания двух конституционных сроков нахождения на посту Президента РФ в 2000-2008 гг. Мирный характер протестов в столице зимой 2011-2012 гг. не дал поводов власти для использования силы, сохраняя возможности для компромисса. Масштабная мобилизация горожан по единой политической теме накануне выборов Президента РФ вынудили главу государства Д. Медведева досрочно выступить с Посланием к Федеральному Собранию 22 декабря, накануне готовящейся акции протеста в Москве. Уходящий президент страны предложил парламентариям в максимально сжатые сроки внести изменения в правовые возможности политического участия: существенно снизить требования к созданию и регистрации политических партий, вернуть прямые выборы губернаторов и смешанную систему в формировании Государственной Думы[694]. Уже весной 2012 г. вынужденные инициативы главы государства стали правовыми нормами.

Весной 2012 г. участники протестных акций расширяют репертуар коллективных действий, организуя акции, не укладывающиеся в существующие правовые рамки. Ультраправая молодежь организовывала «русские пробежки», а «белоленточники» проводили гуляния, массовый флешмоб «Белый круг». Социологи зафиксировали резкий рост «смеховых» плакатов на протестных акциях, обрамляющих требование в юмористические и сатирические лозунги[695]. 9 мая 2012 г. народные гуляния вылились в формат «Оккупай», предполагающий мирное занятие участниками акций определенной территории без политических

---

[693] «Мы не немы!»: Антропология протеста в России 2011-2012 годов / Сост. А. Архипова, М. Алексеевский. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014. С. 38, 46.

[694] Послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 23.12.2011. URL: https://rg.ru/2011/12/22/stenogramma.html (дата обращения: 10.12.2019).

[695] *Шомова С.А.* От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2016. С. 73, 88.

лозунгов и символики. По модели американских протестных акций «Occupy Wall Street» осени 2011 г. москвичи захватили территорию парка на Чистых прудах возле памятника Абаю Кунанбаеву (акция получила название «ОккупайАбай»). До 16 мая здесь проводились лекции, дискуссии, концерты, выставки, без демонстрации политических плакатов[696]. 6 мая 2012 г. разрешенный митинг в Москве перерос в массовые беспорядки, в результате чего было задержано более 430 чел., 19 чел. были осуждены на реальные сроки заключения[697].

Всплеск митинговой активности по политическим вопросам в 2011-2012 гг. затронул лишь столицу и крупные города, не получив поддержки большинства граждан[698]: по подсчетам российских социологов в протестных акциях приняло участие не более 4% россиян[699]. По наблюдениям Л. Шевцовой, субъектом протестного действия стала не политическая (профессиональная) оппозиция, а «рассерженные горожане» – аморфная социальная общность, включающая, в первую очередь, представителей среднего класса городов[700]. Субъекты публичного оспаривания, выступавшие от имени «рассерженных горожан» с организационной точки зрения представляли собой разрозненный конгломерат малочисленных групп и отдельных публичных фигур, которые не имели опыта кооперации и подчас с трудом переносили друг друга[701].

Политические проекты оппозиции по развитию демократических институтов и практик не находили поддержки у большинства россиян за пределами столицы. Более того, организационная децентрализация и отсутствие единого лидера не позволили выработать единой стратегии действий. Координационный совет российской оппозиции был сформирован только в октябре 2012 г., когда выборы и инаугурация В. Путина уже состоялись, а

---

[696] «Мы не немы!»: Антропология протеста в России 2011-2012 годов. С. 56.
[697] «Болотное дело». Досье // ТАСС. 28.01.2016. https://tass.ru/info/885791 (дата обращения: 15.02.2020).
[698] Например, см. *Шевцова Л.* Мы: жизнь в эпоху безвременья. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С.121., *Greene S.* Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia, Stanford University Press, 2014. 276 p., Россия удивляет: пять эпох в российском общественном мнении (1987-2017). Пресс-выпуск № 3320 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116098,
[699] *Латов Ю.* Призрак «революционной ситуации»: протестные действия и протестные настроения современных россиян // Общественные науки и современность. 2017. №2. С. 39.
[700] *Шевцова Л.* Мы: жизнь в эпоху безвременья. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С.123-125.
[701] *Гельман В.Я.* Трудное возрождение российской оппозиции // Pro et Contra. 2014. Январь-апрель. С. 111.

снижающаяся вовлеченность граждан в протестные действия перестала быть ресурсом давления. Кроме того, протестное движение не сумело найти союзников ни среди влиятельных представителей парламентской оппозиции, ни бизнеса, ни административной элиты.

Изменения в политической сфере – новации в избирательном и партийном законодательстве – имели целью лишь успокоить «рассерженных горожан» перед церемонией инаугурации В. Путина в мае 2012 г., поощряли борьбу между политическими новичками и не устраняли монопольный характер власти[702]. В итоге политический проект «За честные выборы» не стал инструментом преобразования политической системы, т.к. вопрос о глубоких институциональных реформах по инициативе общества был исключен из политической повестки дня на несколько лет[703]. Упрощение процедуры регистрации политических партий увеличило их число, но не изменило расстановки политических сил в Государственной Думе и региональных легислатурах. В рассматриваемый период, парламентские партии оспаривали курс правительства страны, не предлагая альтернативных проектов и команд.

Реакция власти на разнообразный репертуар действий протестующих приводит к снижению активности в поддержку политического проекта «За честные выборы» с мая 2012 г. Во-первых, силовые столкновения с полицией на майских акциях и уголовные дела о массовых беспорядках снизили поддержку такой формы оспаривания у большинства участников. Во-вторых, в законодательство о публичных мероприятиях были внесены ограничивающие новеллы, ужесточающие наказание за нарушение соответствующих норм. Среди массовых акций власти наиболее многочисленными становятся общероссийские лояльные мероприятия и акции патриотической направленности, срежиссированные самой властью и сосредоточенные в основном в Москве. По

---

[702] *Шевцова Л.* Мы: жизнь в эпоху безвременья. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 125, 143.
[703] *Явлинский Г.А.* Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. М.: Московские ведомости, 2015. 230 с.

данным социологических опросов большинство россиян не планировало в 2012 г. участвовать в публичных акциях протеста[704].

Публичному оспариванию была подвергнута пенсионная реформа в 2018 г. В июне 2018 г. Председатель Правительства РФ Д. Медведев внес в Государственную Думу проект закона о повышении возраста выхода на пенсию. Причинами реформы стало общее старение населения России, увеличивающее нагрузку на работающих граждан. «Эти изменения назрели давно, и они необходимы: без этих решений мы не можем двигаться вперед ни в повышении уровня жизни людей, ни в социальной сфере, ни в развитии экономики», – объяснил позицию правительства Д. Медведев[705]. Постепенное повышение пенсионного возраста должно было позволить повысить существующие пенсии на 1 тыс. руб.

Проект вызвал интенсивную критику на дискурсивной, протестной и партийно-парламентской площадках. На сайте Российской общественной инициативы было зарегистрировано 97 петиций, посвященных проблеме пенсионного обеспечения. Инициативы «Против повышения пенсионного возраста для россиян» (набрала 102 тыс. голосов), «Не допускать повышения пенсионного возраста» (100 тыс. голосов) были рассмотрены экспертной рабочей группой федерального уровня и приняты решения о нецелесообразности разработки НПА, направленного на реализацию этих общественных инициатив. На ресурсе появляются новые инициативы о моратории повышения пенсионного возраста, не набравшие и двух тыс. голосов.

Парламентские (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») и непарламентские политические партии («Яблоко»), штабы А. Навального[706] в городах стали инициаторами публичных протестных действий граждан против проекта пенсионной реформы. На парламентской площадке партии реализовали доступные им возможности: политические десятиминутные выступления

---

[704] Гражданское и политическое в российских общественных практиках… С. 126.

[705] Медведев рассказал о повышении пенсионного возраста в России // ТАСС. 14.06.2018 г. https://tass.ru/ekonomika/5290613 (дата обращения: 22.08.2020).

[706] Признаны экстремистской организацией в 2021 г.

представителей фракций; выступления по законопроектам, связанным с проблемами старшего поколения, бедности, социальной политики; поправки к правительственному законопроекту; альтернативные законопроекты. Чаще всех тему на парламентских «десятиминутках» поднимала фракция «Справедливой России» (11 выступлений), КПРФ (10), ЛДПР (4). При подготовке законопроекта ко второму чтению профильный парламентский комитет получил более 300 поправок, из которых приняты были 16, а 286 отклонены. Лидеры фракций КПРФ и «Справедливая Россия» внесли альтернативный федеральный законопроект «О моратории на повышение возраста, достижение которого дает право на страховую пенсию по старости», который не был поддержан[707].

В 2018 г. КПРФ попыталась инициировать процедуру референдума и отменить планы по повышению пенсионного возраста правовым путем. Центральная избирательная комиссия России дважды отказала КПРФ в проведении референдума: 1) из-за несоответствия закону формулировки вопроса (в конце июля)[708]; 2) из-за невыполнения инициативной группой КПРФ (как и четырьмя другими зарегистрированными группами) требования регистрации 43 региональных групп (в середине октября)[709]. Публичные разъяснения президента В. Путина о необходимости реформы и смягчение некоторых её параметров (29 августа 2018 г.) снизили как протестный потенциал коллективного действия по этой теме, так и рейтинги главы государства и партии «Единая Россия»[710].

---

[707] *Смолин О.Н.* Повышение пенсионного возраста в России: альтернативы и общественно-политическая борьба // Вопросы политической экономии. 2019. №3. С. 142-144.

[708] ЦИК объяснил отказ в референдуме //РИА-Новости. - 27.07.2018. - URL: https://ria.ru/society/20180727/1525496602.html (дата обращения: 02.11.2018).

[709] Что заменит референдум по пенсионному возрасту // Ведомости. - 19.10.2018. - URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/19/784083-chto-zamenit-referendum-po-pensionnomu (дата обращения: 1.11.2018).

[710] Подробнее см. *Савенков Р.В.* Электоральный потенциал оппозиционных кандидатов по итогам выборов в региональные парламенты в Центрально-Черноземном регионе (2010-2018 гг.) // Политическая наука. 2019. №2. С. 74-94., *Савенков Р.В.* Возможности и ограничения протестного действия в Воронежской области (2016-2018 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. №1. С. 97-101., *Савенков Р.В., Сотников А.И.* Стратегия и тактика действий региональных и муниципальных властей в период локальных акций общественного протеста (пример Воронежской области 2016-2018 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник (E-journal „Public Administration). 2019. №76. С. 176-196., *Савенков Р.В.* Электоральный потенциал оппозиционных партий в муниципальной избирательной кампании (на примере города Белгорода) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. №4. С. 88-95.

Два описанных кейса общенационального публичного оспаривания позволяют сделать несколько выводов. Граждане, общественные движения, политические партии способны к конструктивному оппонированию проектов власти, но в меньшей степени – к артикуляции собственного альтернативного политического проекта. Предъявители требований использовали дискурсивную, протестную, электоральную и партийно-парламентскую площадки, сочетая институционализированные и неинституционализированные (конвенциональные) формы оспаривания. В обоих случаях власти пошли на уступки, но не отказались от реализации своих планов. Наблюдатели отмечают провал попыток перехода субъектов выдвижения требований с протестной площадки на электоральную по двум причинам: во-первых, из-за препятствий в регистрации в качестве кандидатов на выборные должности, во-вторых, из-за отсутствия у лидеров собственного политического проекта, способного к мобилизации избирателей нестоличных регионов. КПРФ и «Справедливая Россия» попытались в ходе электорального цикла 2021 г. очередной раз критиковать пенсионную реформу, что несколько увеличило процент их поддержки.

Политическая деятельность А. Навального скорее подтверждает тезис о слабой конвертации протестных лозунгов и проектов в предвыборные, о блокировании перетекания протестного потенциала в электоральный. А. Навальный стал известным на дискурсивной и протестной площадках, благодаря журналистским расследованиям коррупции и участию в Болотном протесте 2011-2012 гг. На выборах мэра Москвы 2013 г. он заручился поддержкой 27% участников выборов, несколько раз пытался зарегистрировать политическую партию[711]. В течение 2017-2018 гг. А. Навальный создал широкую сеть региональных организаций во всех крупных городах России для организации политической деятельности на дискурсивной, протестной и электоральной площадках.

[711] Алексей Навальный в девятый раз пытается зарегистрировать партию // Коммерсант. 28.03.2019. https://www.kommersant.ru/doc/3925581 (дата обращения: 20.12.2020).

В современной России не было политических движений (кроме политических партий), способных к проведению продолжительных протестных акций всероссийского масштаба. Федеральный уровень публичных мероприятий с презентацией собственного политического проекта (борьба с коррупцией в 2017-2018 гг.) позволял А. Навальному претендовать на образ единственного реального оппонента власти. Личные критические видеообращения оппозиционного политика в адрес представителей политической и экономической элиты вынуждали последних реагировать в информационном пространстве, публиковать свои видео-ответы. Все это позволяло считать движение А. Навального в 2017-2021 гг. влиятельной политической организацией с устойчивой структурой и постоянным (но немногочисленным) ядром сторонников. В январе 2021 г. А. Навальный был задержан за нарушение условий отбывания условного наказания и по решению суда получил реальный срок тюремного заключения. В апреле 2021 г. Федеральная служба по финансовому мониторингу внесла штабы Навального в перечень организаций, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму[712], а в июне этого же года – суд признал штабы экстремистской организацией.

Генезис активности движения А. Навального можно разделить на пять этапов, в ходе которых менялись задачи движения и его тактика публичного оспаривания:

I этап - декабрь 2016 – 12 июня 2017 г. – создание сети штабов в крупных городах, мобилизация граждан к участию в общероссийских публичных мероприятиях в поддержку антикоррупционных требований, формирование базы сторонников;

II этап – июнь 2017 г. – декабрь 2017 г. – переход от антикоррупционной тематики к требованиям выдвижения А. Навального кандидатом в Президенты России, расширение сети штабов до 81 города;

---

[712] Росфинмониторинг. Официальный сайт. https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act (дата обращения: 12.05.2021).

III этап - декабрь 2017 – май 2018 г. - акция «Бойкот президентских выборов 2018» и подготовка наблюдателей в день голосования, поствыборный протест (акция «Он нам не царь»);

IV этап – май 2018 – ноябрь 2018 г. – сокращение количества штабов, проведение акций (как правило, в социальных сетях) по локальным проблемам, участие в общероссийских митингах против повышения пенсионного возраста;

V этап - ноябрь 2018 г. – январь 2021 г. – журналистские расследования доходов представителей политической элиты, запуск акций «Умное голосование» и «профсоюз Навального», публикация фильма-расследования.

На первых трех этапах действовали финансируемые из Москвы штабы А. Навального[713], которые организовали участие активистов своего региона в шести всероссийских акциях, а также локальные акции в поддержку выдвижения А. Навального кандидатом в президенты России: 26 марта и 12 июня 2017 г. прошли акции с требованием к власти отреагировать на обвинения в коррупции премьер-министра Дмитрия Медведева. Тема борьбы с коррупцией обладала большим мобилизационным потенциалом и была вскоре перехвачена властью: увеличилось количество задержаний чиновников-коррупционеров самого разного уровня с демонстрацией подробных репортажей по телевидению. Особенностью протеста 12 июня стало проведение акции в несогласованном месте в Москве, что привело к массовым задержаниям. Во второй половине 2017 г. региональные штабы Навального[714] провели локальные акции по поддержке выдвижения своего лидера кандидатом в Президенты России.

После отказа ЦИК зарегистрировать А. Навального, его движение готовило наблюдателей на выборах и призвало своих сторонников бойкотировать голосование. В общественную кампанию по поддержке А. Навального к концу третьего этапа включился 81 штаб в городах России: из них 60 финансировались «головным офисом», а 11 штабов работали в статусе «народных» (с самостоятельным финансированием)[715]. Лидер движения считает создание

[713] Признаны экстремистской организацией в 2021 г.
[714] Признаны экстремистской организацией в 2021 г.
[715] Навальный 20!8. URL: https://2018.navalny.com (дата обращения: 25.12.2018).

региональной сети штабов своим главным достижением. При этом большая их часть сохранилась после досрочного завершения оппозиционером собственной президентской кампании, превратившись в так называемые «политические центры»[716]. Протестная акция «Он нам не царь» 5 мая 2018 г., приуроченная к инаугурации Владимира Путина, прошла в большинстве городов с нарушениями действующего законодательства, что привело, по неофициальным данным, к задержаниям более 1000 участников[717]. Таким образом, А. Навальному удалось на уровне лозунгов перейти от гражданских требований к политическим, однако в практиках публичного оспаривания он остался в гражданской сфере, не став участником институционализированной политической борьбы. Политик артикулировал проект борьбы с коррупцией, но не отразил насущные интересы жителей средних и малых населенных пунктов, призывал своих сторонников к нарушению закона при проведении публичных мероприятий.

Как и КПРФ, штабы выступили соорганизаторами всероссийских акций протеста против пенсионной реформы 26 июля и 9 сентября 2018 г. Акции позиционировались как объединенные действия оппозиции, в которых принимали участия представители партии «Яблоко» и другие, менее известные партии и группы. Однако общая тема не объединила ресурсы, не позволила скоординировать действия на протестной и партийно-парламентской площадках и добиться корректировки проекта.

А. Навальный стал автором ряда политтехнологических проектов. С ноября 2018 г. запущен проект «Умное голосование», целью которого является поддержка на региональных и муниципальных выборах самого сильного оппозиционного кандидата, определенного движением, с целью не допустить избрания кандидатов от партии «Единая Россия»[718]. Такая тактика уже показала свою эффективность на выборах депутатов Государственной Думы 2011 г.,

---

[716] Родин И. Штабы Навального стали политическими центрами. // Независимая газета. 09.01.2019. URL: http://www.ng.ru/politics/2019-01-09/1_7477_navalny.html (дата обращения: 11.01.2019).

[717] *Литой А.* Акции против «царя»: избитые, задержанные, несовершеннолетние // ОВД – Инфо. 08.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://ovdinfo.org/articles/2018/05/08/akcii-protiv-carya-izbitye-zaderzhannye-nesovershennoletnie (дата обращения: 25.12.2019).

[718] Умное голосование. URL: https://2019.vote (дата обращения: 25.12.2018).

позволила мобилизовать недовольных «Единой Россией» избирателей и существенно увеличить процент КПРФ и «Справедливой России», сократить число депутатов от «ЕР» в Московской городской Думе по итогам выборов 2019 г. Но «партия Навального» не участвует в выборах, его образ вызывает недоверие у крупных сегментов россиян средних и малых населенных пунктов. Кроме того, нет согласия между противниками «Единой России», они не готовы признавать лидерство А. Навального.

С 24 января 2019 г. запущен проект «Профсоюз Навального», дающий возможность работникам бюджетной сферы проверить уровень свой зарплаты на соответствие её требованиям майских указов Президента[719]. Существующие традиционные профсоюзные организации, несмотря на низкие рейтинги доверия, более востребованы бюджетниками, чем интернет-профсоюз оппозиционного политика. В январе 2021 г. был выпущен фильм «Дворец для Путина. История самой большой взятки», направленный против действующего президента России В. Путина. Арест А. Навального за нарушение правил условного наказания, спровоцировал несанкционированные акции протеста во многих городах страны в январе 2021 г.

Итак, штабы Навального[720] проводили активную наступательную информационную кампанию по выявлению недостатков и ошибок в деятельности органов власти и представителей партии «Единая Россия». Основная информационная работа в 2018 г. проводилась в сети Интернет на официальной странице региональных штабов[721] и в популярных социальных сетях. Материалы в соцсетях более агрессивные и критичные, чем на страницах штабов[722]. В отличие от КПРФ, сетевая структура Навального активно оспаривает как федеральные, так и местные проблемы, ищет поддержки у электората других партий. Движением и его лидером были разработаны несколько политтехнологических проектов, не получивших общероссийского значения.

[719] Профсоюз Навального. URL: https://union.navalny.com (дата обращения: 15.03.2019).
[720] Признаны экстремистской организацией в 2021 г.
[721] Признаны экстремистской организацией в 2021 г.
[722] Признаны экстремистской организацией в 2021 г.

Репертуар предлагаемых идей был ограничен борьбой с коррупцией и критикой высших должностных лиц государства. Кроме того, А. Навальный и его окружение призывали к незаконным акциям протеста, провоцируя ответные силовые действия правоохранительных органов.

Масштабная мобилизация москвичей в поддержку политического проекта «За честные выборы» (2011-2012 гг.) вынудила власти пойти на ряд уступок, расширяющих возможности для участия в выборах и публичного оспаривания в политической сфере, в то время как протесты 2019 г. с требованием «Допускай!» остались без результата. Протесты против проекта реформы пенсионный реформы (2018 г.) вынудили власти пойти лишь на незначительные уступки. Реализация непопулярных проектов привела к репутационным потерям власти, снижению рейтинга президента В. Путина и доминирующей партии «Единая Россия». На электоральной и партийно-парламентской площадках требование отмены пенсионной реформы стали главными лозунгами парламентских партий (КПРФ и Справедливая Россия-Патриоты-За правду»). С одной стороны, представленные кейсы конструктивного оспаривания демонстрируют способность граждан, НКО, партий и власти осуществлять коммуникацию, учитывать интересы и требования друг друга. С другой стороны, незначительность достижений публичного оспаривания разочаровывает в возможностях диалога, снижает доверие к власти.

Политическая сфера – это область активности соискателей статусных позиций в политической системе, а также организационных структур, обладающих постоянными политическими интересами, стремящихся к систематическому влиянию на органы власти. Политика понимается как сфера артикуляции и согласования интересов и ценностей различных общественных групп через посредство партий, движений и других организаций с целью формулирования общезначимых целей и реализации политического действия для их достижения. В 2000-х годах политические партии стали единственными легитимными акторами на электоральной и на парламентской площадках национального и регионального уровней; непартийные политики,

политизированные НКО были более не способны конкурировать с ними[723]. При этом влияние самих политических партий снижалось. В рассматриваемый период наблюдается волнообразная динамика количества политических партий – основных субъектов *электоральной площадки* публичного оспаривания: в течение 2000-х гг. количество партий – участников выборов сокращалось, с 2012 г. фиксируется рост числа партий (см. Таблица 3)

Таблица 3.

Участие в выборах депутатов Государственной Думы политических партий

Год выборов	Кол-во участников	Кол-во парламентских партий	Заградительный барьер, %
1999	26	6	5
2003	23	4	5
2007	11	4	7
2011	7	4	7
2016	14	4	5
2021	14	5	5

Введение пропорционального представительства на выборах депутатов обычно увеличивает количество субъектов электоральной площадки и конкурентность политической системы в целом. Однако в России переход к пропорциональной системе в 2006 г. сопровождался реформой партийной системы, увеличившей требование к численности членов партии (с 10 тыс. до 50 тыс. членов). В результате количество партий сократилось с 37 (в 2005 г.) до 6 (в 2009 г.). С 2005 по 2011 г. была зарегистрирована всего одна новая партия[724]. Выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ в 2000-2021 гг. проходили в разных политико-правовых условиях. Однако заградительный барьер неизменно преодолевали списки четырех партий: «Единая Россия»[725], КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» (в 2003 г. в ГД прошел блок «Родина», на основе которого в 2006 г. была создана «Справедливая Россия»). В рассматриваемый период явка на федеральных парламентских выборах колебалась в пределах 50-60%, только

[723] *Гельман В.* Политические партии в России: от конкуренции - к иерархии // Полис. Политические исследования. 2008. №5. С. 135.
[724] *Голосов Г.В.* Сравнительная политология и российская политика: 2010-2015. Сб. статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С. 264-265.
[725] Партия образована в 2001 г. благодаря слиянию движения «Единство» и партии «Отечество – Вся Россия», обладающих по итогам выборов 1999 г. парламентским статусом.

на выборах 2016 г. она снизилась до 48%. В Государственной Думе сохранялось доминирование партии «Единая Россия», получавшей более 50% мест[726]. Политический успех партии «Единой России» на федеральных выборах достигался не только за счет поддержки избирателями списка партии и ее кандидатов-одномандатников, но и за счет уникальной конверсии голосов в депутатские мандаты, получившей название «сфабрикованное большинство»[727].

Результаты выборов по федеральному избирательному округу и некоторым одномандатным округам регулярно оспаривались КПРФ и партией «Яблоко» в суде без правовых последствий[728]. Лидеры парламентских партий регулярно информировали главу государства об использовании административного ресурса в ходе федеральных и региональных выборов[729]. В 2000-е годы происходит усиление централизации государственного управления, углубление вмешательства федерального Центра в ход региональных и местных выборов. Оппозиционные партии пытались вовлечь граждан в оспаривание нарушений правил избирательного процесса и защиту политической конкуренции, однако большинство избирателей скорее соглашались с сокращением возможностей для партийного оспаривания, не демонстрируя интереса к этой теме[730]. В исключительных случаях избиратели сопротивлялись перегибам центра низкой явкой на региональных выборах или высоким уровнем протестного голосования[731]. Московские избиратели в 2019 г. продемонстрировали готовность

---

[726] См. Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 06.06.2020).

[727] *Голосов Г.В.* Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. Политические исследования. 2005. №1. С. 108-119.

[728] См. *Кынев А.В., Любарев А.Е.* Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2011. С. 573-584.

[729] Например, Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России // Президент России. 22.01.2010. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/6693 (дата обращения: 05.02.2020).

[730] См. *Савенков Р.В.* Электоральный потенциал партийной оппозиции на выборах депутатов Государственной Думы Седьмого созыва в Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. №1. С. 95-99., *Савенков Р.В. Сотников А.И.* Электоральный абсентеизм: протест, поддержка или равнодушие граждан (на примере г. Воронежа) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №2 (63). С. 36-42.

[731] *Коргунюк Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. С. 386.

оспаривать ограничения пассивного избирательного права и грубую зачистку протестной и электоральной площадки (кампания «Допускай!»).

По итогам реформы избирательного и партийного законодательства в 2012 г. увеличилось число партий – организаций, имеющих право регистрировать кандидатов на выборные должности. Законодательство стимулировало новые партии к участию в региональных и муниципальных выборах правовыми льготами и санкциями за неучастие в них. По наблюдениям А. Кынева, региональные администрации активно используют административный ресурс не только для поддержки провластных кандидатов, но и блокируют регистрацию потенциально сильных оппозиционных кандидатов[732].

В течение рассматриваемого периода наблюдалась идейная консолидация большинства электората и маргинализация меньшинства. Власти инициировали эмоционально сильные события, вокруг которых строилась предвыборная риторика провластной партии «Единая Россия»: рост благосостояния в сравнении с «лихими 90-ми», парады Победы, Зимняя Олимпиада в Сочи, присоединение Крыма, президентские выплаты детям, пенсионерам, военнослужащим. В таких условиях парламентские партии были вынуждены играть в заданном поле идей и смыслов, что привело к сближению их повестки с правительственной, отказу от привлечения нового электората, стремление удержать своего ядерного избирателя. Достижение общественного консенсуса по «ключевым вопросам повестки», укрепление авторитета президента В. Путина, абсолютное доминирование власти в медийном пространстве заметно сократили стратегические возможности партий, наложив серьезные ограничения на их идеологическую деятельность. Партии утрачивают возможности производства новых идей, востребованных обществом. Поиск смыслов осуществляется из

[732] См. *Кынев А.В.* Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 372 с., *Он же*. Российский выборы – 2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2018. 514 с., *Он же.* Региональные и местные выборы в России осени 2018 года: электоральные перемены на фоне социальных реформ. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2019. 554 с.

предложенного набора вариантов, то привело к сокращению идейной конкуренции между партиями[733].

В 2000-е гг. партия «Единая Россия» закрепляет за собой положение доминирующей партии на *партийно-парламентской площадке* - в Государственной Думе Федерального Собрания РФ и региональных законодательных собраниях. В результате реформы региональных избирательных систем, отмены выборов глав исполнительной власти (в 2005 г.) большинство губернаторов вступили в ряды «партии власти» и обеспечили к 2007 г. ей региональное доминирование. Партия «Единая Россия» быстро превратилась в высоко дисциплинированную и централизованную организацию: в ней полностью отсутствовали внутренняя оппозиция или фракции, а дискуссии в рамках партии строго регулировались[734].

Оппозиционные партии во второй половине 2010 г. не могли бросить вызов доминированию «Единой России» по нескольким причинам: 1) отсутствие убедительной политической альтернативы, способной мобилизовать избирателей; 2) неспособность вести агрессивную избирательную кампанию; 3) привлекательность «ЕР» для влиятельных региональных политиков. Все это делало избирательные кампании тусклыми и непривлекательными. Отсутствие в Государственной Думе депутатов-одномандатников, способных к независимому представительству своих округов, усилили зависимость депутатов от партии, как основного пути переизбрания[735]. В результате изменения законодательных норм была практически создана искусственная многопартийность и псевдооппозиционность[736].

По наблюдениям Ю. Коргунюка, политическое пространство России в 2000-2011 гг. определяли три размежевания: 1) социально-экономическое; 2) системное, указывающее направление развития страны; 3) авторитарно-

---

[733] *Толпыгина О.А.* Политические партии в «поисках смысла»: специфика идеологического взаимодействия партий с избирателями // Политическая наука. 2017. №1. С. 216, 220.
[734] *Гельман В.* Политические партии в России… С. 137-140.
[735] *Голосов Г.В.* Сравнительная политология и российская политика: 2010-2015. С. 265.
[736] Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М.: «КМК», 2010. С. 79

демократическое. В 2012-2013 гг. первое место занимало авторитарно-демократическое размежевание, второе – социально-экономическое, третье – системное. Крымско-украинские события 2014 г. выдвинули на первый план системное («имперское») размежевание. В 2015-2016 гг. доминировало властное-антивластное противостояние. Наконец, на думских выборах 2016 г. системное размежевание сохранило ведущие позиции, далее - авторитарно-демократическое и социально-экономическое размежевания[737].

Российская партийная система состоит не из секторальных политических партий, а из партий общенациональных (общегосударственных). «При наличии в их идеологии и действиях «всеохватности» и «картельности» основная линия их поведения состояла в том, чтобы быть символом и выразителем некоторой тотальности, общенародности, патриотизма и государственности»[738]. Российский избиратель выбирал в 2000-2016 гг. стабилизацию и управляемость, а не плюрализм. Только на выборах 2021 г. в парламент прошла новая партия с говорящим названием «Новые люди». Теория «картельных партий» ставит под сомнение способность партий выполнять одну из их главных функций – обеспечивать связь между властью и обществом, а тем самым – принцип представительства интересов граждан[739].

Оппозиционными системными партиями в официальном дискурсе принято называть КПРФ, ЛДПР и «Справедливую Россию»[740] (только эти три партии обладают федеральным парламентским статусом, возглавляются узнаваемыми лидерами. Однако политико-правовые ограничения, стратегия и тактика этих партий не позволяла им получить значимое количество мест в легислатурах: доминирование партии «Единая Россия» сохранялось как на федеральном, так и в подавляющем большинстве региональных парламентов. Публичное

---

[737] *Коргунюк Ю.* Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. 2017. №1. С. 110, 116.

[738] *Сморгунов Л.* «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. 2010. №4. С. 203.

[739] *Александров К.А*. Картельная политическая партия как фактор трансформации партийной системы современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Орел, 2014. 23 с.

[740] Партия создана в 2006 г. объединением партий «Родина», «Партия жизни», «Партии пенсионеров», а в 2021 г. объединилась с двумя партиями, получив название «Справедливая Россия – Патриоты – За правду».

оспаривание оппозиционных парламентских партий на протяжении 2000-2020-х гг. не увеличило их влиятельность ни на электоральной, ни на парламентской площадках. В. Гельман объяснил коллапс российской оппозиции в 2000-х гг. институциональными и политическими факторами. Политические факторы подразумевают снижение дифференциации элиты и конфликтности в её среде управленческими решениями и манипулятивными действиями, что получило название «навязанного консенсуса»[741].

Вторая по численности депутатов фракция в Государственной Думе КПРФ позиционирует себя как главного оппонента доминирующей партии «Единая Россия». Оппозиционная партия сохраняет привычную программную риторику – «возвращения в СССР» - не предлагала альтернативных идей, «… эта стратегия загоняла КПРФ в узкое электоральное «гетто» и вела к утрате перспектив серьезного влияния на политические процессы и политический курс»[742]. Оппозиционные фракции пытались применять доступные им средства оспаривания в парламенте. Массовые фальсификации и использование административного ресурса на выборах в Московскую городскую Думу 2009 г. вынудили представителей КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» покинуть зал заседаний Государственной Думы[743]. КПРФ использовала этот прием ещё в 2012 и 2013 гг., протестуя против ускоренного принятия законопроектов «Единой Россией».

В 2000-х гг. российская несистемная оппозиция представляла собой набор из нескольких десятков очень разнородных с точки зрения политических идей небольших групп. О. Попова выделила ряд существенных признаков несистемной политической оппозиции в 2010-х, среди которых: а) более четкая идеологическая позиция; б) отсутствие реального стремления получить власть, ограничение своих притязаний на уровне морального лидерства вследствие дефицита ресурсов; в) заинтересованность в сохранении существующего положения дел. Кроме того, отсутствовала полноценная идейная и организационная коммуникация между

[741] *Гельман В.* Политические партии в России... С. 146-147.
[742] *Гельман В.* Политические партии в России… С. 147.
[743] Политические партии и политическая конкуренция в демократических... С. 86.

парламентской и несистемной оппозицией[744]. Данные группы играли различные роли в отношении существующего политического режима, однако, в отношении всей несистемной оппозиции проводилась политика прямого или косвенного преследования.

По наблюдениям Р. Саквы, в результате партийных реформ 2000-х годов партий стало меньше, а их независимость и самостоятельность ослабли: «вместо того, чтобы свободно агрегировать и артикулировать актуальные потребности граждан и открыть дорогу критике, режимные партии превратились в свою противоположность: их основная функция – контролируемая сверху мобилизация голосования»[745]. Р. Саква типологизирует партии на *программные* (носители четкой платформы, которой следует её руководство и которая постоянно предъявляется обществу); *проектные* (создаваемые незадолго до выборов в рамках скрытой стратегии конкурирующих групп элиты), *режимные* (спонсируемые властью группировки, представляющие властную систему) и *партии-спойлеры* (созданные для ослабления оппозиции в конкретных электоральных нишах). Доминирование проектных и режимных партий препятствовало развитию состязательной и структурированной многопартийной системы, ослабило подлинные программные партии[746]. Как заметил исследователь политической элиты России М. Афанасьев, «… отечественные элитные группы не готовы к тому, чтобы самим начать общественные преобразования, ибо воспринимают они себя и действуют «как положено», т.е. как объекты управления, им не хватает «субъектности» – способности к коллективным действиям и воли к определению государственной политики[747].

Несмотря на то, что политические партии в современной России остаются основными производителями политических идей и смыслов[748], они отказались от

---

[744] Политические партии и политическая конкуренция в демократических ... С. 99-105.
[745] *Саква Р.* Дилеммы развития российской партийной системы // Политическая наука. 2010. №4. С. 173.
[746] *Саква Р.* Дилеммы развития российской партийной системы. С. 175.
[747] *Афанасьев М.Н.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. С. 101.
[748] *Толпыгина О.А.* Трансформация идеологической... С. 158.

разработки и содействия реализации реальных стратегий развития страны и регионов, устранились от институционализации социальных конфликтов[749].

Среди экспертного сообщества возросли ожидания появления новых партийных политических субъектов в связи с протестными митингами в 2011-2012 гг. и началом партийной реформы 2012-2014 годов. Митинги против фальсификации итогов выборов депутатов Государственной Думы 2011 года продемонстрировали общественный запрос на формирование полноценных демократических институтов, на появление новых политических организаций[750]. Масштабное публичное оспаривание на протестной площадке открыло новые возможности для оспаривания на партийно-парламентской площадке. Сформировались благоприятные условия для формирования социального фундамента оппозиционных партий.

Попыткой расширить количество участников дискуссии на партийно-парламентской площадке стало создание Совета непарламентских партий при председателе Государственной Думы и формат диалога депутатов с экспертами «Открытая трибуна». На первом заседании Совета председатель ГосДумы С. Нарышкин высказал надежду, что «на этой площадке мы сможем организовать диалог не только между непарламентскими партиями и ГосДумой, но и между непарламентскими партиями и представителями исполнительной власти»[751]. Совет провел семь заседаний, изучив законопроекты по модернизации избирательной системы, развитию пенсионной реформы, закону о культуре и др.[752]

Партийная реформа 2012-2014 гг. привела к появлению новых участников региональных выборов, к допуску некоторых оппозиционных политиков к легально санкционированной партийной деятельности[753]. Новые партии не могли

---

[749] Политические партии и политическая конкуренция в демократических... С. 115.
[750] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. М., 2012. С. 6.
[751] *Закатнова А.* Галера на любителя // Российская газета. 03.12.2012. https://rg.ru/2012/11/30/narishkin-site.html (дата обращения: 20.12.2021).
[752] Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: (РОССПЭН), 2021. С. 104-105.
[753] Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов… С. 61-62, Политическое развитие России. 2014-2016: Институты и практики авторитарной консолидации / под ред. К. Рогова. М., 2016. С. 100.

масштабно включиться в электоральную, их результаты вполне сопоставимы с аналогичными показателями уже существующих непарламентских партий («Яблоко», «Патриоты России», «Партия Роста»). Существующая партийная система не способна генерировать достойную альтернативность, а выборы из демократического механизма ротации кадров и альтернатив превратились в механизм подтверждения легитимности действующей власти и принятых её решений[754]. Кроме того, существующие парламентские политические партии не смогли канализировать растущую общественную потребность в политической конкуренции, не поддержали протестные настроения жителей крупных городов и не воспользовались моментом для укрепления своего общественного авторитета на региональных и муниципальных выборах. Такое общественное пробуждение мало отразилось на общем итоге последних региональных выборах, не пошатнув, в частности, доминирования «Единой России», но внесло изменения, в том числе, в структуру электоральных размежеваний, отражающих особенности восприятия политических реалий массовым сознанием[755].

По наблюдениям движения «Голос: за честные выборы», «современная российская партийная система не выполняет своих ключевых функций: партии, как правило, не участвуют в подавляющем большинстве проходящих в стране выборов; слабо осуществляют подбор и выдвижение кадров; плохо выражают интересы определенных групп населения на местах и не помогают осуществлять устойчивую коммуникацию граждан и местных общественных институтов с властью… Неспособность большинства политических партий самостоятельно преодолеть «муниципальный фильтр» на губернаторских выборах, во многом является следствием пассивности самих партий на местных выборах»[756]. Другими словами, большинство исследователей указывают на отсутствие массовой

---

[754] *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 77.

[755] *Коргунюк Ю.* Партийная реформа 2012-2014 гг. и структура электоральных размежеваний в регионах России // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 97., см. Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов... 204 с.

[756] Участие политических партий в выборах между едиными днями голосования 2017 и 2018 гг. Аналитический доклад // Движение в защиту прав избирателей Голос: за честные выборы. URL: https://www.golosinfo.org/ru/articles/142986 (дата обращения - 16.10.2018).

электоральной поддержки парламентской и партийной оппозиции, с одновременным негативным влиянием на уровень партийной конкуренции институциональных факторов.

Таким образом, увеличение количества партий не привело к появлению авторитетных у избирателей региональных отделений политических партий, а также влиятельных акторов в региональных легислатурах, противостоящих доминированию партии парламентского большинства. Партия «Единая Россия», занимающая центральное место в партийной системе страны, сохранила доминирование в региональных парламентах. Указанная динамика позволяет подтвердить выводы наблюдателей о формальном присутствии в политической жизни большинства непарламентских партий, возникших после партийной реформы, об их «нежизнеспособности»[757].

По нашим наблюдениям, парламентские оппозиционные партии в России в рассматриваемый период не имеют ни институциональных возможностей, ни достаточного электорального потенциала, чтобы оспаривать законопроекты федерального и регионального уровней. Основной функцией парламентской и непарламентской оппозиции является критика (иногда, имитация критики) доминирующей партии, сохраняется дефицит альтернативных политических проектов.

Проверить этот вывод возможно путем анализа предвыборных программ партий, в которых наиболее ясно должны быть определены альтернативные политические проекты. В предвыборных документах 2016 г. не сформулировали целостного проекта будущего, приемлемого для крупных электоральных сегментов, политическая повестка ориентировалась на твердых избирателей партий[758]. В федеральном избирательном цикле 2021 г. партии выбрали разные тактики ознакомления избирателей со своей программой. КПРФ, ЛДПР, СРПЗП, «Яблоко», РППСС, «Новые люди» опубликовали программы на официальных

[757] *Голосов Г.* Сравнительная политология и российская политика. С. 9.
[758] *Комаровский В.С.* Образ будущего России глазами молодежи. М.: Аспект-Пресс, 2021.

сайтах[759], а лидер партии «Родина» представил основные тезисы[760]. Партия «Единая Россия» провела сбор предложений/наказов от избирателей в «народную программу»[761]. Подготовку предвыборной «народной» программы ЕР использует для восстановления коммуникации с лояльными группами избирателей, чтобы собрать их наказы и ещё раз напомнить о своих социальных инициативах и реализованных проектах[762]. Таким образом, формирование текста программы ЕР стало ещё одним эффективным агитационным инструментом.

Нами были проанализированы предвыборные документы и публичные заявления восьми релевантных политических партий (ЕР, КПРФ, ЛДПР, СРПЗП, РППСС, «Яблоко», «Родина», «Новые люди») методами дискур-анализа (см. Таблица 4). На первом этапе проведен содержательный анализ текста, на втором – контент-анализ наиболее употребляемых слов и понятий[763].

Таблица 4

Программы политических партий

Название партии	**Название программы**	**Кол-во слов**
«Единая Россия»	Народная» программа «За благополучие и достойную жизнь людей. За сильную и успешную Россию»	8530
КПРФ	«Десять шагов к власти народа»	2538
ЛДПР	«Мы за бедных! Мы за честных!»	2062
СРПЗП	Предвыборная программа	2007
«Яблоко»	«Свобода и закон. Надежда на будущее»	1270
«Родина»	Основные тезисы	937
РППСС	Обращение партии пенсионеров	1074
«Новые люди»	Основные положения	1343

[759] Десять шагов к власти народа. Предвыборная программа КПРФ // Официальный сайт КПРФ-2021. https://kprf.ru/party-live/cknews/203630.html, Предвыборная программа ЛДПР-2021. // Официальный сайт ЛДПР. https://ldpr.ru/party, Предвыборная программа Социалистической политической партии «Справедливая Россия-Патриоты-За Правду» - 2021 // Официальный сайт партии СРПЗП. https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269a.pdf, Программа Российской объединённой демократической партии «Яблоко». 2021 // Официальный сайт РОДП «Яблоко». https://www.yabloko.ru/program2021, Обращение партии пенсионеров. 2021 // Официальный сайт партии РППСС. https://pensioner.party/obrashhenie-partii-pensionerov.html, Основные положения программы Политической партии «НОВЫЕ ЛЮДИ». 2021 // Российская газета. https://rg.ru/2020/06/26/partiya-dok.html (дата обращения:19.09.2021).

[760] Председатель «РОДИНЫ»… // Официальный сайт партии «Родина». https://rodina.ru/novosti/Aleksej-ZHuravlev-predstavil-na-VIICezde-partii-osnovnye-tezisy-predvybornoj-programmy-RODINY (дата обращения:19.09.2021).

[761] Народная программа «Единой России» // Официальный сайт партии «Единая Россия». https://np.er.ru

[762] Программа «Единой России» может стать стратегией развития страны на пять лет. 2021 // Официальный сайт партии «Единая Россия». https://er.ru/activity/news/programma-edinoj-rossii-mozhet-stat-strategiej-razvitiya-strany-na-pyat-let-dmitrij-medvedev (дата обращения:19.09.2021).

[763] *Комаровский В.С., Савенков Р.В.* Политическая повестка молодежи в программных документах партий на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. №4. С. 49-54., *Комаровский В.С., Савенков Р.В.* Политическая повестка и образ будущего в предвыборных документах политических партий на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г. // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. - №2. С. 21-36.

Перед стартом предвыборной гонки 2021 г. лидеры парламентских партий выступили с идейно-программными заявлениями. Общей смысловой линией крупнейших партий стала поддержка курса президента В. Путина (внутриполитического – «Единая Россия», внешнеполитического – КПРФ) и правительства М. Мишустина (КПРФ, СРПЗП, ЕР). Лидеры парламентских партии демонстрировали лояльность главе государства, уверенность в своей способности оказывать конструктивное влияние на его мнение. Общей у всех лидеров парламентских партий была негативная оценка А. Навального и его стремления вовлечь в протестные акции граждан[764]. По мнению С. Миронова, Навальный наносит вред, т.к. протестующие искренне возмущены несправедливым отношением к ним государства, однако не разделяют взглядов оппозиционного политика[765]. Из наблюдаемых партий только «Яблоко» позиционирует себя как противника политики президента РФ В. Путина и требует расследования отравления А. Навального. Однако основатель партии Г. Явлинский не поддерживает политическое направление А. Навального, обвинив последнего в популизме[766].

Артикуляция правительственной повестки системными парламентскими партиями сохранилась в предвыборных программах партий. Значимые предложения партий проанализированы по тематическим блокам: экономика, социальное обеспечение, госуправление, внешняя политика, оценка современного состояния/общественные вызовы и противники. Повестку партий по тематическим блокам можно объединить в две условные группы «государственники» – возлагающие свои надежды на качественное государственное регулирование и перераспределение и «частники» – требующие максимально сократить государственное вмешательство в экономику.

---

[764] «Главная цель – отобрать голоса у нас». Интервью с Г.А. Зюгановым // Коммерсант. 15.06.2021. https://www.kommersant.ru/doc/4856773 (дата обращения: 10.09.2021).

[765] «Я думаю, что мы ещё и «Единую Россию» потолкаем». Интервью с С.М. Мироновым. // Коммерсант. 29.04.2021. https://www.kommersant.ru/doc/4793611 (дата обращения: 10.09.2021).

[766] Явлинский, Г.А. Без путинизма и популизма. О смыслах текущей политики // Сайт Г. Явлинского. 06.02.2021. https://www.yavlinsky.ru/article/bez-putinizma-i-populizma/ (дата обращения: 10.09.2021).

В экономическом блоке в группу «государственников» входит КПРФ, предлагающая национализацию земли, предприятий стратегических отраслей и системообразующих банков, постепенный и справедливый пересмотр результатов приватизации. Основой экономики должен стать мощный государственный сектор, партия планирует вернуть в страну предприятия, зарегистрированные в офшорах, запретить регистрацию в иностранных юрисдикциях. СРПЗП повторяют требование национализации ключевых инфраструктурных отраслей и стратегически важных предприятий. «Государственники» предлагают вернуть госмонополию на алкоголь (КПРФ), табак, энергоресурсы (ЛДПР), вернуть госуправление в крупные торговые сети, энергетические и стратегические кампании. КПРФ, СРПЗП, РППСС предлагают вернуться к государственному планированию и регулированию экономики и цен. На необходимость проектного подхода и долгосрочного стратегического планирования указывают и «Новые люди».

«Частники» выступают за последовательное сокращение участия и регулирования государства в экономике. Партия «Яблоко» предлагает провести преобразование госкорпораций в акционерные общества, обеспечить публичную отчетность и аудит естественных монополий, а также добиться прозрачности и обоснованности их тарифов. Партия заявляет о возможности многократного расширения круга лиц, владеющих акциями крупных предприятий. «Новые люди» предлагают создавать возможности для бизнеса, не душить его налогами, отказаться от убыточных государственных проектов, а все крупные и прибыльные отрасли экономики освободить от государственного управления.

В налоговой сфере «государственники» КПРФ, РППСС и ЛДПР требуют введения прогрессивной шкалы на доходы физических лиц, отмены НДС[767], освобождения от уплаты НДФЛ малообеспеченных граждан, введения прогрессивной шкалы НДФЛ. СРПЗП добавляют введение налога на роскошь, освобождение от налогов самозанятых, малый бизнес, налоговые льготы для

[767] СРПЗП – снизить НДС до 15%.

высокотехнологичных кампаний. Налоговые льготы для малого бизнеса предлагают «частники» - «Яблоко» и «Новые люди».

Все наблюдаемые партии признают необходимость развития *социальной* поддержки граждан со стороны государства. «Государственники» предлагают удвоить прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда (КПРФ - до 25 тыс. руб., СРПЗП – до 31 тыс. руб.). Партии предлагают ограничить рост стоимости услуг ЖКХ (КПРФ – до 10% дохода семьи, СРПЗП – до 15%), передать ответственность за капремонт государству. Все партии группы отмечают общее снижение доходов населения. Однако проблемную тему перехватила «Единая Россия», запустив масштабный информационный проект по контролю цен на продукты первой необходимости (т.н. «борщевой» набор) и поддержку фермерских хозяйств[768]. ЕР позиционирует себя подлинной защитницей наиболее уязвимых категорий граждан, способной оказать реальную, а не вербальную помощь.

Партии левой идеологической ориентации придумывают оригинальные названия проектам борьбы с бедностью – главной проблемой по мнению СРПЗП и РППСС. СРПЗП возлагает на государство ответственность за обеспечение подлинной социальной защиты граждан, введение Справедливого Базового дохода – постоянной, регулярной бюджетной выплаты малоимущим гражданам и семьям с детьми, распределение доходов от использования природной ренты между всеми гражданами страны в равной степени. В партии оценивают такие выплаты в 10 000 руб. ежемесячно. «Родина» предлагает передать Сбербанку функции Пенсионного фонда, РППСС – ликвидировать Пенсионный фонд совсем. Партия пенсионеров требует принятия Социального кодекса с едиными механизмами обеспечения конституционных прав граждан в этой сфере, повысить размер трудовой пенсии и уровня оплаты труда, закрепить самоопределение пенсионного возраста (т.е. выход на пенсию не по возрасту, а после достижения определенного трудового стажа). Как и левые партии,

[768] Андрей Турчак: Цены на «борщевой» набор снизятся в течение двух недель // *Официальный сайт партии «Единая Россия»*. https://er.ru/activity/news/andrej-turchak-ceny-na-borshevoj-nabor-snizyatsya-v-techenie-dvuh-nedel (дата обращения: 20.09.2021).

«Яблоко» упоминает о своем варианте перераспределения доходов от экспорта природных ресурсов: часть средств направлять на индивидуальные накопительные счета граждан.

Все партии, кроме «Единой России» и «Новые люди», в программах обозначили требование отменить пенсионную реформу, вернуть прежний пенсионный возраст. Однако позиция партий по непопулярной реформе никак не выделена, во всех программах «спрятана» в тексте. Искусственное «охлаждение» актуальной темы можно объяснить одобрением проекта реформы В. Путиным, к которому партии относятся лояльно. Усилиями масс-медиа ответственность за пенсионную реформу целиком ложится на партию «Единая Россия», поэтому кандидаты от партии уверенно объясняют неизбежность реформы, позволившей сохранить и даже повысить выплаты сегодняшним пенсионерам.

Не стала доминирующей в программах партий проблема ограничений из-за пандемии COVID-19. Только в период избирательной кампании, реагируя на массовое раздражение страхам принудительной вакцинации, оппозиционные парламентские партии высказались против тотальной профилактической вакцинации. «В нынешней системе нет того государственного управления и того уровня доверия граждан к власти и к медицине, которые были в СССР. Люди воспринимают вакцинацию как очередной обман», - высказался Г. Зюганов[769]. «Принуждение людей делать прививку от короновируса незаконно, и виновные должны привлекаться к ответственности», - считает С. Миронов[770]. В предвыборной программе «Родина» предлагает освободить больницы от временных ковидных госпиталей и создать постоянно действующие. Невнятно тему затронули «Яблоко» и «Новые люди». В целом действия правительства в этой сфере не получили ни отрицательной, ни положительной оценки партий.

Во *внутриполитической повестке* партии обозначили своё отношение к изменениям Конституции и качеству функционирования политических

---

[769] «Людоедские законы – отменить». С чем идут на выборы коммунисты // РИА-Новости. https://ria.ru/20210624/kprf-1738472327.html (дата обращения: 20.09.2021).

[770] Сергей Миронов: вакцинацию от ковид нельзя превращать в «обязаловку» и кампанейщину // Официальный сайт партии СРПЗП // 10.02.2021. https://spravedlivo.ru/11006310 (дата обращения: 20.09.2021).

институтов. В предвыборной программе КПРФ предлагает полноценно отремонтировать Конституцию и избирательную систему, восстановить народное самоуправление, построить подлинное социальное государство. КПРФ категорически против электронного и трехдневного голосования. ЛДПР фактически предлагает введение цензуры, запрещая в эфире СМИ более 10% негативной информации, требуя больше говорить о достижениях, а также ввести патриотическое воспитание.

«Яблоко» и «Новые люди» требуют отмены «обнуления» президентских сроков и восстановления конституционного порядка, сокращения сроков полномочий Президента и Государственной Думы. «Яблоко» требуют установления парламентского контроля над исполнительной властью и правоохранительными органами, возвращения прямых выборов мэров городов, выборность Совета Федерации и мировых судей, свободы собраний и митингов. «Новые люди» предлагают обеспечить гарантии свободы выражения мнений, упразднить Роскомнадзор, повысить политическую конкурентность, проходной барьер для партий в Государственную Думу установить в 1 млн. голосов, отменить фильтры и сбор подписей для выдвижения кандидатов, сократить сроки президентских и парламентских полномочий. Партия «Новые люди» стремится артикулировать проблемы избирателей, родившихся и социализировавшихся в постсоветской России. Партия ориентируется на ценности спокойного и уважительного диалога с носителями иных точек зрения. Остальные партии ограничились общими словами о необходимости повышения эффективности управления и борьбы с коррупцией.

Полярно «государственники» и «частники» оценивают историческое прошлое страны. КПРФ, СРПЗП, ЛДПР гордятся достижениями СССР, а И. Сталина КПРФ считает самым популярным государственным деятелем. Реформы М. Горбачева и Б. Ельцина («лихие 90-е» годы XX-го века) «государственники» оценивают как несправедливость, ошибку (КПРФ), цивилизационную катастрофу (СРПЗП), отбросившую развитие страны и народа далеко назад. В программах КПРФ и СРПЗП регулярно проводятся риторические

параллели между благополучным и счастливым прошлым в СССР и бедственным положением трудового народа в современной России. «Яблоко», напротив, выступает за полное рассекречивание архивов советского периода, честную оценку советского этапа истории страны и десталинизацию. «Новые люди» уклоняются от оценки прошлого России, заявляя о своей сосредоточенности на будущем.

«Государственники» и «частники» расходятся в вопросах *внешнеполитических* приоритетов. Препятствием для развития России КПРФ считает вмешательство международных финансовых органов (МВФ, ВТО, Всемирный Банк), отечественных либеральных министров, рост числа военных баз НАТО: «ужесточаются санкции, идёт политическое давление». Россия должна восстановить свой статус мирового лидера, повысить боеготовность Вооруженных сил и информационно-технологическую защищенность. ЛДПР предлагает распустить НАТО и ограничить агрессию США. В группу «государственников» можно отнести и «Единую России»: по мнению её лидера Д. Медведева отношения России с ЕС и США драматически ухудшились из-за пренебрежительного отношения Запада к России во внешнеполитическом курсе[771]. «Яблоко» и «Новые люди» требуют миролюбивой внешней политики, отказа от навязывания психологии «осажденной крепости» и образа «внешнего врага» из других стран. «Яблоко» выступает за нормализацию отношений с Европой и НАТО и против международной изоляции.

В вопросах ближнего зарубежья «государственники» эксплуатируют ностальгию по СССР своих единомышленников. КПРФ ратует за сближение с Беларусью (в тексте программы - Белоруссия), Украиной и Казахстаном, признание ДНР и ЛНР. Признание независимости ЛНР и ДНР также стало требованием СРПЗП. ЛПДР предлагают вернуть бывшие территории СССР через процедуру референдума. «Яблоко» напротив выступает за отказ от

[771] «Идеальных партий не бывает». Интервью с Д.А Медведевым // Коммерсант. 01.06.2021. https://www.kommersant.ru/doc/4837620 (дата обращения: 15.08.2021).

вмешательства во внутренние дела Украины и Беларуси и других государств на постсоветском пространстве.

В агитационных материалах партии обозначили своих *противников*. КПРФ считает «партию власти» своим главным оппонентом: «Единая Россия» принимает «людоедские» законы и фальсифицирует итоги выборов. Другие парламентские партии являются единой организацией под разными вывесками. Вторым своим противником КПРФ считает чиновников из правительства, которые обманывают В. Путина, не допускают к нему носителей здравых идей. РППСС возлагает вину за системный кризис в стране на депутатов Государственной Думы и неуточненных «реформаторов»[772]. СРПЗП своими противниками называет неопределенную буржуазию с компрадорскими методами, оффшорных капиталистов, коррупционеров и предателей. Другими словами, практически все наблюдаемые партии уклоняются от определения своего противника. Как писал сто лет назад К. Шмитт, субъектность группы или народа в политике формируется определением своего возможного (эвентуального) оппонента и последующим публичным предъявлением ему своих претензий.

В целом парламентские партии, сформировавшие корпус твердых избирателей, присоединяются к какой-либо идеологической семье: КПРФ выступает за левый поворот и строительство социализма; СРПЗП – переход к социализму и объединение настоящих патриотов. ЛДПР - отказывается от идентификации себя только с одной политической идеологией. В. Жириновский уверен, что либерализм сегодня – единственное политическое учение, в рамках которого действуют все структуры демократических институтов по всему миру. ЛДПР представляет смешанную программу: «мы считаем себя и либералами, и консерваторами, и патриотами», защищает интересы русских[773]. ЕР

---

[772] «Людоедские законы – отменить». С чем идут на выборы коммунисты // РИА-Новости. Режим доступа https://ria.ru/20210624/kprf-1738472327.html (дата обращения: 15.08.2021).

[773] «ЛДПР – девственница на политическом поле». Интервью с В.В. Жириновским // Коммерсант. 17.05.2021. https://www.kommersant.ru/doc/4815457 (дата обращения: 10.09.2021).

позиционирует себя как партия дела, обеспечивающая реальную защиту и заботу о простых гражданах.

В программах выделяются востребованные понятия, получившие широкий общественный резонанс проблемы. К примеру, смысловые конструкции со словами «перемены», «изменения», «реформы» используются только такими разными партиями как КПРФ, РПП, «Яблоко». Реагируя на актуализацию «городской» повестки, протесты в г. Екатеринбурге, партии ЛДПР и «Яблоко» предлагают защитить от вырубки городские парки, запретить на их территории строительство. Близкими по содержанию стали предложения «Яблоко» и «Новых людей» о безвозмездной передачи гражданам участков земли для индивидуального жилищного строительства и стимулирования переезда граждан из крупных городов.

Только две партии стремятся повысить уровень эмоциональности избирательной кампании (КПРФ и РППСС) фиксируя «системный кризис» в стране, высокую значимость предстоящих выборов для судьбы страны и граждан. По мнению лидера КПРФ Г. Зюганова итоги выборов нужно будет защищать мирными уличными акциями: «Если выборы будут нечестными, то закончится всё большой дракой»[774]. Коммунисты требуют от власти диалога по своей программе преодоления кризиса. Напротив, остальные партии реализуют ординарную предвыборную повестку. СРПЗП фиксирует неэффективность госуправления, погружение страны в бедность, нищету и социальное неравенство, однако партия не будет искать сомнительной поддержки на протестной теме. ЛДПР любые революции считает злом, а главным своим лозунгом провозглашает «тишину и порядок». РППСС выступает за кардинальное преобразование российского общества, не допустив новых войн и потрясений. «Новые люди» критикуют власть за постоянное кризисное управление, требующее героических усилий от граждан.

---

[774] «Главная цель – отобрать голоса у нас». Интервью с Г.А. Зюгановым // Коммерсант. 15.06.2021. https://www.kommersant.ru/doc/4856773 (дата обращения: 10.09.2021).

Содержательный анализ позволяет выделить действительно значимые для электората партии темы, которым уделено достаточно места, представлены этапы реализации и ритуальные идеи, не позволяющие сформулировать сути программного предложения. Ритуальной можно считать во всех программах поддержку образования, высоких технологий и цифровизации, развитие культуры. Одним из риторических приемов «прикрепления» партии к актуальной проблемной повестке являются заявления о том, как должно быть, или как не должно быть, (КПРФ, РППСС, «Новые люди»[775]), или диагноз современного состояния (СРПЗП[776]). Наиболее ясной и конкретной выглядит программа партии «Яблоко». Подтверждают результаты содержательного анализа данные контент-анализа программ партий: программными средствами были посчитаны наиболее часто употребляемые слова (Таблица 5).

Таблица 5

Наиболее часто употребляемые слова в программах оспаривающих партий

	КПРФ	СРПЗП	ЛДПР	РППСС	«Яблоко»	«Новые люди»	«Родина»
Развитие	16	6	3	11	12	2	1
Государство	23	24	7	3	5	23	-
Экономика	9	7	9	1	7	5	1
Социальное	9	5	3	19	3	-	-
Патриотизм	4	17	1	1	-	-	1
Справедливость	11	39	-	2	-	-	-
Будущее	2	5	-	2	2	6	1
Новое	5	-	-	-	-	8	-
Регионы	3	-	8	1	2	2	5
Свобода	2	3	5	1	10	5	1
Бизнес	2	6	12	-	2	2	2
Право	4	7	2	1	8	4	-
Культура	8	9	-	3	4	1	-
Жизнь	12	6	2	3	4	12	2
Возможность	1	1	1	3	3	12	-

[775] «Богатства России будут служить народу… Власть не вправе освобождать себя от контроля за ценами…» (КПРФ), «… честный труд должен стать надежной гарантией обеспеченной жизни и после выхода на заслуженный отдых» (РПСС), «… следует выбирать всех, от кого зависит жизнь людей» («Новые люди»).

[776] «Правда в том, что Россия – самая богатая природными ресурсами страна, доходы от которых идут в карманы незначительной состоятельной верхушки… в том, что человек, имея работу и трудясь, остается за чертой бедности» и т.п.

Релевантные политические партии в современной России сохраняют привычную стратегию по выполнению базовой функции политической партии – представительства интересов социально-демографических групп избирателей. «Партии-старожилы» артикулируют традиционный дискурс, ориентируясь на своих твердых избирателей, а новые партии перехватывают идеи «старожилов» («Новые люди» повторяют идеи «Яблока»). По нашим наблюдениям, у каждой партии своя идейная ниша, с хорошо изученной проблематикой: партии левой ориентации подробно описывают процессы национализации/социализации крупной собственности, повышения налогов на богатых, увеличение зарплат и пенсий. Зафиксировано множество содержательных пересечений в программах КПРФ и СРПЗП, хотя совпадений использования конкретных слов практически нет. РППСС и ЛДПР ориентируются на раздраженных избирателей, ностальгирующих по СССР, озвучивают популистские проекты и идеи. «Яблоко» лаконично и системно обосновывает необходимость политических преобразований, реформу судебной системы, нормализацию международной обстановки. «Новые люди» постулируют такие же идеи, позиционируя себя как новую и современную политическую силу. Несмотря на снижение рейтинга, партия «Единая Россия» сохраняется как партия, созданная В. Путиным и способная к реальному удовлетворению конкретных и эмоциональных потребностей избирателей: патриотизм, обеспечение заботы, защиты граждан, поддержка культуры и юных талантов. Первая пятерка предвыборного списка партии артикулирует это лучше любого текста. Используя информационное доминирование, ЕР позиционирует себя как партия реальных дел, выполняющая свои социальные обязательства даже в условиях неблагоприятного внешнего давления.

В целом, осторожная риторика лидеров оппозиционных партий иллюстрирует отсутствие стремления выразить интересы и настроения крупных сегментов избирателей, получить большее представительство в Государственной Думе. Партии артикулируют традиционный набор проблемных тем, избегают представления нового оригинального проекта будущего, сосредотачиваясь на

совершенствовании существующих институтов, не вдохновляя яркими образами будущего или сильными эмоциями. Изучение содержания программ партий демонстрирует наличие общих тем, пересечение политических повесток (отрицание пенсионной реформы, необходимость конституционной реформы и реформы избирательной системы), однако действующие лидеры относятся друг к другу враждебно и с недоверием, что блокирует возможность коалиционных действий. Кроме того, парламентские партии остаются в своих электоральных нишах и не смогут мобилизовать своих твердых избирателей в случае идейного сближения с другими партиями. Каждая партия вынуждена говорить понятным для своего нишевого избирателя языком: ведь без эмоций и обещаний на выборах не победить. У каждой программы своя доля конкретных предложений и популизма: меньше всего необоснованных эмоциональных обещаний и требований у партии «Яблоко».

Содержательный анализ предвыборных программ политических партий позволяет объединить их в две условные группы: «государственники» (ЕР, КПРФ, СРПЗП, ЛДПР, Родина, РППСС), рассматривающие государство центральным субъектом, способным ответить на главные вызовы российской общественной жизни, и «частники» («Яблоко», «Новые люди»), уверенные в способности российских граждан самостоятельно в рамках права объединяться и решать свои проблемы. Несмотря на существенные идейные расхождения, партии двух групп обозначили сходные позиции по актуальным вопросам общественной повестки: пенсионная и конституционная реформы. Однако названные темы не стали стержневыми в предвыборных программах, оказались «замаскированы» в тексте, в выступлениях лидеров озвучиваются без предложения альтернативы. Ограничительные действия правительства в связи с пандемией COVID-19 не получили оценок в программах партий. Только в публичных выступлениях лидеры артикулируют недовольство граждан принуждением к вакцинации. Реагируя на перемену настроений, лидеры партии «Единая Россия» присоединились к требованию исключительно добровольной вакцинации. Анализ подтвердил ориентацию парламентских партий на правительственную

повестку – артикуляцию позицию президента страны В. Путина. Из непарламентских партий только «Яблоко» критикует курс главы государства. Однако основатель партии уклоняется от поддержки А. Навального и представительства его сторонников в ходе выборов. Предвыборная повестка парламентских партий в 2021 г. ориентирована на мобилизацию своих твердых избирателей, практически не наблюдается стремление к масштабной мобилизации новых избирателей.

По наблюдениям С. Туронок, историю экспертно-аналитических центров – *экспертной площадки* публичного оспаривания - в нашей стране можно вести с конца 1950-х годов, когда они появились в связи с потребностью модернизации страны и изучения зарубежного управленческого опыта. Аналитические центры создавались по инициативе КПСС, получали государственное финансирование и задание. Наиболее авторитетными были Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт общественных наук и Институт марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Команда М. Горбачева в 1980-х гг. пыталась опираться на авторитетных ученых из академических институтов, обосновывая свои модернизационные проекты. В начале 1990-х гг. представители политической элиты выступают инициаторами создания аналитических центров. Однако большинство существующих тогда экспертно-аналитических центров сохраняли свои тесные связи с академическими кругами и зависимость от госбюджета, что сужало их свободу действий[777] и возможность конструктивно оспаривать политические проекты.

Общемировая тенденция вовлечения ученых и экспертов в процессы подготовки политических проектов с задержкой коснулась России. Кроме того, на становление экспертной площадки в России влияли не только глобальные факторы (общее снижение доверия к результатам социальных наук и их коммерциализация), но и специфические, такие как ослабление потребности в научных разработках со стороны государства и бизнеса; трансформация

[777] Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. С. 200-204.

института науки; слепое заимствование западных методологий и подходов к анализу российских реалий; феномен «утечки мозгов»[778]. С началом выхода экономики России из зоны стагнации, появляются крупные федеральные экспертные площадки: в 1999 г. был создан Центр стратегических разработок под руководством Г. Грефа – некоммерческая организация по разработке и реализации стратегии долгосрочного развития экономики РФ[779], а в 2001 г. клуб «Гражданские дебаты» (Г. Павловский). Созданием экспертных площадок демонстрировалась высокая заинтересованность российской власти в экспертном сопровождении своей деятельности. Участившиеся экспертные семинары выполняли важную функцию по интеграции экспертного потенциала и вовлечения гражданских лидеров, повышения уровеня их компетентности[780].

Одним из самых известных эпизодов влияния экспертов на политические процессы стал доклад Совета по национальной стратегии (руководитель С. Белковский) «Государство и олигархия» (2003 г.). В докладе утверждалось, что олигархи стремятся укрепить собственную власть и готовят «переворот» путем изменения Конституции и ограничения власти президента. Глава «заговора» – президент ЮКОСа М. Ходорковский имеет особое влияние на премьер-министра РФ М. Касьянова и руководителя Администрации Президента А. Волошина. Авторы документа доказывали, что такой сценарий усиления власти олигархов превратит страну в сырьевой придаток Запада, приведет Россию к бедности, деградации и распаду. Публикация доклада стала поводом расследований Генеральной прокуратуры РФ в отношении руководителя НК «ЮКОС» М. Ходорковского и главы финансовой группы «Менатеп» П. Лебедева[781].

В 2009 г. президент России Д. Медведев программной статьей «Россия, вперед!» пригласил всех граждан и экспертов к обсуждению направлений модернизации страны и устранения структурных недугов: отсталая сырьевая

---

[778] *Зарубина Н., Носкова А., Темницкий А.* Глобализация науки и доверие к социальному знанию // Международные процессы. Т. 15. №1. С. 186-187.
[779] Центр стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/ru/about.php (дата обращения: 20.06.2020).
[780] *Сунгуров А.Ю.* Экспертные семинары как коммуникативные площадки //Полития. 2018. №4. С. 186-187.
[781] См. Совет по национальной стратегии вновь роет яму олигархам // РБК. 12.09.2003. https://www.rbc.ru/economics/12/09/2003/5703c0619a7947dde8e06eb0 (дата обращения: 02.02.2021),

экономика, коррупция и избыточность государства и широко распространенные в обществе патерналисткие настроения[782]. В поддержку модернизации выступил Институт современного развития (ИнСоР), целью которого было налаживание тесных, системных отношений между государством и экспертным сообществом, формирование и поддержка инициатив, направленных на модернизацию российского общества и государства[783]. В докладе «Россия XXI века: образ желаемого завтра» к дискуссии была предложена консолидированная позиция экспертов разных специализаций, сформулированная по итогам ряда предварительных разработок в области философии и гуманитарного знания, политологии, теории управления, экономики, социальных наук, объединенных общими ценностными установками, общими представлениями о социальной этике и политической морали. Условием реализации модернизационного проекта в экономике было названо обновление политической системы[784].

Ответом на доклад стало оформление экспертного сообщества с охранительными позициями, доказывающими несвоевременность и даже ненужность политических инноваций[785]. Оппоненты увидели в Докладе призывы к дестабилизации политической системы, в то время как Д. Медведев предлагал её развивать. Критики обвинили экспертов ИнСоР в продвижении «интересов элит 90-х» и попытке присоединиться к модернизационному проекту президента Д. Медведева[786]. Дискуссия о модернизации России стимулировала формирование фабрик мысли, объединяющих экспертов с определенными идейными позициями.

В 2012 г. по инициативе А. Кудрина создано ещё одно сообщество экспертов, объединенное идей модернизации страны и укрепления демократических институтов – Комитет гражданских инициатив[787]. В 2012 г. создан Изборский клуб, объединивший политиков, мыслителей и общественных

---

[782] *Медведев Д.А.* Россия, вперед! // Официальный сайт Президента России. 10.09.2009. http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413 (дата обращения: 12.02.2021).
[783] Институт современного развития. UPL: http://insor-russia.ru/about_us/ (дата обращения: 20.06.2020).
[784] Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010. С. 5, 10.
[785] *Глухова А.В.* Постижение непостижимого… С. 155.
[786] ИНСОР вызвал спор // Известия. 04.02.2010. https://iz.ru/news/358058 (дата обращения: 02.02.2020).
[787] Комитет гражданских инициатив. UPL: https://komitetgi.ru/about/ (дата обращения: 20.06.2020).

деятелей государственно-патриотической направленности. Идеологическое направление Изборского клуба можно обозначить как социальный консерватизм, попытку синтеза в единую идейную платформу различных взглядов русских государственников[788]. Известными стали две фабрики мысли, организованные бывшими сотрудниками Управления внутренней политики Администрации Президента К. Костиным и Д. Бадовским: первый стал председателем правления негосударственного Фонда развития гражданского общества (ФоРГО)[789], а второй – председателем совета директоров некоммерческого фонда «Институт социально-экономических и политических исследований»[790]. Самым известным аналитическим продуктом ФоРГО являются публикуемые «рейтинги эффективности губернаторов», а ИСЭПИ перехватил функции оператора президентских грантов в направлении социально-политических исследований и закрепил за собой роль центра исследований российского консерватизма. Другим центром консервативной мысли и общественного действия стал Центр консервативных исследований А. Дугина, осуществляющий теоретическое обоснование неоевразийской идеи[791].

Академическими политологами были созданы две профессиональные ассоциации с разветвленными региональными представительствами: Российская ассоциация политической науки и Российское общество политологов[792]. Члены сообществ участвуют в деятельности общественных организаций, консультативных структурах органов власти. Оператор исследовательских грантов в области политологии Экспертный институт социальных технологий (ИЭСИ) задает основные направления научных исследований[793].

---

[788] Изборский клуб. URL: https://izborsk-club.ru/about (дата обращения: 20.06.2020).

[789] Фонд Развития гражданского общества // Официальный сайт. URL: http://civilfund.ru (дата обращения: 30.08.2021).

[790] Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований» // Официальный сайт. URL: http://www.isepr.ru (дата обращения: 30.08.2021).

[791] *Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб.: Алетейя, 2016. С. 108-111.

[792] Российская ассоциация политической науки. URL: https://www.rapn.ru , Российское общество политологов. URL: http://ruspolitology.ru (дата обращения).

[793] Экспертный институт социальных исследований // Официальный сайт. URL: https://eisr.ru (дата обращения: 30.08.2021).

Низкое качество принимаемых нормативно-правовых актов побудило к расширению участия экспертного сообщества в рассмотрении проектов НПА и регламентации экспертной законопроектной деятельности[794]. К примеру, заявлен, но не проработан правовой механизм инициативного участия в экспертизе законопроектов внешних организаций, например, совета Федеральной палаты адвокатов[795]. В 2015 г. при Общественной палате РФ создан научно-консультативный Совет для осуществления научной и экспертно-консультативной поддержки, оказания научно-методической помощи Общественной палате Российской Федерации[796].

В России появились собственные экспертные площадки по анализу международных проблем и разъяснению внешнеполитических шагов России. В 2004 г. создан международный дискуссионный клуб «Валдай», который с 2014 г. ориентирован на формирование глобальной повестки дня, квалифицированной и объективной оценки мировых политических и экономических проблем[797]. В 2010 г. распоряжением Президента РФ было создано некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», задача которого стать связующим звеном между государством, экспертным сообществом, бизнесом и гражданским обществом в решении внешнеполитических задач страны[798].

Наиболее масштабным случаем участия экспертного сообщества в совершенствовании избирательного законодательства остается разработка Избирательного кодекса Российской Федерации в 2008–2010 гг. под руководством А.Е. Любарева. При этом инициатива создания Избирательного кодекса по большей части исходила «снизу», а непосредственным инициатором проекта выступила ассоциация «Голос»[799]. Ключевую роль в разработке играли

---

[794] *Маштакова Е.А.* Общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов как фактор демократизации правотворчества // Юридическая техника. 2014. №8. С. 271.

[795] Ст. 37. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/

[796] Решение совета Общественной палаты Российской Федерации от 06.07.2015 г. №61-С.

[797] Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: https://ru.valdaiclub.com/about/valdai/ (дата обращения: 20.06.2020).

[798] Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/about/ (дата обращения: 20.06.2020).

[799] Организация внесена в Реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

не органы власти и политические партии, а представители общественности и экспертного сообщества. Параллельно с разработкой Избирательного кодекса происходила широкая общественная дискуссия, проводились экспертные круглые столы во многих субъектах РФ. Разработанный таким способом Избирательный кодекс Российской Федерации не был внесен для обсуждения в Государственную Думу из-за отсутствия в среде авторов субъектов законодательной инициативы[800].

Созданные федеральные экспертные площадки организуют дискуссии и публикуют аналитические материалы по темам своей специализации. Однако возможности публичного оспаривания на экспертных площадках России незначительные. По наблюдению специалистов, общественная экспертиза в современной России сводится к её имитации[801], а некоторые и вовсе отказывают стране в наличии структурированного интеллектуального сообщества[802]. Экспертные площадки существенно политизированы, сохраняют ресурсную зависимость от создавших их крупных политиков, административных сетей, что подталкивает их к непримиримому обоснованию политических проектов, укрепляющих политические позиции их заказчиков в публичном пространстве.

В целом, экспертная площадка в современной России является объединением экспертов, как правило, с определенными политическими взглядами. Несмотря на идеологическую предвзятость, экспертные площадки создают важный продукт для политического оспаривания – политические тексты (проекты), которые могут стать дискурсивным основанием для предложения политических альтернатив и поиска единомышленников.

Выводы к главе III. В России XXI века сформировались скорее неблагоприятные структурные факторы для публичного оспаривания. Ресурсный дефицит испытывают практически все потенциальные субъекты критики и оппозиционного действия. Доминирование института Президента РФ в

---

[800] *Сунгуров А.Ю. Шамшура К.А.* Политическая наука и экспертное знание… С. 79.
[801] *Сунгуров А.Ю.* Общественная и гражданская экспертизы... С. 91.
[802] *Иноземцев В.* О причинах дефицита идей // История учит. Письма о гражданском просвещении и образовании. М.: Московская школа политических исследований, 2013. С. 230.

политической системе и особенности политического режима повышают издержки и риски протеста и оспаривания политических проектов. Жители крупных городов (т.н. «самозанятые») проявили большую готовность к артикуляции политических проектов развития политической системы («За честные выборы», «Допускай!»), в то время как «лояльные» выдвигали защитные требования сохранения привычных государственных форм социальной поддержки (сопротивление монетизации льгот и пенсионной реформе) и локальным темам «NIMBY». Образовавшийся фронтир между общественными потребностями мегаполисов и остальной страной усиливает неравномерность сферы публичной политики, создает препятствия для диалога и выработки консенсусных политических проектов развития. В итоге протестная активность граждан в рассматриваемый период обеспечила уступки от власти по локальным неполитическим темам.

Анализ практик публичного оспаривания фиксирует слабые связи между площадками, низкую конвертацию оппонирующего потенциала одних площадок на других. Оспаривание на дискурсивной и протестной площадках повышает внимание властей к манифестируемым проблемам, однако предложенные в гражданской сфере альтернативы, как правило, лишь формально учитываются в процессе принятия политических решений. Как следствие, «… в России так и не сложилась ситуация, позволявшая бы интегрировать оппозиционные партии, массмедиа и всех несогласных в общее русло национальной стратегии развития, в общий поток усилий по укреплению институтов власти»[803].

Неудачные попытки перехода субъектов политического оспаривания с протестной площадки на электоральную можно объяснить двумя причинам: во-первых, из-за препятствий в регистрации в качестве кандидатов на выборные должности, во-вторых, из-за отсутствия у лидеров собственного политического проекта, способного к мобилизации избирателей за пределами локальных сообществ. Граждане, общественные движения, политические партии

[803] *Соловьев А.И.* Политическая повестка правительства... С. 21.

демонстрируют способности к конструктивному оппонированию проектов власти, но в меньшей степени - к артикуляции собственного альтернативного политического проекта.

Развитие цифровых технологий как расширяет возможности оспаривания на дискурсивной площадке, так и создает определенные ограничения. Использование Интернет создает технические возможности для обсуждения, критики, оспаривания и предотвращения действий правительства, позволяет вовлечь большее количество граждан, грамотной аргументацией расширить поддержку решений и действий власти. В то же время расширяются технические возможности для имитации электронного вовлечения граждан в коммуникацию с властью. Крайне редки примеры конструктивной цифровой коммуникации субъектов публичного оспаривания с целью выработки альтернативного политического проекта.

Социологи фиксируют формирование запроса на структурные перемены, постепенное расширение потребности в неконфликтной коммуникации с властью. Реагируя на этот запрос, власти запустили цифровые платформы, позволяющие влиять на процессы администрирования (policy). В то же время ограничены политико-правовые возможности публичного оспаривания политических проектов и выдвижения политических альтернатив (politics). Артикуляция и согласование политического проекта возможно только в политической сфере политическими группами (партиями) и их лидерами. Сужение политико-правовых возможностей и дефицитная ресурсная база снижают способности лидеров оппозиционных политических партий улавливать общественные настроения и публично оспаривать решения и действия власти. Разочарование общества в партиях, низкий уровень вовлечения граждан в партийную жизнь побуждают партийных лидеров искать иные (необщественные) каналы ресурсного обеспечения организации. В таких условиях партии перестают быть чувствительными к общественным потребностям и недовольству, теряют способность к разработке собственных альтернативных политических проектов.

Общемировое размывание границы между гражданской и политической сферой в разных политико-правовых условиях создаёт отличающиеся эффекты: в европейских странах наблюдается рост электоральной поддержки популистских партий и групп, в России – незначительный рост влияния оппозиционных партий не уравновешивает доминирования «партии власти», также использующей популистские приемы и технологии.

По нашему мнению, ограничение политико-правовых возможностей традиционных конвенциональных видов публичного оспаривания увеличивает уровень конфликтности между властью и активными гражданами, препятствует их конструктивному взаимодействию. По наблюдениям А. Соловьева «… в системе государственного управления… начала исчезать потребность не только в политической конкуренции, но и в публичных формах взаимодействия населения с властью»[804]. Задачей власти является создание благоприятных условий для открытия новых каналов институционального оспаривания. «Способность к диалогу с обществом можно рассматривать как признак подлинной силы государства, уверенности власти в своем «праве править»[805].

Экспертная площадка в состоянии выполнять функции по аргументации альтернативных взглядов, однако требуется базовый уровень кооперативной солидарности и разделяемых этических норм среди экспертного сообщества[806]. В рассматриваемый период наблюдается снижение политической независимости экспертов, символического их использования, когда эксперт осуществляет наукообразное обоснование уже принятых решений. Принципы демократии не существуют в природе, но эти принципы востребованы совестью. По мнению Ж. Бенда «… роль интеллектуалов как раз в том, чтобы провозглашать идеальность и противостоять тем, кто желает видеть в человеке только его материальные потребности и эволюцию способов их удовлетворения»[807].

---

[804] *Соловьев А.И.* Политическая повестка правительства... С. 12.
[805] Внутриполитическая повестка дня как фактор единства... С. 123., *Савенков Р.В.* Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (круглый стол) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. №4. С. 102-104.
[806] *Сунгуров А.Ю.* Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации //Политическая наука. 2015. №3. С. 61-62.
[807] *Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. С. 65.

Таким образом, в России публичное оспаривание на дискурсивной и электоральной площадках в настоящий момент не стало местом появления конструктивных альтернативных проектов и успешного вовлечения в диалог сторонников и противников власти. В современной России наблюдается резкое сужение конкурентной политики, слабость институтов публичного оспаривания, общественный запрос на расширение неконфликтных конструктивных каналов коммуникации между властью и обществом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный глобальный мир вошел в зону перманентной турбулентности: в самых разных уголках Земли оспариваются привычные правила политических взаимоотношений. Увеличиваются возможности граждан в получении информации, развивающиеся цифровые технологии создают новые инструменты информационного и политического воздействия, а акторы даже с небольшими ресурсами получают возможности оказывать влияние на стейкхолдеров. Решения и действия властных структур лишаются прежней анонимности, попадают под пристальное внимание гражданских структур и населения в целом, увеличивая степень ответственности за принимаемые решения.

Отличительной особенностью политического развития в демократических системах является снижение применения физического насилия участниками политических конфликтов для достижения своих целей. Недовольные граждане применяют всё новые и новые ненасильственные виды публичного предъявления требований и выражения недовольства, которые ещё не получили правового определения. Такие новые виды как очные и онлайн-дискуссии и общественные слушания, флешмобы, «гуляния», «захват» публичных пространств, «цифровые протесты» и т.п. становятся привычными и конвенциональным, но неинституционализированными формами публичного оспаривания. Несмотря на отсутствие правового статуса, они не сопровождаются политической деструкцией, не вызывают массового отторжения и тем самым легитимируются в общественном сознании.

Новым инструментом политической борьбы в цифровую эпоху становятся Интернет-платформы (например, «Твиттер», «Фейсбук» и др.), являющиеся частными компаниями, но заметно повышающими свою роль в политике. Как правило, они на стороне пользователей: и тем, и другим нужна свобода против давления со стороны власти, которая пытается их ограничить и навязать им свои ценности, нередко традиционалистские. Ареной противоборства становится

публичное пространство между элитными сетевыми сообществами, использующими государственные структуры и гражданским обществом.

Политическая наука, по наблюдениям российских исследователей, реагирует на «турбулентную трансформацию» в мире и России мультипарадигмальным плюрализмом[808], переходом от идеал-типического, аристотелевско-арендтовского понимания политики к иной трактовке ее природы. Некоторые ученые с оптимизмом смотрят на расширяющиеся возможности публичной политики[809], другие отмечают колонизацию неформальными сетями правящей элиты официальных структур и институтов власти в современном государстве, что ограничивает инструментарий публичной политики[810]. Другими словами, трансформация политической реальности сопровождается размыванием консенсуса в политологическом сообществе относительно когнитивных оснований анализа политики.

Концепт публичного оспаривания, на наш взгляд, позволяет исследовать возможности эволюционной трансформации общества и режима власти через аккумулирование общественной энергии и воли к переменам, выраженной в адекватных нынешним условиям формах. Субъективация гражданских структур в качестве значимых акторов политической динамики, позиционирующих себя в дискурсивном, электоральном, партийно-парламентском, экспертном и улично-протестном качестве и поддерживающих многостороннюю коммуникацию и солидарные действия, создает возможность блокировать авторитарные и репрессивные инстинкты власти, открывая дорогу сравнительно мирной/ненасильственной и постепенной трансформации общества в сторону современного открытого общества.

Институционализированные формы публичного оспаривания (деятельность политических партий, оппозиции в парламенте, религиозных

---

[808] *Гаман-Голутвина О.В.* Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. №5. С. 19-42.

[809] Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений / ред. С.В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2019., Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие. 349 с.

[810] *Соловьев А.И.* Власть и политика. Полемические заметки о «проклятых вопросах» политической науки // Полис. Политические исследования. 2020. №6. С. 135-147.

институтов и т.д.) теряют свою монополию на выражение общественных интересов, поскольку конкуренцию им (в выдвижении идей) составляют новые электронные медиа, стихийные самоорганизующиеся публики, сетевые социальные движения, популярные интеллектуалы и эксперты. В то же время артикуляция и агрегирование интересов, продвижение их в политическую повестку дня, заявительная компетенция на парламентском уровне по-прежнему остается партийной прерогативой. Отсюда институт парламентской оппозиции остается конструктивным и эффективным инструментом системных преобразований в рамках представительной демократической системы. Современные протестные движения нередко добиваются реальных уступок от власти, но только профессиональные оппозиционные политики, представленные в парламенте солидной и сплоченной фракцией, в состоянии осуществлять постоянный и системный контроль над ее решениями и действиями. Не случайно новые политические партии нередко возникают на основе успешных протестных движений; последние оказывают также весомую электоральную поддержку действующим политикам.

Как показало наше исследование, многообразие практик и эффективность публичного оспаривания зависят от типа политического режима, политико-правовых возможностей, сложившихся социокультурных традиций и форм диалога между властью и обществом. Демократические государства, столкнувшись с популистским вызовом, были вынуждены реагировать на него корректировкой политики, укреплением демократических институтов через их обновление: расширение репрезентации, учет выдвигаемых требований, увеличение социальной помощи населению (в период пандемии) и т.д. Демократические политики знают, что их власть ограничена как сроками, так и уровнем поддержки населения, поэтому вынуждены оперативно реагировать на возникающие проблемы. Авторитарные правители, напротив, озабочены в первую очередь самосохранением: они строят властные вертикали, осовременивают коммуникативное взаимодействие с гражданами в режиме социально-экономического патернализма, исповедуют верность традициям и

заботу «о народе». При этом они последовательно и настойчиво блокируют оспаривание любых правил политической конкуренции, фактически лишая образованную и прогрессивную часть общества политического представительства. Тактический успех правящей элиты оборачивается стратегическим проигрышем для общества в целом.

В то же время публичная сфера не всегда соответствует номинальным постулатам теоретиков: она отражает определенное содержание и состояние политического поля, которое мыслится в его конкретно-исторических пространственно-временных формах, не исключающих при этом возможности своего превращения в сугубо символическое явление, сохраняя ограниченные возможности гражданских акторов, не обладающих должными ресурсами и организованностью[811]. На протяжении первых двадцати лет XXI в. в России наблюдается амбивалентное развитие публичной политики. С одной стороны, в первое десятилетие века появляются новые гражданские инициативы, развиваются существующие общественные движения, как в столице, так и в регионах, а власть стимулирует лояльную общественную активность молодежи. С другой стороны, происходит сужение правовых возможностей для политической деятельности путем отказа от выборного формирования ряда органов власти и назначения на должности, повышения требований к партиям, сокращением количества правовых способов участия в электоральном процессе. Во второе десятилетие XXI в. наблюдался всплеск протестной активности (особенно в столицах) и ответное введение новых требований к участником публичных мероприятий; выдавливание зарубежных грантовых фондов, пользующихся их поддержкой российских НКО и масштабное финансирование лояльной гражданской активности; взрывное увеличение количества партий, не изменивших расстановку политических сил в национальном и большинстве региональных парламентов. Государство интенсивно развивает общественные палаты и советы, платформы цифровой коммуникации с гражданами, однако

[811] *Соловьев А.И.* Фронтирные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. №3. С. 188.

вовлеченность и удовлетворенность граждан взаимодействием с властью снижается вместе с падением её электоральной поддержки и участия в выборах. Расширение организационно-технических возможностей для артикуляции мнений, альтернативных и критических идей в России не привело к созданию благоприятной атмосферы для свободной равноправной коммуникации между властью и обществом.

В современной России преобладают неблагоприятные режимные (в том числе, правовые) возможности для публичного оспаривания. Основным аргументом выработки «стратегии сокращения» возможностей проведения публичных мероприятий стала защита общественного порядка, государственного суверенитета и эпидемиологические ограничения. Второй проблемой публичного оспаривания в современной России (отчасти вытекающей из первой) является низкая ресурсная база политических акторов, не ангажированных с властными структурами. В России резко ограничены возможности зарубежного финансирования российских НКО, политические стейкхолдеры в рассматриваемый период не видели перспектив вложения ресурсов в новые политические партии, предпочитая вступать в существующие парламентские партии. Ресурсный дефицит ограничивает оппонентов власти критикой предлагаемых ею проектов, но не позволяет вовлечь в обсуждение своих альтернативных идей широкие слои граждан.

Наряду со политико-правовыми ограничениями, противоречивое влияние на практики публичного оспаривания оказывают доминирующие ценности российского общества. С одной стороны, большинство граждан предпочитает легальные, неконфликтные и конструктивные форматы коммуникации с властью: участие в выборах, поддержка петиций, обращения в органы власти. С другой стороны, социологи фиксируют низкую ценность политического участия и потребности в самовыражении (Р. Инглхарт, К. Вельцель), преобладание недемократических взглядов в отношении своих оппонентов, пренебрежение к процедурам диалога с ними. В дискурсивном поле распространяются черно-белые оценки политических событий и субъектов, агрессивное отношение к

оппонентам, целенаправленно усиливается размежевание политических групп. Неблагоприятные режимные и ценностные факторы концентрируют внимание активного общественного слоя на социальных и локальных проектах власти, оставляя без обратной связи (критики и коррекции) политические проекты и решения.

К сожалению, в современной России немного примеров успешного конструктивного публичного оспаривания общероссийских политических проектов (на локальном уровне их гораздо больше). Иногда стихийные солидарные протестные действия граждан вынуждали власти пересматривать свои решения, идти на уступки. Однако результативное публичное оспаривание на протестной площадке не меняло сложившуюся систему отношений власти и общества. Ещё более скромные результаты публичного оспаривания наблюдаются на электоральной, партийно-парламентской площадках – сферах активности профессиональных политиков. Даже уступив, власть быстро восстанавливает свои потери, что дает исследователям основания усомниться в том, что реформы избирательной системы или расширение дискурсивных и делиберативных практик могут изменить существующую систему отправления власти[812].

В то же время результаты общественных и экспертных опросов сигнализируют об артикуляции общественного запроса на политические перемены, неудовлетворенность населения существующими способами коммуникации с властью, выпадение новых поколений избирателей из практикуемых властью механизмов политической социализации и мобилизации. Формирующийся запрос на новое качество политической системы, снижающаяся легитимность политических институтов и персон создают потенциальный спрос на конструктивную работу всех площадок публичного оспаривания, на устранение барьеров перетекания актуальных проблем с одной площадки на другую.

---

[812] См.: *Соловьев А.И.* Государство и общество: новые грани исторического конфликта. С. 18.

Несмотря на режимные и ресурсные ограничения, электоральная площадка в России остается наиболее приспособленной для формулирования альтернативных политических проектов, так как только на ней возможно повышение статуса субъектов оспаривания, наделение их «заявительной компетенцией» (М. Хеттих) – возможностью обсуждать собственные политические проекты на партийно-парламентской и экспертной площадках. Избиратели не несут больших затрат при поддержке субъектов новых проектов в день голосования. В неконкурентных режимах субъектам электоральной площадки ещё необходимо преодолеть режимные ограничения (быть допущенными к выборам, доказать свою электоральную состоятельность в виде весомого результата), что ставит их перед выбором стратегии взаимодействия либо с инкумбентом, либо со сторонниками обновления власти. При любом типе режима власть и оппозиция должны осознавать универсальную ценность коммуникации друг с другом и стихийно образующимися публиками (обществом), избегать силового подавления друг друга. Как подчеркивал в 1971 г. Р. Даль, «… развитие политической системы, при которой возможны оппозиция, конкуренция или состязательность между правительством и его оппонентами, является важнейшим аспектом становления демократии»[813].

Политика остается местом ассоциации и диссоциации граждан, местом перманентного конфликта. «Текучая современность» никому не гарантирует постоянного статуса и влиятельности, подталкивая к конструктивному взаимодействию с контрагентами. Обсуждение принимаемых властных решений, равное и честное участие в формировании органов государственной и муниципальной власти остаются наиболее приемлемыми формами влияния общества на своих правителей. Без конструктивного и легального участия граждан в политике невозможно эффективное и справедливое функционирование современного государства. Политическая система должна обеспечить правовые и реальные возможности не только для лояльной поддержки политических

[813] *Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция. С. 6.

проектов правящих кругов, но и для законной демонстрации гражданами своего несогласия, разработки и предложения альтернативных вариантов развития страны. Гражданская активность, конвенциональное выражение своей позиции, своего несогласия является, пожалуй, единственным достоверным каналом предоставления информации о процессах в обществе, средством от иллюзий власти относительно своих успехов, возможностью избежать управленческих ошибок. Наличие разных политических взглядов, подходов, позиций является нормой современной политической жизни, а делиберативные процедуры позволяют приходить к согласию - ключевой ценности демократии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы, базы данных, сайты официальных органов власти

1. Большинство россиян отказались митинговать ради изменений к лучшему // Левада-Центр. – 13.02.2019. - URL: https://www.levada.ru/2019/02/13/bolshinstvo-rossiyan-otkazalis-mitingovat-radi-izmenenij-k-luchshemu/ (дата обращения: 15.03.2019).
2. Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – URL: http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 06.06.2020).
3. Деятельность общественных институтов (ежемесячный рейтинг) // ВЦИОМ. - URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 30.06.2020).
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. // Российская газета. - 11.06.2019. – URL: https://rg.ru/2019/06/11/a1701940-dok.html
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета. – 17.04.2018. – URL: https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2012. – 144 с.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. Общественная палата Российской Федерации. 2019.
8. Заявление Совета при Президента РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – 24.01.2019. – URL: http://president-sovet.ru/documents/read/628/ (дата обращения: 10.12.2019).

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

10. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

11. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации - URL: https://minjust.gov.ru (дата обращения: 20.01.2021).

12. Портал открытых данных Российской Федерации. – URL: https://data.gov.ru (дата обращения: 22.08.2020).

13. Послание Президента России Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 23.12.2011. – URL: https://rg.ru/2011/12/22/stenogramma.html (дата обращения: 10.12.2019).

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу № 12-П/2012 от 18 мая 2012 г. о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 г № 4-П «По делу о проверке конституционности федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

16. Постановление Правительства РФ от 10.07.2013 г. №583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-коммуникативной сети

«Интернет» в форме открытых данных» // Правовая база «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/70413590/ (дата обращения: 22.08.2020).

17. Постановление Правительства РФ от 25.08.2012 № 851 (ред. от 07.05.2020) «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134469/ (дата обращения: 25.08.2020).

18. Протестный потенциал // ВЦИОМ. Рейтинги. - URL: https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial (дата обращения: 20.08.2020).

19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.10.2015 № 2029-р // Сайт Правительства Российской Федерации. – URL: http://government.ru/docs/all/103759/

20. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158273/ (дата обращения: 20.08.2020).

21. Распоряжение Президента РФ «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации» от 15.01.2020 // Официальный сайт Президента РФ. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62589 (дата обращения: 20.02.2021).

22. Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год // Федеральная служба государственной статистики. 01.02.2021. - URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/113015 (Дата обращения:05.02.2021).

23. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

24. Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 г. №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная

инициатива» // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36853 (дата обращения: 24.08.2020).

25. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336/ (дата обращения: 11.07.2020).

26. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 20.08.2020).

27. Федеральный закон от 02.04.2012 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон от 11.07.2001 №95-ФЗ «О политических партиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

28. Федеральный закон от 02.06.2016 № 179-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

29. Федеральный закон от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

30. Федеральный закон от 04.04.2005 №32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/ (дата обращения: 22.08.2020).

31. Федеральный закон от 07.06.2017 № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

32. Федеральный закон от 08.12.2010 № 344-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

33. Федеральный закон от 09.03.2016 № 61-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

34. Федеральный закон от 09.03.2016 № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

35. Федеральный закон от 11.10.2018 № 367-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 10 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

36. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. 02.12.2019) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

37. Федеральный закон от 12.06.2002 №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 11.12.2018) // Справочная система Консультант-Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/

38. Федеральный закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

39. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

40. Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

41. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/28d7b2d53fe37b41c89ba7087f9f529fa9b7f2fc/ (дата обращения: 22.08.2020).

42. Федеральный закон от 21.07.2014 № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

43. Федеральный закон от 22.08.2004 №122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025/ (дата обращения: 20.08.2020).

44. Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

45. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

46. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

47. Федеральный закон от 27.12.2018 № 555-ФЗ «О внесении изменения в статью 3.1 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к

нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

48. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

49. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 23.08.2020).

50. Change.org. Глобальная платформа для ваших кампаний. URL: https://www.change.org (дата обращения: 10.07.2020).

Научная литература

51. Александров К.А. Картельная политическая партия как фактор трансформации партийной системы современной России: автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Александров Константин Александрович. – Орел., 2014. – 23 с.

52. Алмонд Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.

53. Аль-Дайни М.А. Электоральный протест: теоретические проблемы и возможности региональных исследований // Социально-гуманитарные знания. – 2017. - №2. – С. 269-280.

54. Аляев А.В. Политические процессы в Польше в переходный период: опыт трансформации внутренней и внешней политики в 1989-1998 гг.– М., 2003. – 170 с.

55. Арендт Х. Vita Activia, или О деятельной жизни / пер. с нем. И англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.

56. Аристотель. Политика. - М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. - 393 с.

57. Артюхина В.А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. - 2017. - №11. - С. 30-34.

58. Асемоглу Д., Робинсон Дж. Экономические истоки диктатуры и демократии. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.

59. Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л.В. Сморгунова. - М.: (РОССПЭН), 2021. - 310 с.

60. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. - М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. – 301 с.

61. Ахиезер А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – М.: Новое издательство, 2013. – 496 с.

62. Ахременко А.С. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 200-225.

63. Ахременко А.С., Беленков В.Е., Петров А.П. Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно) // Полис. Политические исследования. - 2021. - №3. - С. 147-165.

64. Ахременко А.С., Мелешкина Е.Ю. Голосование «против всех» как форма политического протеста: проблемы изучения // Политическая наука. - 2002. - №1. - С. 26.

65. Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. - 2020. - №2. - С. 73-91.

66. Балашов А.Н. Интернет-технологии как фактор повышения эффективности деятельности политических партий // Государственное управление. Электронный вестник. - 2015. - №49. - С. 121-137.

67. Балашов А.Н. Сетевые политические партии: особенности и перспективы в российском политическом процессе // Среднерусский вестник общественных наук. - 2015. - №1. - С. 47-55.

68. Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли и экспертные сообщества. - СПб.: Алетейя, 2016. - 240 с.

69. Баранов Н.А. Делиберативная политика в условиях кризиса представительной демократии // Вестник СПбГУ. - 2014. - Сер. 6. - Вып. 4. - С. 127-133.

70. Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. - 2012. - №10. - С. 143-152.

71. Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. – 2012. – №3. – С. 50-65.

72. Барсуков Н.С. «Эхо-камеры» в Интернете: иллюстрация «эффекта эха» на примере Брексита // Государство и граждане в электронной среде. - 2018. Выпуск 2. - С. 73-86.

73. Баскакова Ю.М. Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016-2018 гг. и перспективы политического транзита. - М.: «ВЦИОМ», 2018. – 362 с.

74. Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? Рецензия А.А. Бирюкова // Социологические исследования. - 2016. - №7. – С. 157-161.

75. Бауман З. Индивидуализированное общество. - М.: Логос, 2005. – 390 с.

76. Бахарев А.А., Кузнецов И.И. Взаимодействие президента, правительства и парламента в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции // Политическая наука. - 2019. - №4. - С. 105-126.

77. Бек У. Что такое глобализация? - М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

78. Беляков А., Соколов А., Миронова С., Фролов А., Исаева Е. Трансформация протестных повесток 2019-2020 годов в социальных сетях // Journal of Sociology. - 2021. - Vol. 12. - No. 1. - PP. 3-19.

79. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. - М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. - 410 с.

80. Бигазиева С.С. Особенности парламентской оппозиции в политическом процессе современной России : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Бигазиева Светлана Сагатовна. – Саратов, 2013. – 24 с.

81. Борисенко А.В. Становление и развитие политической оппозиции в современной России: общефедеральные черты и региональные особенности: дис.

канд. полит. наук : 23.00.02 / Борисенко Александр Викторович. - Ставрополь, 2008. - 197 с.

82. Борисова А. Цифровые технологии в предвыборных кампаниях США // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. - №10. – С. 59-66.

83. Бродовская Е.В. Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа // Власть. - 2020. - Т. 28. - №6. - С. 81-88.

84. Бродовская Е.В., Ежов Д.А., Огнев А.С. Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулометрического анализа сетевого контента // Политическая наука. - 2021. - №.3. - С. 112-141.

85. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 3-18.

86. Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2020. - Т. 13. - №2. - С. 269-285.

87. Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. - М.: Институт права и публичной политики, 2010. - 234 с.

88. Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радушевский В.Б. Социальные боты как инструмент развития гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 19-42.

89. Вельцель К. Рождение свободы / под ред. Э.Д. Понарина, О.А. Оберемко; пер. с англ. А.В. Лисовского. – М.: АО «ВЦИОМ», 2018. – 404 с.

90. Видясова Л.А., Тенсина Я.Д. Исследование результативности работы портала «Российская общественная инициатива» // Государство и граждане в электронной среде. - 2017. - №1. - С. 56-65.

91. Виловатых А.В. Фактор цифровых технологий в развитии протестных движений // Проблемы национальной стратегии. - 2020. - №2 (59). - С. 174-185.

92. Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России: монография / под ред. А.В. Глуховой. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – 248 с.

93. Волков Д. «ОккупайАбай» уличный протестный лагерь в Москве в мае 2012 года глазами его участников // Вестник общественного мнения. - 2014. - №1-2. – С. 155-197.

94. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011- начала 2012 годов: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. - 2012. - №2. - С. 73-86.

95. Волков Д. Станет ли российское протестное движение массовым? // Институт современной России. – URL: http://imrussia.org/ru/аналитика/общество/2179-станет-ли-российское-протестное-движение-массовым.

96. Волков Д.А. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет / Д.А. Волков, С. Гончаров. - М.: Левада-Центр, 2014. – 58 с.

97. Володенков С. В. Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века // Диалог со временем. - 2020. - Вып. 71. - С. 49-56.

98. Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 341-364.

99. Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2020. - Т. 13. - №2. - С. 6-24.

100. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д., Черняховский С.Ф., Черняховская Ю.С., Каратеев А.Ю., Бубнов А.Ю., Антонов Д.Е. Трансформация политических институтов и политического участия в условиях цифрового общества // Информационные войны. - 2019. - №3. - С. 36-46.

101. Володина С. Институциональные факторы влияния на политическую конкуренцию: основные подходы к изучению и современная российская практика // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. - №4. - С. 27-36.

102. Воробьев А.А. Основные тенденции формирования оппозиционности в современном российском политическом процессе : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Воробьев Александр Анатольевич. – Саратов., 2013. – 26 с.

103. Воскресенский А.Е. Политическая оппозиция в современном российском обществе: состояние и тенденции развития : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Воскресенский Александр Евгеньевич. – М., 2005. – 25 с.

104. Гаврилов Г.А. Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Гаврилов Георгий Анатольевич. - Екатеринбург, 2003. – 156 с.

105. Гаджиев Х.А. Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. - 2020. - №3. - С. 147-171.

106. Гайворонский Ю.О. Факторы национализации партийной системы современной России // Полис. Политические исследования. 2- 018. - №1. - С. 45-61.

107. Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. - 2019. - №5. - С. 19-42.

108. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. - 461 с.

109. Гельман В. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. – СПб.: БХВ-Петербург, 2013. – 256 с.

110. Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Политические исследования. - 2004. - №4. - С. 52-70.

111. Гельман В. Политические партии в России: от конкуренции - к иерархии // Политические исследования. - 2008. - №5. - С. 135-152.

112. Гельман В.Я. Авторитарная Россия. Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М.: Говард-Рорк, 2021. – 359 с.

113. Гельман В.Я. Трудное возрождение российской оппозиции // Pro et Contra. - 2014. - Январь-апрель. – С. 106-123.

114. Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм: Сборник / Пер. с фр. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. - С. 263-506.

115. Глухова А.В. Демократия одного «клика»: возможности и проблемы управления в цифровую эпоху // Государство и граждане в электронной среде. - 2017. - Выпуск 1. - С. 252-267.

116. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.

117. Глухова А.В. Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования : автореф. дис. … д-ра полит. наук : 23.00.01 / Глухова Александра Викторовна. – М., 1997. – 54 с.

118. Глухова А.В. Постижение непостижимого (российская политика 2000-х годов в контексте глобальных и региональных процессов). - Воронеж: изд-во «ИСТОКИ», 2014. – 411 с.

119. Глухова А.В., Савенков Р.В. Новый авторитаризм в польском облачении (размышляя над прочитанным) // Полис. Политические исследования. – 2019.- №4. – С. 181-191.

120. Голосов Г. Сравнительная политология и российская политика, 2010-2015. Сборник статей. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. – 668 с.

121. Голосов Г.В. Демократия в России: инструкция по сборке. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 208 с.

122. Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Полис. Политические исследования. - 2005. - № 1. - С. 108-119.

123. Горбачев М.В. Политический проект как проблема политологического анализа // Политическая концептология. – 2018. - №. 2. - С. 47-57.

124. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегических изменений. отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. - М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 319 с.

125. Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. – 440 с.

126. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.

127. Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - Т. 13. - №2. - С. 229-248.

128. Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. – 2011. – январь-март. - Т. 15.- С. 6-19.

129. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Революции XX века: теоретический и количественный анализ//Полис. Политические исследования. - 2020. - № 5. – С. 130-147.

130. Гришин Н.В. Региональная оппозиция в России: чужеродный элемент в системе гибридного политического режима // ПолитЭкс. – 2014. – Том 10. - №4. – С. 5-26.

131. Громов Д.В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России). - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. - 510 с.

132. Громогласова Е.С. Глобализация и общественный протест //Международные процессы. - 2015. - № 4. - С. 57-73.

133. Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 630 с.

134. Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности : автореф. дис. … д-ра псих. наук : 19.00.01 / Гусейнов Александр Шамильевич. – Краснодар., 2016. – 53 с.

135. Даль Р. Демократия и её критики. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 576 с.

136. Даль Р. О демократии. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 204 с.

137. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. - 288 с.

138. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы / пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

139. Дарендорф Р. Тропы из утопии. - М.: Праксис, 2002. – 536 с.

140. Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения. - 2013. - №4. - С. 3-12.

141. Деконструкция Конституции: Что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе. Серия «Либеральная миссия – Экспертиза». Вып. 8 / под ред. К. Рогова. – М.: Фонд Либеральная Миссия», 2020. – 80 с. - URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/7489/Dekonstrukciya_Konstitucii___chto_nuzhno_i_chto_ne_nuzhno_menyat_v_rossijskom_Osnovnom_Zakone.pdf

142. Демократизация: учеб. пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель; пер. с англ. под науч. ред. М.Г. Миронюка ; предисл., сост. указателя М.Г. Миронюка; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 708 с.

143. Дерябина Е.С. Становление и развитие политической оппозиции в переходный период отечественной истории (1985-1993 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Дерябина Екатерина Семеновна. – Пермь, 1998. – 23 с.

144. Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. - М., 1997. - С. 135-139.

145. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева. - М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 504 с.

146. Домбровская А.Ю. Синяков А.В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. - 2021. - №3. - С. 142-160.

147. Дудаков М. «Цифровая» революция в Гонконге. Роль онлайн-инструментов в массовых протестах 2019 г. - М., 2019. – 38 с.

148. Дьяков А.В. Политическая функция интеллектуала: история и современность // Полис. Политические исследования. - 2019. - №1. - С. 21-32.

149. Дэвис У. Нервные государства. - М.: Издательство АСТ, 2021. – 352 с.

150. Дюверже М. Политические партии. - М.: Академический Проект, 2007. - 544 с.

151. Жестовская Д.А. Согласование места и времени публичного мероприятия: способ защиты прав или инструмент их ограничения // Петербургский юрист. – 2016. – №1. – С. 42-57.

152. Жувенель Б. де Власть: Естественная история её возрастания. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. – 546 с.

153. Завадская М.А, Лобанова О.Ю., Семёнов А.В. Когда партии протестуют? Сравнительный анализ партийного участия в движении «За честные выборы» в регионах // Политическая наука. – 2017. - №4. – С. 85-110.

154. Загайнова Г.Г. Монетизация льгот – социально-ориентированный эксперимент // Закон и право. - 2018. - №10. - С. 45-48.

155. Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезиденстких государств Европы и постсоветского пространства // Полис. Политические исследования. - 2007. - №2. - С. 146-164.

156. Зарубина Н., Носкова А., Темницкий А. Глобализация науки и доверие к социальному знанию // Международные процессы. - Т. 15. - №1. – С. 186-199.

157. Застой-2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики / под ред. К. Рогова. - М.: Либеральная миссия, 2021. – 80 с.

158. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. – СПб.: «Наука», 1993. – 172 с.

159. Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. - 1990. - №7. - С. 88-94.

160. Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально-политический журнал. - 1998. - №5. - С. 89-108.

161. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. - М.: Мысль, 2018. – 347 с.

162. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. - М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

163. Иноземцев В. О причинах дефицита идей // История учит. Письма о гражданском просвещении и образовании. – М.: Московская школа политических исследований, 2013. – С. 224 – 242.

164. Ионова А.О. Современные подходы к анализу политического дискурса // Политическая наука. - 2016. - №3. - С. 236-259.

165. Йоас Х., Кнёбль В. Социальная теория. 20 вводных лекций / пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. - СПб.: Алетейя, 2011. - 840 с.

166. Кабанов Ю.А. Что скрывается за «фасадом»? Исследовательская программа электронного участия в недемократических странах // Вестник Пермского университета. Политология. - 2018. - №3. - С. 50-66.

167. Кабанов Ю.А., Панфилов Г.О., Чугунов А.В. Мониторинг ресурсов электронного участия в России: методика и результаты // Государство и граждане в электронной среде. - 2020. - №4. - С. 572-573.

168. Кагарлицкий Б. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. - М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. – 280 с.

169. Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. – СПб.: ООО «Полиграф», 2013. – 256 с.

170. Калашников К.Н. Трудовые протесты в современной России: предпосылки и формы реализации // Социальное пространство. - 2017. - №2. С. 1-12.

171. Калдер Г. Демократия и слушание // Логос. - 2015. - Том 25. - №6. - С. 227-242.

172. Калинин Б.Ю. Российская оппозиция в период трансформации политической системы: структурно-функциональный анализ (1993-2004 гг. : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Калинин Борис Юрьевич. – Нижний Новгород, 2005. – 24 с.

173. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 127 с.

174. Капустин Б. Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир // Русский журнал. http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-perestaet-rabotat (дата обращения: 20.12.2021).

175. Касович А.А. Технологические аспекты управления политическим протестом в современной России : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Касович Александр Андреевич. - Саратов, 2015. – 239 с.

176. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Высшая школа экономики, 2020. – 591 с.

177. Кац Р., Мэир П. Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. - 2010. - №4. - С. 77-112.

178. Кац. Р., Мэир П. Изменение модели партийной организации и партийная демократия: возникновение картельной партии // Политическая наука. - 2006. - №1. - С. 27-42.

179. Кертман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. - М.: Три квадрата, 2010. – 688 с.

180. Кин Дж. Демократия и декаданс меди /пер. с англ. Д. Кралечкина. - М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.

181. Кинсбурский А.В., Топалов М.Н. Социальная напряженность и массовые акции протеста (к вопросу о механизме действия) // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – №1. – С. 20-33.

182. Кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России / под общ. ред. А.В. Понеделкова, А.М. Старостина. - М.: КРАСАНД, 2011. - 512 с.

183. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М.: Три квадрата, 2010. – 688 с.

184. Ковальчук С.К. Делиберативные онлайн-форумы в пространстве современной политической коммуникации: проблемы и перспективы : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Ковальчук Степан Кириллович. - М., 2019. - 201 с.

185. Козер Л. Функции социального конфликта. – пер. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.

186. Козлов С.Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. - 2020. - Вып. 79. - С. 154-169.

187. Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // Полис. Политические исследования. – 2014. - № 4. – С. 76-95.

188. Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция правовых представлений россиян: законопослушность или справедливость? // Полис. Политические исследования. - 2020. - №5. – С. 75-89.

189. Кольба А.И., Кольба Н.В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. – 2019. - №2. – С. 160-179.

190. Комаровский В.С. Образ будущего России глазами молодежи. – М.: Аспект-Пресс, 2021. - 224 с.

191. Комаровский В.С., Савенков Р.В. Политическая повестка молодежи в программных документах партий на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. - №4. – С. 49-54.

192. Комаровский В.С., Савенков Р.В. Политическая повестка и образ будущего в предвыборных документах политических партий на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г. // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22. - №2. – С. 21-36.

193. Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. - 2020. - №1. - С. 45-50.

194. Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. - М.: Политическая энциклопедия, 2018. - 262 с.

195. Конституция свободных людей vs Путинская конституция. – М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2020. 218 с. - URL: https://www.yabloko.ru/files/KONST_site.pdf

196. Коргунюк Ю. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. – 2017. - №1. – С. 90-119.

197. Коргунюк Ю. Партийная реформа 2012-2014 гг. и структура электоральных размежеваний в регионах России // Полис. Политические исследования. – 2015. - №4. - С. 97-113.

198. Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. - 2019. - №6. - С. 95-112.

199. Коргунюк Ю.Г. Организационное устройство «Единой России» и партии коммунистов Республики Молдова: взгляд изнутри / Ю.Г. Коргунюк, Е. Ю. Мелешкина // ПолитЭкс. - 2010. - №1. – URL: http://www.politex.info/ (дата обращения: 09.04.2019).

200. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. – 544 с.

201. Костюшев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. – 2011. - №4. – С. 144-157.

202. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? – СПб.: Алетейя, 2018. – 150 с.

203. Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. - М.: Весь Мир, 2003. - 784 с.

204. Красиков А.А. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущем. – М.: Ин-т Европы РАН: Рус. Сувенир, 2012. – 104 с.

205. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционально анализа. - М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. – 180 с.

206. Крауч К. Постдемократия. - М.: ИД ВШЭ, 2010. - 192 с.

207. Кревельд М. Трансформация войны / пер. с англ. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 344 с.

208. Кузнецов И.И. Политические кризисы как вызовы демократии: получится ли снова избежать «ловушки уверенности»? // ПОЛИТЭКС. - 2021. - Том 17. - №1. - С. 103-111.

209. Кузнецов И.И. Политическое сознание российского студенчества: общественная солидарность, доверие, взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2021. - №59. - С. 237-252.

210. Кузнецов И.И. Институциональный подход к исследованию политического лидерства в России // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. - 2011. - Вып. 3. - С. 62-69.

211. Кузнецов И.И. Политические механизмы разделения властей в современной России / под ред. проф. А.А. Вилкова. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. - 340 с.

212. Курбанов А.Р. Оппозиция как субъект политического процесса (на примере России) : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Курбанов Артемий Рустямович. – М., 2009. – 27 с.

213. Кынев А.В. Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 372 с.

214. Кынев А.В. Региональные и местные выборы в России осени 2018 года: электоральные перемены на фоне социальных реформ. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2019. - 554 с.

215. Кынев А.В. Российский выборы – 2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2018. – 514 с.

216. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. - М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.

217. Лазарев М.В. Политическая лояльность как фактор стабильности государства : автореф. дис. … д-ра. полит. наук : 23.00.02 / Лазарев Михаил Васильевич. – М., 2004. – 61 с.

218. Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. - М.: ИНИОН РАН, 2021. - 237 с.

219. Латов Ю. Призрак «революционной ситуации»: протестные действия и протестные настроения современных россиян // Общественные науки и современность. - 2017. - №2. – С. 36-51.

220. Латов Ю.В. Протестные настроения в протестные действия россиян // Социологическая наука и социальная практика. - 2017. - №1. - С. 49-69.

221. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

222. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: «Макет», 1995. – 316 с.

223. Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки. 2000-2005. – М.: Новое издательство, 2006. – 384 с.

224. Левашов В.К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования). - М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 307 с.

225. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. - М.: Аспект Пресс, 1997. – 286 с.

226. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С.И. Остнек. - Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2010. – 300 с.

227. Линц Х. Крушение демократических режимов. Кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. - №39-40. – Вашингтон, 1993. – 221 с.

228. Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти (Приложение к журналу «Век XX и мир»). - 1994 Вып. 2-3. URL: http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem14.htm

229. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет; пер. с англ. Е.Г. Генделя, В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – 612 с.

230. Лобанова О.Ю. От обывателей к активистам – и обратно. Обзор протестных исследований в России 1991-2015 годов // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. - 2015. - № 5 (103). - С. 24-36.

231. Лобанова О.Ю. Протестные движения и «политика оспаривания: концептуальные рамки // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. - 2013. - №4. - С. 163-167.

232. Лункин Р.Н. Прекариат: поведение социального класса во время кризиса // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. - 2021. - №2. – С. 110-116.

233. Лыкошина Л.С. «Польско-польская война». Политическая жизнь современной Польши. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – 258 с.

234. Любарев А.Е. Российская партийная система после реформы 2012 года // Electoral Politics. Международный журнал о выборах. - 2020. - №2. – URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy-2012-goda/.

235. Любин В. Костел и коммунистическое правление в послевоенной Польше // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. - №7. – С. 146-148.

236. Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. – 2015. - №. 3. – С. 9-26.

237. Макеев Д.А. Политическая оппозиция как институт современного российского общества : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Макеев Денис Александрович. – М., 2004. – 24 с.

238. Макиавелли Н. История Флоренции // Государь: Сочинения. - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 656 с.

239. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. Политические исследования. - 2007. - №1. - С. 6-21.

240. Малинова О.Ю. Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993-2020 // Полис. Политические исследования. - 2021. - №3. - С. 17-37.

241. Малугин С.Б. Политическое позиционирование коммунистической оппозиции в России в электоральных циклах 1999-2008 годов : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Малугин Сергей Борисович. – М., 2009. – 25 с.

242. Малышева Г.А., Михайленок О.М. Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2019. - №3. - С. 79-87.

243. Мамонов М.В. Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения. - 2012. - №1. - С. 5-22.

244. Марианне В. Й., Луиза Д. Дискурс-анализ. Теория и метод. - Харьков: Изд.-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.

245. Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 286 с.

246. Маштакова Е.А. Общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов как фактор демократизации правотворчества // Юридическая техника. - 2014. - №8. - С. 271-273.

247. Медушевский А.Н. Конституционные поправки в России 2020 г. как политический проект переустройства государства // Публичная политика. - 2020. - Том 4. - №1. - С. 43-66.

248. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. Политические исследования. - 1998. - №2. - С. 6-38.

249. Меркель В. Теории трансформации. Структура или актор, система или действие? // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. - Т.1. - СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003.

250. Миллер Т.В. Роль латентных структур в процессе принятия политических решений : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Миллер Татьяна Викторовна. - М., 2017. – 170 с.

251. Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Поляризация дискурсивного пространства (на примере хэштега #RUSSIA в социальной сети Twitter // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2019. - №1. – С. 53-62.

252. Митрохина Т.Н. Объяснительные возможности концепта «политический проект» (на материалах сайта Института динамического консерватизма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2015. - №4. - С. 71-90.

253. Михайленко О.М., Щенина О.Е. Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия // Власть. - 2015. - №7. – С. 24-29.

254. Михайленок О.М. Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2019. - №3. - С. 79-87.

255. Михайлова Е.В., Скогорев А.П. Протесты как форма гражданской активности в современной России // Власть. - 2017. - №1. - С. 54-59.

256. Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

257. Мовчан А. Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума. М.: «Альпина Паблиш», 2019. – 598 с.

258. Моргунова А. Протесты в Беларуси в 2020 г.: язык и текст плакатов // Вестник общественного мнения. - 2021. - №1-2. – С. 62-88.

259. Морозова Е. Мирошниченко И., Рябченко Н. Фронтир сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. - №2. – С. 83-97.

260. Москалев А.Е. Оппозиционные молодежные общественные объединения в политическом процессе современной России : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Москалев Александр Евгеньевич. – М., 2011. – 26 с.

261. Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX-XXI веках / пер. с нем. А.И. Лоскутовой. - М.: Кучково поле, 2018. – 384 с.

262. Мусина Л.М. Политическая оппозиция в постсоветской России: этапы и особенности становления : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Мусина Лилия Миннегаямовна. – Уфа, 2005. – 28 с.

263. «Мы не немы!»: Антропология протеста в России 2011-2012 годов / сост. А. Архипова, М. Алексеевский. Тарту, 2014 г. - 336 с.

264. Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. Политические исследования. – 2011. - №5. – С. 99-103.

265. Неклесса А.И. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества // Политические исследования. - 2013. - № 2. - С. 24 – 39.

266. Неклесса А.И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты постмодерна // Политические исследования. - 2021. - № 5. - С. 39 – 55.

267. Нудненко Л.А. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. - 2019. - №9. - С. 52-55.

268. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. - 1998. - № 6. - С. 119-129.

269. Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией/ под редакцией А. Сунгурова. - СПб.: «Алетейя», 2020. – 252 с.

270. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. Пер. с англ. – М.: ФЭИ, 1995. – 174 с.

271. Ортега-и-Гассет Х. Избранные произведения. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – 704 с.

272. Очкина А.В. Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2016. - № 4. – С. 69-75.

273. Паренти М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх в США. - М.: «Поколение», 2006. - 416 с.

274. Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко и др. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 303 с.

275. Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2015. – 204 с.

276. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Дуализм массового сознания и типология массовой политики // Политическая наука. - 2017. - №1. – С. 13-37.

277. Перегудов С.П. Концепция мониторинговой демократии: в поисках альтернативных моделей политического развития // Полис. Политические исследования. - 2012. № - С. 55-67.

278. Петиция Президенту. - URL: https://петиция-президенту.рф (дата обращения: 10.07.2020).

279. Петухов В.В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. - 2016. - №11. - С. 86-96.

280. Петухов В.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. - 2014. - №9. - С. 11-19.

281. Петухов В.В. Кризисная реальность и возможность политической трансформации российского общества // Полис. Политические исследования. - 2016. - №5. – С. 8-24.

282. Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. - 2019. - №5. - С. 119-133

283. Петухов Р.В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. - 2020. - №6. - С. 103-118.

284. Пешков В.П. Политическая оппозиция как социальный институт реформируемого российского общества: эволюция восприятия массовым сознанием : дис. … д-ра социол. наук : 23.00.02 / Пешков Виктор Петрович. - М., 2000. - 368 с.

285. Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. - М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 952 с.

286. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 120 с.

287. Подъячев К.В. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник института социологии РАН. – 2012. - №5. – С. 146-163.

288. Поздняков С.В. Политический протест : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Поздняков Сергей Васильевич. – Ростов-на-Дону, 2002. – 168 с.

289. Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: сб. ст. / под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. - М.: Аспект Пресс, 2019. – 366 с.

290. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография / А.И. Соловьев. - М.: «Аспект Пресс», 2021. - 256 с.

291. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика (ред. Л.Н. Тимофеева). - М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН), Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 427 с.

292. Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. - М.: «КМК», 2010. – 212 с.

293. Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: теории и технологии. Материалы «круглого стола» // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2013. - №3. – С. 117-119.

294. Пономарев К.Н. Политическая оппозиция как атрибут демократии : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Пономарев Кирилл Николаевич. - Казань, 2001. - 137 с.

295. Попова О.В. Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник РУДН. Серия: Политология. - 2019. - Vol. 21. №4. – С. 599-619.

296. Поршнев А.В., Лячина К.Г. Анализ динамики электронных петиций на портале «Российская общественная инициатива» // Государство и граждане в электронной среде. - 2018. - Вып. 2. - С. 118-125.

297. Почему одни страны богатые, а другие бедные / Аджемоглу Д., Робинсон Д. - М.: Издательство АСТ, 2017. - 693 с.

298. Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие: Коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 349 с.

299. Публичная сфера: теория, методология, кейс стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. - М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. - 135 с.

300. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: Монография / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 420 с.

301. Пушкарева Г.В., Кузнецов И.И., Батоврина Е.В. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социологические исследования. - 2021. - №10. - С. 125-131.

302. Пырма Р.В. Концепция гражданского активизима в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. - 2020. - №2. - С. 74-81.

303. Пырма Р.В. Социальные сети и электоральное участие: возможности активации голосования // Гражданин. Выборы. Власть. - 2020. - №3. - С. 9-32.

304. Пятаков А.Н. Чилийские и французские социальные протесты в 2018-2020 гг.: компаративный анализ // Современная Европа. - 2020. - №6. – С. 119-128.

305. Радина Н.К., Крупная Д.А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org) // Полис. Политические исследования. - 2019. - №6. - С. 113-127.

306. Рансимен Д. Ловушка уверенности. История кризиса демократии от Первой мировой войны до наших дней. - М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2019. - 400 с.

307. Рейбрук Д.в Против выборов. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 110 с.

308. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 415 с.

309. Рябов А.В. «Революция потребностей» и новые движения протеста // Неприкосновенный запас. - 2014. - № 1. - С. 102-110.

310. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. - 2019. - №2. - С. 92-106.

311. Сабитов М.Р. Политический протест: теоретические проблемы дефиниции и типология // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. - №9.

312. Сабитов М.Р. Современные детерминанты массовой протестной активности в России : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Сабитов Марат Ринатович. – Саратов, 2013. – 26 с.

313. Савенков Р.В. Электоральный потенциал партийной оппозиции на выборах депутатов Государственной Думы Седьмого созыва в Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. - №1. – С. 95-99.

314. Савенков Р.В. Участие религиозных институтов в политическом процессе и формировании оппозиции (пример Польши и России) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2017. - №3. - С. 77-82.

315. Савенков Р.В. Структурный генезис и эволюционная специфика польского политикума-XXI // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. - №4. – С. 111-118.

316. Савенков Р.В., Щеглова Д.В. Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2018. - Т. 20. - № 4. - С. 555-563.

317. Савенков Р.В. Партийные системы стран Запада и вызовы современного развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. - №2. – С. 120-125.

318. Савенков Р.В. Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (круглый стол) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. - №4. – С. 102-104.

319. Савенков Р.В. Электоральный потенциал оппозиционных кандидатов по итогам выборов в региональные парламенты в Центрально-Черноземном регионе (2010-2018 гг.) // Политическая наука. – 2019. - №2. – С. 74-94.

320. Савенков Р.В. Современные исследования политической оппозиции // Политическая экспертиза (ПолитЭкс). – 2019. – Том 15. - №2. – С. 275-290.

321. Савенков Р.В. Возможности и ограничения протестного действия в Воронежской области (2016-2018 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2019. - №1. – С. 97-101.

322. Савенков Р.В. Левые партии сегодня: потенциал оппозиции в современной Польше // Свободная мысль. – 2019. - №4. – С. 168-181.

323. Савенков Р.В., Сотников А.И. Стратегия и тактика действий региональных и муниципальных властей в период локальных акций общественного протеста (пример Воронежской области 2016-2018 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник (E-journal „Public Administration). – 2019. - №76. – С. 176-196.

324. Савенков Р.В. Электоральный потенциал оппозиционных партий в муниципальной избирательной кампании (на примере города Белгорода) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. - №4. – С. 88-95.

325. Савенков Р.В. Тенденции изменений форм публичного оспаривания граждан в условиях постдемократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. - №1. – С. 134-143.

326. Савенков Р.В. Сотников А.И. Электоральный абсентеизм: протест, поддержка или равнодушие граждан (на примере г. Воронежа) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. №2 (63). - С. 36-42.

327. Савенков Р.В. Политическая система Белгородской области: возможности общественного участия в выработке внутриполитической повестки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2020. - №3. – С. 10-13.

328. Савенков Р.В. «Публичное оспаривание» в современных условиях: понятие, виды и формы // Ценности и смыслы. – 2020. - №2. – С. 36-51.

329. Савенков Р.В. Трансформация политико-правовых возможностей в современной России // Государственное управление. Электронный вестник (E-journal „Public Administration). – 2020. - №79. – С.170-192.

330. Савенков Р.В. Практики публичного оспаривания в Центрально-Черноземном регионе в 2018 г.: темы и модели // Среднерусский вестник. - 2019. - Том 14. - №4. - С. 123-144.

331. Саква Р. Дилеммы развития российской партийной системы // Политическая наука. – 2010. - №4. - С. 167 – 190.

332. Саква Р. Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией // Политическая наука: научн. журн. – М., 2015. - №1. - С. 60-72.

333. Саленко А.В. Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» // Журнал российского права. - 2019. - №8. - С. 48-61.

334. Саликов М.С. и др. Права человека в сети Интернет: Коллективная монография. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2019. – 148 с.

335. Санина А.Г. Лояльность как социально-философская и практическая проблема // Вопросы философии. - 2012. - №10. – С. 20-25.

336. Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной России (федеральный и региональный аспекты) : дис. … д-ра полит. наук : 23.00.02 / Сергеев Сергей Алексеевич. - Казань, 2005. - 390 с.

337. Сергеев С.А. Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий // Социально-гуманитарные знания. - 2004. - № 3. - С. 125-137.

338. Сиденко О.А. Конституционный процесс в условиях демократической трансформации в Польше: конец 1980-х - начало 2000-х гг. : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Сиденко Ольга Анатольевна. - Воронеж, 2005. - 339 с.

339. Скакунов Э.И. Политическая оппозиция в период модернизации в России // Социологические исследования. - 1999. - №8. - С. 13-19.

340. Скиперских А.В. Город как протестная поверхность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2014. - № 6-1. - С. 337-339.

341. Скиперских А.В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. - 2012. - № 2-3. - С. 58-69.

342. Скобелина Н.А. Политические возможности общественных движений: от теории к российской практике // ПОЛИТЭКС. - 2015. - Том 11. - №4. - С. 166-180.

343. Смекалин И. Факторы массовой протестной активности в России: между ценностями и возможностями // Вестник общественного мнения. - 2021. - №1-2. - С. 89-94.

344. Смелзер Н. Социология. – М.: «Феникс», 1998. – 688 с.

345. Смолин О.Н. Повышение пенсионного возраста в России: альтернативы и общественно-политическая борьба // Вопросы политической экономии. - 2019. - №3. – С. 139-156.

346. Сморгунов Л. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. – 2010. - №4. – С. 191 – 211.

347. Сморгунов Л.В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. - 2018. - №5. - С. 88-99.

348. Сморгунов Л.В. Интеллектуал в политике и необходимость политической философии // Политическая наука. - 2009. - №4. - С. 25-42.

349. Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. - 2014. - №4. – С. 21-37.

350. Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А., Быков И.А., Кондратенко К.С., Барышкин А.Г. Публичная коммуникация граждан и органов государственной власти:

формирование суждений на цифровых платформах // Вестник Пермского университета. Политология. - 2021. - Т. 15. - №2. - С. 156-172.

351. Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа: Учебник для студентов вузов. - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 320 с.

352. Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 776 с.

353. Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований: монография / под ред. Л.В. Сморгунова, Е.В. Морозовой, А.И. Кольбы. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. – 260 с.

354. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2001. – 272 с.

355. Соина Е.С. Политическое протестное поведение в современной России : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Соина Елена Сергеевна. – Ставрополь, 2008. – 23 с.

356. Соколов А.В., Матюшенко Д.В., Фролов А.А. Политизированные и неполитизированные городские конфликты: особенности и характер развития (на примере Ярославской области) // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. - 2020. - №2. - С. 49-59.

357. Соколов А.В. Палатников Д. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства // Власть. - 2019. - №6. - С. 97-102.

358. Соколов А.В. Динамика протестной активности в субъектах Российской Федерации // Известия Алтайского государственного университета. - 2013. - №4. - Т.1. - С. 262-267.

359. Соколов А.В. Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. - №2. – С. 45-59.

360. Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. - 2020. - Том 6. - №1. – С. 30-45.

361. Соколов А.В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии : автореф. дис. … д-ра полит. наук : 23.00.02 / Соколов Александр Владимирович. - М., 2018. - 32 с.

362. Соловьев А.И. Власть и политика. Полемические заметки о «проклятых вопросах» политической науки// Полис. Политические исследования. - 2020. - № 6. - С. 135-147.

363. Соловьев А.И. Государство и общество: новые грани исторического конфликта // Южно-Российский журнал социальных наук. - 2018. - Т. 19. - №4. – С. 6-24.

364. Соловьев А.И. Государство как политический институт: проблема теоретической идентификации // Вестник Воронежского университета. Серия: История. Политология. Социология. - 2014. - №4. - С. 124-129.

365. Соловьев А.И. Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. – 2016. - №2. – С. 90-108.

366. Соловьев А.И. Государство как пространство принятия решений // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / под ред. Л.В. Сморгунова. - М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 121-141.

367. Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством, или игра теней на лике власти // Полис. Политические исследования. – 2011. - №5. – С. 70-98.

368. Соловьев А.И. Массовое сознание и государственная политика: точки пересечения и проблемы взаимодействия // Политическая наука. - 2017. - №1. – С. 186-203.

369. Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. – 2019. - №4. - С. 8-25.

370. Соловьев А.И. Политические и культурные основания идентификационных моделей в российском обществе // Политическая наука: Исследование политической культуры: современное состояние: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Ред. и сост. Малинова О.Ю., Глебова И.И. М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 95-113.

371. Соловьев А.И. Принятие и исполнение государственных решений: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Издательство Аспект Пресс, 2019. – 496 с.

372. Соловьев А.И. Фронтирные зоны публичной политики // Политическая наука. - 2021. - №3. - С. 183-204.

373. Социальный протест на современном Востоке / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – 304 с.

374. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. - М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. - 328 с.

375. Сунгуров А.Ю. Общественная и гражданская экспертизы: современные российские дискуссии // Общественные науки и современность. – 2019. - №4. – С. 87-98.

376. Сунгуров А.Ю. Роль и функции экспертов в процессе принятия властных решений // Управленческое консультирование. – 2017. - №6. – С. 8-14.

377. Сунгуров А.Ю. Шамшура К.А. Политическая наука и экспертное знание: развитие в современной России // Политическая наука. - 2020. - №1. - С. 64-86.

378. Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. - 2018. - №4. – С. 130-142.

379. Сунгуров А.Ю. Экспертные семинары как коммуникативные площадки // Полития. – 2018. - №4. - С. 180-194.

380. Сунгуров А.Ю., Аркатов Д.А. Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике // Политическая наука. - 2021. - №3. - С. 54-71.

381. Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Полис. Политические исследования. – 2017. – №3. - С. 144-159.

382. Танова А.Г. Легальная оппозиция в политическом процессе современного российского общества : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Танова Анна Гераклитовна. – СПб., 2003. - 24 с.

383. Татаркова Д.Ю. Формирование политической оппозиции в России (2011-2012 гг.): конфликтный дискурс : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Татаркова Дарья Юрьевна. - М., 2014. – 122 с.

384. Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650-2000 гг. - М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. - 388 с.

385. Тилли Ч. Демократия. – М.: «Институт общественного проектирования», 2007. – 263 с.

386. Тилли Ч. От мобилизации к революции. - М.: ИД «ВШЭ», 2019. - 432 с.

387. Тилли Ч. Режимы и оспаривание // Логос. - 2008. - №6. – С. 93-120.

388. Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсный анализ (теория, история, методология) : автореф. дис. … д-ра полит. наук : 23.00.02 / Тимофеева Лидия Николаевна. - М., 2005. - 58 с.

389. Тимофеева Л.Н. Публичная критика как средство предупреждения насилия в обществе // Политическая наука. – 2020. - №3. – С. 114-146.

390. Тимофеева Л.Н. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности // Конфликтология. - 2012. - №3. - С. 53-72.

391. Толпыгина О.А. Идейно-политические контуры партийного ландшафта современной России. - М.: РАН, ИНИОН, 2014. – 174 с.

392. Толпыгина О.А. Политические партии в «поисках смысла»: специфика идеологического взаимодействия партий с избирателями // Политическая наука. - 2017. №1. – С. 204-221.

393. Толпыгина О.А. Трансформация идеологической функции политических партий в современной России // Политическая наука. - 2015. - №1. – С. 157-171.

394. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. - 2015. - №6. - С. 3-13

395. Тощенко Ж.Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологический исследования. - 2019. - №9. - С. 96-105.

396. Троицкая А.А. Парламентская оппозиция в системе разделения властей: организационные гарантии и доступные инструменты контроля // Сравнительное конституционное обозрение. - 2011. - №1. – С. 67-81.

397. Турен А. Возвращение человека действующего. Очер социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

398. Туронок С. Гражданский контроль и экспертиза //Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. – С. 185-206, 293-308.

399. Тэрроу С. «Стратегия режима – это самый важный фактор, определяющий размах и длительность протестов» // Свободная мысль. – 2011. - №12. - С. 5-16.

400. Узкий коридор / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. - М.: Издательство АСТ, 2021. – 576 с.

401. Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 360 с.

402. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / под ред. Д.С. Мартьянова. - СПб.: ЭлекСис, 2019. - 312 с.

403. Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / Ушкин Сергей Геннадьевич. - Саранск, 2015. – 26 с.

404. Ушкин С.Г. На пути к лучшему обществу, или почему люди становятся активистами? // Мониторинг общественного мнения. – 2016. – №4. – С. 32-46.

405. Филатова О.Г., Мисников Ю.Г., Волковский Д.В., Беген П.Н. Электронное участие как общественно-политический дискурс: опыт изучения дискуссий о повышении пенсионного возраста // Государство и граждане в электронной среде. - 2019. – Вып. 3. – С. 102-115.

406. Фролов А.А., Палагичева А.В., Барский Я.В. Протесты в России: СМИ и реакция властей // PolitBook. - 2018. - №1. - С. 104-114.

407. Фронтир сетевого общества как пространство политического взаимодействия. Монография / М.Т. Гандалоева, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, Н.В. Плотичкина, Н.А. Рябченко, М.В. Терешина, К.В. Ячменник. - Краснодар: Перспективы образования, 2017. – 270 с.

408. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.

409. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть. – М.: Высшая школа экономики, 2021. – 368 с.

410. Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 168 с.

411. Хабермас Х. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С Предисловием к переизданию 1990 года / пер. с нем. В.В. Иванова. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – 344 с.

412. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. – СПб.: «Наука», 2001. – 417 с.

413. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб.: «Наука», 2001. - 380 с.

414. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. - 2006. - №3. - С. 5-13.

415. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

416. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.

417. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX-го века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 368 с.

418. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. - М.: Синбад, 2019. – 512 с.

419. Хархордин О. Республика, или Дело публики. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 161 с.

420. Хелд Д. Модели демократии. Третье издание. - М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2014. – 544 с.

421. Хигли Д. Демократия и элиты // Полития. - 2006. – №2. – С. 22-31.

422. Хигли Д. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. - М., 2011. – С. 11-22.

423. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. - 2008. - №2. – С. 73-94.

424. Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. - М.: Альпина Паблишер, 2019. – 200 с.

425. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. - М.: Интерпракс, 1995. - 296 с.

426. Чернокозова М.О. Социально-психологические особенности опозиционарности в российском обществе : дис. … канд. психол. наук : 19.00.05 / Чернокозова Марина Олеговна. - М., 2003. - 243 с.

427. Чижов Д.В. Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты // Гражданин. Выборы. Власть. - 2016. №2/3. - С. 159-175.

428. Чимирис Е.С. Церковь и модернизация в России: в поиске новых ценностных основ // Полис. Политические исследования. – 2010. - №6. – С. 68-75.

429. Чугров С.В. POST-TRUTH: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. - 2017. - №2. - С. 42-59.

430. Шакирова Э.В. Политическая оппозиция в постсоветской России: динамика конкурентного потенциала: автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Шакирова Эльвира Венеровна. - Уфа, 2013. - 21 с.

431. Шевцова Л.Ф. Мы: жизнь в эпоху безвременья. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 315 с.

432. Шестов Н.И. Рациональное в политическом мифе «лояльности» // Вестник РУДН. Серия: Политология. - 2008. - №2. – С. 72-86.

433. Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2013. – 352 с.

434. Шкель С.Н., Сабитов М.Р. Массовый политический протест в современной России: динамика и специфика развития // Право и политика. – 2012. - №10. – С. 1669-1675.

435. Шкель С.Н., Шакирова Э.В. Политическая оппозиция в гибридном режиме: опыт постсоветской России // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. - №1. – С. 4-21.

436. Шкурихин И.А. Делиберация как норма парламентской коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. - №2. - С. 55-63.

437. Шмитт К. Понятие политического. – СПб: «Наука», 2016. – С. 280-408.

438. Шомова С. А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. - 2019. - №5. - С. 250-269.

439. Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. – М.: «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2016. - 168 с.

440. Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. - М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. – 184 с.

441. Шульман Е. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. - М.: АСТ, 2018. – 270 с.

442. Шульман Е. Суррогаты парламентаризма // Pro et contra. – 2014. – январь-апрель. - С. 124-132.

443. Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России: коллективная монография / под ред. А.В. Чугунова, О.Г. Филатовой. - СПб.: Алетейя, 2020. - 254 с.

444. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Сочинения. - М.: Мысль, 1996. - Т. 1.

445. Явлинский Г.А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. - М.: Московские ведомости, 2015. – 230 с.

446. Яжборовская И.С. Церковь и государство в послевоенной Польше // Полития. – 2002. - №4. – С. 68-80.

447. Яковлева Л.И. Дискурс-анализ как один из срезов социально-философского, культурологического и лингвистического исследования // Философские опыты. Глобализация, коммуникация, идентификация: Сб. науч. тр. - 2011. - Вып. 4. - С. 22-66.

448. Яницкий О.Н. Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России // Общественные науки и современность. - 2012. - №3. - С. 58-68.

449. Яницкий О.Н. Протестное движение 2011-2012 гг.: некоторые итоги: Обустройство России: вызовы и риски // Власть. - 2013. - №2. - С. 14-19.

450. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. – М.: Институт социологии РАН, 1996. – 216 с.

451. Яницкий О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. - М.: Моск. рабочий, 1991. – 272 с.

Литература на английском языке

452. Adela F., Tamrin A., Arifin A. Youth Political Strategy in Political Contestation in 2014 Legislative Election // Politeia: Jurnal Ilmu Politik. 2019. No. 11. pp. 21-29.

453. Ahmed N. and others. Public and private control and contestation of public space amid violent conflict in Karachi. Working Paper. 2015. No. 11. 40 p.

454. Alons G. The advantage of paradigmatic contestation in shaping and selling public policies // Journal of Public Policy. 2020. Vol. 40. Issue 4. pp. 651-671.

455. Anderson Ch., Beramendi P. Left Parties, Poor Voters, and Electoral Participation in Advanced Industrial Societies // Comparative Political Studies. 2012. 45(6). P. 714-746.

456. Armstrong D., Reuter O., Robertson G. Getting the opposition together: protest coordination in authoritarian regimes // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36. Issue 1. pp. 1-19.

457. Bahtiar. S. Clan Masdar in Local Political Contestation (Social-Political Capital Role in Political Marketing) // Journal of Governance and Public Policy. 2019. Vol. 6. No. 3. pp. 252-269.

458. Balasco L., Bauer K. Political contestation within the human security paradigm: the state and indigenous rights in Peru and Chile // Canadian Journal of Development Studies. 2020. Vol. 41. Issue 4. pp. 561-579.

459. Bedford S., Vinatier L. Resisting the Irresistible: "Failed Opposition" in Azerbaijan and Belarus Revisited// Government and Opposition. 2019. Vol. 54. Issue 4. pp. 686-714.

460. Beinin J., Frédéric V. Social Movements, Mobilization, and Contestation in the Middle East and North Africa. - Stanford University Press, 2013. - 352 p.

461. Blondel J. Political Opposition in the Contemporary World // Government and Opposition. Volume 32. Issue 4. October 1997. P. 462-486.

462. Bloom J.M. Political Opportunity Structure, Contentious Social Movements, and State-Based Organizations: The Fight against Solidarity inside the Polish United Workers Party // Social Science History. 2014. Vol. 38. pp. 359–388.

463. Boix C. Democracy and Redistribution. Cambridge University Press, 2003.

464. Brack N., Weinblum S. «Political Opposition»: Towards a Renewed Research Agenda // Interdisciplinary Political Studies. 2011. Vol. 1. №1. pp. 69-79.

465. Bryn R. Reevaluating the Middle-Class Protest Paradigm: A Case-Control Study of Democratic Protest Coalitions in Russia // American Political Science Review. Volume 111. Issue 4. November 2017. pp. 637-652.

466. Burke A. Historical Injustice, Rawlsian Egalitarianism, and Political Contestation // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 2014. Vol. XXVII, No. 1. pp. 73-98.

467. Casper B. A., Scott A. T. Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d'état. // Journal of Politics 2014. №. 76. Issue 2. pp. 548–564.

468. Collingridge D., Reeve C. Science speaks to power. The Role of Experts in Policy Making. New York, StMartin's Press, 1986. 181 p.

469. Conrad R. Constrained Concessions: Beneficent Dictatorial Responses to the Domestic Political Opposition // International Studies Quarterly. - Volume 55. - Issue 4. -December 2011. – pp. 1167-1187.

470. Coppedge M., Alvarez A., Maldonado C. Two Persistent Dimensions of Democracy: Contestation and Inclusiveness // The Journal of Politics. - Vol. 70, No. 3 (Jul., 2008), pp. 632-647.

471. Cultural Contestation. Heritage, Identity and Role of Government. Editors J. Rodenberg, P. Wagenaar. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. - 342 p.

472. Datar A.V. Political Representation In India. Ideas and Contestations, 1908-1951. Bloomsbury Publishing, 2019. 256 p.

473. Democracy, Participation and Contestation: Civil society, governance and the future of liberal democracy / Eds. Emmanuelle Avril, Johann N. Neem - Routledge, 2015. – 301 p.

474. Dilip S. A Unified Field Theory for Contention // International Review of Social History. 2004. Vol. 49. Issue 1. pp. 115-121.

475. Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond. Liberals, Critics, Contestations. Oxford University Press, 2000. 196 p.

476. Dubrow J. K., Slomczynski K. M., Tomescu-Dubrow I. Effects of Democracy and Inequality on Soft Political Protest in Europe: Exploring the European Social Survey Data // International Journal of Sociology. 2008. Vol. 38, №. 3. pp. 36-51.

477. Flock R. Panhandling and the Contestation of Public Space in Guangzhou // China Perspectives. Contested Urban Spaces. 2014. No. 2. pp. 37-44.

478. Frame A., Brachotte G. Tweeting back: Innovative Political Contestation in Viral Posts on Twitter during the 2017 French Presidential Elections // Politics Reinvented. When innovations reshape representative democracy. Routledge, 2020. pp. 153-167.

479. Fuller C., West K. The Possibilities and Limits of Political Contestation in Times of “Urban Austerity” // Urban Studies. 2017. Vol. 54. No. 9. pp. 2087-2106.

480. Gerring J., Palmer M., Teorell J., Zarecki D. Select Demography and Democracy: A Global, District-level Analysis of Electoral Contestation // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. Issue 3. pp. 574-591.

481. Graeme R. The Politics of Protest in Hybrid Regimes. Managing Dissent in Post-Communist Russia, Cambridge University Press, 2011. – 303 p.

482. Greene S. Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia, Stanford University Press, 2014. – 276 p.

483. Griffin J. D., Jonge, C. K. Income Inequality, Citizen Polarization and Political Protest // University of Colorado Boulder. – URL: https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/07d61890-8908-4c40-b7d2-21c36232d29c.pdf (дата обращения – 12.04.2018).

484. Guitar J. Dissent, Discourse, and Democracy. Whisteblowers as Sites of Political Contestation. Lexington Books, 2021. 220 p.

485. Haas P. When does power listen to truth? A constructivist approach to the policy process // Journal of European Public Policy. 2004. No. 11(4). P. 569-592.

486. Harriss J. "Participation" and Contestation in the Governance of Indian Cities// Simons Papers in Security and Development. – 2010. - No. 3. - 23 p.

487. Helms L. Five Ways of Institutionalizing Political Opposition: Lessons from the Advanced Democracies // Government and Opposition. – 2004. - Volume 39. - Issue 1.

488. Helms L. Introduction: The nature of political opposition in contemporary electoral democracies and autocracies // European Political Science. 2021. Vol. 20, Issue 1.

489. Hess S. Sources of Authoritarian Resilience in Regional Protest Waves: The Post-Communist Colour Revolutions and Arab Uprisings // Government and Opposition. 2016. Vol. 51. No. 1. Pp. 1-29.

490. Hilbrandt H. Insurgent participation: consensus and contestation in planning the redevelopment of Berlin-Tempelhof airport // Urban Geography. 2017. – Vol. 38. – Issue 4. – P. 537-556.

491. Hollyer J. R., Rosendorff B. P., Vreeland J. R. Transparency, Protest, and Autocratic Instability // American Political Science Review. 2015. Volume 109. Issue 4. pp. 764-784.

492. Holzhacker R. The power of opposition parliamentary party groups in European scrutiny // The Journal of Legislative Studies. 2005. Vol. 11. Issue 3-4. pp. 428-445.

493. Hooghe L., Marks G. Europe's Crises and Political Contestation // Theory Meets Crisis. Robert Schuman Centre. Drafts of conference. 2016. 31 p.

494. Hörhager E. Political implications of natural disasters: regime consolidation and political contestation // Disaster Management and Human Health Risk. 2015. Vol. 150. pp. 271-281.

495. Inglehart R. Given Up on God. The global Decline of Religion // Foreign Affairs. 2020. No. 5. P. 110-118.

496. Ionescu G. Control and Contestation in Some One-Party States // Government and Opposition. 1966. No 1 Jan. P. 240-250.

497. Jayasuriya K., Rodan G. Beyond Hybrid Regimes: More Participation, Less Contestation in Southeast Asia. // Democratization. – 2007. No. 14(5). P.773-794.

498. Jeffrey C. Elections, Contestation, and Democracy // American Political Science Association. 2013. Vol. 11. No. 3. pp. 711-716.

499. Jose B. Norm Contestation Insights into Non-Conformity with Armed Conflict Norms. Berlin: Springer, 2018.

500. Jouvenel B. The means of Contestation // Government and Opposition. 1966. No. 1 Jan. P. 155-174.

501. Jutersonke O., Kobayashi K., Krause K., Yuan X. Norm Contestation and Normative Transformation in Global Peacebuilding Order(s): The Cases of China, Japan, and Russia // International Studies Quarterly. 2021. https://academic.oup.com/isq/advance-article-abstract/doi/10.1093/isq/sqab060/6330833?redirectedFrom=fulltext

502. Kaardo J., Cantir C. Domestic Role Contestation and Foreign Policy // Oxford Research Encyclopedia of Politics. Oxford University Press, 2017. 20 p.,

503. Karapin R. Contested Frames // Polity. 2019. Vol. 51. No. 4. pp. 629-630., Trenz H.J. The political contestation of Europe: from integration to disintegration // Culture, Practice& Europeanization. 2018. Vol. 3. No. 2. pp. 59-73.

504. Katsaura O. Community Governance in Urban South Africa: Spaces of Political Contestation and Coalition // Urban Forum. 2012. No. 23(3), P. 319-342.

505. Kelly C.L. Party Proliferation and Political Contestation in Africa: Senegal in Comparative Perspective. Palgrave Macmillan, 2020. 268 p.

506. Kirchheirmer O. The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes // Social Research. 1957. Vol. 24. No. 2. pp. 127-156.

507. Kitschelt H. Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // British Journal of Political Research. – 1986. - №16. - pp. 57-85.

508. Kreps S., Kriner D. Model uncertainty, political contestation, and public trust in science: Evidence from the COVID-19 pandemic // Science Advances. 2020. Vol. 6. Issue 43.

509. Landman T. Paradigmatic Contestation and the Persistence of Perennial Dualities // Political Studies Review. 2008. Vol. 6. Issue 2. pp. 178-185.

510. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge University Press, 2010.

511. Levitsky S., Way L. The New Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy, January 2020, Volume 31, No 1, P. 51-65.

512. Levitsky S., Ziblatt D. How democracies die. New York: Crown Publishing, 2018. 320 p.

513. Little A. T. Communication Technology and Protest // The Journal of Politics. 2015. volume 78. № 1. – URL: http://www.protestsurvey.eu/publications/1344588239.pdf (дата обращения – 12.04.2018).

514. Loon A. Political contestation and domestic politics in EU financial regulation // Democratic Citizenship in Flux. Edited by Markus Bayer, Oliver Schwarz and Toralf Stark. Transcript Vergal, 2021. pp. 63-81.

515. Machin M. Rethinking Political Contestation over Climate Change // The Netherlands Scientific Council for Government Policy. 2015. Working Paper 10. 37 p.

516. Maguire D. Opposition movements and opposition parties: Equal partners or dependent relations in the struggle for power and reform? // The politics of social protest. Comparative perspectives on states and social movements, ed. J.C. Jenkins and B. Klandermans. Minnesota,1995. pp. 99–112.

517. Maleki A., Hendriks F. Contestation and Participation: Operationalizing and mapping democratic models for 80 electoral democracies 1990-2009 // Acta Politica. 2015. No 51(2) P. 237-272.

518. Marks G., Steenbergen M. Understanding Political Contestation in the European Union // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. No. 8. pp. 879-892.

519. Massie J. Public Contestation and Policy Resistance: Canada's Oversized Military Commitment to Afghanistan // Foreign Policy Analysis. 2016. Volume 12. Issue 1. pp. 47-65.

520. Mattbeis A. Political Contestation and Discursive Argumentation: Revising Minnesota's School Integration Revenue Statute // Education Policy Analysis Archives. 2016. Vol. 24. No. 107. 26 p.

521. McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2001. 412 p.

522. Media and Political Contestation in the Contemporary Arab World. A Decade of Change / Ed. Jayyusi L., Roald A.S. Palgrave Macmillan US, 2016. 327 p.

523. Mende J. The contestation and construction of global governance authorities: A study from the global business and human rights regime // Global Constitutionalism. 2021. No. 5. pp. 1-23.

524. Meyer D. S. Protest and political opportunities // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. pp. 125-145.

525. Meyer N. Political Contestation in the Shadow of Hierarchy // LEQS Paper. 2012. No. 42. 34 p.

526. Mietzner M. Reinventing Asian Populism: Jokowi's Rise, Democracy, and Political Contestation in Indonesia. East-West Center Policy Studies. East-West Center (EWC), 2015. Vol. 72. 91 p.

527. Morozov E. The brave new world of slacktivism // Foreign Policy. 19.05.2009. URL: http://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/ (дата обращения: 02.12.2020).

528. Moschella M., Pinto L., Diodati N.M. Let's speak more? How the ECB responds to public contestation // Journal of European Public Policy. 2020. Vol. 27. No. 3. pp. 400-418.

529. Niemann H., Schillinger H. Contestation “all the way down”? The grammar of contestation in norm research // Review of International Studies. 2017. Vol. 43. Issue 1. pp. 29-49.

530. Norris P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. Cambridge University Press, 2011. 350 p.

531. Norton P. Making Sense of Opposition // The Journal of Legislative Studies. 2008. Vol. 14. Issue 1-2. pp. 236-250.

532. Özler Ş. İ. Political institutions and protest: a comparative analysis // Representation. Journal of Representative Democracy. 2013. №49. pp. 135-154.

533. Parvin P. Democracy Without Participation: A New Politics for a Disengaged Era // Res Publica. 2018. Vol. 24. pp. 31-52.

534. Pearlman W. Spoiling Inside and Out: Internal Political Contestation and the Middle East Peace Process // International Security. 2008. Vol. 33. No. 3. pp. 79-109.

535. Peterson A. Wahlström M., Wennerhag M. European anti-austerity protests: Beyond “old” and “new” social movements? // Acta Sociologica. 2015. № 58. Issue 4. pp. 293–310.

536. Political Oppositions in Western Democracies, Edited by Robert .A. Dahl, Yale University Press, 1966 – 484 p.

537. Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / editors N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev. Springer, 2019. – 306 p.

538. Putten J.Van. Political Contestation and Political Protest // Il Politico. 1970. Vol. 35, No. 4. pp. 785-798.

539. Qodir. Z. Public sphere contestation: configuration of political Islam in contemporary Indonesia // Indonesian Journal of Islam and Muslim Societies 2011. Vol. 1. No. 1. pp. 123-149.,

540. Rapp K. Law and contestation in international negotiations // Review of International Studies. 2020. Vol. 46. Issue 5. pp. 672-690.

541. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis University of Oxford, 2005. 368 p.

542. Spoon J.J., West K.J. Small versus Statewide Parties: How Subnational Contestation and Decentralisation Influence Presidential Elections in Europe and Latin America // Political Studies Review. 2020. Vol. 18. No.1. pp. 145-159.

543. Steele B. Broadening the Contestation of Norms in International Relations // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 132-138.

544. Steinert-Threlkeld Z. C., Mocanu D., Vespignan A.i, Fowler J. Online social networks and offline protest // Data Science. 2015. №9. URL: https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-015-0056-y (дата обращения – 12.04.2018).

545. Stepan A., Linz J. Democratization Theory and the “Arab Spring” // Journal of Democracy. – April 2013. – Volume 24. – №2. – pp. 15-30.

546. Sternberg G. The Struggle for EU Legitimacy. Public Contestation, 1950-2005. Palgrave Macmillan, 2013. 290 p.

547. Strange M. Political contestation and the emergence of new actors, but who governs? // Global Discourse. 2016. Volume 6. No. 3. pp. 370-373.

548. Takdir M. Contestation and the Roles of Islam in The Public Sphere: A Sociological Analysis of Religious Secularization in Indonesia and the West // Afkaruna: Indonesian Interdisciplinary Journal of Islamic Studies. 2020. Vol. 16. No.2. pp. 154-174.

549. Tarrow S. Power in Movement. Social Movement and Contentious Politics, Third Edition. - Cambridge University Press, 2011. – 330 p.

550. Tarrow S. The People's Two Rhythms: Charles Tilly and the Study of Contentious Politics. A Review Article // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. No. 3. pp. 586-600.

551. Think Tanks and Emerging Power Policy Networks / Ed. James G. McGann. Palgrave Macmillan, 2018. 123 p.

552. Tilly C. Rhetoric, Social History, and Contentious Politics: Reply to Critics // International Review of Social History. 2004. Vol. 49. Issue 1. pp. 132-141.

553. Tilly Ch., Tarrow S. Contentious Politics. Oxford University Press, Second Edition, 2015. 269 p.

554. Trantidis A. Is government contestability an integral part of the definition of democracy? // Politics.- 2016 Volume: 37. – pp. 67-81.

555. Ufen A. Opposition in transition: pre-electoral coalitions and the 2018 electoral breakthrough in Malaysia // Democratization. 2020. Vol. 27. Issue 2. pp.167-184.

556. Van der Brug W., Eijk C., Franklin M. The Economy and the Vote. Economic Conditions and Elections in Fifteen Countries. Cambridge University Press, 2007. 244 p.

557. Van Dusky-Allen J. Winners, losers, and protest behavior in parliamentary systems // The Social Science Journal. 2017. № 54. Issue 2. pp. 30-38.

558. Wiener A. A Reply to My Critics // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 165-184.

559. Wiener A. A Theory of Contestation – A Concise Summary of Its Argument and Concepts // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 109-125

560. Wiener A. A Theory of Contestation. Springer Berlin Heidelberg, 2014. 95 p.

561. Wiener A. Contestation and Constitution of Norms in Global International Relations. Cambridge University Press, 2020. 278 p.

562. Zimmermann L. “Inter-National” Habermas: Contestation and Understanding under Conditions of Diversity // Polity. 2017. Vol. 49. No. 1. pp. 149-157.

563. Zulianello M. Anti-System Parties Revisited: Concept Formation and Guidelines for Empirical Research // Government and Opposition. 2018. Vol. 53. Issue 4. pp. 653-681.

564. Zurn M. A Theory of Global Governance: Authority, legitimacy, and contestation in global governance. Oxford: Oxford University Press, 2018. 336 p.

Литература на польском языке

565. Chawryło K. Sojusz Ołtarza z Tronem. Rosyjski Kościół Prawosławny a władza w Rosji // Prace Ośrodek Studiów Wschodnich. – №54. – grudzień 2015. – 42 p.

566. Foryś G. Ruchy społeczne. Pomiędzy oporem i opozycją // Polityka i Społeczeństwo. – 2016. - №1. ss. 4-55.

567. Hess A. Społeczni uczestnicy medialnego dyskursu politycznego w Polsce. Mediatyzacja i strategie komunikacyjne organizacji pozarządowych. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2013. 340 s.

568. Jasiecki K. Problemy partycypacji społecznej w Polsce i ich wpływ na politykę publiczną // Studia z Polityki Publicznej. 2015. Nr. 3. S. 101-119.

569. Krawczyk T. Stosunki między rządem a opozycją w wybranych państwach Europy. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2005. – 478 s.

570. Kubat M. Teoria opozycji politycznej. Kraków; Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2010. 162 s.

571. Manifest KOD // Komitet Obrony Demokracji. - [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ruchkod.pl/dokumenty-programowe/ (дата обращения: 02.04.2018).

572. Pająk-Patkowska B. Przesłanki aktywności politycznej jednostki i jej konsekwencje // Uwarunkowania i mechanizmy partycypacji politycznej / pod red. M. Rachwała. Poznań Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM, 2017. – S. 9-26.

573. Pastuszko G. Wpływ opozycji parlamentarnej na funkcjonowanie naczelnych organów władzy państwowej-analiza problemu w świetle Konstytucji RP z 1997 roku. – Toruń, Wydawnictwo Adama Marszałek, 2018. – 212 s.

574. Strajk Kobiet czeka w blokach startowych // Wyborcza. 21.10.2019. – URL: https://wyborcza.pl/7,162657,25330416,strajk-kobiet-czeka-w-blokach-startowych-pis-nie-daje-wyboru.html (дата обращения: 20.12.2019).

575. Strajk Kobiet. – URL: http://strajkkobiet.eu (дата обращения: 10.06.2020).

576. Sztompka P. Socjologia. Analiza społeczeństwa. - Kraków: Wydawnictwo Znak, 2012. – 727.

577. Wysoka pensja Kijowskiego w KOD // Rzeczpospolita. 02.02.2018. URL: https://www.rp.pl/Kraj/170109626-Wysoka-pensja-Kijowskiego-w-KOD.html (дата обращения: 05.03.2020).

Источники из Интернет

578. В. Путин ужесточил наказание за беспорядки на митингах // Российская газета. - 22.07.2014. – URL: http://www.rg.ru/2014/07/22/mitingi-anons.html, 29.09.2015. (дата обращения: 12.03.2016).

579. Валдай. Международный дискуссионный клуб. - URL: https://ru.valdaiclub.com/about/valdai/ (дата обращения: 20.06.2020).

580. Ваш контроль. – URL: https://vashkontrol.ru (дата обращения: 23.08.2020).

581. В КПРФ объяснили отказ поддержать поправки в Конституцию// РБК. 11.03.2021. - URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e68b8f89a7947f1fb93b55e (дата обращения: 08.05.2021).

582. Все фракции поддержали изменения в Конституцию // Государственная Дума ФС РФ. Официальный сайт 23.01.2020. - URL: http://duma.gov.ru/news/47610/ (дата обращения: 08.05.2021).

583. Встреча В. Путина с членами рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 16.01.2020. - URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62592 (дата обращения: 20.12.2021).

584. Встреча В. Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 13.02.2020. - URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62776 (дата обращения: 20.12.2021).

585. Встреча В. Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 26.02.2020. - URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62862 (дата обращения: 20.12.2021).

586. Встреча В. Путина с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. 03.07.2020 - URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63599 (дата обращения: 20.12.2021).

587. Встреча В. Путина с руководителями фракций Государственной Думы // Официальный сайт Президента РФ. 06.03.2020. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62949 (дата обращения: 08.05.2021).

588. Г.А. Зюганов: Почему мы против поправок в Конституцию // Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. 06.06.2020. - URL: https://kprf.ru/party-live/cknews/195076.html (дата обращения: 08.05.2021).

589. «Яблоко-Общественный конституционный совет. - URL: https://const.yabloko.ru (дата обращения: 09.09.2021).

590. «Главная цель – отобрать голоса у нас». Интервью с Г.А. Зюгановым // Коммерсант. 15.06.2021. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/4856773 (режим доступа: 10.09.2021).

591. Десять шагов к власти народа. Предвыборная программа КПРФ // Официальный сайт КПРФ-2021. https://kprf.ru/party-live/cknews/203630.html

592. Дмитриев М. и др. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // Фонд «Либеральная миссия». - 26.12.2018. – URL: http://www.liberal.ru/articles/7298 (дата обращения: 11.01.2019).

593. Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В. Признаки изменений общественного сознания и их возможные последствия // Комитет гражданских инициатив. - 11.10.2018. – URL: https://komitetgi.ru/news/news/3902/ (дата обращения: 11.01.2019).

594. Женщин не слышат // Российская газета. 27.10.2021. - URL: https://rg.ru/2020/10/27/protesty-protiv-zapreta-abortov-paralizovali-zhizn-v-polshe.html (дата обращения: 12.05.2021).

595. «Идеальных партий не бывает». Интервью с Д.А Медведевым // Коммерсант. 01.06.2021. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/4837620 (дата обращения: 15.08.2021).

596. Изборский клуб. – URL: https://izborsk-club.ru/about (дата обращения: 20.06.2020).

597. Институт современного развития. – URL: http://insor-russia.ru/about_us/ (дата обращения: 20.06.2020).

598. Как протестуют россияне. Результаты мониторинга протестной активности в первом квартале 2019 г. // Центр социально-трудовых прав. - М., 2019. - URL: http://trudprava.ru/news/protestnews/2139 (дата обращения: 01.07.2019).

599. Карин Клеман. «Желтые жилеты», «ватники»»: солидарность, политическое воображение и социальная критика // Новая газета. 29.11.2019. – URL: https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/29/82929-etot-mir-perevernut-s-nog-na-golovu-i-my-hoteli-by-vernut-ego-obratno?print=true (дата обращения: 12.02.2020).

600. Комитет гражданских инициатив. – URL: https://komitetgi.ru/about/ (дата обращения: 20.06.2020).

601. «ЛДПР – девственница на политическом поле». Интервью с В.В. Жириновским // Коммерсант. 17.05.2021. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/4815457 (дата обращения: 10.09.2021).

602. Медведев Д.А. Россия, вперед! // Официальный сайт Президента России. 10.09.2009. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413 (дата обращения: 12.02.2021).

603. Навальный 20!8. URL: https://2018.navalny.com (дата обращения: 25.12.2018).

604. Народная программа «Единая Россия». - URL: https://np.er.ru (дата обращения: 15.08.2021).

605. Обращение партии пенсионеров. 2021 // Официальный сайт партии РППСС. - URL: https://pensioner.party/obrashhenie-partii-pensionerov.html

606.

607. Общественные волнения в регионах России и пути их урегулирования (2016 - первая половина 2017 годов) // Фонд «Петербургская политика». – 109 с. – URL: https://fpp.spb.ru/fpp-russian-public-unrest-2016-2017 (дата обращения: 20.12.2019).

608. Основные положения программы Политической партии «НОВЫЕ ЛЮДИ». 2021 // Российская газета. - URL: https://rg.ru/2020/06/26/partiya-dok.html

609. Официальный сайт партии «Справедливая Россия-Патриоты-За Правду» // https://spravedlivo.ru/proposal (дата обращения: 15.08.2021).

610. Официальный сайт Президента Российской Федерации - URL: http://www.kremlin.ru

611. Полный текст выступления Г.А. Зюганова на пленарном заседании Государственной Думы 21.01.2005 г. // Официальный сайт КПРФ. 25.01.2005. - URL: https://kprf.ru/news/interviews/30318.html (дата обращения: 20.08.2020).

612. Предвыборная программа ЛДПР-2021. // Официальный сайт ЛДПР. - URL: https://ldpr.ru/party

613. Предвыборная программа Социалистической политической партии «Справедливая Россия-Патриоты-За Правду» - 2021 // Официальный сайт партии СРПЗП. - URL: https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269a.pdf

614. Председатель «РОДИНЫ»… // Официальный сайт партии «Родина». - URL: https://rodina.ru/novosti/Aleksej-ZHuravlev-predstavil-na-VIICezde-partii-osnovnye-tezisy-predvybornoj-programmy-RODINY

615. Президентский Фонд культурных инициатив. - URL: https://фондкультурныхинициатив.рф/public/news/news-list

616. Программа Российской объединённой демократической партии «Яблоко». 2021 // Официальный сайт РОДП «Яблоко». - URL: https://www.yabloko.ru/program2021

617. Прохоров В. Новые технологии на службе политических партий // Актуальные комментарии. 06.04.2020. – URL: https://actualcomment.ru/novye-tekhnologii-na-sluzhbe-politicheskikh-partiy-2004061338.html (дата обращения: 10.06.2020).

618. Развитие институтов и накопление качества. Российская политическая система между федеральными выборами 2011 и 2016 года. - ReThinkingRussia, 2016. - 18 с. – URL: https://rethinkingrussia.ru/wp-content/uploads/2015/12/Развитие-институтов_RR.pdf

619. Российская ассоциация политической науки. - URL: https://www.rapn.ru

620. Российская общественная инициатива. – URL: https://www.roi.ru (дата обращения: 02.05.2020).

621. Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/about/ (дата обращения: 20.06.2020).

622. Российское общество политологов. - URL: http://ruspolitology.ru (дата обращения).

623. Россия XXI века: образ желаемого завтра. - М.: Экон-Информ, 2010.

624. Румянцев О.Г. Конституционная реформа-2020 и дух Конституции // Фонд конституционных реформ. - URL: http://www.rfcr.ru/news/216/ (дата обращения: 22.12.2021).

625. Серавин А., Соколова Е. Современные технологии в электоральных процессах. М.: ЭИСИ, 2019. - URL: http://eisr.ru/projects-and-researches/sovremennye-tekhnologii-v-elektoralnykh-protsessakh/ (дата обращения: 20.02.2020).

626. Сергей Миронов: вакцинацию от ковид нельзя превращать в «обязаловку» и кампанейщину // Официальный сайт партии СРПЗП // 10.02.2021. - URL: https://spravedlivo.ru/11006310 (дата обращения: 10.09.2021).

627. Умное голосование. - URL: https://2019.vote (дата обращения: 25.12.2018).

628. Участие политических партий в выборах между едиными днями голосования 2017 и 2018 гг. Аналитический доклад // Движение в защиту прав избирателей Голос: за честные выборы. – URL: https://www.golosinfo.org/ru/articles/142986 (дата обращения - 16.10.2018).

629. Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований» // Официальный сайт. - URL: http://www.isepr.ru (дата обращения: 30.08.2021).

630. Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. - URL: https://gorchakovfund.ru

631. Фонд Президентских грантов. - URL: https://президентскиегранты.рф

632. Фонд Развития гражданского общества // Официальный сайт. - URL: http://civilfund.ru (дата обращения: 30.08.2021).

633. Центр стратегических разработок. – URL: https://www.csr.ru/ru/about.php (дата обращения: 20.06.2020).

634. Центр стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/ru/about.php (дата обращения: 20.06.2020).

635. Общественная палата Российской Федерации. Официальный сайт – URL: https://www.oprf.ru (дата обращения: 19.08.2020).

636. Экспертный институт социальных исследований // Официальный сайт. - URL: https://eisr.ru (дата обращения: 30.08.2021).

637. «Эпоха свободы в России закончилась». Интервью с Ю. Пивоваровым // Русская планета. 19.10.2014. - URL: http://rusplt.ru/policy/epoha-svobodyi-v-rossii-zakonchilas-13690.html (дата обращения: 22.10.2014).

638. Явлинский, Г.А. Без путинизма и популизма. О смыслах текущей политики // Сайт Г. Явлинского. 06.02.2021. - URL: https://www.yavlinsky.ru/article/bez-putinizma-i-populizma/ (дата обращения: 10.09.2021).

639. «Я думаю, что мы ещё и «Единую Россию» потолкаем». Интервью с С.М. Мироновым. // Коммерсант. 29.04.2021. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/4793611 (режим доступа: 10.09.2021).